

ISSN 1994-5655

2 (68) • 2024

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

www.izvestia.komisc.ru

Серия
«Историческая демография»

Научный журнал
Основан в 2010 г.
Выходит девять раз в год

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр УрО РАН»

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 2 (68)

Серия «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ»

2024

Главный редактор – акад. РАН А. М. Асхабов
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН С. В. Дёгтева
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН В. Н. Лаженцев
Ответственный секретарь – к.и.н. Д. В. Милохин

Редакционный совет:

акад. РАН В. В. Алексеев, акад. РАН А. А. Барях, акад. РАН В. И. Бердышев, д.м.н. Е. Р. Бойко, чл.-корр. РАН И. Н. Болотов, акад. РАН В. Н. Большаков, Ph.D. (Econ.) К. Борисова-Маринова (Болгария), д.ф.-м.н. Т. М. Бречко (Польша), к.г.-м.н. И. Н. Бурцев, акад. РАН А. Д. Гвишиани, д.ф.-м.н. Н. А. Громов, д.и.н. И. Л. Жеребцов, д.б.н. В. Г. Зайнуллин, чл.-корр. РАН В. А. Ильин, акад. РАН С. В. Кривовичев, И. В. Курляк, акад. РАН А. В. Кучин, чл.-корр. РАН Ю. Б. Марин, акад. РАН В. П. Матвеев, д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), акад. РАН Г. А. Месяц, чл.-корр. РАН А. А. Москалев, д.э.н. Л. А. Попова, чл.-корр. РАН В. Н. Пучков, д.г.-м.н. А. М. Пыстин, чл.-корр. РАН И. М. Рощевская, акад. РАН М. П. Рощевский, д.х.н. С. А. Рубцова, д.и.н. Э. А. Савельева, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан), чл.-корр. РАН А. Ф. Титов, д.б.н. С. Н. Харин, к.б.н. И. Ф. Чадин, акад. РАН В. Н. Чарушин, д.т.н. Ю. Я. Чукреев, д.б.н. Е. В. Шамрикова, акад. РАН В. С. Шацкий, д.э.н. А. Г. Шеломенцев, к.э.н. А. А. Юдин

Редакционная коллегия серии «Историческая демография»:

д.и.н. И. Л. Жеребцов (ответственный редактор), д.и.н. В. Б. Жиромская (зам. ответственного редактора), к.и.н. Н. М. Игнатова (зам. ответственного редактора), к.и.н. Д. В. Вишнякова (ответственный секретарь), д.и.н. Ю. В. Аргудяева, д.и.н. Е. Т. Артемов, д.и.н. А. М. Белавин, к.и.н. И. О. Васкул, д.и.н. А. Е. Загребин, д.и.н. О. П. Илюха, д.и.н. В. А. Исупов, д.и.н. М. Е. Колесникова, д.и.н. Г. Е. Корнилов, д.и.н. Е. Ф. Кринко, д.и.н. Г. А. Куршева, д-р наук С. Лаллукка (Финляндия), д-р филос. А. Леэте (Эстония), д-р филос. Д. Лозовану (Молдова), д.и.н. М. А. Мацук, д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), к.филол.н. А. Г. Мусанов, д-р филос. З. Надь (Венгрия), д.и.н. П. Ю. Павлов, д.и.н. И. В. Побережников, д.и.н. С. А. Прокопенко, д.и.н. И. А. Разумова, д.и.н. А. В. Репневский, акад. РАН В. Н. Руденко, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан), д.геогр.н. В. И. Силин, д.и.н. А. В. Сперанский, д.и.н. А. Ф. Старцев, к.и.н. М. В. Таскаев, д.э.н. В. В. Фаузер, д.и.н. М. С. Черкасова, д.и.н. Ю. П. Шабает, д-р филос. М. Шмигель (Словакия)

Адрес редакции:

167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, д. 24
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, каб. 317, 318.
Тел. (8212) 24-47-79
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

ISSN 1994-5655

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия.

Свид. о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС 77-26969 от 11 января 2007 г.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» 52047

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр УрО РАН», 2024

Science Journal
Founded in 2010
Published 9 times a year

Established by
Federal State Budgetary
Institution of Science
Federal Research Centre
«Komi Science Centre, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences»

PROCEEDINGS

OF THE KOMI SCIENCE CENTRE
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 2 (68)

«HISTORICAL DEMOGRAPHY» series

2024

Editor-in-chief – RAS acad. A.M. Askhabov

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member S.V. Degteva

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member V.N. Lazhentsev

Executive Secretary – Cand. Sci. (Hist.) D.V. Mitokhin

Editorial Council:

RAS acad. V.V. Alekseev, RAS acad. A.A. Baryakh, RAS acad. V.I. Berdyshev, Dr. Sci. (Med.) E.R. Bojko,
RAS corresp. member I.N. Bolotov, RAS acad. V.N. Bolshakov, PhD. (Econ.) K. Borisova-Marinova (Bulgaria),
Dr. Sci. (Phys.- Math.) T.M. Brechko (Poland), Cand. Sci. (Geol.-Mineral.) I.N. Burtsev, RAS acad. A.D. Gvishiani,
Dr. Sci. (Phys.-Math.) N.A. Gromov, Dr. Sci. (Hist.) I.L. Zherebtsov, Dr. Sci. (Biol.) V.G. Zainullin,
RAS corresp. member V.A. Ilyin, RAS acad. S.V. Krivovichev, I.V. Kurlyak, RAS acad. A.V. Kuchin,
RAS corresp. member Yu.B. Marin, RAS acad. V.P. Matveenko, Dr. Sci. (Hist.) V.I. Men'kovsky (Belarus),
RAS acad. G.A. Mesyats, RAS corresp. member A.A. Moskalev, Dr. Sci. (Econ.) L.A. Popova,
RAS corresp. member V.N. Puchkov, Dr. Sci. (Geol.-Mineral.) A.M. Pystin,
RAS corresp. member I.M. Roshchevskaya, RAS acad. M.P. Roshchevsky, Dr. Sci. (Chem.) S.A. Rubtsova,
Dr. Sci. (Hist.) E.A. Savelyeva, Dr. Sci. (Hist.) T.S. Sadykov (Kazakhstan), RAS corresp. member A.F. Titov,
Dr. Sci. (Biol.) S.N. Kharin, Cand. Sci. (Biol.) I.F. Chadin, RAS acad. V.N. Charushin,
Dr. Sci. (Tech.) Yu.Ya. Chukreev, Dr. Sci. (Biol.) E.V. Shamrikova, RAS acad. V.S. Shatsky,
Dr. Sci. (Econ.) A.G. Shelomentsev, Cand. Sci. (Econ.) A.A. Yudin

Editorial Board of the series «Historical Demography»:

Dr. Sci. (Hist.) I.L. Zherebtsov (executive editor), Dr. Sci. (Hist.) V.B. Zhiromskaya (deputy executive editor),
Cand. Sci. (Hist.) N.M. Ignatova (deputy executive editor), Cand. Sci. (Hist.) D.V. Vishnyakova (executive secretary),
Dr. Sci. (Hist.) Yu.V. Argudyaeva, Dr. Sci. (Hist.) E.T. Artemov, Dr. Sci. (Hist.) A.M. Belavin, Cand. Sci. (Hist.) I.O. Vaskul,
Dr. Sci. (Hist.) A.E. Zagrebin, Dr. Sci. (Hist.) O.P. Ilyukha, Dr. Sci. (Hist.) V.A. Isupov, Dr. Sci. (Hist.) M.E. Kolesnikova,
Dr. Sci. (Hist.) G.E. Kornilov, Dr. Sci. (Hist.) E.F. Krinko, Dr. Sci. (Hist.) G.A. Kursheva, Dr. Sci. S. Lallukka (Finland),
PhD D. Lozovanu (Moldova), PhD A. Leete (Estonia), Dr. Sci. (Hist.) M.A. Matsuk, Dr. Sci. (Hist.) V.I. Men'kovsky (Belarus),
Cand. Sci. (Philol.) A.G. Musanov, PhD Z. Nad' (Hungary), Dr. Sci. (Hist.) P.Yu. Pavlov, Dr. Sci. (Hist.) I.V. Poberezhnikov,
Dr. Sci. (Hist.) S.A. Prokopenko, Dr. Sci. (Hist.) I.A. Razumova, Dr. Sci. (Hist.) A.V. Repnevsky, RAS acad. V.N. Rudenko,
Dr. Sci. (Hist.) T.S. Sadykov (Kazakhstan), Dr. Sci. (Hist.) A.V. Speransky, Dr. Sci. (Geogr.) V.I. Silin,
Dr. Sci. (Hist.) A.F. Startsev, Cand. Sci. (Hist.) M.V. Taskaev, Dr. Sci. (Econ.) V.V. Fauzer,
Dr. Sci. (Hist.) M.S. Cherkasova, Dr. Sci. (Hist.) Yu.P. Shabaev, PhD M. Shmigel (Slovakia)

Editorial Office:

Office 317, 318 Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
24, Kommunisticheskaya st., GSP-2,
Syktyvkar 167982, Komi Republic
Tel. +7 8212 244779
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

The "Russian Post" catalogue subscription index 52047

*The journal is included in the list of peer-reviewed scientific
publications of the Higher Attestation Commission
of the Russian Federation*

© Federal State Budgetary Institution
of Science Federal Research Centre
"Komi Science Centre, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences", 2024

ISSN 1994-5655

Registered by the Russian Federal Surveillance Service
for Compliance with the Law in Mass Communications
and Cultural Heritage Protection.

The certificate of mass media registration -
ПН № ФС 77-26969 dated January 11, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

М. А. Мацук

Государственные крестьяне Вымских волостей Яренского уезда в начале XVIII века:
демографическая характеристика 5

П. П. Котов

Удельные поселения и крестьяне Сольвычегодского уезда Вологодской губернии
в конце XVIII–середине XIX века 9

В. И. Силин

Статистические сведения о некоторых городах Севера в Российских географических словарях
конца XVIII–XIX века 18

И. В. Лиджиева, Ю. С. Шургучиева

К проблеме о корреляции численности населения и климатических условий
в кочевых обществах Юга России 25

О. А. Куратов

Социально-психологические факторы миграции крестьян на территории Коми края
во второй половине XIX–начале XX века 30

Д. В. Вишнякова

Младенческая смертность на европейском севере России в конце XIX–начале XX века 34

Д. А. Коновалов

Украинский вопрос в контексте национальной политики Австрии
в годы Первой мировой войны (1914–1916) 40

С. А. Кропачев

Административно-территориальная и этническая карта России в 1920-е годы 48

Н. М. Игнатова

Альбом 1931 года «Районное планирование Великоустюгского, Котласского и Лальского районов Северного
края (Котласского агропромлесокомбината)»: новые источники по истории Европейского Севера 55

Л. В. Алексеева

Эвакуированное население в Ханты-Мансийском округе в годы Великой Отечественной войны 63

У. В. Лыткина

Брачность и разводимость населения Республики Коми в 1920–1980-е годы 70

В. В. Фаузер

Смертность населения Республики Коми: исторический подход 80

А. П. Обедков

Исследование захоронений некрополя как источник этнодемографической информации
(на примере Центрального кладбища города Сыктывкара) 89

С. Я. Суций

Русское население Абхазии: геодемографические процессы постсоветского периода 99

В. П. Кривоногов

Саамы: современные этнические процессы 108

И. Л. Жеребцов

А. М. Мартюшёв – политик, краевед, исследователь исторической демографии Коми
(к 150-летию со дня рождения) 116

Рецензии

О. В. Золотарёв

Колегов Б. Р. Коми край в конце XVIII века. Экономические примечания к генеральному межеванию
по Усть-Сысольскому уезду. Серия «Новые источники по истории Европейского Севера России» 131

CONTENTS

M. A. Matsuk

State peasants of the Vym volosts of the Yarensk Uyezd at the beginning of the XVIII century:
demographic characteristics5

P. P. Kotov

The Tsar family's settlements and peasants of the Solvychevodsk Uyezd of the Vologda province
at the end of the XVIII-mid-XIX centuries.....9

V. I. Silin

Statistical information about some towns of the North in Russian geographical dictionaries
of the late XVII-XIX centuries18

I. V. Lidzhieva, Yu. S. Shurguchieva

On the problem of correlation between population and climatic conditions in nomadic societies
of the South of Russia25

O. A. Kuratov

Socio-psychological factors of peasant migration in the Komi region in the second half
of the XIX-early XX centuries30

D. V. Vishnyakova

Infant mortality in the European North of Russia in the late XIX-early XX centuries.....34

D. A. Konovalov

The Ukrainian question in the context of Austrian national policy during the First World War (1914-1916).....40

S. A. Kropachev

Administrative-territorial and ethnic map of Russia in the 1920s48

N. M. Ignatova

Album of 1931 "District planning of the Veliky Ustyug, Kotlas and Lalsk regions of the Northern Territory
(Kotlas Agro-Industrial and Forestry Plant)": new sources on the history of the European North55

L. V. Alekseeva

Evacuated population in the Khanty-Mansiysk District during the Great Patriotic War63

U. V. Lytkina

Marriage and divorce rates of the population of the Komi Republic in the 1920s-1980s.....70

V. V. Fauzer

Mortality of the population of the Komi Republic: a historical approach.....80

A. P. Obedkov

Research of necropolis burials as a source of ethnodemographic information
(case study of the central city cemetery of Syktyvkar)89

S. Ya. Sushchy

Russian population of Abkhazia: geodemographic processes of the post-Soviet period.....99

V. P. Krivonogov

The Saami: modern ethnic processes108

I. L. Zherebtsov

A. M. Martyshev - politician, local historian, researcher of the historical demography of Komi
(on the 150th birth anniversary).....116

Reviews

O. V. Zolotarev

Kolegov B. R. Komi region at the end of the XVIII century. Economic notes to the general survey
for the Ust-Sysolsk Uyezd. Series "New sources on the history of the European North of Russia"131

Государственные крестьяне Вымских волостей Яренского уезда в начале XVIII века: демографическая характеристика

М. А. Мацук

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
michailmatsuk@rambler.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает важнейшие демографические вопросы жизни государственных крестьян начала XVIII столетия одного из районов Коми края – Вымских волостей Яренского уезда: дворность населенных пунктов, половой и возрастной составы, семейное положение и детность населения. Анализ указанных проблем проведен по переписной книге Яренского уезда 1710 г.

Ключевые слова:

Коми край, Вымские волости Яренского уезда, государственные крестьяне, демография, переписная книга Яренского уезда 1710 г.

Демографические характеристики населения конкретного региона являются одними из самых главных для понимания реальной жизни этих людей. В данной статье мы рассмотрим основные демографические вопросы жизни государственных крестьян начала XVIII столетия одного из районов Коми края – Вымских волостей Яренского уезда: дворность населенных пунктов, половой и возрастной составы, семейное положение и детность населения. Анализ указанных проблем проведен по переписной книге Яренского уезда 1710 г. Этот документ был опубликован в 2015 г. [1].

Вымская земля (Вымские волости) Яренского уезда исторически состояли из пяти волостей: погостов Ляли, Турья, Онежье и Весляной (Весляна) и Княжпогостской трети.

Погост (волость) Ляли включал в себя: непосредственно погост, на котором стояли дворы церковных причетников и государственных крестьян, соляной трубный завод гостей Василия и Алексея Филатьевых, Сереговское усолье гостя Ивана Панкратьева и деревню Удор, принадлежавшую Соловецкому монастырю, где проживали руководители и рабочие солеваренных предприятий; а также деревни: Ванвиздин, Ероздин, Иб, Серегова гора, Кошки и Половники, заселенные государственными крестьянами [там же, с. 137–144].

Княжпогостская треть (волость) состояла из погоста Княж и деревень Раковицы, Кыркочь, Шошки и Отла. На погосте находились дворы церковных причетников (пять

State peasants of the Vym volosts of the Yarensk Uyezd at the beginning of the XVIII century: demographic characteristics

M. A. Matsuk

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
michailmatsuk@rambler.ru

Abstract

The paper considers the most important demographic issues in the life of state peasants at the beginning of the XVIII century in one of the regions of the Komi territory – the Vym volosts of the Yarensk Uyezd: number of households, gender and age composition, marital status and number of children in the population. The analysis of these problems was carried out using the census book of the Yarensk Uyezd of 1710.

Keywords:

Komi region, Vym volosts of the Yarensk Uyezd, state peasants, demography, census book of the Yarensk Uyezd of 1710

дворов) и государственных крестьян (10 жилых и девять пустых дворов). В деревнях проживали государственные крестьяне [там же, с. 144–147].

Погост (волость) Турья включал в себя сам погост, на котором находились дворы церковных причетников и государственных крестьян, а также две деревни: Кони и Вашорт, населенные государственными крестьянами [там же, с. 148–150].

Наконец, погосты (волости) Онежье и Весляной каждый состоял из одного погоста, на котором были дворы церковных причетников и государственных крестьян [там же, с. 150–152].

Переходим к показу численности государственных крестьян в указанных волостях и населенных пунктах. Прежде всего рассмотрим вопрос о количестве жилых и пустых крестьянских дворов.

Ляльская волость: 1. Погост Ляли. В нем было 13 жилых крестьянских дворов. 2. Деревня Ванвиздин. В ней переписчики зарегистрировали четыре жилых крестьянских двора. 3. Деревня Ероздин. В ней отмечено наличие четырех жилых и двух пустых крестьянских дворов. 4. Деревня Иб. В ней было 14 жилых и четыре пустых дворов государственных крестьян. 5. Деревня Серегова гора. В ней зафиксировано 13 крестьянских жилых дворов. 6. Деревня Кошки. Там было 12 жилых крестьянских дворов. 7. Деревня Половники. В ней отметили переписчики 15 жилых крестьянских дворов.

Итак, в Ляльской волости было зафиксировано наличие 75 жилых и шести пустых крестьянских дворов.

Княжпогостская волость: 1. Погост Княж. Там отметили наличие 10 жилых и девяти пустых крестьянских дворов. 2. Деревня Раковицы – 20 жилых и три пустых крестьянских дворов. 3. Деревня Кыркочь – пять жилых и четыре пустых крестьянских дворов. 4. Деревня Шошки – 13 жилых и шесть пустых крестьянских дворов. 5. Деревня Отла. Там отмечено наличие по восемь жилых и пустых крестьянских дворов.

Итак, в Княжпогостской волости было 56 жилых и 30 пустых крестьянских дворов.

Турьинская волость: 1. Погост Турья. Переписчики зафиксировали там 30 жилых крестьянских дворов. 2. Деревня Кони – 11 жилых дворов государственных крестьян. 3. Деревня Вашорт. Там отмечено наличие трех жилых крестьянских дворов.

Всего в Турьинской волости было 44 жилых крестьянских двора. Кроме того, в этой волости переписчики отметили 14 пустых крестьянских дворов, не расписав, в каких населенных пунктах эти дворы находятся.

В погосте Онежье было 13 жилых и четыре пустых крестьянских дворов.

Наконец, в погосте Весляной переписчиками зафиксировано в 1710 г. восемь крестьянских жилых дворов. Пустые дворы не указаны.

Сведем полученные поволостные данные о дворности крестьян в табл. 1.

Теперь сравним полученные данные с показателями, зафиксированными переписчиками во время предыдущей переписи в 1678 г. В соответствии с реалиями административного деления, в 1710 г. нами составлена схожая с предыдущей табл. 2.

Как видно из имеющихся данных, жилых дворов через 32 года осталось примерно столько же, сколько их было в конце XVII столетия. На наш взгляд, это свидетельствует об определенной стабильности крестьянского населения Вымских волостей.

Представляет интерес вопрос о населенности жилых дворов. Эти сведения для лучшей наглядности собраны в табл. 3.

Итак, в Вымских волостях в 1710 г. преобладали малонаселенные дворы государственных крестьян. Более 70 % жилых дворов имели наличное население от 2 до 4 чел. на двор. В то же время дворы с достаточно большим числом жителей (от 7 чел. на двор и выше) в сумме составляли всего 6,12 %.

Выше было сказано о том, что переписчики в 1710 г. зафиксировали наличие 54 пустых дворов. Выясним причины запустения этих крестьянских дворов.

В Ляльской волости во время переписи 1710 г. было зафиксировано шесть пустых дворов государственных крестьян. В деревне Иб находи-

лось четыре пустых двора, два двора по фамильному составу жителей относились к деревне Ероздин. «По скаске той трети земского целовальника Федора Поповцова, которые вышеписанные пустые дворы, и тех дворов люди померли з женами и з детьми, иные перешли в новые дворы» [там же, с. 114]. Действительно, четыре двора запустели из-за смерти их жителей. Двор Стахия Романова сына Арихина запустел из-за того, что крестьянин перешел в другой двор, забросив первый. Наконец, двор Никифора Болотова опустел из-за того, что Никифор ушел из Ляльской волости и переселился в Сысольскую волость.

Таблица 1

Дворность государственных крестьян Вымских волостей Яренского уезда в 1710 году

Table 1

Number of households in state peasants of the Vym volosts of the Yarensk Uyezd in 1710

Название волости	Дворы		Всего крестьянских дворов
	жилые	пустые	
Ляльская	75	6	81
Княжпогостская	56	30	86
Турьинская	44	14	58
Онежская	13	4	17
Веслянская	8	0	8
Итого	196	54	250

Таблица 2

Дворность государственных (черносошных) крестьян Вымских волостей Яренского уезда в 1678 году

Table 2

Number of households in state peasantry of the Vym volosts of the Yarensk Uyezd in 1678

Название волости	Дворы		Всего крестьянских дворов
	жилые	пустые	
Ляльская	96	34	130
Княжпогостская	43	39	82
Турьинская	46	25	71
Онежская	13	3	16
Веслянская	9	0	9
Итого	207	101	308

Источник: [2].

Sources: [2].

Таблица 3

Населенность жилых дворов государственных крестьян Вымских волостей Яренского уезда по переписи 1710 года

Table 3

Population of residential yards of state peasants of the Vym volosts of the Yarensk Uyezd according to the 1710 census

Число жителей двора	Количество дворов, волость					Всего по Вымским волостям, %
	Ляльская	Княжпогостская	Турьинская	Онежская	Веслянская	
1	1	5	-	-	-	6 (3,06)
2	20	9	17	7	6	59 (30,1)
3	15	10	10	5	-	40 (20,41)
4	17	17	6	1	-	41 (20,92)
5	11	11	6	-	1	29 (14,8)
6	5	2	2	-	-	9 (4,6)
7	1	1	1	-	1	4 (2,04)
8	4	-	1	-	-	5 (2,55)
9	1	-	-	-	-	1 (0,51)
11	-	1	1	-	-	2 (1,02)
						196 (100)

В Княжпогостской волости переписчики зафиксировали 30 пустых крестьянских дворов. Из них от смерти хозяев опустело 16 дворов. Плюс один двор стал пустым, потому что Парфен Моисеев сын Манов «сшел» в Сибирь. Его жена, оставшаяся в этом дворе, умерла, т. е., фактически, от смерти хозяев опустело 17 дворов. В семи случаях причиной запустения дворов был переезд хозяев всей семьей в Сибирь. Три крестьянина забросили свои старые дворы и перешли жить в новые. Наконец, три двора опустели из-за правительственных мобилизаций. Артемий Осипов сын Сергиевых был взят в «семерики»; хозяйка двух других дворов была мобилизована на строительство Санкт-Петербурга.

В волости Турья из 14 пустых дворов семь опустели из-за смерти хозяев; четыре двора запустели по причине переезда их хозяев в Сибирь (три случая) и Вологду (один случай); два двора опустели из-за правительственных мобилизаций (одного взяли в работники и одного – в солдаты). Наконец, хозяин одного двора забросил свой старый двор, переселившись в новый двор в том же населенном пункте.

В волости Онежье было четыре пустых крестьянских дворов. Два из них запустели от смерти хозяев; один крестьянин ушел на жительство в Сибирь, и один крестьянин перешел жить в новый двор в том же населенном пункте.

Итак, из 54 пустых дворов опустели от смерти хозяев – 30 дворов (55,56 %); от переселения крестьян за пределы Вымских волостей – 13 (24,07); по причине перехода хозяев в новый двор – шесть (11,11); из-за правительственных мобилизаций – пять дворов (9,26 %).

Рассмотрим вопросы, связанные с численностью крестьянского населения Вымских волостей. По официальным данным переписчиков, в 1710 г. в Вымских волостях Яренского уезда было зафиксировано наличие крестьян, проживавших в крестьянских, бобыльских, вдовьих и половничьих дворах: в Ляльской волости – 287 чел.; Княжпогостской – 205; Турьинской – 156; Онежской – 33; в Веслянской волости – 24 чел. Всего общая численность государственных крестьян в Вымских волостях составляла 705 чел. обоего пола. Из них в Ляльской волости проживало 40,71 %; Княжпогостской – 29,08; Турьинской – 22,13; Онежской – 4,68; в Веслянской волости – 3,4 % населения.

Половая структура государственных крестьян Вымских волостей Яренского уезда в 1710 г. была следующей: в Ляльской волости из 287 чел. зафиксировано 145 чел. мужского пола (50,52 %) и 142 чел. женского пола (49,48 %); в Княжпогостской волости – 98 (47,8) и 107 чел. (52,2) соответственно (всего 205 чел.); в Турьинской волости из налично-

го населения в 156 чел. мужского пола было 84 чел. (53,85) и женского пола – 72 чел. (46,15); в Онежской волости проживало государственных крестьян 18 чел. мужского пола (54,55) и 15 чел. женского пола (45,45); и в Веслянской волости – 9 чел. мужского пола (37,5 %) и 15 чел. женского пола (62,5 %). Всего в Вымских волостях переписчики зафиксировали наличие 354 чел. мужского пола (50,21 %) и 351 чел. женского пола (49,79 %), относящихся к государственным крестьянам.

Рассмотрим возрастную структуру крестьянского населения Вымских волостей, информация по которой скомпонована в табл. 4.

Итак, представленная возрастная структура свидетельствует о естественном состоянии государственных крестьян Вымских волостей Яренского уезда в момент переписи 1710 г. Выделяя крупные блоки, получаем, что группа детей и подростков (от 0 до 15 лет) составляла почти четверть населения – 23,97 %. Наибольшей была группа трудоспособного населения (от 16 лет до 60 лет) – 69,65 %. Самая малочисленная – это группа стариков (от 61 года и старше) – 6,38 %.

Из 30 чел., входивших в группу с возрастом от 66 лет и старше, переписчики зафиксировали пять человек – в возрасте 66 лет; одного – 67 лет; двух – 68 лет; трех – 69 лет; 10 чел. – в возрасте 70 лет; по одному – 74, 78, 79 лет; двух – 80 лет; одного – 82 лет и двух человек – в возрасте 83 лет.

Последний вопрос, который мы хотим осветить в этой статье, – бездетность супружеских пар. Переписная книга Яренского уезда 1710 г. – уникальный документ, поскольку переписчики отмечали бездетные супружеские пары. Этой информации можно доверять. Исходя из того, что, наряду с реально бездетными, отмечаются и семьи, в которых, вероятно, дети рождались и умирали и в момент переписи у родителей не было живых детей, но эти родители не отмечены, как бездетные. Итак, в Ляльской волости бездетными были 12 семей из 75; в Княжпогостской – 10 из 56; в Турьинской – 13 из 44; в Онежской – 5 из 13; в Веслянской волости – 4 из 8. Всего переписчики зафиксировали в Вымских волостях 44 бездетных семьи (22,45 %).

Таблица 4

Возрастная структура государственных крестьян Вымских волостей в 1710 году

Table 4

Age structure of state peasants of the Vym volosts in 1710

Возраст жителей Волость	Количество жителей, чел.					
	Ляльская	Княжпогостская	Турьинская	Онежская	Веслянская	Всего по Вымским волостям, %
До 1 года	3	-	2	-	-	5 (0,71)
От 1 года до 5 лет	28	16	6	3	3	56 (7,94)
От 6 до 10 лет	32	17	10	1	1	61 (8,65)
От 11 до 15 лет	14	18	13	1	1	47 (6,67)
От 16 до 20 лет	24	22	12	1	2	61 (8,65)
От 21 года до 30 лет	44	32	28	8	7	119 (16,88)
От 31 года до 40 лет	51	36	30	4	3	124 (17,59)
От 41 года до 50 лет	39	42	28	6	3	118 (16,74)
От 51 года до 60 лет	29	10	18	9	3	69 (9,79)
От 61 года до 65 лет	5	6	3	-	1	15 (2,13)
От 66 лет и более	17	5	8	-	-	30 (4,26)
Итого	288	204	158	33	24	705 (100)

Вероятно, наличие большого количества бездетных семей способствовало процессу обезлюдения волостей, располагавшихся в верховьях р. Вымь.

Таким представляется демографический обзор самой большой группы населения Вымских волостей Яренского уезда в начале XVIII в. – а именно государственных крестьян.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Мацук, А. М. Коми край в начале XVIII века. Переписная книга Яренского уезда 1710 года / А. М. Мацук, М. А. Мацук; науч. ред. д.и.н. И. Л. Жеребцов (Серия «Новые источники по истории Европейского Севера России». Выпуск 2). – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. – 168 с.
2. Документы по истории народа коми. Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в. / сост.: Н. П. Воскобойникова, М. А. Мацук. – Сыктывкар, 1985. – С. 273–289.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России» № 122040800166-0.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, on the topic "Transformations of society, government and economy in the regions of the European North of Russia" No. 122040800166-0.

Информация об авторе:

Мацук Михаил Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: michailmatsuk@rambler.ru).

Author:

Mikhail A. Matsuk – Dr. Sci. (History), Chief Researcher of the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia of the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: michailmatsuk@rambler.ru).

Для цитирования:

Мацук, М. А. Государственные крестьяне Вымских волостей Яренского уезда в начале XVIII века: демографическая характеристика / М. А. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 5–8.

For citation:

Matsuk, M. A. State peasants of the Vym volosts of the Yarensk Uyezd at the beginning of the XVIII century: demographic characteristics / M. A. Matsuk // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical demography". – 2024. – № 2 (68). – P. 5–8.

Дата поступления статьи: 20.03.2024

Прошла рецензирование: 28.03.2024

Принято решение о публикации: 02.04.2024

Received: 20.03.2024

Reviewed: 28.03.2024

Accepted: 02.04.2024

References

1. Matsuk, A. M. Komi krai v nachale XVIII veka. Perepisnaia kniga Yarenskogo uезда 1710 goda [Komi territory at the beginning of the XVIII century. Census book of the Yarensk Uyezd of 1710] / A. M. Matsuk, M. A. Matsuk. Sci. Ed. I. L. Zherebtsov (Series «New sources on the history of the European North of Russia». Issue 2). – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2015. – 168 p. – (Series "New sources on the history of the European North of Russia". Issue 2).
2. Dokumenty po istorii naroda komi. Pistsovaya i perepisnye knigi Yarenskogo uезда 1710 goda [Documents on the history of the Komi people. Scribal and census books of the Yarensk Uyezd of the XVII century] / Comp.: N.P. Voskoboinikova, M.A. Matsuk. – Syktyvkar, 1985. – P. 273–289.

Удельные поселения и крестьяне Сольвычегодского уезда Вологодской губернии в конце XVIII–середине XIX века

П. П. Котов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
kotovpetr55@mail.ru

Аннотация

В статье автор анализирует динамику количества удельных поселений и численности удельных крестьян Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Основу исследования составляют делопроизводственные источники, выявленные в фондах Российского государственного исторического архива и Российского архива Древних актов. Рассмотрение проблемы проведено в рамках изучения эволюции демографических характеристик в удельной деревне отдаленного северного уезда. Выявлено, что количество удельных поселений в течение времени сокращалось, особенно интенсивно в северо-западной оконечности Сольвычегодского уезда. При этом наблюдалось не запустение деревень, а слияние ряда из них в единое поселение или поглощение одних селений другими. Прирост населения в удельной деревне Сольвычегодского уезда был ниже, чем в целом по уезду, и в государственной деревне как по уезду, так и по Вологодской губернии. Однако по отдельным волостям ситуация с динамикой численности крестьян варьировалась. Населенность удельных поселений по приказам заметно отличалась. Эти показатели были выше по Афанасьевскому удельному приказу относительно показателей по удельной деревне Сольвычегодского уезда и губернии в целом.

Ключевые слова:

удельные поселения, удельные крестьяне, динамика количества деревень, динамика численности крестьян, людность селений, удельные приказы, удельные волости, Сольвычегодский уезд

Как известно, до отмены крепостного права сельское население России подразделялось на несколько категорий и групп, среди которых основными и наиболее многочисленными являлись государственные и помещичьи крестьяне. В конце XVIII–середине XIX в. они составляли свыше 95 % жителей русской деревни. Среди оставшихся сельчан до 4 % приходилось на удельных крестьян, кате-

The Tsar family's settlements and peasants of the Solvychegodsk Uyezd of the Vologda province at the end of the XVIII–mid-XIX centuries

P. P. Kotov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
kotovpetr55@mail.ru

Abstract

The paper analyzes the dynamics of the number of the Tsar family's settlements and peasants in the Solvychegodsk Uyezd of the Vologda province. The research is based on records sources identified in the funds of the Russian State Historical Archive and the Russian Archive of Ancient Acts. The problem was considered as part of a study of the evolution of demographic characteristics in a Tsar family's village in a remote northern uyezd. It was revealed that the number of appanage settlements decreased over time, especially intensively in the northwestern corner of Solvychegodsk uyezd. In this case, it was not the desolation of villages that was observed, but the merging of a number of them into a single settlement or the absorption of some villages by others. Population growth in the Tsar family's village of Solvychegodsk uyezd was lower than in the whole uyezd and in the state village, both in the uyezd and in the Vologda province. However, in individual volosts the situation with the dynamics of the number of peasants varied. The population of the Tsar family's settlements, according to orders, differed markedly. These indicators were higher for the Afanasyevsky appanage order relative to the indicators for the the Tsar family's village of Solvychegodsk uyezd and the province as a whole.

Keywords:

Tsar family's settlements, Tsar family's peasants, dynamics of the number of villages, dynamics of the number of peasants, population of villages, appanage orders, appanage volosts, Solvychegodsk Uyezd

гория которых была сформирована в 1797 г. в результате преобразования дворцовой собственности в удельную и создания отдельной группы крестьян [1; 2]. Они были призваны обеспечивать благополучие царя и его семьи. При этом демографические проблемы государственной и помещичьей деревни исследованы более основательно, нежели удельной. В некоторых дореволюционных и со-

ветских трудах указывалась лишь численность удельных крестьян [3; 4]. Подобные сведения содержатся в отдельных работах, отражавших историю удельных поселений в регионах страны [5–7], в том числе по северной удельной деревне [8].

В указанных и некоторых других трудах отражались показатели численности крестьян в целом по удельным региональным подразделениям. С 1797 г. таковыми являлись девять удельных экспедиций, в состав которых включали бывших дворцовых крестьян нескольких губерний. В частности, удельная собственность и крестьяне Архангельской и Вологодской губерний оказались подчинены Архангельской удельной экспедиции. В 1808 г. они были преобразованы в 34 удельные конторы (имения) и удельные отделения, и они обнимали, как правило, удельную собственность конкретных губерний. В течение времени эти региональные подразделения иногда претерпевали изменения. Например, в 1859 г. Архангельская и Вологодская удельные имения были соединены в рамках Вельского имения (конторы).

Удельные экспедиции и удельные конторы подразделялись на приказы, которые функционировали на основе крестьянского самоуправления и представляли крупные общинные объединения – общины-волости. До 1808 г. в деятельность приказов удел вмешивался минимально, в основном по вопросам исполнения податей и повинностей [9]. Затем удельные конторы усилили контроль по избранию приказных голов и их деятельности по многим направлениям. В свою очередь, приказы состояли из низовых подразделений, которые различались по названию. На карте проиллюстрировано (рис. 1), что в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии они именовались волостями и боярщинами. В остальных северных уездах практиковались и другие названия – «десятина», «приход», «деревни». Они также функционировали на основе крестьянского самоуправления и представляли собой низовые общины. В их рамках, например, распределялись пахотные угодья, регулировались выплаты некоторых видов податного обложения и другие вопросы. После 1808 г. удельное ведомство пыталось внедрить единое для всех низовых крестьянских объединений название – волость. Правда, на европейском севере страны в некоторых случаях старые названия сохранились вплоть до отмены крепостного права в удельной деревне в 1863 г. [10; 11]. В XIII–XV вв. на среднем Подвинье и Поважье (территория именовалась как Вага, или Важский уезд), в том числе и на части территории будущего Сольвычегодского уезда сформировались обширные владения бояр Великого Новгорода. После объединения земель вокруг Москвы и укрепления централизованного государства эти владения были конфискованы и стали черносошными (по сути, государственными). В 1585 г. «Вага дана в путь» конюшенному Борису Годунову «с правом суда и сбора податей», после смерти которого перешла в собственность Д. И. Шуйскому, затем – И. М. Салтыкову, далее – И. М. Заруцкому, одному из лидеров второго народного ополчения, вскоре – вновь стали черносошными, но довольно быстро, в 1613–1615 гг. – перешли в дворцовое ведомство [12, с. 119].

На момент создания удельного ведомства в 1797 г. дворцовые владения в Сольвычегодском уезде были сосредоточены на северо-западной оконечности уезда (см. рис. 1). Однако чиновники сформировали удельные приказы, не вникая в сложившуюся многолетнюю практику общинных отношений. В результате во многих случаях волости оказались разделены, и их части вошли в состав разных приказов. Мало того, в отдельных случаях не учитывались даже границы губерний. Так, в Борецкий удельный приказ, наряду с тремя волостями Шенкурского уезда Архангельской губернии, были включены Пучужская волость и основная часть Кережской боярщины (24 деревни) Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. В рамках Афанасьевского приказа в Сольвычегодском уезде оказались охвачены Афанасьевская боярщина, Верхотоемская волость Верхнего конца, Верхотоемская волость Нижнего конца, Вершинская волость и оставшиеся девять деревень Кережской боярщины [13–18].

В ходе реформирования удельного ведомства в 1808 г., наряду с другими изменениями, была прекращена практика разделения волостей, как и существование межгубернских приказов. Как отражено на карте (см. рис. 1), на традиционной дворцовой собственности Сольвычегодского уезда удел сформировал: Афанасьевский приказ в составе Кережской боярщины, Пучужской волости и Афанасьевской боярщины; Верхотоемский приказ в составе Верхотоемской волости Верхнего конца, или Верхотоемской волости, Верхотоемской волости Нижнего конца, или Нижнетоемской и Вершинской волостей.

Сложившаяся структура сохранилась до проведения IX ревизии, после которой в Афанасьевском приказе была сформирована четвертая волость – Афанасьевская волость Юмжского края. В Верхотоемском приказе также стало четыре волости – Нижнетоемская волость разделилась на Сефтренскую и Сойгинскую. Несмотря на все указанные изменения выявленные сведения позволяют нам проанализировать сведения в отношении удельных селений и крестьян с учетом низовой структуры управления, которая существовала в 1808–1850 гг., т. е. по сопоставимой приказной и волостной территориям от V до X ревизии [13–21].

Отметим, что в марте 1804 г. удел купил родовую вотчину у княгини Варвары Шаховской (1748–1823). Владения Шаховских были разбросаны в виде небольших групп поселений, называемых волостями в Сольвычегодском и Великоустюгском уездах Вологодской губернии [22, 23]. Они были объединены в рамках Кузнецовского удельного отделения (приравнивавшегося к удельным приказам) и расположены в верховьях Северной Двины и низовьях Вычегды и Сысолы, что наглядно отражено на карте. Вновь приобретенные удельные волости были небольшими. В Сольвычегодском уезде первоначально насчитывалось шесть волостей. Накануне проведения IX ревизии селения Нюбской волости были включены в состав Шешуровской волости. Однако и сведения купленного имения можно сгруппировать по сопоставимым территориям от V до X ревизии.

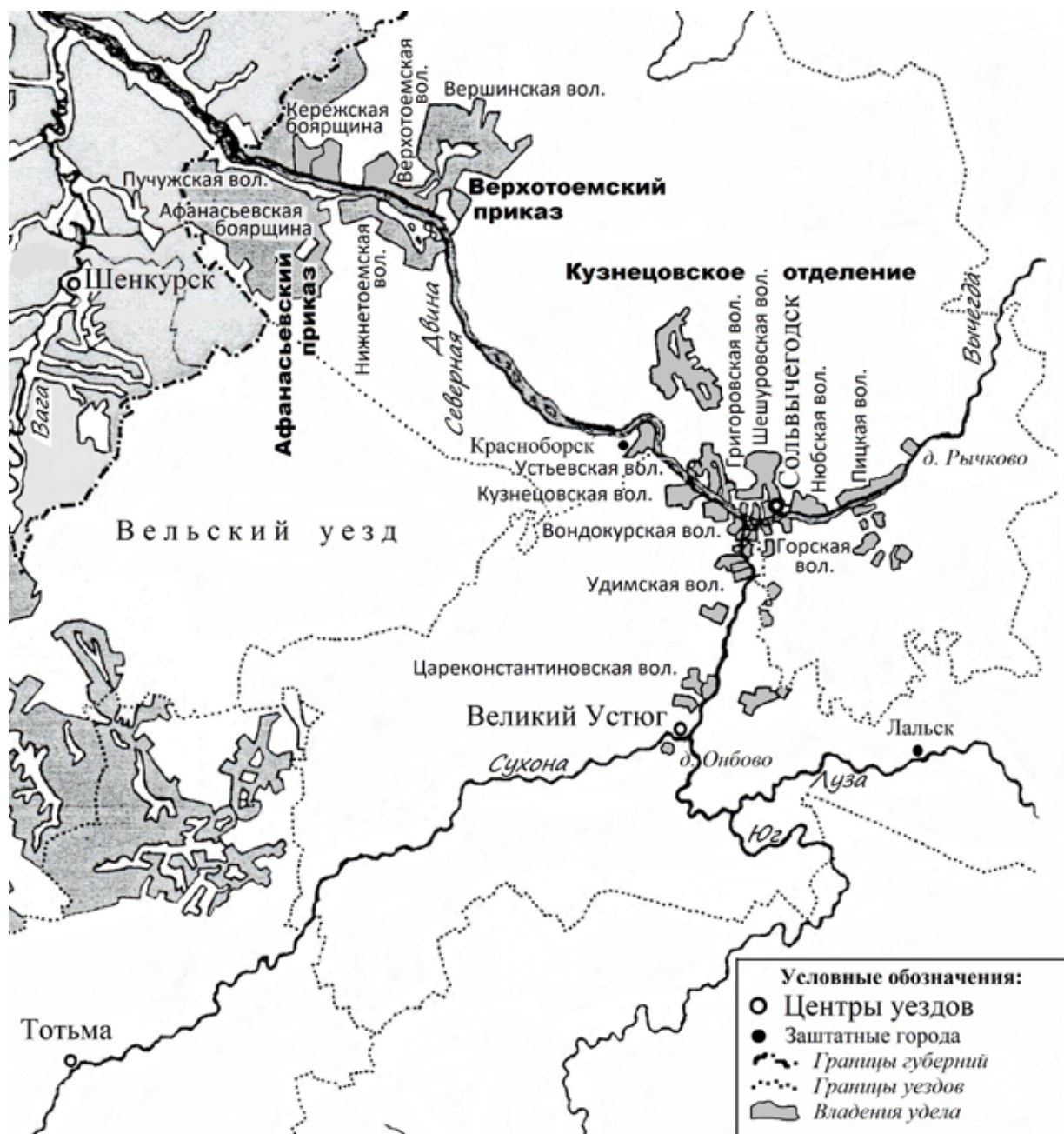

Рис. 1. Карта удельных владений в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии в конце XVIII–середине XIX века (автор: П. П. Котов).

Примечание. Отображены названия волостей за 1808–1850 гг.

Fig. 1. Map of appanage possessions in the Solvychegodsk Uyezd of the Vologda province at the end of the XVIII – mid-XIX century (author: P.P. Kotov)

Note. The names of volosts for 1808–1850 are shown.

Материалы табл. 1 показывают, что между V и X ревизиями количество удельных селений в Сольвычегодском уезде сократилось с 286 до 162, или на 43,4 %. По удельным приказам более всего количество селений сохранилось в Кузнецовском отделении, в котором по V и VIII ревизиям числилось 46 селений, и по X ревизии – 37, или 80,4 % относительно предыдущих фиксаций. Значительно меньше сохранилось удельных селений на северо-западе уезда. Так, в Афанасьевском приказе по V ревизии числилось 106 деревень, по VIII – 94, по X ревизии – 71 селение, т. е. по VIII ревизии число селений относительно V сократилось на 11,3 %, по X относительно V ревизии – на 49,1 %. Не на много меньше сокращение селений произошло и в Верхотоем-

ском приказе – от 134 по V ревизии и до 54 – по X ревизии, или на 47,0 %.

Еще большая разница в динамике удельных селений наблюдалась при их учете по отдельным волостям, что наглядно показывают данные табл. 1. Например, между V и VIII ревизиями во всех волостях Кузнецовского отделения количество деревень оставалось неизменным, а в Григоровской волости – с V до X ревизии. Напротив, в Пучужской волости Афанасьевского приказа между V и X ревизиями сохранилось 47,5 %, а в Верхотоемской волости одноименного приказа осталось всего 42,1 % селений. В указанный период менее 55 % деревень сохранилось в Верхотоемской волости Верхотоемского приказа, в Афа-

Динамика количества удельных селений в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии в конце XVIII–середине XIX века

Таблица 1

Table 1

Dynamics of the number of the Tsar family's settlements in the Solvychegodsk uyezd of the Vologda province at the end of the XVIII–mid-XIX centuries

Приказы, отделение, волости, боярщины	Количество селений по ревизиям			Количество селений, %		
	V	VIII	X	по VIII ревизии относительно V	по X ревизии относительно VIII	по X ревизии относительно V
Афанасьевский приказ	106	94	54	88,7	57,4	50,9
1. Кережская боярщина	33	25	18	75,8	72,0	54,5
2. Пучужская волость	40	40	19	100,0	47,5	47,5
3. Афанасьевская боярщина	33	29	17	87,9	58,6	51,5
Верхотоемский приказ	134	116	71	86,6	61,2	53,0
1. Верхотоемская волость	76	64	32	84,2	50,0	42,1
2. Нижнетоемская волость	25	25	21	100,0	84,0	84,0
3. Вершинская волость	33	27	18	81,8	66,7	54,5
Кузнецовское отделение в Сольвычегодском уезде	46	46	37	100,0	80,4	80,4
1. Григоровская волость	3	3	3	100,0	100,0	100,0
2. Шешуровская волость	7	7	7	100,0	100,0	100,0
3. Нюбская волость	8	8	6	100,0	75,0	75,0
4. Пицкая волость	8	8	4	100,0	50,0	50,0
5. Горская волость	15	15	13	100,0	86,7	86,7
6. Устьевская волость	5	5	4	100,0	80,0	80,0
Итого в удельной деревне уезда	286	256	162	89,5	63,3	56,6
Всего в удельной деревне Вологодской губернии	1 190	1 260	1 095	105,9	86,9	92,0

Примечание. Здесь и в табл. 3. По VIII и X ревизиям в число удельных селений включены села и деревни имения князя Щербатова, купленного уделом в 1824 г.

Источники: [13–24].

Note. Here and in Table 3. According to the VIII and X revisions, the number of appanage villages includes settlements and villages of the estate of Prince Shcherbatov, purchased by the appanage in 1824.

Sources: [13–24].

сьевской и Кережской боярщинах Афанасьевского приказа. Относительно небольшое уменьшение количества удельных сел и деревень в целом по Вологодской губернии объясняется покупкой 23 поселений у князя Щербатова в 1824 г. [22, 23].

Необходимо подчеркнуть, что сокращение деревень, как правило, не означало их запустения. В абсолютном большинстве случаев их переставали упоминать в документах в силу соединения нескольких деревень в одно поселение или поглощения одной деревни другой. Последнее, по сути, также свидетельствовало о соединении селений. Отдельные подобные случаи наблюдались еще в дворцовых волостях. Так, к 1797 г. учтенные по ландратской переписи Подвинской четверти Важского уезда 1717 г. селения Третья Оксеновская и Оксеновская образовали Двух Оксеновскую (Двух Аксеновскую) деревню, включенную в Верхотоемскую волость одноименного приказа. В этом же приказе аналогичный случай произошел и в Нижнетоемской волости, когда в 1790-х гг. селения Григорьевское и Другое Григорьевское образовали Двух Григорьевскую деревню [25]. Этот процесс с 1830-х гг. был искусственно активизирован удельным ведомством в рамках политики попечительства [26], которая приводила также к введению общественной запашки

[27], сокращению отходничества удельных крестьян [28] и другим изменениям в удельной деревне страны.

По мнению удельных чиновников, объединение деревень облегчало управление, а главное способствовало укреплению их хозяйственно-экономического состояния. В результате в Кузнецовском отделении к началу 1850-х гг. в Григоровской волости в Усову Горку оказались включены деревни Абросовская и Горка; в бывшей Нюбской волости деревни Козловская, Горка и Борок образовали поселение Козлова Горка; в Пицкой волости дер. Катаиха поглотила дер. Кривцовскую и в ходе соединения селений Новый двор, Боброво, Новина и Княжица формируется дер. Новодворская Княжица; в Устьевской волости дер. Шеинская прекратила свое существование, войдя в состав дер. Гнездовской. Тем самым в Кузнецовском отделении на территории Сольвычегодского уезда реально ни одна из деревень не запустела, исчезло только название девяти из них. Подобное отмечалось в Афанасьевском и Верхотоемском приказах [13–24; 29, с. 239–301].

Противоположная динамика численности относительно количества деревень наблюдалась в удельной деревне Сольвычегодского уезда. Материалы табл. 2. показывают, что число удельных поселен уезда возросло с 5294 душ мужского пола (далее – душ м. п.) по V ревизии до 6428 душ м. п. по X ревизии, или на 21,4 %. При этом, между V, VIII и VIII–X ревизиями численность удельных мужчин Сольвычегодского уезда увеличилась на равные доли – на 10,2 %. С V по X ревизии мужское население Кузнецовского отделения почти удвоилось, увеличившись на 45,1 %, в Верхотоемском приказе – на 36,2 %, тогда как в Афанасьевском приказе – всего на 7,2 %. Отметим, что в Кережской волости число мужчин увеличилось с 746 до 761 душ, или за 60 лет всего на 2,0 %, а между VIII и X ревизиями в волости наблюдался отрицательный прирост мужчин. В этом отношении разительно отличалась ситуация в Вершинской волости Верхотоемского приказа, где численность мужского населения сохраняла устойчивую положительную динамику, которая между V и VIII ревизиями составляла 23,1 % (с 524 до 645 душ м. п.), между VIII и X – 27,9 % (с 645 до 825 душ м. п.), достигнув между крайними 57,4 %. Еще более значительно между указанными ревизиями возросло общее число мужчин Шешурской и Нюбской волостей Кузнецовского отделения, увеличившись за 60 лет на 64,5 %.

Таблица 2
Динамика численности удельных крестьян в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии в конце XVIII–середине XIX века

Table 2
Dynamics of the number of the Tsar family's peasants in the Solvychegodsk uyezd of the Vologda province at the end of the XVIII – mid-XIX centuries

Приказы, отделение, волости, боярщины	Число душ м. п. по ревизиям			Прирост числа душ м. п., %		
	V	VIII	X	по VIII ревизии относительно V	по X ревизии относительно VIII	по X ревизии относительно V
Афанасьевский приказ	2833	2981	3036	5,2	1,8	107,2
1. Кережская боярщина	746	789	761	5,8	-3,5	2,0
2. Пучужская волость	984	1013	1054	2,9	4,0	7,1
3. Афанасьевская боярщина	1103	1179	1221	6,9	3,6	10,7
Верхотоемский приказ	2020	2335	2752	15,6	17,9	36,2
1. Верхотоемская волость	859	914	1130	6,4	23,6	25,1
2. Нижнетоемская волость	637	776	797	21,8	2,7	25,1
3. Вершинская волость	524	645	825	23,1	27,9	57,4
Кузнецовское отделение в Сольвычегодском уезде	441	519	640	17,7	23,3	45,1
1. Григоровская волость	60	59	77	-1,7	30,5	28,3
2–3. Шешуровская и Ньюская волости	152	198	250	30,3	26,3	64,5
4. Пицкая волость	68	87	98	27,9	12,6	44,1
5. Горская волость	112	119	149	6,3	25,2	33,0
6. Устьевская волость	49	56	66	14,3	17,9	34,7
Итого в удельной деревне уезда	5294	5835	6428	10,2	10,2	21,4
Итого в казенной деревне уезда	22 740	25 046	29 614	10,1	18,2	30,2
Всего жителей в уезде	28 798	32 277	37 854	12,1	17,3	31,4
В удельной деревне Вологодской губернии	24 351	31 409	37 624	29,0	19,8	54,5
В казенной деревне Вологодской губернии	163 785	204 683	248 326	25,0	21,3	51,6
В помещичьей деревне Вологодской губернии	84 818	89 219	99 278	5,2	11,3	17,0

Примечание. 1. По V ревизии в составе казенной деревни учтены экономические крестьяне, категория которых была ликвидирована в начале 1830-х гг., с перечислением их в состав государственных поселян; 2. По VIII и X ревизиям в число удельных мужчин включены души м. п. имения князя Щербатова, купленного уделом в 1824 г.

Источники: [13–21; 23; 30, с. 313, 320, 321, 335, 336].

Note. 1. According to the V revision, the composition of the state village includes economic peasants, the category of which was liquidated in the early 1830s, with their transfer to the state villagers; 2. According to the VIII and X revisions, the number of appanage men includes the souls of the estate of Prince Shcherbatov, purchased by the appanage in 1824.

Sources: [13–21; 23; 30, с. 313, 320, 321, 335, 336].

Данные табл. 2 являют, что динамика прироста с 19 233 до 25 046 душ м. п. в казенной (государственной) деревне Сольвычегодского уезда между V и VIII ревизиями соответствовала динамике прироста в удельной деревне уезда. Но между VIII и X ревизиями численность мужчин в государственной деревне уезда увеличилась до 29 614 душ м. п., или на 30,2 %, т. е. заметно больше, чем в удельной деревне. Всего в Сольвычегодском уезде по V ревизии фиксировалось 28,8 тыс. мужчин, по VIII – 32,7 тыс., по X ревизии – 37,9 тыс. душ м. п. Обращает на себя внимание, что общая численность мужчин Сольвычегодского уезда нарастала с небольшим превышением относительно государственной деревни и заметно интенсивней по сравнению с удельной деревней. В этой связи вполне объяснимо, что доля удельных крестьян в общей массе населения уезда снижалась и составляла по V ревизии 18,4 %, по VIII – 18,1 %, по X ревизии – 17,0 %.

В табл. 2 отражено, что в удельной деревне Вологодской губернии мужское население по V ревизии составляло около 24,4 тыс. чел., по VIII – 31,4 тыс., по X ревизии – 37,6 тыс. душ, в государственной соответственно – 120,8, 204,7 и 248,3 тыс. душ м. п. Тем самым между крайними упомянутыми ревизиями прирост мужчин в удельных селениях составил 54,5 %. В государственных селениях этот показатель оказался ниже – 51,6 %, но он значительно превышал аналогичные показатели по Сольвычегодскому уезду. Укажем, что без учета купленных уделом в 1824 г. душ м. п. вотчины князя Щербатова прирост мужчин в удельных селениях Вологодской губернии почти соответствовал их приросту в государственной деревне по губернии [13–24; 30, с. 313, 320, 321, 335, 336]. С другой стороны, уровень нарастания численности мужского населения в помещичьей деревне Вологодской губернии уступал уровню подобных показателей как по Сольвычегодскому уезду, так и в целом по губернии (см. табл. 2).

Исходя из материалов табл. 3, можно утверждать, что в отдельных случаях наблюдалась иная ситуация при характеристике людности селений. Конечно, при сравнении людности деревень в Сольвычегодском уезде и Вологодской губернии все проявлялось ожидаемо – уровень

людности удельных поселений в губернии был более высоким, чем в уезде. Так, по V ревизии в губернии в 28,8 % удельных населенных пунктов проживало до 10 и менее мужчин, в Сольвычегодском уезде – 42,0 %, по VIII ревизии соответственно – 20,3 и 32,8 %. Конечно в течение времени людность деревень увеличивалась, но отмеченные отличия сохранялись не так прямолинейно. Например, в Сольвычегодском уезде по V ревизии от 21 до 40 мужчин обитало в 23,7 % удельных поселений, в Вологодской губернии – 32,1 %, по VIII ревизии соответственно – 29,7 и 34,9 %, тогда как в 1859 г. в уезде таких поселений было 36,4 %, а в губернии – 35,4 %. Кроме того, в 1859 г. в Сольвычегодском уезде в 36,4 % удельных селений жило от 40 и более мужчин, в Вологодской губернии таких селений было 32,9 %. Правда, в указанный год в губернии на мало-населенные деревни (от 10 и менее душ м. п.) приходилось

Таблица 3
**Людность удельных селений в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии
в конце XVII–середине XIX века**

Table 3
**Population of the Tsar family's settlements in the Solvychegodsk uyezd of the Vologda province
at the end of the XVIII–mid-XIX centuries**

Приказы, отделение	Людей в селениях, душ м. п.					Доля селений с числом душ м. п., %				
	10 и менее	11–20	21–30	31–40	40 и более	10 и менее	11–20	21–30	31–40	40 и более
V ревизия										
Афанасьевский приказ	28	22	16	19	21	26,4	20,8	15,1	17,9	19,8
Верхотоемский приказ	60	40	22	6	6	44,8	29,9	16,4	4,5	4,5
Кузнецовское отделение	32	9	3	2	0	69,6	19,6	6,5	4,3	0
Итого в удельной деревне уезда	120	71	41	27	27	42,0	24,8	14,3	9,4	9,4
Всего в удельной деревне губернии	345	360	245	139	107	28,8	30,1	20,5	11,6	8,9
VIII ревизия										
Афанасьевский приказ	15	19	20	16	24	16,0	20,2	21,3	17,0	25,5
Верхотоемский приказ	42	27	27	7	13	36,2	23,3	23,3	6,0	11,2
Кузнецовское отделение	27	12	3	3	1	58,7	26,1	6,5	6,5	2,2
Итого в удельной деревне уезда	84	58	50	26	38	32,8	22,7	19,5	10,2	14,8
Всего в удельной деревне губернии	246	326	256	166	216	20,3	26,9	21,2	13,7	17,9
Наличных по «Списку населенных мест 1859 г.»										
Афанасьевский приказ	1	4	8	11	30	1,9	7,4	14,8	20,4	55,6
Верхотоемский приказ	2	10	21	14	24	2,8	14,1	29,6	19,7	33,8
Кузнецовское отделение	17	10	4	1	5	45,9	27,0	10,8	2,7	13,5
Итого в удельной деревне уезда	20	24	33	26	59	12,3	14,8	20,4	16,0	36,4
Всего в удельной деревне Вологодской губернии	115	231	207	181	360	10,5	21,1	18,9	16,5	32,9

Источники: [13–24; 29, с. 239–301].
Sources: [13–24; 29, с. 239–301].

10,5 % от всех удельных поселений, в уезде немного больше – 12,3 %.

Людность поселений существенно отличалась по удельным приказам. Наибольшей она была в Афанасьевском приказе, что объяснялось достаточно интенсивным слиянием в нем деревень (см. табл. 1). Так, здесь по V ревизии на удельные деревни с 10 и менее мужчинами приходилось 26,4 % от всех селений, по VIII ревизии – уже 16,0 % и в 1859 г. – всего 1,9 %. И, наоборот, в Афанасьевском приказе доля деревень с 40 и более мужчинами в указанный период увеличилась с 19,8 до 55,6 %, тогда как в Верхотоемском приказе – с 4,5 до 33,8 %. Больше всего малолудных деревень с 10 и менее душами м. п. было в Кузнецовском отделении, в котором даже в 1859 г. они составляли 45,9 % всех удельных поселений (см. табл. 3).

Из материалов табл. 4 следует, что с V по X ревизию средняя людность удельных селений в Вологодской губернии составляла от 20,5–34,4 душ м. п. и превышала уровень людности в удельной деревне Сольвычегодского уезда. Однако за указанный период темпы прироста людности в уезде фиксировались в 82,2 %, что было значи-

тельно выше показателя в 67,8 % по губернии. Поэтому людность удельных поселений в уезде составила по X ревизии 33,7 мужчин, т. е. приблизилась к уровню по губернии.

Исходя из данных табл. 4, в приказах, волостях и боярщинах ситуация с людностью поселений была весьма пестрая. Наибольшая людность удельных селений наблюдалась в Афанасьевской боярщине, в которой на селение приходилось от 33,4 мужчин по V ревизии до 71,8 мужчин по X ревизии. Для сравнения, в Горской волости Кузнецовского отделения подобные показатели ограничивались соответственно 7,5 и 11,5 душами м. п. Между V и X ревизиями самые высокие темпы прироста людности в удельных поселениях наблюдались в Верхотоемской (223,0 %) и Вершинской (188,1 %) волостях Верхотоемского приказа и Пицкой волости (188,2 %) Кузнецовского отделения. В указанный период очень низким – всего 28,5 %, оказался прирост людности в селениях Горской волости Кузнецовского отделения (см. табл. 4).

В целом, удельные поселения как Сольвычегодского уезда, так и Вологодской губернии являлись малонаселенными.

Людность удельных деревень в течение времени нарастала в силу увеличения в них населения и сокращения собственно поселений, главным образом за счет их слияния. В отдельных удельных приказах и волостях Сольвычегодского уезда, в которых наблюдалось более быстрое сокращение количества деревень и более интенсивное увеличение жителей, наблюдались и существенные темпы прироста людности селений не только по отношению к ее уровню по уезду, но и в сравнении с этими показателями по Вологодской губернии в целом.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. – Санкт-Петербург, 1830. (Далее – ПСЗРИ-1). – Т. XXIV. – № 17906. – С. 525–569.
2. ПСЗРИ-1. – Т. XXIV. – № 17907. – С. 569.
3. История уделов за столетие их существования. 1797–1897. В 3-х т. – Санкт-Петербург, 1901–1902. – Т. 1. – 733 с.; – Т. 2. – 581 с.

Таблица 4
Средняя людность удельных селений в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии
в конце XVIII–середине XIX века

Table 4
Average population of the Tsar family's settlements in the Solvychevodsk uyezd of the Vologda
province at the end of the XVIII–mid-XIX centuries

Приказы, отделение, волости, боярщины	Средняя людность селений по ревизиям, душ м. п.			Прирост средней людности селений, %		
	V	VIII	X	по VIII ревизии относительно V	по X ревизии относительно VIII	по X ревизии относительно V
Афанасьевский приказ	26,7	31,7	56,2	18,7	77,3	110,5
1. Кережская боярщина	22,6	31,6	42,3	39,8	33,9	87,2
2. Пучужская волость	24,6	25,3	55,5	2,8	119,4	125,6
3. Афанасьевская боярщина	33,4	40,7	71,8	21,9	76,4	115,0
Верхотоемский приказ	15,1	20,1	38,8	33,1	93,0	157,0
1. Верхотоемская волость	11,3	14,3	36,5	26,5	155,2	223,0
2. Нижнетоемская волость	25,5	31,0	38,0	21,6	22,6	43,4
3. Вершинская волость	15,9	23,9	45,8	50,5	91,6	188,1
Кузнецовское отделение в Сольвычегодском уезде	9,6	11,3	17,3	7,7	53,1	80,2
1. Григоровская волость	20,0	19,7	25,7	-1,5	30,5	28,5
2–3. Шешуровская и Нюбская волости	10,1	13,2	19,2	30,7	45,5	90,1
4. Пицкая волость	8,5	10,9	24,5	28,2	124,8	188,2
5. Горская волость	7,5	7,9	11,5	5,3	45,6	53,3
6. Устьевская волость	9,8	11,2	16,5	14,3	47,3	68,4
Итого в удельной деревне уезда	18,5	22,8	33,7	23,2	47,8	82,2
Всего в удельной деревне Вологодской губернии	20,5	24,9	34,4	21,5	38,2	67,8

Примечание. По V ревизии в составе казенной деревни учтены экономические крестьяне, категория которых была ликвидирована в начале 1830-х гг., с перечислением их в состав государственных поселен. Источники: [13–24; 30, с. 313, 320, 321, 335, 336].

Note: According to the V revision, economic peasants, whose category was eliminated in the early 1830s, were included in the composition of the state village, with their transfer to the state settlers.

Sources: [13–24; 30, с. 313, 320, 321, 335, 336].

4. Кабузан, В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII–первой половине XIX в. / В. М. Кабузан. – Москва : Наука, 1971. – 190 с.
5. Гриценко, Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (Очерки) / Н. П. Гриценко. – Грозный, 1959. – 585 с.
6. Красникова, Ю. Н. Удельные крестьяне Северо-Запада России в конце XVIII–первой четверти XIX века: из истории аграрных отношений / Ю. Н. Красникова. – Санкт-Петербург, 2014. – 199 с.
7. Шайхисламов, Р. Б. Удельные крестьяне Южного Урала в дореформенный период / Р. Б. Шайхисламов, Н. С. Мысляева // Современная научная мысль. – 2018. – № 6. – С. 52–56.
8. Котов, П. П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы / П. П. Котов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». – 2013. – № 1 (130). – С. 18–22.
9. Котов, П. П. Повинности государственных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII–первой половине XIX в. / П. П. Котов // Социально-демографические аспекты истории Северного крестьянства (XVII–XIX вв.). – Сыктывкар, 1985. – С. 74–86.
10. Котов, П. П. О земельном обеспечении бывших удельных крестьян по реформе 1863 года / П. П. Котов // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. – Воронеж : Воронежский ун-т, 1988. – С. 54–63.
11. Котов, П. П. Отмена крепостного права в удельной деревне по реформе 26 июня 1863 года в русской историографии / П. П. Котов // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2017. – № 4 (32). – С. 79–87.
12. Васильев, Ю. С. Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII веков. 2-е изд., испр. и доп. / Ю. С. Васильев. – Вологда : Древности Севера, 2013. – 256 с.
13. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 515. Оп. 5. Д. 7. Л. 1 об.–321.
14. РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 839. Л. 37 об.–78.
15. РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 69. Л. 19–28.
16. РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 587. Л. 6–33 об.
17. РГИА. Ф. 515. Оп. 16. Д. 833. Л. 1 об.–778.
18. РГИА. Ф. 515. Оп. 34. Д. 128. Л. 1 об.–54.
19. РГИА. Ф. 515. Оп. 74. Д. 95. Л. 5–67.
20. РГИА. Ф. 515. Оп. 74. Д. 96. Л. 8–58.
21. РГИА. Ф. 515. Оп. 74. Д. 97. Л. 4–124.
22. Котов, П. П. Расширение удельных владений в Вологодской губернии в первой четверти XIX века / П. П. Котов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43, № 4. – С. 39–46.
23. Котов, П. П. Характеристика помещичьих имений Вологодской губернии, приобретенных удельным ведомством в 1804 и 1824 годах / П. П. Котов // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2021. – № 4 (50). – С. 46–54.
24. РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 10. Л. 3–183 об.
25. Российский государственный архив Древних актов. Ф. 350. Оп. 1. Д. 46. Л. 847 об.–986 об.
26. Котов, П. П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России / П. П. Котов // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. – 2012. – Вып. 3. – С. 103–107.
27. Котов, П. П. Общественная запашка в удельной деревне России в 1828–1861 годах: по материалам Европей-

ского Севера / П. П. Котов // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2018. – Т. 28, № 1. – С. 13–22.

28. Котов, П. П. Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России / П. П. Котов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. – 2012. – Вып. 3. – С. 149–155.
29. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. VII. Вологодская губерния. Издан центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. – Санкт-Петербург, 1866. – 522 с.
30. Колесников, П. А. Северная деревня в XV–первой половине XIX века / П. А. Колесников. – Вологда : Северо-западное кн. изд-во, 1976. – 416 с.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. [Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection]. – St. Petersburg, 1830. (Further – PSZRI-1). – Vol. XXIV. – No. 17906. – P. 525–569.
2. PSZRI-1. – Vol. XXIV. – No. 17907. – P. 569.
3. Istorija udelov za stoletie ih sushhestvovaniya. 1797 – 1897 [The history of appanages during the century of their existence. 1797–1897]. In 3 vols. – St. Petersburg, 1901–1902. – Vol. 1. – 723 p.; – Vol. 2. – 581 p.
4. Kabuzan, V. M. Izmeneniya v razmeshchenii naseleniya Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Changes in the distribution of the Russian population in the XVIII – first half of the XIX centuries.] / V. M. Kabuzan. – Moscow: Nauka Publ., 1971. – 190 p.
5. Gritsenko, N. P. Udel'nye krest'yane Srednego Povolzh'ya (Ocherki) [Tsar family's peasants of the mid-Volga region. Essays] / N. P. Gritsenko. – Grozny, 1959. – 585 p.
6. Krasnikova, Yu. N. Udel'nye krest'yane Severo-Zapada Rossii v kontse XVIII – pervoi chetverti XIX veka: iz istorii agrarnykh otnoshenii [The Tsar family's peasants of the North-West of Russia at the end of the XVIII – first quarter of the XIX century: from the history of agrarian relations] / Yu. N. Krasnikova. – St. Petersburg, 2014. – 199 p.
7. Shaikhislamov, R. B. Udel'nye krest'yane Yuzhnogo Urala v doreformennyi period [Appanage peasants of the Southern Urals in the pre-reform period] / R. B. Shaikhislamov, N. S. Myslyaeva // Modern scientific thought. – 2018. – No. 1. – P. 52–56.
8. Kotov, P. P. Udel'nye krest'yane na Evropejskom Severe Rossii: razmeshchenie i demograficheskie processy [Tsar family's peasants in the European North of Russia: distribution and demographic processes] / P. P. Kotov // Sci. notes of Petrozavodsk State University. Series: Social Sciences and Humanities. – 2013. – No. 1 (130). – P. 18–22.
9. Kotov, P. P. Povinnosti gosudarstvennykh krest'yan Evropejskogo Severa Rossii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. [The duties of the state peasants of the European North of Russia at the end of the XVIII – first half of the XIX century] / P. P. Kotov // Sotsial'no-demograficheskie aspekty istorii Severnogo krest'yanstva (XVII–XIX vv.) [Socio-demographic aspects of the history of the Northern Peasantry (XVII–XIX centuries)]. – Syktyvkar, 1985. – P. 74–86.
10. Kotov, P. P. O zemel'nom obespechenii byvshikh udel'nykh krest'yan po reforme 1863 goda [About the land provision of the former appanage peasants on the reform of 1863] / P. P. Kotov // Burzhuaiznye reformy v Rossii vtoroi poloviny XIX veka [Bourgeois reforms in Russia of the second half of the XIX century]. – Voronezh: Voronezh Univ., 1988. – P. 54–63.
11. Kotov, P. P. Otmena krepostnogo prava v udel'noi derevne po reforme 26 iyunya 1863 goda v russkoi istoriografii [The abolition of serfdom in the Tsar family's village by the reform of June 26, 1863 in the Russian historiography] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2017. – No. 4 (32). – P. 79–87.
12. Vasilyev, Yu. S. Izbrannye trudy po istorii Evropejskogo Severa Rossii XII – XVII vekov [Selected works on the history of the European North of Russia of the XII–XVII centuries]. 2nd edition., revised and updated / Yu. S. Vasilyev. – Vologda: Antiquities of the North, 2013. – 256 p.
13. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 515. Op. 5. D. 7. L. 1 ob.–321.
14. Ibid. F. 515. Op. 5. D. 839. L. 37 ob.–78.
15. Ibid. F. 515. Op. 10. D. 69. L. 19–28.
16. Ibid. F. 515. Op. 10. D. 587. L. 6–33 ob.
17. Ibid. F. 515. Op. 16. D. 833. L. 1 ob.–778.
18. Ibid. F. 515. Op. 34. D. 128. L. 1 ob.–54.
19. Ibid. F. 515. Op. 74. D. 95. L. 5–67.
20. Ibid. F. 515. Op. 74. D. 96. L. 8–58.
21. Ibid. F. 515. Op. 74. D. 97. L. 4–124.
22. Kotov, P. P. Rasshirenie udel'nykh vladenii v Vologodskoi gubernii v pervoi chetverti XIX veka [Expansion of appanages in the Vologda province in the first quarter of the XIX century] / P. P. Kotov // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Sci. notes of Petrozavodsk State Univ.]. – 2021. – Vol. 43. No. 4. – P. 39–46.
23. Kotov, P. P. Kharakteristika pomeshchich'ikh imenii Vologodskoi gubernii, priobretennykh udel'nym vedomstvom v 1804 i 1824 godakh [Characteristics of the landlords' estates of the Vologda province obtained by the appanage department in 1804 and 1824] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2021. – No. 4 (50). – P. 46–54.
24. RGIA. F. 515. Op. 7. D. 10. L. 3–183 ob.
25. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA). F. 350. Op. 1. D. 46. L. 847 ob.–986 ob.
26. Kotov, P. P. Politika popechitel'stva udela i ee rezul'taty: na primere Evropejskogo Severa Rossii [The appanage trusteeship policy and its results: the example of the Russian European North] / P. P. Kotov // Bull. of Udmurt Univ. Series 5: History and Philology. – 2012. – Issue 3. – P. 103–107.
27. Kotov, P. P. Obschestvennaya zapashka v udel'noi derevne Rossii v 1828–1861 godakh: po materialam Evropejskogo Severa [Public ploughing in the Russian Tsar family's vil-

- lage in 1828-1861: on sources of the European North of Russia] / P. P. Kotov // Bull. of Udmurt Univ. Series: History and Philology. – 2018. – Vol. 28. – No. 1. – P. 13–22.
28. Kotov, P. P. Osobennosti otkhodnichestva udel'nykh krest'yan Evropeiskogo Severa Rossii [Peculiarities of seasonal work of Tsar family's peasants in the European North of Russia] / P. P. Kotov // Bull. of St. Petersburg Univ. Seires 2. – 2012. – Issue 3. – P. 149–155.
29. Spisok naselennykh mest Rossiiskoi imperii po svedeniyam 1859 goda. VII. Vologodskaya guberniya. Izdan tsentral'nym statisticheskim komitetom ministerstva vnutrennikh del [List of populated places of the Russian Empire according to information from 1859. VII. Vologda province. Published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. – St. Petersburg, 1866. – 522 p.
30. Kolesnikov, P. A. Severnaya derevnya v XV – pervoi polovine XIX veka [Northern village in the XV – first half of the XIX century] / P. A. Kolesnikov. – Vologda: North-Western Book Publishing House, 1976. – 416 p.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России» № 122040800166-0.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic "Transformations of society, government and economy in the regions of the European of Russia" No. 122040800166-0.

Информация об авторе:

Котов Петр Павлович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID 0000-0002-7641-2437 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: kotovpetr55@mail.ru).

Author:

Petr P. Kotov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Sector of National History, Leading Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID 0000-0002-7641-2437 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: kotovpetr55@mail.ru).

Для цитирования:

Котов, П. П. Удельные поселения и крестьяне Сольвычегодского уезда Вологодской губернии в конце XVIII–середине XIX века / П. П. Котов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 9–17.

For citation:

Kotov, P. P. The Tsar family's settlements and peasants of the Solvychevodsk Uyezd of the Vologda province at the end of the XVIII-mid-XIX centuries / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical demography". – 2024. – No. 2 (68). – P. 9–17.

Дата поступления статьи: 26.03.2024

Прошла рецензирование: 09.04.2024

Принято решение о публикации: 12.04.2024

Received: 26.03.2024

Reviewed: 09.04.2024

Accepted: 12.04.2024

Статистические сведения о некоторых городах Севера в Российских географических словарях конца XVIII–XIX века

В. И. Силин

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
silinv@rambler.ru

Аннотация

В статье приведены статистические сведения из Географических словарей (лексиконов) Российской империи о губернских городах: Архангельске и Вологде; уездных: Мезени, Сольвычегодске, Устьысольске и Яренске. Выбор уездных городов объясняется тем, что эти территории частично или полностью вошли в XX в. в территорию Коми автономии.

Ключевые слова:

Архангельск, Вологда, Мезень, Сольвычегодск, Устьысольск, Яренск, Российский Север

Введение

Странная судьба у городов, одни становятся мегаполисами, другие превращаются в деревни. Цель данной статьи дать количественные (статистические) характеристики городов Коми края: губернских – Архангельск, Вологда, и уездных – Мезень, Сольвычегодск, Устьысольск, Яренск, на основе данных, приводимых в Русских географических словарях (лексиконах). Выбор уездных городов обусловлен тем, что территории этих уездов полностью или частично вошли в Республику Коми.

Географические словари почему-то выпали из поля зрения историков и практически нигде не приводятся изложенные в них сведения. Автор издал книгу, в которой привел выдержки (характеристика городов и народов Европейского Севера), из словарей В. Татищева, А. Полунина, Л. Максимовича, И. Щекатова, П. Семенова [1], но внимания читателей эта книга не привлекла. В статье приведены только статистические сведения о городах и уездах, которые можно использовать в исследовательской, преподавательской и музейной работе.

Содержание

Первый географический словарь был составлен В. Н. Татищевым [2], но статистических сведений он прак-

Statistical information about some towns of the North in Russian geographical dictionaries of the late XVIII–XIX centuries

V. I. Silin

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
silinv@rambler.ru

Abstract

The paper provides statistical information from the Geographical dictionaries (lexicons) of the Russian Empire about provincial towns: Arkhangelsk and Vologda; Uyezds: Mezen, Solvychegodsk, Ustysolsk and Yarensk. The choice of Uyezd towns is explained by the fact that these territories were partially or completely included in the territory of the Komi autonomy in the XX century.

Keywords:

Arkhangelsk, Vologda, Mezen, Solvychegodsk, Ustysolsk, Yarensk, Russian North

тически не содержал. Приведем только два значения: «Зыряна река, течет в Вычегду.

Зыряне, народ сарматской в Вычегоцком уезде, прежде с протчими пермы именованы и большая часть Стефаном крещены, несколько доднесь осталось».

В 1773 г. был опубликован Лексикон Федора Афанасьевича Полунина [3], в котором приведены некоторые количественные сведения и о городах.

Про **Архангельск** он пишет: «...Длиною он около пяти верст, а шириною две версты, и строения все деревянные, по большей части простое; один только гостинный двор каменный. Купечества в нем 2153 человека; собственно называемый город, в котором живет губернатор, обнесен деревянною стеною. Здесь имеет свое пребывание архиерей. Лютеране и кальвинисты имеют в сем городе свои церкви. Съестные припасы дешевы» [3, с. 15]. Так в двух словах выглядел главный город Архангелогородской губернии. В губернию тогда входили громадные территории четырех провинций: Двинской, Устюжской, Вологодской и Галицкой.

Вот как выглядела **Вологда**, тогда провинциальный город: «В сем городе имеет свое пребывание Архиерей, управляющий духовенством не токмо Вологодской, но

и близ лежащей Белозерской провинции, купечества в сем городе 2307 душ, а всех жителей мужеского пола, как-то купцов, мастеровых, церковников приказных служителей, да и крестьян, имеющих здесь свои дома, считается до 4000 человек; церквей и соборною 52, монастырей два, один мужской, Архиерейская семинария, и 1627 домов обывательских, из которых 8 каменных, а прочие деревянные. Фабрик здесь довольно; делаются перловая крупа, скипидар, бумага пищевая, сургуч, белила, сурик, лазорь, сусальное золото, юфти, сальные свечи славные по всей России, и шелковые платки, поясы и ленты» [там же, с. 61].

Про **Мезень** Полуниин пишет примечательную информацию: «Около лежащая страна пишется в Государственном титуле УДОРИЕЮ».

Про **Пустозерск** в лексиконе Полунина отмечается: «Достоин примечания, первое оного находящаяся страна в древние времена называлась ЮГОРИЕЮ; второе, что в 1870 году приписано к нему 683 Самоеда» [там же, с. 140].

Про исторически важный **Сольвычегодск** читаем: «Сольвычегодская, Сырянским именем Солдор, город Архангелогородской губернии, Устюжской провинции, при реке Вычегде, по Сырянски Эшва называемой, и впадающий в реку Двину, расстоянием от Устюга 70 верст. Здесь и на Устюге первые соляные варницы, во время Великого Князя Василия Иоанновича завели предки Господина Графа и Господ Баронов Строгановых, на что им и дана была от оного Государя в 1517 году жалованная грамота. В старину было здесь до 30 варниц, кои частью Господам Строгановым, частью Введенскому монастырю что в город Соли Вычегодской, частью же Коляжинскому, 7 верст выше города на реке Вычегде, находящемуся монастырю, принадлежали. Но розсоль от времени до времени стал быть хуже, и уже 30 лет назад не осталось больше, как Введенского монастыря две варницы, которая чаятельно с того времени также извелись. Купечества здесь 446 (или 440) человек».

Про **Яренск** мы узнаем, что купечества здесь 310 чел.

В 1788–1789 гг. вышел 6-томный словарь Российского государства, составленный Л. М. Максимовичем [4]. Этот словарь опубликован уже после административно-территориальной реформы, когда были определены уездные города, поэтому в словаре по ним уже есть хоть какая-то информация. Про **Архангельск** читаем: «В сем наместничестве по 4 ревизии состоит людей разного звания, купцов 839, мещан 3650, помещичьих 36, государственных казенных экономических крестьян и прочих 78644, неположенных в складе 1866, и того 85036 душ» [там же, ч. 1, с. 47]. Помимо этих цифр приводится информация о проживающих на территории наместничества Лопарях и Самоедах.

В **Вологодском** наместничестве: «Всех жителей мужского пола считается: купцов 1685, мещан 7240, помещичьих 89805, государственных, казенных, экономических крестьян и прочих 178014, не положенных в оклад 7337, итого 27808 (именно эта цифра значится в словаре – В. С.). Церквей с Соборною 53, Архиерейская семинария и 1627 домов обывательских, из коих 8 каменных, а прочие де-

ревянные. Фабрик здесь довольно, а именно: 2 шелковых и парусных, 2 набоечных, 2 сургучных, 3 разных красочных, 3 белильных, 1 канительная, 2 скипидарных, 21 юфтяной кожевенный завод, 9 солодовенных, 10 прядильных, 12 кирпичных, 13 свечных, 11 салотопных; на оных делаются перловая крупа, скипидар, бумага пищевая, сургуч, белила, сурик, лазорь, сусальное золото, юфти, сальные свечи славные по всей России, шелковые платки, поясы и ленты» [там же, ч. 1, с. 164].

Что же в словаре приводится о наших четырех уездных городах. О **Мезени**: «...а во оную (река Мезень – В.С.) при сем городе впадает река Удор почему и около лежащая страна пишется в Государственном титуле УДОРИЕЮ. Примечания заслуживает наипаче потому, что обитающие между Мезень и Печорою реками Самоеды, коих считается 293 души, в 1780 году к оному причислены» [там же, ч. 3, с. 172].

О **Сольвычегодске**: «Сольвычегодск, по Зырянски именуемый Солдорь, с 1780 года город Вологодского наместничества, прежде бывший Архангелогородской губернии, Устюжской провинции лежит при реке Вычегде, по Зырянски Ешва называемой, текущей в Двину» [2, ч. 5, с. 156]. Упоминается здесь о солеварении и торговле: «Купечества здесь 44 человек, для того в оном бывает одна в году ярмарка; а в уезде оного бывают торги в двух селах, В Бондокурском стану, и в Ильинском приходе, на Вилюде» [4, ч. 5, с. 156].

Про **Устьысольск** статистических сведений Максимо-вич не приводит, но упоминает о ярмарке: «В оном бывает годовая ярмарка ноября с 26 по 29 число, на которой скупают у промышленников мягкую рухлядь» [там же, ч. 6, с. 67].

Подобная информация приведена и по **Яренску**: «В оном бывает в году один небольшой торг января от 18 по 23 день разными мелочными товарами, на который приезжают купцы из Устюга Великого, Вологды и Соли Вычегодской» [4, ч. 6, с. 126].

С 1801 по 1809 год вышел «Географический словарь Российского государства» Афанасия Михайловича Щекатова в семи частях [5]. Характеристики населенных пунктов в нем намного значительнее, чем в предыдущих словарях. Много информации исторического плана, мы приводим только статистические сведения.

По губернским городам. **Архангельск**: «По описи 7131 (1628) считалось в городе посадских тяглых домов 115, приказного чина служителей 55, иностранных 7, а всех 155 двора. Публичных строений было: съездная изба (Канцелярия), где присутствовал Двинской Воевода; Таможня, Земской двор для сотников, старост и мирян; 3 кабака, 70 лавок оброчных, в том числе 22 лавки, принадлежащие тогдашним сего города жителям, 31 Холмогорцам, 17 стрельцам; Воеводский дом и двор городского Приказчика (Коменданта). По переписи 7186 (1678) года показано в городе 126 домов посадских и 24 иностранных». Училищ в городе было пять, в том числе семинария. Еще в словаре отмечается для Архангельска: «...обывательских же домов разного звания жителей как в городе, так и в Солом-

бали 2178, в том числе один каменной; фабрик и заводов канатных 7, корабельных верфей 3, сахарной 1, прядильных 6, кожевенных 13, пенковаренных 8, салотопленных 24, мыловаренных 5, солодовенных 8, пивоваренных 19, коптильных 5, для литья колоколов 2, кирпичных 4; кузниц медного дела 6, железного 27; мельниц ветреных 29, скотобоен 7, лавок 205, трактиров 2, питейных домов, каменной 1, деревянных 19». Количество жителей в Архангельской губернии насчитывало 170 300 душ.

По **Вологде** приводится большая информация по истории края, подробно описана церковная история. В Вологодской и Устюжской епархии (учреждена в 1799 г.) находились 742 церкви «а прежде было 28 монастырей мужских и женских и 999 церквей соборных, монастырских и приходских».

Количество населения в Вологде в словаре не отмечено, но приведены следующие статистические сведения: «В сем городе довольно хороших фабрик и заводов, а именно: шелковых и гарусных 2, сургучных 3, разных красочных и белильных 5, заводов кожевенных 21, солодовенных 9, прядильных 10, кирпичных 2, свечных и салотопных 13; годовых ярмарок здесь не бывает; но торг производится ежедневно...». Далее: «Обывательского строения каменного и деревянного считается около 1500 домов, питейных домов 16, трактир 1, разных харчевен 31, торговых купеческих лавок и анбаров, построенных после бывшего в 1769 году пожара, 236, а всех с состоящими в разных местах считается до 300, богаделен каменных 1, деревянных 5, кузниц до 100; в сем же городе большие казенные соляные магазины. Жителей в сем городе, купцов и цеховых около 2500, а всех как-то: духовных, военных, приказных, купцов, соляных промышленников и фабрикеров, мастеровых и прочих разночинцев, имеющих в городе свои дома, считается мужеска пола до 4000 душ».

Под названием «**Мезень**» у Щекатова приведен значительный очерк, описывающий исторические и природные особенности края, указывается о народах, проживающих в уезде, природных особенностях и мн. др. Никаких количественных данных нет: «В городе Мезени две церкви, деревянные Соборная Богоявленская и Спасская при которых один токмо клир».

Про Сольвычегодск читаем: «В нынешнем городе строения: 8 церквей каменных и 8 деревянных, да мужеский монастырь <...> Обывательского и казенного строения домов до 500 <...> Всех жителей считается в городе 1203 человека, в том числе купцов и мещан душ до 500 <...> Ярмарка во всем городе бывает одна июля с 7 числа и продолжается три дня» [5, ч. 5, с. 1096–1097].

Про **Устьысольск** Щекатов пишет: «Населен разными, в окладе не состоящими жителями, а также купцами и мещанами Грекороссийского исповедания, коих вообще считается до 1759 человек. Дома здешние отменнее пред другими тамошними селениями и две каменные, изрядно построенные церкви». Одна из ярмарок начиналась с 26 ноября и продолжалась пять-шесть дней.

В **Яренске** была одна каменная церковь и три деревянные. Прочих домов как казенных, так и обывательских

было около 300. Купечество и мещанство насчитывало около 250 душ. Еще одна из ярмарок проходила в Яренске с 18 по 24 января. В большом по площади уезде насчитывалось 23 933 души государственных крестьян и экономических – 1028. Женское население насчитывало 26 706 душ. Женское население преобладало над мужским на 1747 душ. «Такое неравенство большею частью происходит от привычки Зырян ходить на чужую сторону, где они часто остаются навсегда, а особливо в Сибири, как стране изобильно родящей хлеб».

После издания словаря Щекатова Географические словари (лексиконы) долго не издавались, хотя приводятся данные об Архангельске и Вологде в Справочном Энциклопедическом словаре издание К. Крайя, в Лексиконе Плюшара и других изданиях.

Следующим колоссальным трудом было издание Географическо-Статистического словаря под редакцией Петра Петровича Семенова 1863–1885 гг. в пяти томах [6]. Автор статьи рассматривал значение сведения из этого словаря для преподавательской работы [7].

Статистические сведения (в обработке) словаря П. П. Семенова [6] об Архангельской губернии S (с островами) – 775 386 кв. верст:

1. Число жителей в 1860 г.: 282 180 д. об. п. В том числе крестьян государственных – 171 752 об.п., удельных – 51 813 об.п., 20 бывш. крепостных. Большинство жителей православного вероисповедания – 274 437; раскольников – 5251; католиков и протестантов – 1285; евреев – 191; шаманской веры – 375 (все в Мезенском уезде); магометан – 41.

2. Национальный состав: в основном русские; лопари – 2 300 душ; корелы – 11 300; зыряне – 7000; самоеды – 4500.

3. Число поселков: 2543; из них менее 10 дворов – 1696; от 11 до 100 – 929; от 100 до 300 – 15; свыше 300 – 2.

4. Вероисповедание: церквей православных – 451; монастырей – 10; протестантских – 3; церквей единоверческих – 1.

5. Промышленность: в губернии в 1860 г. насчитывалось 413 заводов, рабочих на них 2300 чел.: замшевых – 116 заводов, кирпичных – 37, саловаренных – 29, лесопильных – 8 заводов, канатных – 4 завода.

6. Торговля: ярмарок в губернии – 15, на них в 1855 г. привезено товару на 515 000 руб. сер., продано – на 368 000 руб. сер.

7. Образование: число училищ в Архангельске – 10, в уездных городах – 8 (из них 1 духовное и 1 специальное для шкиперов); в казенных селениях – 28.

Статистические сведения о **Вологодской** губернии: S – 348 415 кв. верст:

1. Число жителей в 1861 г.: 960 848 д. об. п. (458 014 д. м. п.). В 1859 г. жители губернии проживали в 12 318 поселках (из них 13 городов, 19 пустыней и монастырей, 291 село, 319 погостов, 11 235 деревень, 4 фабрики, 9 заводов и 428 хуторов и селец), в которых насчитывалось 132 795 дворов. В числе наибольших селений в губернии значится село Вильгорт.

2. Вероисповедание населения в основном православное. Раскольников – 3525; католиков – 328; евреев – 203; протестантов – 118; магометан – 88. В 1861 г. церковью православных было 754 (655 – каменных), часовен – 579 и монастырей – 20 (7 – в городах).

3. Национальный состав: большая часть населения русские, остальные – зыряне (0,16). Зыряне жили в Устьсысольском и Яренском уездах, от дер. Межоги, по рекам Вычегде и Выми, отчасти и в Сольвычегодском уезде.

4. Сельское хозяйство: за 6 лет (1850–1856) в губернии сеялось ежегодно: озимого – 201 000 четв., ярового – 397 000, собрано озимого – 819 000 четв., ярового – 1 262 800. Картофеля в 1855 г. посеяно было 35 664 четв., собрано – 110 333 четв. Рогатый скот в Устьсысольском уезде преимущественно холмогорской породы. Леса занимали в губернии 91 % площади. Устьсысольский уезд по площади лесов занимал первое место. Большое значение для губернии имело льняное хозяйство.

5. Промышленность: мануфактурной деятельностью занимались 351 завод и фабрика. Первое место из фабрики и заводов занимали солеваренные промыслы (3 – на 149 400 руб.), второе – металлические (чугуноплавильные и железоделательные, в основном, размещались на территории Устьсысольского уезда). Помимо этого, был медный, 6 винокуренных и 2 пивоваренных, кирпичные и мн. др.

6. Торговля: проводился сбыт товаров, в основном, в Архангельск, Санкт-Петербург, Москву. В качестве товаров сбыта были: лен, холст, масло, сало, скипидар, деготь, смола, сажа, звериные шкуры, точилы, железо, чугуны, соль и др. Привозились: бакалейные, галантерейные товары, чай, сахар, табак и др.

7. Образование: в 1860 г. учебных заведений было 151, 1 гимназия, уездных училищ – 12, приходских – 14, училищ в ведении Министерства государственных имуществ – 56, удельных – 58, семинария – 1, духовных училищ – 6, приходское – 1; по всем заведениям было 6811 (904 ж. п.).

Интересны сведения и об уездных городах Коми края и об их уездах.

Мезенский уезд

1. Самый большой и пустой уезд по площади в Европейской России – 373 200 кв. верст (с островами – 474 900).

2. Население: по сведениям за 1864 г., число жителей в уезде (без города) составляло 40 355 д. об. п. (19 591 м. п.). Жители уезда проживали в 208 поселках, из которых сел было 30, слобода Пустозерская, деревень – 147, мелких поселков – 31. Селений, имевших свыше 500 д. об. п., в уезде было только 6: Сиябское – 2154 д. об. п., Мохченское – 1572, Ижма – 1453, Усть-Цильма – 1411, Красноборское – 823 и Долгощельское – 527.

3. Вероисповедание: неправославных в уезде на 1864 г. насчитывалось: 589 идолопоклонников (самоеды), 388 единоверцев, 65 раскольников. Церквей было 48 православных и 1 единоверческая и раскольниковый скит Великопоженский на р. Пижма.

4. Промышленность в уезде была почти неразвита, насчитывалось в 1864 г. 19 кожевенных и 48 замшевых заведений.

5. Торговля: из жителей уезда занимались торговлей ижемские зыряне и Пустозерцы. Ярмарки проходили в Ижме 13 февраля и 5 июня; Усть-Цильме – 10 июля и 1 ноября; Куе – 16 августа и 15 октября; на них в 1862 г. привозилось товаров на 120 тыс. руб. Лучшей считалась ярмарка в Ижме (привезено товаров в 1864 г. на 70 тыс. руб., продано – на 69 тыс. руб.).

Сольвычегодск (по-зырянски Совъ-доръ – Соляной край) в конце XV в. город известен под названием Усольск. S – 37 262 кв. версты.

Во время путешествия И. И. Лепехина здесь было 16 церквей (8 каменных), монастырь, домов – 401; купцы в числе 445 чел.

1. Население: на 1867 г. число жителей в городе – 1 317 д. об. п. (611 м. п.), из которых дворян – 196, почетных граждан – 87, купцов – 60, мещан – 324. В 1869 г. в городе было 200 домов (5 каменных), лавок – 30, из коих 26 – в гостинном дворе, уездное и приходское училища, духовное училище. Население уезда: в 1867 г. насчитывалось (без уездного города) 85 013 д. об. п. (41 383 м. п.). В числе жителей дворян – 21, крестьян казенных – 65 490, бывших удельных – 13 957, полоников – 147, собственников – 702. В 1859 г. жители уезда проживали в 1 682 поселках, из которых 181 селение имело жителей менее 10. 1 357 селений насчитывало жителей от 11 до 100 душ. 143 селений – от 101 до 300 душ и лишь одно село имело 308 д. об. п.

2. Вероисповедание: в основном жители придерживались православной веры, католиков – 12, магометан – 4, протестант – 1. В 1869 г. в городе было 13 церквей (все каменные), Введенский мужской монастырь, Борисоглебский монастырь, Сретенский женский монастырь. В основном жители уезда были русские, но проживали также и зыряне, например, на Вычегде в пределах уезда их насчитывалось в 28 селениях 1555 д. об. п. В 1869 г. в уезде было 59 церквей (45 каменных). Монастырей на территории уезда уже не существовало. Основное количество жителей придерживалось православной веры, кроме этого, проживали 3210 раскольников, 40 – католиков, 3 – протестанта.

3. Город не имел ни торгового, ни промышленного значения. Жители занимались некоторыми промыслами, шили сапоги, проводили сканные (филиграновые)? работы. Ремесленников в городе было в 1869 г. 29 чел. Сельское хозяйство в уезде: сеют лен (Виледская волость), рожь, овес, пшеницу и картофель. В 1870 г. в уезде было посеяно ржи 14 800 четв., снято – 51 600 четв.; овса – 1400–4200; ячменя – 26 400–80 500; картофеля – 2600–10 200. Хлеб использовался отчасти и завозной. В 1870 г. на каждый двор приходилось более 1 лошади, 3 головы рогатого скота и более 3 овец. Свиной держали не часто.

4. Торговля: в городе по понедельникам проводились базары и 3 ярмарки: с 7–14 марта, с 7–10 июля, с 20–27 ноября, из них первые две незначительны и имели оборот до 2 тыс. руб., на последнюю привозилось товара до 17–20 тыс. руб. Также торговля проводилась в заштатном городе Красноборске, а также на двух ярмарках, проходивших при Ильинской Вилегодской церкви с 17–24 июля и 17–28

августа; обороты их простирались по привозу на 30 тыс. руб., по продаже – на 7 тыс. руб.

Усть-Сысольск (по-зырянски Сыктывдын). С уезда – 148 871 кв. верста.

Во время посещения города И. И. Лепехиным в городе было две изрядных каменных церкви во имя св. Троицы и Покрова Богородицы. В 1840 г. В. Н. Латкин писал о наличии в Устьсысольске 3 каменных церквей, 566 домов и 3 тыс. жителей.

1. Население: по сведениям за 1881 г., в Усть-Сысольске проживало 4068 д. об. п. (1916 м. п.). Подавляющее число жителей придерживалось православной веры, проживало также католиков – 8, раскольников – 2, магометан – 2. В городе на тот период было 5 (3 каменных) церквей, из коих собор Св.Троицы постройки XVIII в.; домов – 700 (каменных – 5), магазинов и лавок – 37 (каменных – 3), училище, больница, общественная библиотека, городской общественный банк, основанный в 1865 г. с основным капиталом в 10 тыс. руб. Главное занятие жителей – земледелие.

2. Промышленность: на 1881 г. заводская промышленность Усть-Сысольска ограничивалась лишь двумя кожевенными заводами, выдавшими продукции на 4165 руб. Ремесленников в городе на этот период было 94 (хозяев – 80). Определенное значение имел отпуск товаров в местной пристани, осуществлявшийся не каждый год. В 1876 г. с пристани было отправлено всего 2755 пудов груза, из которых 1 тыс. пудов коровьего масла, 1 тыс. пудов лесных изделий, 600 пудов железа.

3. Торговля: товарооборот осуществляется как водным путем, так и сухопутным. Товар отправлялся в обе столицы, Вологду, Архангельск, а на Нижегородскую ярмарку отправлялось пушнины на сумму до 200 тыс. руб. Для потребностей местных жителей товары получали из Нижегород, Устюга и Вятской губернии на сумму до 100 тыс. руб. Базары проводились еженедельно по воскресеньям, на них продавали хлеб и разные съестные припасы. Ярмарка проводилась одна, с 16 ноября по 2 декабря, на нее привозилось товаров на сумму до 70 тыс. руб. Главными товарами служили: пушнина, дичь, красные, галантерейные и бакалейные товары.

Яренский уезд

1. S – 51 004,6 кв. версты, после Устьсысольского самый большой по площади в губернии. По своей площади превосходит 27 губерний Европейской России.

2. Из полезных ископаемых отмечается только соль. Сереговским солеваренным заводом представлена вся промышленность уезда, в 1881 г. на нем работало 189 рабочих и соли было выварено на 48 800 руб. В Серегове же была и единственная в уезде пристань, с которой отправлялась соль в количестве 150 тыс. пудов.

3. На 1881 г. в уезде проживало 41 512 чел. Коренное население – зыряне, их насчитывалось до 78 % населения. Из числа жителей: раскольников – 80, католиков – 2. Церквей православных – 31 (21 – каменная). В 1877 г. жители уезда проживали в 346 поселках, имеющих 5653 жилых строения. Из общего числа населенных пунктов только 8

имеют более 500 ж.об.п.: Яренск – 1328, Усть-Вымское – 504, Сотчемская – 516, Турьинское – 585, Коквицкое – 744, Палевицкое – 864, Жешартское – 920 и Сереговский завод – 1008 ж.об.п.

4. В 1881 г. в уезде насчитывалось начальных народных училищ 11, церковных приходских школ – 5, ремесленное отделение при Сереговском заводе.

5. Торговля: в уезде было 6 ярмарок, некоторые из них: в с. Важгортском, Крещенская с 6–18 января, Усть-Вымском – Герасимовская с 26 января – 1 февраля. На все эти ярмарки товаров привозилось на 162 тыс. руб. Наиболее крупные – в пог. Усть-Вымском – на 55 тыс.руб., и с. Важгортском – на 47 тыс. руб.

Выводы

Приведенные сведения о городах Европейского Севера из географических словарей (лексиконов) показывают степень эволюции географического изучения населенных пунктов в России.

Поскольку словари Полунина, Максимовича, Щекатова издавались при отсутствии статистических сведений из губерний, они являются важным источником по географии регионов.

Первые систематические статистические сведения о городах начали печатать с 1825 г. [8].

Словари ценны не только как источник статистических сведений, но в большей степени как источник сведений по географии и этнографии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Силин, В. И. Сведения о Севере в первых географических словарях Российской империи / В. И. Силин. – Сыктывкар, 2022. – 185 с.
2. Татищев, В. Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской / В. Н. Татищев // Избранные произведения / под ред. С. Н. Валка. – Ленинград : Наука, 1979. – С. 153–360.
3. Полунин, Ф. А. Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовия, рудные заводы и прочия достопамятные места обширной Российской империи / Ф. А. Полунин. – Москва, 1773. – 479 с.
4. Максимович, Л. М. Новый и полный географический словарь Российского государства. В 6 ч. – Москва : Университетская типография Н. Новикова, 1788–1789.
5. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онго виде: [в 7 ч.] / Л. М. Максимович; А. Щекатов (1 часть, остальные составлены А. Щекатовым). – Москва: Университетская типография, Хр. Клаудия, 1801–1809.
6. Географическо-статистический словарь Российской империи: [в 5 т.] / составитель П. П. Семенов [и др.]. –

Т.1. – Санкт-Петербург, 1863. – 716 с.; – Т.2. – Санкт-Петербург, 1865. – 898 с.; – Т.3. – Санкт-Петербург, 1867. – 743 с.; – Т.4. – Санкт-Петербург, 1867 с.; – Т.5. – Санкт-Петербург, 1885. – 1000 с.

7. Силин, В. И. Географический словарь П. П. Семенова – краеведческий материал для учителя средней школы (на примере территории Республики Коми) / В. И. Силин // Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. – Сыктывкар, 1998. – Ч. 3 – С. 103–136.
8. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. – Санкт-Петербург : Тип. Ивана Глазунова, 1829. – 95 с.

References

1. Silin, V. I. Svedeniya o Severe v pervykh geograficheskikh slovaryah Rossijskoj imperii [Information about the North in the first geographical dictionaries of the Russian Empire] / V. I. Silin. – Syktyvkar, 2022. – 185 p.
2. Tatishchev, V. N. Leksikon Rossijskoj istoricheskoy, geograficheskoy, politicheskoy i grazhdanskoy [Dictionary of the Russian historical, geographical, political and civil language] / V. N. Tatishchev // Selected works / Ed. S. N. Valka. – Leningrad: Nauka, 1979. – P. 153 – 360.
3. Polunin, F. A. Geograficheskij leksikon Rossijskogo gosudarstva, ili Slovar', opisuyushchij po azbuchnomu porядку reki, ozera, morya, gory, goroda, kreposti, znatnye monastyri, ostrogi, yasashnye zimoviya, rudnye zavody i prochiya dostopamyatnyya mesta obshirnoj Rossijskoj imperii [The geographical lexicon of the Russian state, or a Dictionary describing in alphabetical order rivers, lakes, seas, mountains, towns, fortresses, noble monasteries, prisons, ashlar winter quarters, ore factories and other memorable places of the vast Russian Empire] / F. A. Polunin. – Moscow:, 1773. – 479 p.
4. Maksimovich, L. M. Novyj i polnyj geograficheskij slovar' Rossijskogo gosudarstva. Moskva, Universitetskaya tipografiya N. Novikova, 1788-1789. – V 6 chastyah [A new and complete geographical dictionary of the Russian state. – Moscow, N. Novikov University Printing House, 1788-1789. – In 6 parts] / L. M. Maksimovich.
5. Geograficheskij slovar' Rossijskogo gosudarstva, sochinennyj v nastoyashchem onago vide [Geographical Dictionary of the Russian State, composed in its present form]: [in 7 parts] / L. M. Maksimovich; A. Shchekatov (part 1, the rest were compiled by A. Shchekatov). – Moscow: University Printing House, H. Claudia, 1801 – 1809.
6. Geograficheskoe-statisticheskij slovar' Rossijskoj imperii [Geographical and Statistical Dictionary of the Russian Empire]: [in 5 vols.] / Comp. P. P. Semenov et al. – Vol.1. – St.Petersburg., 1863. – 716 p.; – Vol.2. – St.Petersburg, 1865. – 898 p.; – Vol.3. – St.Petersburg, 1867. – 743 p.; – Vol.4. – St.Petersburg, 1867 p.; – Vol.5. – St.Petersburg, 1885. – 1000 p.
7. Silin, V. I. Geograficheskij slovar' P.P. Semenova – kraevedcheskij material dlya uchitelya srednej shkoly (na primere territorii Respubliki Komi) // Oчерки po istorii geograficheskikh issledovanij na territorii Komi kraja [Geographical dictionary of P.P. Semenov – local history material for a secondary school teacher (case study of the territory of the Komi Republic) / V. I. Silin // Essays on the history of geographical research in the Komi Territory]. – Syktyvkar, 1998. – Part 3. – P. 103–136.
8. Statisticheskoe izobrazhenie gorodov i posadov Rossijskoj imperii po 1825 god [Statistical representation of towns and settlements of the Russian Empire until 1825]. – St.Petersburg: Ivan Glazunov Printing House, 1829. – 95 p.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России» № 122040800166-0.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic "Transformations of society, government and economy in the regions of the European North of Russia" No. 122040800166-0.

Информация об авторе:

Силин Владимир Иванович – доктор географических наук, главный научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-1616-2755 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail; silinv@rambler.ru).

Author:

Vladimir I. Silin – Dr. Sci. (Geography), Chief Researcher of the Sector of Historical-Demographic and Historical-Geographical Research of the Russian North of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian

Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-1616-2755 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: silinv@rambler.ru).

Для цитирования:

Силин, В. И. Статистические сведения о некоторых городах Севера в Российских географических словарях конца XVIII–XIX века / В. И. Силин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 18–24.

For citation:

Silin, V. I. Statistical information about some towns of the North in Russian geographical dictionaries of the late XVIII–XIX centuries / V. I. Silin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2024. – No. 2(68). – P. 18–24.

Дата поступления статьи: 06.03.2024

Прошла рецензирование: 08.03.2024

Принято решение о публикации: 18.03.2024

Received: 06.03.2024

Reviewed: 08.03.2024

Accepted: 18.03.2024

К проблеме о корреляции численности населения и климатических условий в кочевых обществах Юга России

И. В. Лиджиева*, Ю. С. Шургучиева**

* Южный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону

** Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова,
г. Элиста

irina-lg@yandex.ru
sidorkina.yuliya.20@mail.ru

Аннотация

Несмотря на активную имперскую политику, направленную на интеграцию инородческих регионов в общероссийское социально-экономическое пространство, экстенсивное скотоводство и в последней трети XIX в. продолжало оставаться основным направлением хозяйствования в кочевых обществах Юга России. Предметом исследования данной статьи выступает проблема установления взаимовлияния численности населения и природно-климатических факторов на примере калмыцкого общества Астраханской губернии. Калмыцкая степь в силу ее географического положения и климатических условий является одной из самых засушливых территорий в европейской части России. Данный фактор обуславливает зависимость благосостояния автохтонного населения от погодных условий. Основой источниковой базы послужили статистические сведения, представленные в годовых отчетах начальника Астраханской губернии и главных попечителей Калмыцкой степи. Указанная выборка предопределена отсутствием ряда отчетных материалов как в первом случае, так и во втором. При этом, следует отметить, что в статистических сведениях за определенный год в отчетах разных уровней имеют место незначительные разночтения.

Утверждение об использовании инородческих окраин как сырьевого ресурса, выдвинутое исследователями в XX в., в рамках коммунистической идеологии продолжает оставаться одним из значимых и в современной исторической науке. В ходе исследования авторы акцентируют внимание на статистические сведения, характеризующие численность кочевого калмыцкого населения, и соотносят их с годами, неблагоприятными в плане климатических показателей последней трети XIX в. полученными ранее. В заключении сделан вывод о том, что в результате активной имперской политики по переводу кочевников на оседлый образ жизни рассматриваемая корреляция оказалась ничтожной, что свидетельствует об отходе кочевников от экстенсивного способа ведения хозяйства и приобщения к оседлости.

Ключевые слова:

Калмыцкая степь, кочевое население, корреляция, учет населения, перепись кочевников, посемейные списки, «домашняя перепись»

On the problem of correlation between population and climatic conditions in nomadic societies of the South of Russia

I. V. Lidzhieva*, Yu. S. Shurguchieva**

* Southern Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don

** Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov,
Elista

irina-lg@yandex.ru
sidorkina.yuliya.20@mail.ru

Abstract

Despite the active imperial policy aimed at integrating foreign regions into the all-Russian socio-economic space, extensive cattle breeding continued to be the main direction of economic activity in the nomadic societies of Southern Russia in the last third of the XIX century. The subject of research is the problem of establishing the mutual influence of the population and natural and climatic factors, using the example of the Kalmyk society of the Astrakhan province. Due to its geographical location and climatic conditions, the Kalmyk steppe is one of the driest territories in the European part of Russia. This factor determines the dependence of the well-being of the indigenous population on weather conditions. The basis of the source base was statistical information presented in the annual reports of the Head of the Astrakhan province and the main trustees of the Kalmyk steppe. This sample is predetermined by the absence of a number of reporting materials, both in the first and second case. At the same time, it should be noted that there are minor discrepancies in the statistical data for a certain year in the reports of different levels.

The statement about the use of foreign outskirts as a raw material resource, put forward by researchers in the XX century within the framework of communist ideology, continues to remain one of the most significant in modern historical science. In the course of the study, the author focuses on statistical information characterizing the size of the nomadic Kalmyk population, and correlates them with years unfavorable in terms of climatic indicators in the last third of the XIX century, obtained earlier. It is concluded that as a result of the active imperial policy of transferring nomads to a sedentary lifestyle, the correlation in question turned out to be negligible, which indicates the departure of nomads from the extensive way of farming and becoming sedentary.

Keywords:

Kalmyk steppe, nomadic population, correlation, population registration, census of nomads, family lists, "household census"

С конца XVIII в. Калмыцкая степь входила в состав Астраханской губернии, являясь одной из ее административно-территориальных единиц. Автохтонное население степи – калмыки – кочевой народ, после ликвидации национальной государственности в форме ханства по-прежнему сохраняли отдельные элементы традиционного самоуправления и нормы обычного права как регуляторы отношений внутри общества. Одной из таких норм являлся запрет на проведение учета населения [1, 2]. Так, по утверждению современных исследователей, «понятие исчисляемых и неисчисляемых объектов в калмыцкой культуре определяется наличием у некоторых групп предметов характерных черт. Свойство исчислимости в традиционных представлениях калмыков определяется как признак конечности, что обусловило появление запрета на счет таких объектов, как звезды, люди, домашние животные, пища» [1]. Политика интеграции калмыцкого народа в общероссийское пространство сопровождалась проведением ряда мероприятий, требующих знаний о численности населения. Это обстоятельство обусловило поиски способов установления численности

кочевого калмыцкого населения. Ранее нами проводилось исследование, предметом которого выступали способы подсчета кочевников [3].

Цель данной статьи – установление наличия взаимовлияния численности кочевого населения и природно-климатических факторов в последней трети XIX в. на примере калмыцкого общества. Основой источниковой базы послужили годовые отчеты главных попечителей калмыцкого народа, содержащие статистические сведения о численности калмыков по сословным группам и приложения к всеподданнейшему отчету астраханских губернаторов. Указанная выборка обусловлена отсутствием ряда отчетных материалов как в первом случае, так и во втором. При этом, следует отметить, что в статистических сведениях за определенный год в отчетах разных уровней имеют место незначительные разночтения. В результате, по выявленным данным, составлена таблица, иллюстрирующая динамику численности калмыцкого населения Астраханской губернии.

Кроме устоявшихся традиционных взглядов на запрет учета, в том числе людей, также не способствовала налаживанию эффективной системы регистрации рождения и смерти населения кочевая система хозяйствования.

В результате отсутствия метрических сведений о рождении и смертности между калмыками не сложно сделать должное заключение о ежегодных колебаниях данного показателя. В приложении к годовому отчету начальника Астраханской губернии за 1870 г. отмечается, что «такие сведения были бы весьма важны, при обсуждении различных мероприятий в отношении к калмыкам» [30].

В губернаторском отчете за 1872 г. приводятся сведения о производстве переписи калмыков в 1857 г., но только покибиточно. Суть такого способа заключалась в подсчете наличных кибиток, с условием, что в них проживают по две души мужского и женского полов.

В 1862 и 1868 гг. была произведена проверка семейных списков, так называемые «домашние» переписи. Кроме того, с этого времени стали ежегодно собираться сведения о владельцах, зайсангах и духовенстве, цифра же простолюдинов оставалась без изменения. Таким образом, на 1868 г. калмыков насчитывалось 119 587 душ [31].

Потребность даже в приближенных данных о движении населения в среде калмыков-простолюдинов обусловила в 1873 г. со стороны Управления калмыцкого народа издание предписания буддийскому ду-

Численность населения Калмыцкой степи Астраханской губернии

Population of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province

Год	Нойоны и члены их семей		Зайсанги и члены их семей		Духовенство	Простолюдины		Всего
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины		Мужчины	Женщины	
1869	18	21	1809	1387	1159	65 196	49 716	119 306
1870	нет данных							-
1871	17	15	1810	1 456	-	65 196	49 716	118 210
1872	16	16	1707	1 469	1157	53 569	47 798	105 732
1873	14	13	1673	1 439	1173	65 196	49 716	119 224
1874	13	14	1659	1 436	1028	65 196	49 716	119 062
1875	13	14	1641	1 412	1054	65 196	49 716	119 046
1876	115 912							115 912
1877	14	18	1967	1 720	1020	69 845	55 008	129 592
1878	14	18	2016	1 763	1035	69 260	54 497	128 603
1879	Нет данных							-
1880	118 244							118 244
1881	119 596							119 596
1882	119 596							119 596
1883	146 971							146 971
1884	15		1817		883	127 163		129 878
1885	36		3081		965	128 561		132 643
1886	18	19	1657	1485	1008	72 450	58 320	134 957
1887	17	18	1723	1523	1006	71 299	59 035	134 621
1888	16	16	1732	1521	982	72 058	59 301	135 626
1889	19	16	1573	1425	2040	72 763	59 468	137 304
1890	18	17	1776	1591	849	72 694	59 524	136 469
1891	17	18	1777	1594	768	73 937	59 828	137 939
1892	17	17	1860	1511	1763	67 768	61 077	134 013
1894	16	19	1838	1633	1633	67 554	60 360	132 053
1895	73 579 мужчин + 63 813 женщин = 137 392							137 392
1896	69 039 мужчин + 63 132 женщин = 132 171							132 171
1897	68 795 мужчин + 62 604 женщин = 131 399							131 399
1899	138 170							

Источники: [4–29].

Sources: [4–29].

ховенству о ведении списков обо всех родившихся, бракосочетавшихся и умерших [32].

Полученные сведения привели к тому, что канцелярия астраханского губернатора, тайного советника Н. Н. Бипена, в отчете за 1875 год вынуждена была констатировать сокращение калмыцкого населения среди владельцев зайсангов и духовенства на 86 душ. Одновременно усматривая причину в свирепствовавших эпидемиях холеры и оспы, истребивших в большом числе кочевников, а также в холодных и снежных зимах, сопровождавшихся продолжительными метелями, каких прежде не было в здешней местности. Уменьшение численности лиц привилегированного сословия заставляло подумать о наличии отрицательной динамики среди простолюдинов. Приведенные обстоятельства указывали на крайнюю необходимость производства переписи кочевников, результаты которой позволили бы объективно оценить сложившуюся социально-экономическую ситуацию.

В соответствии с высочайше утвержденным 16 июня 1876 г. положением комитета министров, Управление калмыцким народом обязывалось произвести поверку имеющихся списков и собранных в 1868 г. данных о численном количестве калмыцкого народа, т. е. провести очередную «домашнюю перепись» [33].

Ранее проведенное исследование в рамках проекта Российского научного фонда позволило определить годы, которые стали крайне тяжелыми для калмыцкого кочевого населения в силу погодных условий. Так, в ходе статистического анализа количественных показателей, характеризующих хозяйственное состояние, с описанием погодных условий была определена прямая зависимость скотоводства и в большей степени земледелия от климатического фактора. К неблагоприятным годам, в плане климатических показателей, пришлись 1872, 1873, 1880, 1885, 1890, 1891, 1892 гг. [34]. Соотношение указанных годов с численностью населения, приведенных в таблице, в эти периоды не позволяет однозначно утверждать о наличии в последней трети XIX в. взаимовлияния между ними, что свидетельствует о положительных последствиях проводимой политики как столичной, так и местной администрациями в регионе. Применяемая тактика превентивных мер в кочевом хозяйстве, основанном на экстенсивном скотоводстве, прежде всего, была направлена на недопущение падежа скота и, соответственно, снижение благосостояния населения. По утверждению коллег, по проекту, внедряемые нововведения в виде сенозаготовки и т. п., имели положительные результаты, однако к кардинальным изменениям они не привели. Зависимость экстенсивного кочевого скотоводства сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода [35].

Таким образом, приведенные статистические данные, характеризующие численность кочевого калмыцкого населения, и соотнесение их с годами, неблагоприятными в плане климатических показателей в последней трети XIX в., показало наличие ничтожной зависимости их друг от друга, что свидетельствует об отходе кочевников от экстенсивного способа ведения хозяйства и приобщения к оседлости.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Бакаева, Э. П. «Двадцать копеек – это семьдесят денег» / Э. П. Бакаева // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 2. – С. 15.
2. Борджанова, Т. Г. Магическая поэзия калмыков / Т. Г. Борджанова. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1999. – 181 с.
3. Лиджиева, И. В. Количественный учет инородческого населения Юга России во второй половине XIX в. / И. В. Лиджиева, Е. Н. Бадмаева // Журнал фронтирных исследований. – 2021. – Т. 6, № 3 (23). – С. 29–47.
4. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. И-9. Оп. 16. Д. 4. Л. 17.
5. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 14. Л.
6. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 16. Л. 10.
7. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 18. Л. 18 об.
8. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 20. Л. 16 об.
9. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 21. Л. 21 об.
10. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 25. Л. 19.
11. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 26. Л. 13 об.
12. Обзор Астраханской губернии за 1880 год: приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии. – Астрахань, 1881. – С. 33.
13. Обзор Астраханской губернии за 1881 год: приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии. – Астрахань, 1882. – С. 23.
14. Обзор Астраханской губернии за 1882 год: приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии. – Астрахань, 1883. – С. 34.
15. Обзор Астраханской губернии за 1883 год: приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии. – Астрахань, 1884. – С. 41.
16. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 72. Л. 4.
17. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 83. Л. 4.
18. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 94. Л. 5 об.
19. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 96. Л. 8 об.
20. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 100. Л. 9 об.
21. НАРК. Ф. И-9. Оп. 6. Д. 30. Л. 6.
22. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 106. Л. 6.
23. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 109. Л. 11 об.
24. НАРК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 42. Л. 10.
25. НАРК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 55. Л. 11.
26. Обзор Астраханской губернии за 1895 год: приложение ко всеподданнейшему отчету. – Астрахань, 1896. – С. 29.
27. Обзор Астраханской губернии за 1896 год: приложение ко всеподданнейшему отчету. – Астрахань, 1897. – С. 28.
28. Обзор Астраханской губернии за 1897 год: приложение ко всеподданнейшему отчету. – Астрахань, 1899. – С. 48.
29. Обзор Астраханской губернии за 1900 год: приложение ко всеподданнейшему отчету. – Астрахань, 1901. – С. 33.
30. Обзор Астраханской губернии за 1870 год: приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии. – Астрахань, 1871. – С. 7.
31. Обзор Астраханской губернии за 1872 год: приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии. – Астрахань, 1873. – С. 11–12.

32. Обзор Астраханской губернии за 1874 год: приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии. – Астрахань, 1875. – С. 22.
 33. Обзор Астраханской губернии за 1876 год: приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии. – Астрахань, 1877. – С. 19–20.
 34. Лиджиева, И. В. Природно-климатические условия как фактор хозяйственного развития кочевых обществ (на примере калмыков) / И. В. Лиджиева // Былые годы. 2022. – № 17 (3). – С. 1119.
 35. Шургучиева, Ю. С. «Богач до первого бурана»: правительственные меры по преодолению суровых зим в кочевых обществах / Ю. С. Шургучиева, М. С. Горяев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 2 (75). – С. 78.
- ## References
1. Bakaeva, E. P. «Dvadcat' kopeek — eto sem'desyat deneg» [Twenty kopecks is seventy money] / E. P. Bakaeva // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. – 2009. – No. 2. – P. 15.
 2. Bordzhanova, T.G. Magicheskaya poeziya kalmykov [Magical poetry of the Kalmyks] / T. G. Bordzhanova. – Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1999. – 181 p.
 3. Lidzhiyeva, I. V. Kolichestvennyj uchet inorodcheskogo naseleniya YUga Rossii vo vtoroj polovine XIX v. [Quantitative accounting of the foreign population of the South of Russia in the second half of the XIX century] / I. V. Lidzhiyeva, E. N. Badmaeva // Zhurnal frontirnyh issledovanij [J. of Frontier Studies]. – 2021. – Vol. 6. № 3 (23). – P. 29–47.
 4. Nacional'nyj arhiv Respubliki Kalmykiya [National Archive of the Republic of Kalmykia] (hereinafter – NARK). F. I–9. Op. 16. D. 4. L. 17.
 5. NARK. D. 14. L.
 6. Ibid. D. 16. L. 10.
 7. Ibid. D. 18. L. 18 ob.
 8. Ibid. D. 20. L. 16 ob.
 9. Ibid. D. 21. L. 21 ob.
 10. Ibid. D. 25. L. 19.
 11. Ibid. D. 26. L. 13 ob.
 12. Obzor Astrahanskoj gubernii za 1880 god: prilozhenie ko vsepoddannejshemu otchetu nachal'nika Astrahanskoj gubernii [Review of the Astrakhan province for 1880: appendix to the most comprehensive report of the Chief of the Astrakhan province]. – Astrakhan, 1881. – P. 33.
 13. Obzor Astrahanskoj gubernii za 1881 god: prilozhenie ko vsepoddannejshemu otchetu nachal'nika Astrahanskoj gubernii [Review of the Astrakhan province for 1881: appendix to the most comprehensive report of the Chief of the Astrakhan province]. – Astrakhan, 1882. – P. 23.
 14. Obzor Astrahanskoj gubernii za 1882 god: prilozhenie ko vsepoddannejshemu otchetu nachal'nika Astrahanskoj gubernii [Review of the Astrakhan province for 1882: appendix to the most comprehensive report of the Chief of the Astrakhan province]. – Astrakhan, 1883. – P. 34.
 15. Obzor Astrahanskoj gubernii za 1883 god: prilozhenie ko vsepoddannejshemu otchetu nachal'nika Astrahanskoj gubernii [Review of the Astrakhan province for 1883: appendix to the most comprehensive report of the Chief of the Astrakhan province]. – Astrakhan, 1884. – P. 41.
 16. NARK. F. I–9. Op. 1. D. 72. L. 4.
 17. Ibid. D. 83. L. 4.
 18. Ibid. D. 94. L. 5 ob.
 19. Ibid. D. 96. L. 8 ob.
 20. Ibid. D. 100. L. 9 ob.
 21. Ibid. F. I–9. Op. 6. D. 30. L. 6.
 22. Ibid. F. I–9. Op. 1. D. 106. L. 6.
 23. Ibid. D. 109. L. 11 ob.
 24. Ibid. F. I–9. Op. 2. D. 42. L. 10.
 25. Ibid. D. 55. L. 11.
 26. Obzor Astrahanskoj gubernii za 1895 god: prilozhenie ko vsepoddannejshemu otchetu [Review of the Astrakhan province for 1895: appendix to the most comprehensive report of the Chief of the Astrakhan province]. – Astrakhan, 1896. – P. 29.
 27. Obzor Astrahanskoj gubernii za 1896 god: prilozhenie ko vsepoddannejshemu otchetu [Review of the Astrakhan province for 1896: appendix to the most comprehensive report of the Chief of the Astrakhan province]. – Astrakhan, 1897. – P. 28.
 28. Obzor Astrahanskoj gubernii za 1897 god: prilozhenie ko vsepoddannejshemu otchetu [Review of the Astrakhan province for 1897: appendix to the most comprehensive report of the Chief of the Astrakhan province]. – Astrakhan, 1899. – P. 48.
 29. Obzor Astrahanskoj gubernii za 1900 god: prilozhenie ko vsepoddannejshemu otchetu [Review of the Astrakhan province for 1900: appendix to the most comprehensive report of the Chief of the Astrakhan province]. – Astrakhan, 1901. – P. 33.
 30. Obzor Astrahanskoj gubernii za 1870 god: prilozhenie ko vsepoddannejshemu otchetu nachal'nika Astrahanskoj gubernii [Review of the Astrakhan province for 1870: appendix to the most comprehensive report of the Chief of the Astrakhan province]. – Astrakhan, 1871. – P. 7.
 31. Obzor Astrahanskoj gubernii za 1872 god: prilozhenie ko vsepoddannejshemu otchetu nachal'nika Astrahanskoj gubernii [Review of the Astrakhan province for 1872: appendix to the most comprehensive report of the Chief of the Astrakhan province]. – Astrakhan, 1873. – P. 11–12.
 32. Obzor Astrahanskoj gubernii za 1874 god: prilozhenie ko vsepoddannejshemu otchetu nachal'nika Astrahanskoj gubernii [Review of the Astrakhan province for 1874: appendix to the most comprehensive report of the Chief of the Astrakhan province]. – Astrakhan, 1875. – P. 22.
 33. Obzor Astrahanskoj gubernii za 1876 god: prilozhenie ko vsepoddannejshemu otchetu nachal'nika Astrahanskoj gubernii [Review of the Astrakhan province for 1876: appendix to the most comprehensive report of the Chief of the Astrakhan province]. – Astrakhan, 1877. – P. 19–20.
 34. Lidzhiyeva, I. V. Prirodno-klimaticheskie usloviya kak faktor hozyajstvennogo razvitiya kochevykh obshchestv (na primere kalmykov) [Natural and climatic conditions as a factor of economic development of Nomadic Societies

(case study of the Kalmyks)] / I. V. Lidzhieva // Bylye gody [Bygone years]. – 2022. – No. 17 (3). – P. 1119.

35. Shurguchieva, Yu.S. «Bogach do pervogo burana»: pravitel'stvennye mery po preodoleniyu surovyyh zim v kочеvyykh obshchestvakh ["Rich before the first storm": government

measures to overcome the effects of severe winters in Nomadic Societies] / Yu. S. Shurguchieva, M. S. Goryaev // Kaspijskij region: politics, economics, culture [Caspian region: politics, economy, culture]. – 2023. – № 2 (75). – P. 78.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX–середина XX в.)» (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

Acknowledgments (state task)

The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation № 22-18-00313 "Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and climatic factors (XIX – mid XX century)" (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

Информация об авторе:

Лиджиева Ирина Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Южного центра РАН; Scopus Author ID 56437701600, <http://orcid.org/0000-0002-5699-1021> (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Чехова, д. 41; e-mail: irina-lg@yandex.ru).

Шургучиева Юлия Сергеевна — магистрант Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова; Scopus Author ID, <https://orcid.org/0000-0002-1538-8429> (358015, Российская Федерация, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11; e-mail: sidorkina.yuliya.20@mail.ru).

Author:

Irina V. Lidzhieva – Dr. Sci. (History), Leading Researcher at the Department of Humanitarian Research of the Southern Center of the Russian Academy of Sciences; Scopus Author ID 56437701600, <http://orcid.org/0000-0002-5699-1021>. (41, Chekhov st., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation; e-mail: irina-lg@yandex.ru)

Yulia S. Shurguchieva – master student of Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov; Scopus Author ID, <https://orcid.org/0000-0002-1538-8429>. (11, Pushkin st., Elista 358015, Russian Federation; e-mail: sidorkina.yuliya.20@mail.ru)

Для цитирования:

Лиджиева, И. В. К проблеме корреляции численности населения и климатических условий в кочевых обществах Юга России / И. В. Лиджиева, Ю. С. Шургучиева // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2(68). – С. 25–29.

For citation:

Lidzhieva, I. V. On the problem of correlation between population and climatic conditions in nomadic societies of the South of Russia / I. V. Lidzhieva, Yu. S. Shurguchieva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2024. – No. 2(68). – P. 25–29.

Дата поступления статьи: 14.03.2024

Прошла рецензирование: 21.03.2024

Принято решение о публикации: 25.03.2024

Received: 14.03.2024

Reviewed: 21.03.2024

Accepted: 25.03.2024

Социально-психологические факторы миграции крестьян на территории Коми края во второй половине XIX–начале XX века

О. А. Куратов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
olegkuratorov@mail.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает вопросы, связанные с социально-психологическими факторами миграции крестьян на территории Коми края, особое внимание уделяя характерным чертам менталитета коми-зырян, приверженности традициям и нормам обычного права. В работе продемонстрировано влияние традиционного хозяйственного уклада на миграционное поведение населения Коми края, раскрыты особенности приспособления мигрантов к новому обществу.

Ключевые слова:

крестьяне, миграционное поведение, вторая половина XIX–начало XX в., Коми край

Миграция представляет собой деятельность, выступающую одним из средств удовлетворения базовых потребностей человека. Существует ряд факторов, приводящих к принятию решения о миграции. Наряду с объективными экономическими факторами, значимым является социально-психологический фактор, который понимается исследователями как совокупность материальных и духовных установок, ценностных ориентаций человека [1]. Особенности личности могут влиять на решение о миграции, так как в одинаковых внешних условиях люди могут по-разному оценивать целесообразность переезда. Поэтому эти особенности можно считать субъективными факторами миграции.

Одним из важных аспектов социально-психологического компонента миграции является адаптивное поведение мигрантов (ориентированное на приспособление к климатическим, социально-экономическим и иным условиям новой среды) и их последующее социальное встраивание. Адаптация мигрантов представляет собой процесс их приспособления к новому обществу, согласование своих ожиданий с реальными возможностями и условиями принимающей стороны, что позволяет бесконфликтно проживать и работать в новом окружении [2, с. 413].

Socio-psychological factors of peasant migration in the Komi region in the second half of the XIX–early XX centuries

O. A. Kuratov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
olegkuratorov@mail.ru

Abstract

The author considers issues related to the socio-psychological factors of peasant migration in the Komi territory. Special attention is paid to the characteristic features of the Komi-Zyryan mentality, adherence to traditions and norms of customary law. The paper demonstrates the influence of the traditional economic structure on the migration behavior of the population of the Komi region. The peculiarities of migrants' adaptation to the new society are also revealed.

Keywords:

peasants, migration behavior, second half of the XIX – early XX centuries, Komi region

Изучение социально-психологических факторов, обусловивших миграционное поведение крестьянства Коми края (т. е. совокупности административно-территориальных единиц, совпадающих с территорией современной Республики Коми) во второй половине XIX–начале XX в. стоит начать с общей характеристики социально-экономических условий, характерных для жизни сельского населения края в указанный период. Начало кризиса феодально-крепостнической системы, который произошёл в конце 1850-х гг., вынудило правительство провести серию социальных, экономических и административных реформ, что подтолкнуло развитие капитализма в сельском хозяйстве. При этом продолжало сохраняться крестьянское мало-земелье. Даже в Усть-Сысольском уезде, где сборы всех зерновых культур были стабильно выше, чем в среднем по Коми краю, крестьяне уезда продолжали испытывать трудности, связанные с «земельным голодом». Сельское хозяйство не могло обеспечить основной массе крестьян ни минимальных жизненных потребностей, ни исправной уплаты многочисленных податей и сборов [3, с. 80; 4, с. 412–413].

Итак, существовал ряд объективных социально-экономических факторов, которые могли побудить значи-

тельную часть населения Коми края к миграции с целью улучшения своего уровня жизни. При этом коми крестьянству во второй половине XIX в. и вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции все еще был характерен традиционный хозяйственный уклад. Это означало высокую приверженность населения традициям и нормам обычного права, в котором земля и ее богатства являлись общественной собственностью. В «Трудах экспедиции по исследованию земель Печорского края» указано, что долгое время север жил «своей особенной жизнью, слагавшейся под влиянием наличных естественно-исторических и бытовых условий края» [5, с. 36]. Отсутствие помещичьей собственности на землю позволило сохранить эту особенность.

Проявления традиционного хозяйственного уклада в отношении миграционного поведения населения Коми края прослеживаются в письменных этнографических источниках. Ряд важных полевых этнографических наблюдений мы встречаем в периодическом издании «Вологодские губернские ведомости», где в разные годы неоднократно публиковали статьи, авторы которых стремились описать нравственные и этические особенности коми-зырян. Так, в статье «Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению» А. Е. Попов упоминает, что зыряне слабо стремятся к улучшению своего быта, зачастую предпочитая сохранение вековых традиций нововведениям и воспринимая изменения как попытку лишить их привычного образа жизни. В другой своей публикации «Мнение о происхождении зырян и очерк некоторых свойств их» А. Попов показывает, что даже в самых критических жизненных ситуациях коми-зыряне проявляют выдержку: «...падет ли единственная лошадь, сгорит ли дом со всем имением, или умрет сын, зырянин потоскует; но никогда не вырвется у него ропот на судьбу. Он с покорностью предается воле Провидения» [1]. Тем не менее Попов указывает на важную черту, характерную для традиционного общества – коллективизм. Он объясняет, почему зыряне относятся к жизненным трудностям так спокойно: когда с человеком случалось несчастье, он знал, что не останется один наедине со своей бедой и всегда может рассчитывать на помощь своих соседей, так как солидарность и взаимопомощь были основными ценностями в зырянском обществе [6, с. 160]. В то же время индивиды, которым в большей степени характерны проявления индивидуализма, отличаются также и высокой степенью мобильности, в том числе и географической.

Интересно отношение местного населения к тем сложностям, которые в центральной России становились причинами развития переселенческого движения – с малоземельем и неурожаями. Признавая тяготы крестьянской жизни, автор отмечает, что зыряне не имели обыкновения жаловаться на свою судьбу. В ответ на слова А. Попова о частых неурожаях на их земле, крестьяне Вишеры замечают: «Зато Бог дал нам леса, наполненные всякого рода зверьями и птицами, а это составляет источник нашего продовольствия и богатства» [там же, с. 165]. Эта оценка отражает реальное положение хозяйственного бюджета коми крестьянства по соотношению продуктивности

сельского хозяйства и традиционных промыслов. Действительно, охота и рыболовство продолжали оставаться сферой деятельности еще весьма значительной части населения Коми края, особенно в отдельных районах, где условия для земледелия были неблагоприятными. Значение охоты для коми населения было столь велико, что именно нехватка неосвоенных и пригодных для промыслов участков была одной из главных причин внутренней миграции на территории Коми края.

Подобное отношение к традиционным промыслам прослеживается и у населения в ряде других соседних с населенными коми волостей, которые в эпоху феодализма относились к так называемым «черным землям». Так, например, один из лесничих Поморья в 1910 г. замечал: «Сельское хозяйство крестьян Архангельской губернии при существовании лесных заработков и промыслов, обеспечивающих бытовую их жизнь, является лишь подспорьем, тогда как в губерниях средней и южной полосы России хозяйство это составляет главный источник их существования» [2]. Занятие охотой, помимо прочего, способствовало сохранению архаичных, но значимых для населения моральных норм, связанных с отношением к праву распоряжения землей и ее дарами. Эти нормы можно обозначить как «принцип трудового пользования и владения», по которому «затрата труда» позволяла смотреть на землю, как на ресурс для извлечения средств к жизни путем пользования ее естественных даров или через разработку в сельскохозяйственных целях [5, с. 35].

Семьи, не имевшие достаточно земли, часто практиковали отходы на промыслы для заработка (ремесло, торговля, работа на заводах, в услужении). Развивалась лесозаготовительная промышленность. Так, Усть-Сысольский уезд был основным поставщиком мужских рабочих рук в соседние уезды и губернии в конце XIX в. В волостях с большим количеством отходников промысел имел существенное влияние на хозяйство крестьянина, обеспечивая значительный доход, который шел на уплату налогов, покупку продовольствия и промышленных товаров. Все это формы временной трудовой миграции.

Отношение коми крестьян к временной миграции мы находим у еще одного автора, публиковавшегося в «Вологодских губернских ведомостях» – М. И. Михайлова. В своей статье он приводит подробное и развернутое описание особенностей менталитета коми-зырян. Автор отмечает их глубокую привязанность к родине. Крестьяне, уезжая на заработки и находя для себя прибыльное занятие, всегда возвращались домой весной, чтобы поделиться своими заработками с земляками. У зырян «чувство любви к родине заглушало привычную жадность к приобретению», корыстолюбие и расчет [2].

Как уже было сказано, одним из аспектов социально-психологического компонента миграции является адаптация мигрантов. В случае миграций на территории Коми края известны случаи возвращения на ранее оставленные территории по различным причинам, в первую очередь связанным с качеством земли или трудностью мелиорации. Но зафиксированы и случаи отказа от официального присвоения занятого участка по причине

конфликта с местными жителями, что вынуждало переселенцев искать новый участок. Так, семейство самоедов (ненцев), переселившись на казенный участок земли в Усть-Усе, настоятельно просили выделить им другой участок. «Просители упорно заявляют, что им в Усть-Усе стало непосильно жить», – пишет лесной ревизор в Архангельское управление Земледелия и Государственных имуществ. Он добавляет, что переселение местных жителей происходит не по причине недостатка доброкачественных земель в пределах оседлости, а по желанию «получить больший и независимый земельный простор и стать ближе к речным и лесным промыслам». Очевидно, что население Усть-Усы враждебно воспринимало поселенцев, не желая делить с ними промысловые угодья. «Получается в конце концов впечатление, что зыряне просто сознательно выжимают от себя самозванных самоедов, чтобы воспользоваться их угодьями», – заключает ревизор [7].

Таким образом, механизм, вызывающий миграцию, представляет собой систему, включающую, с одной стороны, объективные экономические факторы, а с другой – субъективные, или социально-психологические. Традиционный хозяйственный уклад крестьян Коми края, который проявлялся в коллективизме, приверженности традициям и обычному праву, вступал в противоречие со стремлением государства стимулировать миграцию на слабо развитых в сельскохозяйственном отношении территориях страны. Коми крестьянство воспринимало изменения как попытку лишить их привычного образа жизни. Исследование социально-психологических компонентов миграции в Коми крае позволяет увидеть сложные взаимосвязи между экономическим развитием государства и социокультурной средой.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Попов, А. Е. Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / А. Е. Попов; сост., вступ. ст. В. А. Лимеровой. – Сыктывкар : ООО «Изд-во «Кола», 2010. – С. 158–174, 186.
2. Михайлов, М. И. О земледелии и скотоводстве у зырян Усть-Сысольского уезда // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / М. И. Михайлов; сост., вступ. ст. В. А. Лимеровой. – Сыктывкар : ООО «Изд-во «Кола», 2010. – С. 27.

3. Котов, П. П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII–начале XX века / П. П. Котов. – Сыктывкар, 1996. – 165 с.
4. Шаньгина, В. В. Промышленность и неземледельческие занятия крестьян / В. В. Шаньгина // История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2004. – Т. 1.
5. Труды экспедиции по исследованию земель Печорского края Вологодской губернии / под ред. П. И. Соколова. – Санкт-Петербург, 1910. – Т. II. – С. 35–36.
6. ГАО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1026. Л. 269–269 об.
7. ГАО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1026. Л. 5–5 об.

References

1. Popov, A. E. Putevye zametki ot Ust'-Sysol'ska k Visherskomu seleniyu [Travel notes from Ust-Sysolsk to the Vishera village] / A. E. Popov // Zyryane i zhyranskiy kraj v literaturnykh dokumentakh XIX veka [The Zyryans and the Zyryan region in literary documents of the XIX century]. – Syktyvkar: «Kola» Publ., 2010. – P. 158–174.
2. Mikhailov, M. I. O zemledelii i skotovodstve u zhyran Ust'sysol'skogo uyezda [About agriculture and cattle breeding among the Zyryans of Ust-Sysolsk Uyezd] / M. I. Mikhailov // Zyryane i zhyranskiy kraj v literaturnykh dokumentakh XIX veka [The Zyryans and the Zyryan region in literary documents of the XIX century]. – Syktyvkar: «Kola» Publ., 2010. – P. 27.
3. Kotov, P. P. Dinamika urovnya zemledeliya v Komi krae v konce XVIII – nachale XX veka [Dynamics of the level of agriculture in the Komi region in the late XVIII – early XX centuries] / P. P. Kotov. – Syktyvkar, 1996. – 165 p.
4. Shangina, V. V. Promyshlennost i nezemledelcheskie zanyatiya krestyan [Industry and non-agricultural activities of peasants] / V. V. Shangina // History of Komi from ancient times to the end of the XX century. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 2004. – Vol. 1.
5. Trudy ekspedicii po issledovaniyu zemel' Pechorskogo kraia Vologodskoi gubernii [Proceeding of the expedition to explore the lands of the Pechora region of the Vologda province] / Ed. P. I. Sokolov. – St. Petersburg, 1910. – Vol. II. – P. 35–36.
6. GAO [State Archive of the Arkhangelsk region]. F. 115. Op. 11. D. 1026. L. 5, 5 ob.
7. Ibid. F. 115. Op. 11. D. 1026. L. 269, 269 ob.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России» № 122040800166-0.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic “Transformations of society, government and economy in the regions of the European North of Russia” № 122040800166-0.

Информация об авторе:

Куратов Олег Александрович – младший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-2575-0698 (Российская Федерация, Республика Коми, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: olegkuratov@mail.ru).

Author:

Oleg A. Kuratov – Junior Researcher of the Sector of Historical-Demographic and Historical-Geographical Research of the Russian North, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; ORCID: 0000-0002-2575-0698 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: olegkuratov@mail.ru).

Для цитирования:

Куратов, О. А. Социально-психологические факторы миграции крестьян на территории Коми края во второй половине XIX-начале XX века / О. А. Куратов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2(68). – С. 30–33.

For citation:

Kuratov, O. A. Socio-psychological factors of peasant migration in the Komi region in the second half of the XIX-early XX centuries / O. A. Kuratov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2024. – No. 2(68). – P. 30–33.

Дата поступления рукописи: 26.02.2024

Прошла рецензирование: 28.02.2024

Принято решение о публикации: 05.03.2024

Received: 26.02.2024

Reviewed: 28.02.2024

Accepted: 05.03.2024

Младенческая смертность на европейском севере России в конце XIX–начале XX века

Д. В. Вишнякова

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
vishnyakova_dari@mail.ru

Аннотация

В XIX–начале XX в. в Российской империи наблюдались значительные региональные различия в показателях младенческой смертности. В этом исследовании автор оценивает раннюю детскую смертность Архангельской и Вологодской губерний, располагавшихся на европейском севере России. В статье рассмотрены динамика и территориальные различия в младенческой смертности в период с 1885 по 1910 год. Приведены сравнительные данные коэффициента младенческой смертности по уездам и городам Архангельской и Вологодской губерний. В результате исследования определены территории, где показатели младенческой смертности значительно превышали среднегубернские значения. Также было проведено сравнение рассматриваемых показателей среди городского и сельского населения. Выявлены особенности младенческой смертности, обусловленные этнической принадлежностью, социальным статусом.

Ключевые слова:

европейский север России, Архангельская губерния, Вологодская губерния, младенческая смертность, коэффициент младенческой смертности

В исторической демографии анализ пространственных закономерностей и изменений с течением времени играет важную роль. Предыдущие исследования смертности в Российской империи в конце XIX–начале XX в. выявили значительную территориальную дифференциацию как в уровнях младенческой и ранней детской смертности, так и в сроках и темпах их снижения [1, 2]. Изучение материалов по отдельным областям показало, что некоторые территории могли содержать значительные отличия в смертности из-за разницы в плотности населения, профессиональном и промышленном составе, экологических опасностях и местных эпидемиологических условиях [3, 4].

В представленной работе проведен пространственный анализ младенческой смертности в конце XIX–начале XX в. Архангельской и Вологодской губерний, объединенных

Infant mortality in the European North of Russia in the late XIX–early XX centuries

D. V. Vishnyakova

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
vishnyakova_dari@mail.ru

Abstract

In the XIX – early XX centuries, significant regional differences in infant mortality rates in the Russian Empire were observed. This study assesses early infant mortality in the Arkhangelsk and Vologda provinces located in the European North of Russia. The paper considers the dynamics and territorial differences in infant mortality in the period from 1885 to 1910. The work provides comparative data on the infant mortality rate for Uyezds and towns of the Arkhangelsk and Vologda provinces. As a result of the study, territories were identified where infant mortality rates were significantly higher than the provincial average. The comparison of the considered indicators among the urban and rural population was also carried out. Peculiarities of infant mortality caused by ethnicity and social status have been identified.

Keywords:

European North of Russia, Arkhangelsk province, Vologda province, infant mortality, infant mortality rate

понятием европейский север России. Основным источником данных по младенческой смертности для нашего исследования послужили издания Центрального статистического комитета Российской империи за 1885–1910 гг. «Движение населения в Европейской России». Используемые материалы содержат необходимые сведения как на уровне губерний, так и на уровне уездов. Показатель младенческой смертности рассчитывается как зарегистрированное число детей, умерших в возрасте до одного года, деленное на 1000 живых рождений.

В конце XIX–начале XX в. Россия отличалась самыми высокими показателями младенческой смертности среди европейских государств, в большинстве западноевропейских стран младенческая смертность была значительно ниже. В изучаемый период коэффициент младенческой смертности по 50 губерниям Российской

империи составлял в среднем 274–253 ‰ на 1000 родившихся. Исключительно высокий коэффициент смертности грудных детей за 1867–1881 гг. имел место в Пермской губернии – 438 ‰, в Московской – 406, Нижегородской – 397 ‰. К 1908–1910 гг. коэффициенты детской смертности понизились преимущественно в ряде губерний с особо высокой детской смертностью (в Пермской, Московской, Нижегородской, Владимирской, Ярославской, Петербургской, Оренбургской, Казанской) и повысились – в Курской, Киевской, Бессарабской, Витебской, Ковенской, Екатеринославской губерниях, Области Войска Донского. По большинству же губерний изменения коэффициентов смертности грудных детей за 1867–1881 и 1908–1910 гг. были относительно небольшими [1]. Для сравнения, общий коэффициент смертности демонстрировал устойчивое падение на протяжении того же периода, сократившись к 1913 г. на 25 %. Исследователи также отмечают, что показатели младенческой смертности росли с юго-запада на северо-восток и связывают пространственное распределение младенческой смертности в европейской части России с распределением великорусского населения и увеличением доли великорусского населения с юго-запада на северо-восток [2].

Очевидно, что высокие показатели смертности на первом году жизни следует определять неправильным кормлением и распространенной среди русского православного населения практикой раннего отнятия от груди и прикорма твердой пищей. Антисанитарные условия жизни, тяжелый физический труд матерей в период беременности, плохое питание, неумелый уход за детьми, недостаток медицинской помощи приводили к тому, что более четверти родившихся детей умирали, не дожив до года.

Северные губернии занимали обширную территорию. Площадь Архангельской губернии составляла свыше 844 тыс. км.² В ее составе находилось девять городов. Губерния делилась на уезды: Архангельский, Кемский, Кольский (с 1883 г.), Александровский (с 1899 г.), Мезенский, Онежский, Печорский (с 1891 г.), Пинежский, Холмогорский, Шенкурский. Вологодская губерния занимала 351,9 тыс. км.² Состояла из 10 уездов: Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Вельский, Устюжский, Тотемский, Никольский, Сольвычегодский, Яренский и Усть-Сысольский уезды. На территории губернии находились 12 городов [5].

Динамика коэффициента младенческой смертности за изучаемый период по Архангельской губернии представлена в табл. 1.

Архангельская губерния с ее обширными и малозаселенными территориями входила в состав регионов с относительно невысокой младенческой смертностью.

Таблица 1
Коэффициент младенческой смертности по Архангельской губернии, конец XIX – начало XX века

Table 1

Infant mortality rate in Arkhangelsk province, end of the XIX – beginning of the XX centuries

Уезды, города	1885 г.	1890 г.	1896 г.	1900 г.	1905 г.	1910 г.
Архангельский уезд	332	257	307	267	286	234
Александровский уезд	–	–	–	184	110	133
Кемский уезд	155	133	182	196	172	137
Кольский уезд	218	217	190	–	–	–
Мезенский уезд	310	287	253	316	255	208
Онежский уезд	400	278	272	240	244	264
Печорский уезд	–	–	429	340	339	260
Пинежский уезд	453	240	318	270	284	254
Холмогорский уезд	399	245	237	227	255	219
Шенкурский уезд	395	313	296	309	234	253
г. Архангельск	283	227	290	248	294	229
Уездные города	402	317	360	320	218	237
По всем городам	332	260	315	273	270	231
По всем уездам	354	264	285	271	252	235
По губернии	352	263	287	271	253	234

Источники: здесь и в табл. 2: [6–11].

Примечание. «–» – в это время данного уезда не существовало.

Sources: Here and in Table 2: [6–11].

Note: «–» – at this time this Uyezd did not exist.

По данным табл. 1, показатели детской смертности в возрасте до года продемонстрировали значительные территориальные различия. Дифференциация младенческой смертности внутри губернии в 1885 г. составила от 155 ‰ в Кемском уезде до 453 ‰ – в Пинежском, в 1890 г. от 133 ‰ – в Кемском до 313 ‰ – в Шенкурском, в 1896 г. от 182 ‰ – в Кемском до 429 ‰ – в Печорском, в 1905 г. от 110 ‰ – в Александровском до 339 ‰ – в Печорском, в 1910 г. 133 ‰ – в Александровском до 264 ‰ – в Онежском уездах.

На всем протяжении изучаемого периода довольно низкий показатель смертности грудных детей наблюдался в Кемском уезде Архангельской губернии. Как показывают исследования, меньше всего младенцев в Кемском уезде умирало в среде карельского и саамского населения, где младенческая смертность была в три раза меньше, чем в среде русских жителей уезда. В поморских приходах уезда младенческая смертность колебалась в пределах 180–300 ‰, приближалась к средним показателям младенческой смертности по европейской территории России. В то же время в карельских приходах она редко превышала 100 ‰ [12]. Образ жизни беломорских карел оказывал положительное влияние на выживаемость детей в регионе. Во второй половине XIX в. карельские мужчины Кемского уезда занимались в основном отхожими промыслами. Благодаря тому, что карельские мужчины уходили на заработки в отдаленные места осенью и возвращались только весной, количество зачатий достигало своего максимума летом, а количество рождений – зимой. Женщины, не будучи заняты земледельческими работами, имели больше времени и свободы для

ухода за новорожденными. Это приводило к тому, что карельские дети получали материнское молоко в течение первых месяцев жизни, что является оптимальным питанием для младенцев. В отличие от сверстников, которых в русских деревнях часто кормили «жевками», карельские дети имели более благоприятные условия питания. Это способствовало их здоровому развитию и повышало шансы на выживаемость в самый опасный период первого года жизни. Разница в культуре ухода и отношении к кормящим матерям и маленьким детям сыграла важную роль в сохранении жизни детей в Кемском уезде.

В Печорском уезде показатели младенческой смертности, наоборот, были значительно выше общегубернских значений. Недостаточный уход и питание приводили к тяжелым последствиям для детей и младенцев. По материалам исследовательских экспедиций начала XX в. в печорский край, было очевидно, что женщины, столкнувшиеся с тяжелой нагрузкой домашних и полевых работ из-за отсутствия мужчин, покидающих хозяйства для рыболовных, морских или охотничьих промыслов, не могли обеспечить должный уход и питание своим детям, что вело к их преждевременной смерти [13].

В целом уровень младенческой смертности по Архангельской губернии определялся детской смертностью сельского населения, так как процент городских жителей был не столь значительным. Соотношения среди сельских и городских жителей в показателях детской смертности в возрасте до 1 года на протяжении всего исследуемого периода колебались. В 1885 и 1890 гг. коэффициент младенческой смертности был выше среди населения уездов, в последующие годы данный коэффициент был либо выше среди городского населения, либо имел примерно равные значения и по сельским, и по городским территориям. Источники позволили определить уровень младенческой смертности для г. Архангельск. Для уездных городов губернии мы можем привести лишь обобщенные данные, но не по каждому городу в отдельности. В целом, можно заключить, что в столичном губернском городе уровень младенческой смертности был явно ниже, чем в уездных городах. Коэффициент младенческой смертности в г. Архангельск был больше, чем в других городах только в 1905 г. Несмотря на отдельные колебания, в начале XX в. произошло снижение смертности грудных детей как по губернии в целом, так и по сельским и городским округам в частности.

В табл. 2 представлены данные о младенческой смертности по Вологодской губернии. По Вологодской губернии коэффициент младенческой смертности был существенно выше, чем по Архангельской. По уездам губернии смертность грудных детей варьировала в 1885 г. от 303 % по Усть-Сысольскому уезду до 568 % – по Кадниковскому

Таблица 2
Коэффициент младенческой смертности по Вологодской губернии, конец XIX–начало XX века

Table 2
Infant mortality rate in Vologda province, end of the XIX – beginning of the XX centuries

Уезды, города	1885 г.	1890 г.	1896 г.	1900 г.	1905 г.	1910 г.
Вологодский уезд	397	254	327	302	304	256
Велико-Устюжский уезд	399	322	348	330	326	272
Вельский уезд	356	340	283	277	316	235
Грязовецкий уезд	398	293	364	332	350	296
Кадниковский уезд	568	350	360	401	376	337
Никольский уезд	362	400	333	257	396	313
Сольвычегодский уезд	378	280	297	346	340	280
Тотемский уезд	452	376	347	365	423	346
Усть-Сысольский уезд	303	288	317	283	431	355
Яренский уезд	367	289	316	310	490	393
г. Вологда	237	233	235	288	320	205
Уездные города	324	252	268	235	420	219
По всем городам	287	244	255	260	373	213
По всем уездам	416	332	337	323	368	312
По губернии	412	329	334	321	369	307

уезду, в 1890 г. от 254 % – по Вологодскому до 400 % – по Никольскому, в 1896 г. от 283 % – по Вельскому до 364 % – по Грязовецкому, в 1900 г. от 257 % – по Никольскому до 401 % – по Кадниковскому, в 1905 г. от 30 % – по Вологодскому уезду до 490 % – по Яренскому, в 1910 г. от 235 % – по Вельскому до 393 % – по Яренскому уездам. В разные годы по различным уездам наблюдалось максимальное значение коэффициента младенческой смертности. Но в целом можно сказать, что довольно большие показатели фиксировались в течение исследуемого периода в Кадниковском, Никольском, Тотемском уездах.

Среди городского населения смертность детей в грудном возрасте была, за исключением 1905 г., ниже, чем среди сельского населения Вологодской губернии. В самой Вологде, в сравнении с уездными городами, младенческая смертность также имела более низкие показатели. Высокий уровень смертности от инфекционных заболеваний в основном определялся местным эпидемиологическим контекстом. В конце XIX–начале XX в. в городах происходил рост численности и плотности проживания населения. Однако в тех городах Вологодской губернии, где увеличение плотности населения происходило интенсивнее всего, в них же более активно шли процессы санитарного благоустройства городской среды и становления организации санитарного надзора [14]. Со временем изменения в городской среде и местной санитарной инфраструктуре в значительной степени способствовали ограничению передачи инфекционных заболеваний и повышению выживаемости в этих городах. Также несмотря на то, что уровень младенческой смертности оставался высоким, разрыв между коэффициентами младенческой смертности сельских и городских районов сокращался.

В целом показатели ранней детской смертности на европейском севере России в конце XIX–начале XX в. оста-

вались высокими. Коэффициенты младенческой смертности продемонстрировали значительную региональную вариабельность. Например, трудоемкость работы женщин в сельском хозяйстве губерний была определена как возможная причина высокого уровня младенческой смертности. Сельскохозяйственные работы женщин, возможно, сокращали грудное вскармливание и, таким образом, увеличивали младенческую смертность. Возможно, в отдельных районах перенаселенность домохозяйств и высокая рождаемость также были связаны с детской смертностью. Этот вопрос требует дальнейших дополнительных исследований. Несмотря на это, плотность населения на территории европейского севера России в целом по-прежнему была значительно ниже, чем в центральных районах. Вероятно, этот факт препятствовал масштабному распространению эпидемий и влиял на более низкие показатели детской смертности.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Рашин, А. Г. Население России за сто лет (1811–1913 гг.) / А. Г. Рашин. – Москва, 1956. – С. 192–201.
2. Натхов, Т. В. Младенческая смертность в пореформенной России: динамика, региональные различия и роль традиционных норм / Т. В. Натхов, Н. А. Василенок // Историческая информатика. – 2020. – № 3 (33). – С. 71–88.
3. Голикова, С. В. Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX–начало XX в.): историко-методический и методический аспекты / С. В. Голикова. – Екатеринбург : Уральское отделение РАН, 2012. – 176 с.
4. Бахарев, Д. С. Младенческая смертность в Пермской губернии в конце XIX–начале XX в.: опыт пространственного анализа / Д. С. Бахарев // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием, Новосибирск, 27–29 сентября 2018 года. – Новосибирск : Издательско-полиграфический центр Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Институт истории СО РАН, 2018. – С. 75–82.
5. Большая Российская энциклопедия. – URL : <https://old.bigenc.ru/> (дата обращения: 15.03.2024).
6. Движение населения в Европейской России. Статистические таблицы за 1880 год. – Санкт-Петербург : Центральный статистический комитет внутренних дел, 1890. [2]. – VIII. – 211 с.
7. Движение населения в Европейской России. Статистические таблицы за 1890 год. – Санкт-Петербург : Центральный статистический комитет внутренних дел, 1895. [3]. – VI. – 211 с.
8. Движение населения в Европейской России. Статистические таблицы за 1896 год. – Санкт-Петербург :

Центральный статистический комитет внутренних дел, 1899. [3]. – VII. – 211 с.

9. Движение населения в Европейской России. Статистические таблицы за 1900 год. – Санкт-Петербург : Центральный статистический комитет внутренних дел, 1906. [2]. – X. – 211 с.
10. Движение населения в Европейской России. Статистические таблицы за 1905 год. – Санкт-Петербург : Центральный статистический комитет внутренних дел, 1914. [2]. – XVI. – 251 с.
11. Движение населения в Европейской России. Статистические таблицы за 1910 год. – Петроград : Центральный статистический комитет внутренних дел, 1916. [2]. – XV. – 251 с.
12. Шикалов, Ю. Г. Архангельская Карелия: задворки Востока или форпост Запада? Репродуктивное поведение крестьян Архангельской Карелии в конце XIX–начале XX в. // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008. – С. 181–193.
13. Печорский край. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда, произведенное доктором С. В. Мартыновым. Ч. 2. – Санкт-Петербург, 1905. – С. 41.
14. Агафонова, А. Б. Санитарное состояние и благоустройство городов Вологодской и Новгородской губерний в 1870–1914 гг. : автореферат дис. ... к. и. н. : 07.00.02 / А. Б. Агафонова. – Череповец, 2019. – С. 23.

References

1. Rashin, A. G. Naseleniye Rossii za sto let (1811–1913 gg.) [Population of Russia over a hundred years (1811–1913)] / A. G. Rashin. – Moscow, 1956. – P. 192–201.
2. Natkhov, T. V. Mladencheskaya smertnost' v poreformennoy Rossii: dinamika, regional'nyye razlichiya i rol' traditsionnykh norm [Infant mortality in post-reform Russia: dynamics, regional differences and the role of traditional norms] / T. V. Natkhov, N. A. Vasilenok // Istoricheskaya informatika [Historical informatics]. – 2020. – № 3(33). – P. 71–88.
3. Golikova, S. V. Detskaya smertnost' v Permskoy gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): istochnikovedcheskiy i metodicheskiy aspekty [Infant mortality in the Perm province (second half of the XIX – early XX century): source study and methodological aspects] / S. V. Golikova. – Ekaterinburg : Ural Branch, RAS, 2012. – 176 p.
4. Bakharev, D. S. Mladencheskaya smertnost' v Permskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.: opyt prostranstvennogo analiza [Infant mortality in the Perm province at the end of the XIX – beginning of the XX century: experience of spatial analysis] / D. S. Bakharev // Aktual'nyye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh : sbornik materialov Vserossiyskoy molodezhnoy nauchnoy shkoly-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem [Current problems of

- historical research: the view of young scientists: collection of materials from the All-Russian youth scientific school-conference with international participation], Novosibirsk, September 27-29, 2018. – Novosibirsk: Publishing and Printing Center of Novosibirsk National Research State University, Institute of History, Siberian Branch, RAS, 2018. – P. 75–82.
5. Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia] <https://old.bigenc.ru/> (accessed: 15.03.2024).
 6. Dvizheniye naseleniya v Yevropeyskoy Rossii. Statisticheskiye tablitsy za 1880 god [Population movement in European Russia. Statistical tables for 1880]. – St.Petersburg : Central Statistical Committee of Internal Affairs, 1890. [2]. – VIII. – 211 p.
 7. Dvizheniye naseleniya v Yevropeyskoy Rossii. Statisticheskiye tablitsy za 1890 god [Population movement in European Russia. Statistical tables for 1890]. – St.Petersburg : Central Statistical Committee of Internal Affairs, 1895. [3]. – VI. – 211 p.
 8. Dvizheniye naseleniya v Yevropeyskoy Rossii. Statisticheskiye tablitsy za 1896 god [Population movement in European Russia. Statistical tables for 1896]. – St.Petersburg : Central Statistical Committee of Internal Affairs, 1899. [3]. – VII. – 211 p.
 9. Dvizheniye naseleniya v Yevropeyskoy Rossii. Statisticheskiye tablitsy za 1900 god [Population movement in European Russia. Statistical tables for 1900]. – St.Petersburg : Central Statistical Committee of Internal Affairs, 1906. [2]. – X. – 211 p.
 10. Dvizheniye naseleniya v Yevropeyskoy Rossii. Statisticheskiye tablitsy za 1905 god [Population movement in European Russia. Statistical tables for 1905]. – St.Petersburg : Central Statistical Committee of Internal Affairs, 1914. [2]. – XVI. – 251 p.
 11. Dvizheniye naseleniya v Yevropeyskoy Rossii. Statisticheskiye tablitsy za 1910 god [Population movement in European Russia. Statistical tables for 1910]. – Petrograd : Central Statistical Committee of Internal Affairs, 1916. [2]. – XV. – 251 p.
 12. Shikalov, Yu. G. Arkhangel'skaya Kareliya: zadvorki Vostoka ili forpost Zapada? Reproductivnoye povedeniye krest'yan Arkhangel'skoy Karel'ii v kontse XIX – nachale XX v. [Arkhangel'sk Karelia: the backyard of the East or the outpost of the West? Reproductive behavior of peasants of Arkhangel'sk Karelia at the end of the XIX – beginning of the XX centuries] / Yu. G. Shikalov // Granitsy i kontaknyye zony v istorii i kul'ture Karel'ii i sopredel'nykh regionov. Gumanitarnyye issledovaniya [Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions. Humanities studies]. Issue.1. – Petrozavodsk: Karelian Science Centre, RAS, 2008. – P. 181–193.
 13. Pechorskiy kray. Podverno-ekonomicheskoye issledovaniye seleniy Pechorskogo uyezda, proizvedennoye doktorom S. V. Martynovym [Pechora Territory. Household economic study of the villages of the Pechora Uyezd, carried out by Dr. S.V. Martynov]. Part 2. – St. Petersburg, 1905. – P. 41.
 14. Agafonova, A. B. Sanitarnoye sostoyaniye i blagoustroystvo gorodov Vologodskoy i Novgorodskoy guberniy v 1870-1914 gg. [Sanitary condition and improvement of the towns of the Vologda and Novgorod provinces in 1870-1914] : abstract of diss... Cand. Sci. (History) : 07.00.02 / A. B. Agafonova. – Cherepovets, 2019. – P. 23.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России» № 122040800166-0.

Acknowledgements (state task)

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, state registration No. of the project: FUUU-2021-0011 «Transformations of society, government and economy in the regions of the European North of Russia».

Информация об авторе:

Вишнякова Дарья Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-8671-4877 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vishnyakova_dari@mail.ru).

Author:

Darya V. Vishnyakova – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of Historical-Demographic and Historical-Geographical Research of the Russian North, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch,

Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-8671-4877 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: vishnyakova_dari@mail.ru).

Для цитирования:

Вишнякова, Д. В. Младенческая смертность на европейском севере России в конце XIX–начале XX века / Д. В. Вишнякова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 34–39.

For citation:

Vishnyakova, D. V. Infant mortality in the European North of Russia in the late XIX – early XX centuries / D. V. Vishnyakova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “Historical demography”. – 2024.– No. 2 (68). – P. 34–39.

Дата поступления статьи: 11.03.2024

Прошла рецензирование: 21.03.2024

Принято решение о публикации: 25.03.2024

Received: 11.03.2024

Reviewed: 21.03.2024

Accepted: 25.03.2024

Украинский вопрос в контексте национальной политики Австрии в годы Первой мировой войны (1914–1916)

Д. А. Коновалов

Белорусский государственный университет,
г. Минск
d.k.official@mail.box@gmail.com

Аннотация

В статье автор исследует отношения австрийских органов власти и политических организаций украинцев Австрии и России в годы Первой мировой войны (1914–1916). Рассмотрены основные направления австро-украинского сотрудничества в военной, внутри- и внешнеполитической сферах. Исследование демонстрирует изменение политики Австрии по отношению к украинскому движению в контексте событий Первой мировой войны: от поддержки планов по организации восстания на территории России и создания украинского государства до отказа от сотрудничества и перехода к поддержке основного конкурента украинского движения в борьбе за государственность – поляков.

Ключевые слова:

Австро-Венгерская империя, Германская империя, Галиция, Первая мировая война, украинский вопрос, Центральные державы, Главный украинский совет, Союз освобождения Украины

Естественным результатом ускоренного экономического и социально-политического развития начала XIX в. стал рост национального самосознания народов, населявших Европу. В этот период одновременно на территориях, полученных Австрийской и Российской империями после разделов Речи Посполитой, зарождается идея о национальной самобытности восточнославянского населения, изначально называвшегося русинами, а позднее – украинцами. Зародившись как культурно-просветительское со временем национальное движение превратилось в политическое. В Австрийской империи большинство украинцев проживало в трех регионах – Буковине, Галиции и Закарпатье.

В 1867 г. произошло преобразование Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию. Новое государственное образование состояло из двух частей – Цислейтании (австрийская половина, состоящая из 17 областей) и Транслейтании (венгерская половина). Регионы, населенные украинцами, оказались в разных частях государства: Буковина и Галиция – в австрийской, Закарпатье – в венгерской частях.

The Ukrainian question in the context of Austrian national policy during the First World War (1914–1916)

D. A. Konovalov

Belarusian State University,
Minsk
d.k.official@mail.box@gmail.com

Abstract

The author studies the relations between the Austrian authorities and political organizations of Ukrainians in Austria and Russia during the First World War (1914–1916). The main directions of Austrian-Ukrainian cooperation in the military, domestic and foreign policy spheres are considered. The study demonstrates a change in Austria's policy towards the Ukrainian movement in the context of the events of the First World War: from supporting plans to organise an uprising in Russia and create a Ukrainian state to refusing cooperation and moving to supporting the main competitor of the Ukrainian movement in the struggle for statehood – the Poles.

Keywords:

Austro-Hungarian Empire, German Empire, Galicia, World War I, Ukrainian question, Central Powers, Main Ukrainian Council, Union for the Liberation of Ukraine

Начиная со второй половины 60-х гг. XIX в. в политической жизни Австрии происходят значительные изменения – для сохранения власти над многонациональным государством Габсбурги проводят ряд реформ, направленных на включение в управление страной широких слоев населения. К концу века представители национальностей уже имеют собственные политические партии, представленные в Государственном совете (*Reichsrat*), а также местные органы самоуправления – парламенты земли (*Landtag*), где представители национальных движений могли легально бороться за свои права [1, с. 317–334].

В Галиции, которая к началу XX в. стала центром украинского движения, вся власть принадлежала полякам, не желавшим признавать украинцев как нацию, имеющую право на отдельное существование. Однако, несмотря на преобладание поляков в структурах местной власти, украинцам все же удается достичь некоторых успехов в борьбе за свои права и продвижении национальной идеи в массы. Благодаря наличию национальных политических партий, *легально* участвовавших в политической жизни страны, учреждений образования и научно-про-

светительских сообществ, а также собственных органов печати украинскому движению удалось добиться поддержки у части восточнославянского населения и правительства Австрии.

Причин лояльности центральной власти Дунайской империи к украинскому национальному движению было несколько. Во-первых, необходимость противовеса влиянию поляков и русских в граничившем с Российской империи крупнейшем коронном крае Цислейтании (1/4 территории) – Королевстве Галиции и Лодомерии. Во-вторых, с переходом к конституционному управлению империей представители национальностей получили возможность реального влияния на принимаемые правительством решения, и теперь для принятия какого-либо закона требовалось одобрение большинства в Государственном совете. Депутаты от украинских политических партий Галиции и Буковины объединились в Украинский парламентский клуб. Объединение способствовало росту возможностей украинцев по влиянию на работу Государственного совета, в том числе и с помощью его обструкции. В-третьих, в конце XIX–начале XX в. растет напряженность в австрийско-российских отношениях (болгарский кризис 1885–1888 гг., боснийский кризис 1908 г., Балканские войны 1912–1913 гг.), пропорционально которому растет и лояльность Вены к украинскому движению, как методу политического воздействия на Санкт-Петербург [2].

В Российской империи до революции 1905–1907 гг. национальные движения подавлялись в любых их проявлениях, особенно политических, всеми доступными царскому правительству способами – от применения силы до законодательных актов. Несмотря на это, к началу XX в. украинское движение в России также сформировало ряд политических партий, однако в отличие от Австро-Венгрии прогресса в продвижении украинских интересов здесь достичь не удалось, по причине непонимания большей частью населения украинской национальной идеи и отсутствия возможностей (образование и печать на украинском языке) для ее продвижения в массы. Активной основой украинского движения в России являлась немногочисленная интеллигенция, сконцентрированная вокруг крупных университетов юго-западных губерний империи [3].

Летом 1914 г. Балканы создали очередной кризис международных отношений – 28 июня в Сараево сербский националист совершил удачное покушение на наследника австрийского престола Франца Фердинанда и его жену. За месяц конфликт между Сербией и Габсбургами перерос в противостояние мирового масштаба.

Исходя из наблюдений за российскими внутренними и внешнеполитическими процессами второй половины XIX–начала XX в. (польские восстания, Крымская война, российско-японская война, революция 1905–1907 гг.), в Вене и Берлине понимали, что вторым после Османской империи «больным человеком Европы» является империя Российская, со своей устаревшей армией и нестабильными национальными окраинами – Остзейские губернии, Царство Польское и Малая Русь. Последний фактор стал одним из основных преимуществ Центральных держав,

позволявшим использовать в своих целях национальные движения, обещая, в случае победы в войне против России, объединение всех земель, заселенных представителями той или иной национальности в единое государство. Одним из таких национальных движений являлось украинское.

Большинство представителей украинского национального движения как австрийского, так и российского выступили на стороне Центральных держав. О том, чего ждали австрийские украинцы от европейской войны, писал их политический лидер К. А. Левицкий:

«Разумеется, что мы галицкие Украинцы не могли сразу к центральным державам: Австро-Венгрии и Германии ставить требования об отделении Галиции и Буковины от Австрии, ибо мы выступили на стороне этих государств. Поэтому выдвинули мы главное требование: освобождение большой (Поднепровской) Украины из-под российского (царского) ярма, при этом рассчитывали, что когда большая Украина станет самостоятельным государством, то и галицкая земля вскоре присоединится.

А выступая на стороне центральных держав, мы должны также считаться с интересами этих государств. И эти интересы не были одинаковыми. Австро-Венгрия боялась России и считала ее своим наибольшим врагом, <...>, и желала не только побить Россию, но и оторвать часть земель от нее и к себе присоединить, – а Германия не хотела аннексий, но хотела из отторгнутых земель от России создать на границе верные себе государства, чтобы Россия не лезла на запад.

Исходя из этих причин наши ожидания от войны были такими: освобождение большой Украины от царской России, и создание из нее самостоятельного украинского государства, и освобождение нас, галицких Украинцев от господства Поляков (Польши), не отрываясь от Австрии» [4, с. 10–11].

Еще до объявления войны между Австро-Венгерской монархией и Российской империей, 1 августа 1914 г. во Львове представителями ведущих украинских политических партий Австрии (УНДП, УСДП и РУРП) был создан Главный украинский совет (далее – ГУС). Возглавили Совет К. А. Левицкий (глава), М. Павлик и Н. Ганкевич (заместители) [5, с. 140–141]. Своей основной задачей Совет объявил объединение украинского населения Королевства Галиции и Лодомерии для поддержки Центральных держав в войне против Российской империи и освобождения украинских земель, входящих в ее состав [6].

4 августа украинские политические эмигранты из Российской империи образовали свою отдельную организацию – Союз освобождения Украины (далее – СОУ). В состав Союза вошли представители от украинских социалистических партий Российской империи, таких как РУП и УСДРП. Союз позиционировал себя как представитель интересов украинского населения Российской империи и в долгосрочной перспективе планировал установление конституционной монархии в независимом украинском государстве. Руководящим органом Союза являлся пре-

зидиум, в который вошли М. М. Меленевский, А. Ф. Скоропись-Иолтуховский, Д. И. Донцов, В. В. Дорошенко, А. И. Жук и Н. К. Железняк [7, с. 734–735]. Союз, несмотря на то, что его представители вошли в ГУС (в качестве представителей от СΟΥ, а не от отдельных украинских политических партий Российской империи, как остальные члены Совета из Галиции и Буковины), сохранял самостоятельность в своих отношениях с правительствами Центральных держав, которые планировали с его помощью организовать украинское восстание в Юго-Западном крае Российской империи [8, с. 60–61]. Такое положение позволило российским украинцам получить гораздо большее финансирование, по сравнению с их австрийскими собратьями, что, конечно же, не могло не вызывать негодования со стороны последних.

«Для своей работы требовал Союз О. У. больших средств. <...>. Следовательно президиум Союза О. У., став на путь самостоятельного покровительства – по эту сторону боевой линии – государственных интересов Украины, решил получить "государственный заем у союзников" то есть у Австрии и Германии, который могла бы вернуть будущая Украинская Держава. <...>. Договорились, что Союз на начало своей деятельности достаёт 100.000 австр. крон. Мы не согласились на то, что это безвозвратная субсидия, а и. и. к. М-во. Иностр. Дел не признавало этой суммы государственным долгом, и решили дело компромиссно: что мы берем эти деньги на работу С.О.У. без точного письменного обозначения на каких условиях, а устно сохраняем за собой право вернуть эти деньги, как только сможем, то есть на нашу личную ответственность. Однако эти государственные деньги, как заявил нам консул г. У. (Урбас – Д.К.), по требованию парламентского представительства галицких Украинцев, как граждан Австрийской Монархии, могли быть переданы нам через главу парламентского украинского клуба д-ра К. Л. (Константин Левицкий – Д.К.).

Действительно г. Президент д-р К. Л. пригласил нас (г. М. (Меленевский – Д.К.) на встречу. Очень красноречиво описал он нам тяжелое военное положение Австрии и следующую отсюда меньшую заинтересованность Австрии российской Украиной; описал свои личные неутомимые старания в Министерстве, чтобы раздобыть помощь для нашей полезной деятельности и передал нам 15.000 крон. Мы, отдав ему расписку на полученную сумму, сразу же отнесли ее в и. и. к. М-во Иностр. Дел, чтобы вернуть назад, ибо на такие деньги серьезно организовать работу было невозможно, а брать австрийские деньги, не имея видов на по-настоящему полезную работу, означало за чечевичную похлёбку продать доброе имя организации. Консул г. У. очень удивился и почему-то занервничал, денег у нас принять не захотел, сейчас же отправился к шефу департамента графу Г. (Гойош – Д.К.), попросив нас подождать "выяснения этого дела". Вернулся он в сопровождении кассира М-ва, который выплатил нам еще 35.000 крон, а консул г. У., извиняясь, заверил нас, что завтра же президент Украинского Национального Со-

вета и Глава Украинского Парламентского Клуба д-р К. Л. выплатит нам еще 50.000 крон, и таким образом это досадное недоразумение будет исчерпано.

Действительно, на следующий день пригласил нас д-р К. Л. на встречу и, уже без более широких выяснений политического момента и его собственных усилий в нашем деле, выплатил нам 50.000 крон, за которые мы снова оставили ему расписку. Я не хочу этим сказать, что д-р К. Л. хотел использовать недодаденные нам деньги на какие-то личные дела. Я пересказываю сам факт – как оно в действительности было» [9, с. 205].

5 августа во Львове начались переговоры королевско-императорского консула в Королевстве Галиции и Ладомерии Э. Урбаса, в качестве представителя центрального правительства Австро-Венгрии, с политическими лидерами украинцев. Основными темами переговоров являлись создание украинских воинских формирований и статус Юго-Западного края Российской империи в случае его перехода под контроль Австро-Венгерской монархии.

6 августа 1914 г. Австро-Венгерская монархия официально вступила в войну против Российской империи, в этот же день Э. Урбас направил первое сообщение в МИД о ходе переговоров с украинцами, в котором говорилось о начале формирования украинского добровольческого корпуса. Ожидаемая численность личного состава украинского соединения – от 3 до 15 тыс. чел., которые могут быть готовы к походу в течение 10–14 дней [10, с. 4–17]. Тогда же ГУС объединил все украинские военизированные организации Галиции в одну – Украинские сечевые стрелки (далее – УСС). Руководящим органом УСС стала Украинская боевая управа (далее – УБУ), которую возглавили Т. Рожанковский и К. Трильовский [5, с. 140–141].

6–7 августа ГУС и УБУ объявили о мобилизации украинского населения в состав УСС [11]. Для содействия УБУ в формировании отрядов стрелков от Верховного командования армии (*Armeeoberkommando*, сокр. АОК) во Львов был направлен полковник Молик, 200 тыс. крон, 1700 винтовок и боеприпасы к ним. В качестве условия вступления украинцев в отряды военное командование требовало принятия присяги [10, с. 134].

По итогам переговоров с украинцами во Львове Э. Урбас изложил свое видение решения украинского вопроса в письме [там же, с. 11–14] к советнику по национальным делам австрийского МИДа А. фон Гойошу, а в приложении к письму сформулировал три возможных варианта развития событий в случае включения юго-западных губерний Российской империи в сферу влияния Вены:

1. Украина (от Днестра до Днепра) под германским протекторатом;
2. Персональная уния между Румынией и Украиной;
3. Украина под совместным австро-немецким протекторатом (Вена контролирует гражданскую власть, Берлин – военную) [там же, с. 1–16].

Лучшим вариантом для Дунайской монархии был первый, так как, во-первых, создавалось буферное государство между Австро-Венгрией и Россией, во-вто-

рых, протекторат Германской империи подразумевал ее военное присутствие в украинском государстве. Выгода Австро-Венгрии от реализации такого варианта – устранение угрозы со стороны России, по причине отсутствия общей границы. Неплохим вариантом был второй, так как позволял включить в коалицию, возглавляемую Центральными державами, нейтральную Румынию. Потенциальным претендентом на место украинского монарха являлся Вильгельм Франц Габсбург-Лотарингский. Аналогичная схема уже была применена Австрией в 1887 г., когда новым монархом Болгарии был избран принц Фердинанд из Саксен-Кобург-Готской династии. Вариант совместного австро-германского управления захваченными территориями рассматривался как наименее благоприятный для Вены. Экономическое использование украинского государства в совместных интересах Центральных держав подразумевалось по умолчанию в любом из трех предложенных вариантов.

Еще одной причиной, по которой Австрия стремилась к передаче украинского вопроса Германии, являлось нежелание Габсбургов сохранять существующие польско-украинские трения в рамках своих владений, в состав которых австрийцы, в случае победы над Россией, планировали включить только польские земли.

Развитие событий 1914 г. заставило Центральные державы сменить приоритеты и попытаться использовать национальные движения не в теории, а на практике.

К 1 сентября во Львове собралось около 2 тыс. украинских добровольцев, прошедших подготовку и получивших оружие. Однако данные отряды все еще не были включены в состав австрийской армии, так как не принесли присягу [там же, с. 134].

Российское наступление на Юго-Западном фронте вынудило украинские организации покинуть Восточную Галицию. Украинские добровольческие отряды были перемещены в Стрый. 3 сентября 2 тыс. украинских добровольцев принесли присягу и были приняты в состав регулярной армии в качестве сил обеспечения безопасности [там же, с. 133, 134].

Кроме добровольческих соединений УСС, украинцы составляли большинство в 9, 24, 58, 77, 95 пехотных полках X и XI армейских корпусов, 20, 35, 36 полках ландвера и 4, 7, 8 уланских полках регулярной армии Австро-Венгрии [12, с. 326–327]. Основным отличием украинцев в регулярной армии от украинцев в отрядах УСС является активная идеологизация последних и устойчивость к пропаганде противника [8, с. 78–79].

Большинство руководителей украинского движения эвакуировалось в Вену. После перемещения политического центра украинцев из Галиции в столицу империи началась активная международная деятельность Союза освобождения Украины. Осенью 1914 г. СОУ открыл свои представительства в Германской империи (А. Ф. Скоропись-Иолтуховский), Италии (О. Семёнов), Болгарии (Л. Ганкевич), Османской империи (М. М. Меленевский), Швеции и Норвегии (О. Т. Назарук), Швейцарии (П. Чикаленко) [7, с. 734–735].

Данные представительства, изначально задумывавшиеся как центры распространения информации об украинском движении и поиска союзников в войне с Российской империей, со временем превратились в некое подобие дипломатических миссий.

Правительства большинства государств, в которые направил своих представителей СОУ, ограничились изданиями украинских материалов на национальных языках и устными заявлениями о поддержке украинского движения и идей создания независимого украинского государства.

Более примечательной стала миссия М. М. Меленевского в Османскую империю, где он в конце сентября 1914 г. при посредничестве А. Л. Парвуса установил контакт с заместителем посла Германской империи в Турции М. Циммером и генералом Л. фон Сандерсом, от которых узнал о планируемой османским командованием специальной военной операции на Кавказе, которая должна была начаться сразу после вступления Порты в войну против Антанты и предложил провести такие же акции в Одессе и на Кубани [13, с. 62–63].

Для участия в турецкой операции эмиссары Союза освобождения Украины в Стамбуле обратились к руководителю османской контрразведки С. Аскери-бею, который 2 октября попросил у австрийского посла И. Паллавичини подтверждения полномочий украинцев для ведения подобных переговоров [10, с. 146]. 4 октября из Вены был получен положительный ответ [там же, с. 146–147].

Предлагаемый план совместной операции предусматривал высадку десанта в районе Кубани и на российском побережье Черного моря. Десант на Кубани должен был поднять восстание кубанских казаков, а в Одессе – местных украинцев, которое затем распространилось бы в западном направлении, в тыл находящейся в Восточной Галиции и Буковине российской армии.

Украинская часть десанта должна была состоять из 400 добровольцев из Галиции (уже находящихся на службе в австрийской армии) и 100 добровольцев из числа пленных украинцев из российской армии. Выполнением этой части плана операции должны были заняться украинские организации в Австрии [там же, с. 144–145], в частности СОУ, одним из важных направлений деятельности которого была работа с военнопленными и интернированными в немецких и австрийских лагерях. Союз добился от военных властей Центральных держав концентрации пленных из юго-западных губерний Российской империи в отдельных лагерях городов Фрайштадт и Дунасердагель (Австрия; около 40 тыс. военнопленных), Раштатт, Зальцведель и Вецлар (Германия, около 50 тыс. военнопленных), где представители украинского национального движения организовали курсы украинской истории и культуры, издавали газеты на украинском языке и призывали присоединяться к борьбе против России на стороне Центральных держав [7, с. 734–735].

Транспортировку украинцев планировалась провести тайно, по железной дороге через нейтральную Румынию в Стамбул. Добровольцы должны были перемещаться группами по 25 чел. в гражданской одежде [14].

В обмен на свое участие в операции УСС выдвинули длинный список требований к странам-организаторам, в частности использование украинских добровольцев только в боевых действиях против России и создание государства на захваченной территории российской Украины [10, с. 135–138].

29 октября 1914 г. флот Османской империи во главе с крейсерами «Гёбен» и «Бреслау» под командованием германского адмирала В. Сушона провел операцию против Черноморского флота, известную в России как «Севастопольская побудка» [15, с. 120–121]. 2 ноября 1914 г., в ответ на турецкое нападение на Черном море, Россия объявила войну Османской империи [16].

С 3 по 14 ноября проходили переговоры между МИДом и Военным министерством Австро-Венгерской монархии о выделении украинского контингента из числа УСС и российских военнопленных для Константинопольской акции [10, с. 148–153].

11 ноября 1914 г. Османская империя вступила в Первую мировую войну на стороне Центральных держав.

16 ноября генерал С. Шептицкий согласился возглавить австро-турецкую военную операцию [там же, с. 154], в этот же день шеф отдела информации при Верховном командовании армии О. Гранилович сообщил А. фон Гойошу о достижении соглашения с Генеральным штабом по вопросу участия украинцев в операции [там же, с. 155–156]. Однако 21 ноября Османская империя отказалась от проведения операции, аргументировав это отсутствием сил для установления контроля над Черным морем, после чего от идеи отказались и в Вене [там же, с. 157].

Осенью 1914 г. как Австро-Венгерская и Германская, так и Османская империи не были готовы удовлетворить требование украинского движения о создании отдельного государства. Для Османской империи более привлекательной была идея наступления на Кавказе, которое в частности позволило бы вернуть Карс и Ардоган под контроль Порты; также османское правительство не устраивала перспектива назначения командующего корпусом (большая часть личного состава которого – 50 тыс. чел., предоставлялась Османской империей) представителя Австро-Венгрии. К тому же вызывала некоторые сомнения перспектива поддержки операции со стороны кубанских казаков, принимавших активное участие в репрессиях российского правительства против магометанских народов, главным покровителем которых являлась Османская империя.

19 ноября 1914 г. представитель СОУ в Румынии Н. Цеглинский написал письмо резиденту германской разведки в Бухаресте Л. Розелиусу, в котором сообщил, что руководители Союза вводят правительство Австрии в заблуждение, докладывая об использовании выделяемых им денег для финансирования революционных структур на территории Российской империи, а на самом деле деньги тратят послы Союза на личные нужды. В декабре Н. К. Железняк, отвечавший за связь между СОУ и правительством Австрии, был отстранен от руководства Союзом [13, с. 66; 17; 18, с. 226–230].

Разбирательства в отношении СОУ, запущенные письмом Н. Цеглинского, продолжались до апреля 1915 г. Своей должности лишился консул в Галиции Э. Урбас, новым консулом и куратором украинского движения от центрального правительства стал Р. фон Оппенгеймер; подал в отставку и главный украинофил в австрийском МИДе, советник по национальным вопросам А. фон Гойош [13, с. 67].

Отсутствие достижений в деятельности Союза освобождения Украины оказалось весьма выгодным для Главного украинского совета, которому удалось дискредитировать российских украинцев перед правительством и добиться перемещения их активности за пределы Австро-Венгрии [8, с. 61–64].

10 апреля 1915 г. Р. фон Оппенгеймер уведомил руководство Союза о необходимости прекращения отношений между СОУ и австрийским правительством на прежних условиях до лучших времен (в переписке между германским и австрийским МИДа под «лучшими временами» подразумевался переход юго-западных губерний Российской империи под контроль Центральных держав [10, с. 204–205]). В качестве жеста доброй воли правительства Центральных держав выделили по 100 тыс. крон для обеспечения дальнейшего независимого существования Союза. Также австрийское правительство любезно позволило членам Союза остаться на территории монархии в качестве гражданских лиц и продолжить работу в лагерях для военнопленных [10, с. 205–206].

30 апреля 1915 г. в Вене, из остатков реорганизованного ГУС и трех представителей от СОУ (В. В. Дорошенко, М. М. Меленевский и А. Ф. Скоропись-Иолтуховский), основной состав которого переехал в Германскую империю, был образован Общий украинский совет (ОУС) во главе с К. А. Левицким. Основной целью своего существования новый Совет объявил создание самостоятельного украинского государства на территории юго-западных губерний Российской империи и получение национально-территориальной автономии украинскими землями в составе Австро-Венгерской монархии [19, с. 191].

2 мая 1915 г. началась наступательная операция Центральных держав, получившая название Горлицкий прорыв. Результатом данной операции стало освобождение большей части территории Восточной Галиции и Буковины от российской оккупации и начало Великого отступления российской армии по всему Восточному фронту. Летом-осенью 1915 г. под контроль Центральных держав перешла значительная часть Царства Польского и Остзейских губерний, что открыло новые возможности для работы с национальными движениями.

Военные успехи Центральных держав на Восточном фронте в 1915 г. были достигнуты благодаря активному участию германской армии, что не осталось незамеченным украинцами. С этого времени начинается постепенный отход от сотрудничества с Австрией и переориентация украинского движения на Германскую империю [8, с. 81–82].

После освобождения власть в Галиции перешла в руки австрийского Верховного командования армии, выступавшего против восстановления польской гегемонии в про-

винции, в этом позиция военных совпадала с украинской. Новым королевско-императорским наместником был назначен генерал Г. фон Коллард.

Однако, несмотря на локальную победу в противостоянии с поляками в Галиции, украинцы отставали от них во всем остальном. К концу 1915 г. большая часть исторической территории Польши оказалась под контролем Центральных держав, что позволило польскому национальному движению расширить географию своей деятельности. У поляков был харизматичный вождь Ю. Пилсудский, который смог организовать эффективное взаимодействие польских структур между собой и с органами власти Центральных держав, у украинцев подобного лидера не было. В это же время мы можем наблюдать отсутствие единства в рядах украинцев и каких-либо значимых достижений в продвижении национальной идеи на территории Российской Украины:

«10.II.1916

<...> Патриоты ликуют, что т. н. волынская экспедиция – это большой успех [*успех – Д.К.*] национальный. Тем временем они не понимают, что достигли собственно большого зера [*ноль – Д.К.*]. <...> На Волыни есть только поляки, жида и die Russen [*русские – Д.К.*]. Он [*представитель Верховного командования армии – Д.К.*] до сих пор не встретил ни одного украинца.

<...> Чтобы кто-то назвал себя даже не украинцем, хотя бы хохлом, то была бы новость, которая до этого еще не попадалась. Неудивительно, что и А. К. [*командование армии – Д.К.*] убеждено, что тут никаких украинцев нет. Так Луцк, как и Ковель имеют снаружи характер немецкий. Все вывески – по распоряжению власти – немецкие, кое-где польские, украинских ни следа. <...> В каждом ресторане (с надписью „nur für Herren Offiziere“ [*только для Господ Офицеров – Д.К.*]) жида боялись прямо говорить с нами по-украински и смотрели на нас как на сумасшедших. <...> Может быть, что я представил тут все слишком черно. Признаюсь, что все это только поверхностный образ, как Безгрешный говорит: момент. Может быть, что через какое-то время оно будет выглядеть по-другому. Может» – писал сотник УСС Д. Д. Витовский в письме своему сослуживцу [20, с. 7-8].

Тем не менее, несмотря на слабые позиции украинского национального движения, в правительственных кругах Австрии все еще оставались политики, поддерживающие украинцев. В 1916 г. ситуация изменилась.

В начале апреля 1916 г. канцлер Германской империи Т. фон Бетман-Гольвег, во время своего выступления в Государственном собрании (Reichstag), сообщил, что в связи с последними событиями на фронтах польский вопрос снова стал актуальным. 4–5 апреля состоялся визит министра иностранных дел Австро-Венгрии И. фон Буриана в Берлин, в ходе которого он узнал о плане Германии создать на территории Российской Польши марионеточное государство. Такая позиция Германии стала полной неожиданностью для Вены, надеявшейся получить согласие союзника на присоединение Царства Польского к Австрии [21, с. 80].

В апреле 1916 г. умер наместник Галиции Г. фон Коллард, политика которого совпадала с целями украинцев, на смену ему пришел поддерживающий поляков Э. Диллер [8, с. 96].

4 июня 1916 г. началась наступательная операция российского Юго-Западного фронта, известная как Брусиловский прорыв. В августе, на фоне сложной ситуации на Восточном фронте, в Вене окончательно согласились с предлагаемым Германской империей решением польского вопроса, без включения отвоєванных у России территорий в состав владений Габсбургов.

21 октября 1916 г. в Вене был убит министр-президент Цислейтании К. фон Штюргк – наиболее высокопоставленный австрийский чиновник, сотрудничавший с украинцами. Пришедший ему на смену Э. фон Кёрбер, на аудиенции с украинскими депутатами Имперского совета 4 ноября лишь констатировал факт принятия императором решения по вопросу государственности в пользу поляков.

5 ноября 1916 г. совместным манифестом германского и австрийского императоров была восстановлена польская государственность на оккупированной территории Российской империи. На территории Царства Польского создавалось марионеточное Королевство Польское, а Галиция, во избежание дальнейших территориальных претензий поляков к Габсбургам, провозглашалась «единой и неделимой» частью Австро-Венгрии [21, с. 81]. Такой вариант устраивал поляков, так как Галиция, по сути, получила автономию, и ничего не давал украинцам. Несмотря на марионеточный характер и отсутствие четких границ у вновь образованного Королевства Польского, факт его создания показал реальное отношение Центральных держав к украинскому вопросу.

К концу 1916 г. ОУС почти полностью утратил влияние на украинское движение, и 8 ноября, в знак протеста против Акта 5 ноября, объявил о своем самороспуске, тем самым признав свое поражение в многолетнем политическом противостоянии с поляками. Однако на этом история не подошла к концу – в феврале 1917 г. в России грянула Февральская революция и украинский вопрос снова стал актуальным.

Начавшая в 1914 г. Первая мировая война предоставила шанс ряду национальностей Восточной Европы, по разным причинам не имеющим своего отдельного государства, обзавестись им. Одной из таких национальностей являлись и украинцы, разделенные между двумя империями – австрийской и российской. Большая часть политической элиты украинского движения обеих империй сделала ставку на победу Четверного союза, возглавляемого Австрией и Германией, которые в перспективе могли бы решить украинский вопрос за счет отвоєванных территорий у Российской империи. Однако в первые годы войны добиться успеха в вопросе получения собственной государственности под покровительством Центральных держав украинцам не удалось. Причины этого – слабость украинского движения на территории России и разобщенность в рядах украинских политиков, в конце концов приведшие к отказу Центральных держав от широкого

сотрудничества с украинцами и откладыванию решения украинского вопроса «до лучших времен».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Шимов, Я. Австро-Венгерская империя / Я. Шимов. – Москва : Эксмо, 2003. – 608 с.
2. Клопова, М. Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX–начале XX века / М. Э. Клопова. – Москва : Индрик, 2016. – 280 с.
3. Миллер, А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) // А. И. Миллер. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 200 с.
4. Левицький, К. А. Історія визвольних змагань галицьких українців: з часу Світової війни 1914–1918 / К. А. Левицький. – Львів : Друкарня ОО. Василян у Жовкві, 1928. – 499 с.
5. Енциклопедія Історії України: у 10 т. – Т. 2: Г–Д. – Київ: Наукова думка, 2004. 528 с.
6. Діло. – 1914. – 3 серпня.
7. Енциклопедія Історії України: у 10 т. – Т. 9: Прил.–С. – Київ : Наукова думка, 2012. – 944 с.
8. Парфирьев, Д. С. Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны / Д. С. Парфирьев. – Москва : Центрполиграф, 2023. – 223 с.
9. Скоропис-Иолтуховський, О. Мої «злочини» / О. Скоропис-Иолтуховський // Хліборобська Україна. – 1920–1921. – № 2–4. – С. 191–237.
10. Hornykiewicz T. Ereignisse in der Ukraine 1914–1922 / T. Hornykiewicz. – Band I. – Philadelphia: W. K. Lypynsky Ost-Europäischen Forschung-Instituts, 1966. – 450 s.
11. Діло. – 1914. – 6–7 серпня.
12. Rauchensteiner, M. The First World War and the End of the Habsburg Monarchy, 1914–1918 / M. Rauchensteiner. – Böhlau Verlag Ges.m.b.H & Co. KG, Wien Köln Weimar, 2014. – 1181 p.
13. Головченко, В. І. Українське питання в роки Першої світової війни / В. І. Головченко, В. Ф. Солдатенко. – Київ : Парламентське видавництво, 2009. – 448 с.
14. Bihl W. Das im Herbst 1914 geplante Schwarzmeer-Unternehmen der Mittelmächte / W. Bihl // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. – 1966. – Bd. 14. – № 3. – pp. 362–366.
15. McMeekin, S. The Berlin-Baghdad Express. The Ottoman Empire and Germany's Bid for World Power / S. McMeekin. – Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2010. – 461 p.
16. Высочайший манифест об объявлении военных действий между Россией и Турцией // Собрание узаконений. – Отд. I, № 287, ст. 2626. – № 9. – Санкт-Петербург, 1914.
17. Роздольский, Р. До історії «Союзу визволення України» [Електронний ресурс] / Р. Роздольский // Спільне. – URL: <https://commons.com.ua/ru/do-istoriyi-soyuzu-vizvolennya-ukrayini/> (дата обращения: 25.01.2024).

18. Bihl W. Die Tätigkeit Des Ukrainischen Revolutionärs Mykola Zaliznjak in Österreich-Ungarn / W. Bihl // Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas. – 1965. – Bd. 13. – № 2.
19. Енциклопедія Історії України: у 10 т. – Т. 3: Е–Й. – Київ : Наукова думка, 2005. – 672 с.
20. Літопис Червоної Калини. – Львів – 1937. – Ч. 2. – 24 с.
21. Польша в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. – Москва : Индрик, 2012. – 952 с.

References

1. Shimov, Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya [Austro-Hungarian Empire] / Ya. Shimov. – Moscow: Eksmo Publ., 2003. – 608 p.
2. Klopova, M. E. Rusyny, russkie, ukraincy. Nacional'nye dvizheniya vostochnoslavjanskogo naseleniya Galicii v XIX – nachale XX veka [Rusyns, Russians, Ukrainians. National movements of the East Slavic population of Galicia in the XIX – early XX centuries] / M. E. Klopova. – Moscow: Indrik Publ., 2016. – 280 p.
3. Miller, A. I. «Ukrainskij vopros» v politike vlastej i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.) [“Ukrainian question” in the policy of the authorities and Russian public opinion (second half of the XIX century).] // A. I. Miller. – St. Petersburg: Aleteya Publ., 2000. – 200 p.
4. Levitsky, K. A. Istoriya vizvol'nih zmagan' galic'kih ukraïnciv: z chasu Svitovoi vijni 1914–1918 [History of the Liberation Struggle of Galician Ukrainians: Since the World War of 1914–1918] / K. A. Levitsky. – Lvov: Vasilian Printing House in Zhovkva, 1928. – 499 p.
5. Encyklopediya Istorii Ukraïni [Encyclopaedia of the History of Ukraine]: in 10 vols. – Vol. 2: Г–Д. – Kyiv: Naukova dumka, 2004. – 528 p.
6. Dilo [Deed]. – 1914. – August 3.
7. Encyklopediya Istorii Ukraïni [Encyclopaedia of the History of Ukraine]: in 10 vols. – Vol. 9: Appl.–C. – Kyiv: Naukova dumka, 2012. – 944 p.
8. Parfiryev, D. S. Ukrainskoe dvizhenie v Avstro-Vengrii v gody Pervoj mirovoj vojny [Ukrainian movement in Austria-Hungary during the First World War] / D. S. Parfiryev. – Moscow: Centrpoligraf, 2023. – 223 p.
9. Skoropis-Ioltukhovsky, O. Moï «zlochyni» [My “crimes”] / O. Skoropis-Ioltukhovsky // Hliborob's'ka Ukraïna [Agricultural Ukraine]. – 1920–1921. – № 2–4. – P. 191–237.
10. Hornykiewicz, T. Ereignisse in der Ukraine 1914–1922 / T. Hornykiewicz. – Band I. – Philadelphia: W. K. Lypynsky Ost-Europäischen Forschung-Instituts, 1966. – 450 p.
11. Dilo [Deed]. – 1914. – August 6–7.
12. Rauchensteiner, M. The First World War and the End of the Habsburg Monarchy, 1914–1918 / M. Rauchensteiner. – Böhlau Verlag Ges.m.b.H & Co. KG, Wien Köln Weimar, 2014. – 1181 p.
13. Golovchenko, V. I. Ukraïns'ke pitannya v roki Pershoi svitovoi vijni [The Ukrainian question during the First World War] / V. I. Golovchenko, V. F. Soldatenko. – Kyiv: Parliament Publishing House, 2009. – 448 p.
14. Bihl W. Das im Herbst 1914 geplante Schwarzmeer-Unternehmen der Mittelmächte / W. Bihl // Jahrbücher für

- Geschichte Osteuropas, Neue Folge. – 1966. – Bd. 14. – № 3. – P. 362–366.
15. McMeekin, S. The Berlin-Baghdad Express. The Ottoman Empire and Germany's Bid for World Power / S. McMeekin. – Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2010. – 461 p.
16. Vysochajshij manifest ob ob'yavlenii voennyh dejstvij mezhdru Rossiej i Turciej [Highest Manifesto on the declaration of hostilities between Russia and Turkey] // *Sobranie zakonov* [Collected Laws]. – № 9 – St. Petersburg, 1914.
17. Rozdol'sky, R. Do istorii «Soyuzu vizvolennya Ukraïni» [On the History of the Union for the Liberation of Ukraine [Electronic resource].] / R. Rozdol'sky // *Spil'ne* [Commons]. – URL: <https://commons.com.ua/ru/do-istorii-soyuzu-vizvolennya-ukrayini/> (accessed: 25.01.2024).
18. Bihl W. Die Tätigkeit Des Ukrainischen Revolutionärs Mykola Zaliznjak in Österreich-Ungarn / W. Bihl // *Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas*. – 1965. – Bd. 13. – № 2.
19. *Encyklopediya Istorii Ukraïni* [Encyclopaedia of the History of Ukraine]: in 10 vols. – Vol. 3: E–Ÿ. – Kyiv: Naukova dumka, 2005. – 672 p.
20. *Litopis Chervonoï Kalini* [The Annals of Red Kalina]. – 1937. – Part 2. – 24 p.
21. *Pol'sha v XX veke: ocherki politicheskoy istorii* [Poland in the XX century: essays of political history]. – Moscow: Indrik Publ., 2012. – 952 p.

Информация об авторе:

Коновалов Денис Александрович – аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: d.k.official.mail.box@gmail.com).

Author:

Denis A. Konovalov – postgraduate student of the Department of Russian History of Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: d.k.official.mail.box@gmail.com).

Для цитирования:

Коновалов, Д. А. Украинский вопрос в контексте национальной политики Австрии в годы Первой мировой войны (1914–1916) / Д. А. Коновалов // *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография»*. – 2024. – № 2 (68). – С. 40–47.

For citation:

Konovalov, D. A. The Ukrainian question in the context of Austrian national policy during the First World War (1914–1916) / D. A. Konovalov // *Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical demography"*. – 2024. – № 2 (68). – P. 40–47.

Дата поступления статьи: 08.04.2024

Прошла рецензирование: 15.04.2024

Принято решение о публикации: 19.04.2024

Received: 08.04.2024

Reviewed: 15.04.2024

Accepted: 19.04.2024

Административно-территориальная и этническая карта России в 1920-е годы

С. А. Кропачев

Институт российской истории РАН,
г. Москва
rektor@eipk.info

Аннотация

Статья посвящена анализу демографического развития российских этносов в 1920-е гг. Автор рассматривает вопросы перехода страны к мирной жизни после окончания Гражданской войны и то, как это повлияло на динамику народонаселения. В условиях смягчения экзогенных факторов в стране сократилась смертность, в том числе детская, увеличилась продолжительность жизни. Глобальным следствием позитивных изменений в 1920-е гг. стал естественный прирост населения. Автор исследует особенности административно-территориального деления России, пережившей в эти годы несколько реформ («экономическое районирование»), дает характеристику более 150 этносам, проживавшим в стране в 1920-е гг.

Ключевые слова:

демография, этносы, Россия, РСФСР, 1920-е гг., административно-территориальное деление

Administrative-territorial and ethnic map of Russia in the 1920s

S. A. Kropachev

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow
rektor@eipk.info

Abstract

The paper deals with the analysis of the demographic development of Russian ethnic groups in the 1920s. The issues of the country's transition to peaceful life after the end of the Civil War and how this affected population dynamics are considered. In conditions of mitigation of exogenous factors, mortality, including child mortality, has decreased in the country, and life expectancy has increased. The global consequence of positive changes in the 1920s was natural population growth. The author studies the peculiarities of the administrative-territorial division of Russia, which experienced several reforms during these years ("economic zoning"). Characteristics of more than 150 ethnic groups living in the country in the 1920s are given.

Keywords:

demography, ethnic groups of Russia, RSFSR, 1920s, administrative-territorial division

В 1920-е гг. власть вынуждена была отказаться от гильзыной политики «военного коммунизма» и перейти к более лояльной по отношению к народу новой экономической политике. Серьезные исследователи называют этот короткий период «эрой умиротворения» и «золотым веком» советской демографии [1, с. 71; 2, с. 448–451]. Согласимся с этими оценками с оговорками. Во-первых, не все демографические проблемы предыдущего кризисного периода (1914–1921) были преодолены. Во-вторых, страшный голод, разразившийся в 1921–1922 гг. в Поволжье, Северном Кавказе, Казахстане, на юге Украины, унес миллионы человеческих жизней [1, с. 67–68; 2, с. 401; 3, с. 130–133].

Тем не менее страна возрождалась. Этому способствовала демобилизация Красной армии. Численность личного состава Вооруженных сил РСФСР за вторую половину 1921 г. сократилась на 650 тыс. чел. [4, с. 142]. Это были мужчины в активном, репродуктивном возрасте. Воссоединение семей, а также восстановление крестьянской общины с ее регулярными земельными переделами по количеству едоков привели к повышению уровня рождаемости [1, с. 71]. С 1923 по 1928 г. в СССР, прежде всего в сельской местности, общий коэффициент деторождения был очень высоким и варьировал от 45,3 до 49 % [1, с. 72]. По

утверждению В. А. Исупова, «в советской деревне в годы НЭПа был достигнут предел рождаемости, ограниченный только физиологическими возможностями женского организма» [там же].

Признаками перехода к мирной жизни стали преодоление разрухи и последствий Первой мировой и Гражданской войн, интервенции, резкое увеличение производства продуктов питания, товаров первой необходимости, медикаментов. Все это вело к повышению благосостояния и росту качества жизни в СССР.

Формировалась система бесплатного государственного медицинского обеспечения. Значительно улучшилась эпидемиологическая обстановка в стране. Были побеждены пандемии и эпидемии, свирепствовавшие в годы Гражданской войны [1, с. 67; 2, с. 402, 580]. Однако острые инфекционные и желудочно-кишечные болезни в середине-второй половине 1920-х гг. продолжали оставаться повседневным явлением [1, с. 74–75].

В связи с улучшением внешних факторов, в значительной степени влиявших на демографические процессы, в стране сократилась смертность. Общий коэффициент смертности населения СССР составлял во второй половине 1920-х–1930 г. от 25 до 27 %, что было меньше

не только по отношению к периоду Гражданской войны, но и благополучному довоенному 1913 г. [1, с. 72; 2, с. 262]. В Российской империи очень высокой была младенческая смертность. В 1913 г. на первом году жизни умирало 269 чел. из каждой 1000 родившихся [2, с. 262]. За весьма короткий срок в СССР добились резкого снижения детской смертности, что говорит о позитивных социальных изменениях в стране и успехах советского здравоохранения. Если в 1920 г. в СССР из каждой тысячи новорожденных умер, не дожив до года, 251 младенец, то в 1923 г. – 229, в 1926 г. – 197, в 1927–1928 гг. – 182 новорожденных. Таким образом, за 1920–1928 гг. коэффициент младенческой смертности в Советском Союзе уменьшился на 27,5 % [1, с. 72]. В России в эти годы показатели детской смертности были выше общесоюзного. Так, в 1930 г. в РСФСР умирали 227 младенцев на 1000 родившихся [2, с. 262]. Но в целом успехи в борьбе с детской смертностью в первые 10 лет после окончания Гражданской войны были весьма внушительными.

Переход к мирной жизни, смягчение экзогенных факторов, восстановление социальной инфраструктуры, снижение общих коэффициентов смертности населения СССР и России, в том числе сокращение детской смертности, привели к увеличению ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Если в 1920 г. в России она в среднем составляла (у мужчин и женщин) 20,5 лет, то в 1926–1927 гг. – 37,5 лет [1, с. 73]. Это было значительно ниже, чем в США, Японии и развитых странах Европы [2, с. 270–273], но за неполных 10 лет произошел серьезный скачок.

Глобальным следствием позитивных изменений в СССР стал естественный прирост населения. В годы НЭПа (1923–1928) коэффициент естественного прироста населения Советского Союза составлял от 17,9 до 21,4 %. Ежегодно население страны в этот период увеличивалось в среднем на 3 млн чел. [1, с. 72–73]. К сожалению, 1920-е гг. стали коротким периодом относительной демографической стабильности, который скоро сменился глубоким кризисом 1930–1940-х гг. и снижением основных характеристик народонаселения.

Демографическое благополучие 1920-х гг. по-разному повлияло на жизнь, быт, уклад, верование и здоровье народов, населявших РСФСР.

В 1926 г. в СССР была проведена Всесоюзная перепись населения, которая, по мнению большинства специалистов, стала лучшей в советское время. Согласно переписи, на конец 1926 г. в СССР проживало 147 027 915 чел., в самой крупной союзной республике – РСФСР – соответственно 100 891 244 чел. [5, с. 2; 6, с. 2]. В Российскую Федерацию входило 11 автономных советских социалистических республик: Карельская, Башкирская, Татарская, Чувашская, Немцев Поволжья, Крымская, Дагестанская, Казахская, Киргизская, Бурят-Монгольская и Якутская. В нее также входило 13 автономных областей: Коми (Зырянская), Вотская, Марийская, Калмыцкая, Адыгейско-Черкесская, Ингушская, Кабардино-Балкарская, Карачаевская, Северо-Осетинская, Черкесская, Чеченская, Ойратская и Кара-Калпакская области.

В РСФСР также входили три края – Дальне-Восточный (с о-вом Сахалин и п-вом Камчатка), Сибирский и Северо-Кавказский, а также Уральская область, делившаяся на округа в качестве административных единиц. Организация в ноябре 1923 г. Уральской области стала следствием проведенного в РСФСР эксперимента по экономическому районированию. В нее включили Екатеринбургскую, Пермскую, Тюменскую и Челябинскую губернии. Кроме того, в состав краев входили автономные области, а на Северном Кавказе – и автономные города – Владикавказ и Грозный [7, с. 51]. В Российской Федерации насчитывалось 32 губернии (будущие области).

В 1920-е гг. началось создание национальных округов в местах компактного проживания малочисленных северных народов. Всего в составе РСФСР было создано 10 национальных округов: Агинский Бурят-Монгольский (создан в 1937 г.), Коми-Пермяцкий (1925), Коряцкий (1930), Ненецкий (1929), Таймырский (Долгано-Ненецкий, 1930 г.), Усть-Ордынский Бурят-Монгольский (1937), Ханты-Мансийский (1930), Чукотский (1930), Эвенкийский (1930), Ямало-Ненецкий (1930). Они входили в состав Читинской, Молотовской (Пермской), Камчатской, Архангельской, Иркутской, Омской (затем Тюменской) областей и Красноярского края.

В 1920–1930-е гг. в СССР в большом количестве создавались национальные районы и национальные сельские советы. Так, на территории РСФСР к 1 декабря 1933 г. насчитывалось 117 национальных районов, в том числе 50 украинских, и более 3 тыс. национальных сельских советов. В Российской Федерации существовали азербайджанские, армянские, башкирские, греческие, еврейские, корейские, марийские и другие национальные районы. 17 декабря 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». Это решение было принято в условиях развернувшейся политики «большого террора», поиска «врагов народа» в национальных районах и проведения НКВД СССР в 1937–1938 гг. 11 «национальных операций». Их большую часть ликвидировали в конце 1930-х гг. Некоторые существовали достаточно долго. Так, в августе 1924 г. решением Президиума Черноморского окружного исполкома был создан Шапсугский национальный район. Он существовал до 1945 г.

В конце 1920-х гг. была проведена административно-территориальная реформа, по результатам которой РСФСР оказалась разделена на 23 единицы территориального управления высшего уровня: области и края, которые в свою очередь делились на округа (бывшие губернии) и районы. Суть реформы заключалась в совершенствовании управления экономикой регионов. Ее инициаторами были руководители Госплана СССР [8, с. 132].

В середине 1920-х гг. можно наблюдать пеструю картину административно-территориального деления России. Такой же разнообразной была этническая карта республики. Для Всесоюзной переписи населения 1926 г. Комиссией по изучению племенного состава населения Академии наук СССР был составлен «Перечень и сло-

варь народностей», на основе которого анализировались данные Переписи о народностях и языках [9, с. III–IV; 10, с. 312]. В «Перечне...» все этнические группы, входившие в состав наций и народностей, учитывались как самостоятельные, даже если насчитывали сотни или десятки человек. В дальнейших Переписях 1937, 1939 гг. были взяты за основу крупные нации и народности, поэтому число этнических групп в них меньше примерно в два раза, чем в 1926 г. [10, с. 312].

В «Перечне...» 1926 г. было указано 187 этнических единиц, семь из которых Переписью не зарегистрированы [9, с. IV]. Важным требованием переписи было положение, по которому опрашиваемый самостоятельно определял свою принадлежность к тому или иному народу. Инструкция предписывала, что «при записи не следует переделывать показания опрашиваемого» [там же, с. III]. Это же относилось и к языку. Не всегда принадлежность к этносу совпадала с принадлежностью к данному языку как родному [там же, с. IV].

Перепись 1926 г. зафиксировала на территории СССР около 200 этнических единиц [11, с. 156; 12, с. 75]. Более точную цифру назвать трудно. Во-первых, в основном издании итогов Переписи, в отличие от Кратких сводок, вышедших «по горячим следам», некоторые этнические группы с очень малым числом представителей (как это в дальнейшем будет в советский период) присоединены, «в целях экономии места», к более крупным родственным группам [9, с. 1]. Во-вторых, в Кратких сводках содержались данные о двух группах народностей («Прочие народности» и «Народность не указана»), в которых насчитывалось соответственно 8381 и 90 199 чел. Но определить, какие этнические единицы вошли в эти группы, не представляется возможным. Кроме того, перепись 1926 г. выявила 389 989 иностранцев (надо полагать, иностранных подданных), вошедших в общее число жителей СССР в 1926 г. [9, с. 22].

Итак, 200 этносов. Нельзя не согласиться с академиком Ю. А. Поляковым о том, что «такое количество наций, народностей, этногрупп в составе одной страны – уникальное явление, не имеющее аналогов в истории нового времени» [11, с. 157]. Большинство из этносов, более 80 %, проживавших в 1926 г. на территории СССР, были зафиксированы Переписью и на территории России, за исключением немногочисленных этнических групп (ираны, джемшиды, хазары, белуджи и др.).

В 1920-е гг. многочисленные народы России находились на разных уровнях своего экономического, политического, социального, культурного развития.

Существенные отличия в своем развитии этносы имели не только между собой, но один и тот же народ мог находиться на различных стадиях эволюции на территории одной страны в одно и то же время [11, с. 197–198].

Государствообразующей, основной национальностью в 1920-е гг. в Российской Федерации были русские. Их, по данным Переписи 1926 г., в республике проживало 74 072 096 тыс. чел., или 73,61 % от общего числа жителей [5, с. 38, 41]. Из них в городах – 14,6 млн, сельской местно-

сти – 59,4 млн чел. [13, с. 48]. Русский был родным языком для 77 853 573 чел., или 77,16 % населения [6, с. 62]. Русские (иногда в документах тех лет писали – великорусы) проживали на всей территории республики. Наиболее высокий их процент был сосредоточен в центральных районах европейской части Российской Федерации: Промышленный, Черноземный, Западный, Северный районы и др. Десятки этносов, проживавших в РСФСР в 1920-е гг., насчитывали 100 и более тыс. чел., или 0,1 % и более от общей численности жителей республики. Вслед за русскими самыми крупными народами являлись украинцы – 7873 тыс., татары, включая крымских татар, – 2847 (без родственных народов – мишарей, тептярей, нагайбаков, кряшенов), мордва – 1335, чувашаи – 1115, немцы – 806, башкиры – 712, белорусы – 638, евреи (включая крымских и горских) – 589, вотяки – 504, марийцы – 428, чечены – 318, карелы – 248, зыряне – 226, поляки – 198, эсты – 150, финны ленинградские (включая категорию «финны») – 134 тыс. и др. [6, с. 34, 38].

Как известно, в РСФСР в 1920-е гг. в качестве автономных республик входили Казахстан и Киргизия. Соответственно в России насчитывалось 3852 тыс. казахов и 672 тыс. киргизов [6, с. 38]. Распределение этносов по территории республики в эти годы подробно описано в исторической литературе [11, с. 157–186; 12, с. 74–79; 13, с. 48–49].

Русские и русский язык в качестве родного преобладали в большинстве субъектов республики. Соответственно их влияние на другие народы в культурном, языковом, ментальном, значительно реже – в религиозном аспектах, было очень велико. В стране шли устойчивые процессы ассимиляции и этнической интеграции в пользу русского народа и русского языка.

Но не везде в 1920-е гг. русские составляли большинство населения. Исключением были национальные автономии (республики и области). Из 24 автономий коренные народы занимали первое место в 19 своих территориях, а их языки главенствовали над языками других народов, проживавших в национальных районах [9, с. 42–96]. Это относится ко всем (за исключением Ойротской) автономным областям и к семи из 11 автономных республик (Татарская, Чувашская, Немцев Поволжья, Дагестанская, Казахская, Киргизская и Якутская АССР). Титульные нация и язык, как правило, в количественном отношении являлись определяющими в той или иной автономии. Но были некоторые нюансы. В Адыгейско-Черкесской АО на первом месте значатся черкесы и черкесский язык, в Ингушской – ингуши, но язык – чеченский, в Кабардино-Балкарской – кабардинцы, язык – черкесский, в Дагестанской – горцы и горские языки и т. д. [14, с. 57, 58, 247, 248].

Стабильным явлением было то, что русские и русский язык оставались вторыми даже в национальных автономиях. Исключение составляли Ингушская АО, где русские были третьими по численности населения, а язык – на втором месте, Кабардино-Балкарская – четвертое место по национальности и языку, Карачаевская – шестое и четвертое, Северо-Осетинская – третье место по обо-

им показателям, Черкесская – пятое и третье места [9, с. 79–81].

Тенденция к увеличению русского населения в субъектах республики продолжала нарастать и в последующие годы. Так, по Переписи 1939 г. русские составляли большинство населения в 54 из 66 областей, краев, автономных республик и автономных областей РСФСР [14, с. 59–68].

Вернемся к анализу развития этносов в 1920-е гг. Были национальные особенности в административно-территориальном делении Северо-Кавказского и Сибирского краев. В последнем существовало два округа, где первое место по численности населения и языку занимали хакасы (Хакасский округ) и украинцы (Славгородский округ) [9, с. 92, 94]. В октябре 1930 г. Хакассия получила автономию, но коренной народ вскоре перестал быть лидирующим в структуре населения. Если в середине 1920-х гг. в Хакассии хакасов и русских было примерно равное количество, то в конце 1930-х гг. русских в автономной области насчитывалось в пять раз больше – более 200 тыс. чел. [9, с. 94; 14, с. 60].

В Северо-Кавказском крае в середине 1920-х гг. имелись четыре округа с преобладанием украинского населения и украинского языка – Донецкий, Кубанский, Таганрогский и Черноморский [9, с. 73–77]. Во-первых, это объясняется жизнью населения Донецкого и Таганрогского округов в условиях русско-украинского пограничья и наличия устойчивых семейных, родственных, экономических, культурных и иных связей с Украиной. Во-вторых, традиционно население кубанских станиц самоидентифицировало себя с украинским этносом. Это проявлялось в элементах материальной культуры, в том числе жилище, одежде, пище, изделиях народных промыслов. Говорили сельские жители Кубани на «балачке» (от слова «балакать»), своеобразном синтезе украинского языка и южнорусских диалектов. Сегодня это в значительной мере утрачено. На «балачке» говорят лишь жители станиц преклонного возраста.

Важной особенностью регионов России в 1920-е гг. была их многонациональность. Несмотря на то, что русские составляли почти 74 % от общего числа жителей республики, остальные народы играли важную роль в социально-экономическом и культурном развитии. Несколько народов проживало во всех губерниях, краях, области и национальных автономиях. Это три восточнославянских народа – русские, украинцы, белорусы. А также татары (поволжские или казанские), евреи, поляки, немцы и цыгане. Такое рассредоточение по субъектам республики данных народов объясняется разными причинами, прежде всего, историческими. Немцы и поляки являлись потомками переселенцев XVIII–XIX вв., осваивавших огромные пространства Российской империи. Если немцы, в основном обитали в сельской местности и занимались сельским хозяйством, то поляки преимущественно являлись специалистами (инженеры, врачи, учителя) и проживали в городах. После отмены «черты оседлости» в 1917 г., запрещавшей начиная с 1791 г. проживание евреев за пределами

западных и юго-западных губерний Российской империи, их значительные группы стали переселяться в другие районы. Этот процесс получил значительный размах в 1920–1930-е гг. [11, с. 186]. Цыгане, которые вели кочевой образ жизни, присутствовали практически во всех регионах страны. В дальнейшем, большая часть цыган перешла на оседлость, но в 1920-е гг. этот процесс еще не начался [там же]. Проживание указанных народов на всей территории страны объясняется также трудовой миграцией, изменением границ РСФСР в 1920-е гг. и др.

Обратимся к характерным примерам распределения народов на территории республики и их особенностям. В Переписи 1926 г. все субъекты были сгруппированы в 19 районов (регионов), куда входили те или иные губернии, края и национальные автономии, похожие по составу населения, социально-экономическому развитию и другим параметрам. Иногда территории районов (регионов) совпадали с территориями тех или иных субъектов федерации. Как уже говорилось, в их большинстве проживали русские, за исключением национальных республик и областей. Часто русское население составляло 90 % и более от общего числа жителей территории. Но были и свои рекордсмены. Так, в Вологодской губернии проживало 99,6 % русских, во Владимирской – 99,4, Ивано-Вознесенской – 99,3, Орловской – 99,1, Тамбовской – 99,1 % и т. д. [9, с. 42, 43, 48, 49, 55]. В Архангельской губернии, входившей в Северный район, кроме русских, проживали зыряне, самоеды, евреи, татары, украинцы, поляки, латыши; в Ленинградской губернии (Ленинградско-Карельский район) также проживали финны ленинградские, евреи, эсты, поляки, немцы, латыши, белорусы, ижорцы, украинцы, вепсы, финны, татары, литовцы, мишари, карелы; Смоленской губернии (Западный район) – евреи, белорусы, латыши, поляки, украинцы, цыгане, литовцы, немцы; Ивано-Вознесенской губернии (Центрально-промышленный район) – татары, белорусы, евреи, украинцы, поляки, мордва, эсты; Орловской губернии (Центрально-черноземный район) – евреи, белорусы, поляки, немцы, латыши, цыгане, татары; Вятской губернии (Вятский район) – марийцы, вотяки, татары, пермяки, бесермяне (в дальнейшем отнесены к удмуртам), евреи, поляки, цыгане, в округах Уральской области (Уральский район) – украинцы, татары, белорусы, мордва, чуваша, казахи, поляки, эсты, цыгане, евреи, латыши, зыряне и другие народы. В Оренбургской губернии (Средне-Волжский район) проживали, кроме русских, украинцы, татары, казахи, мордва, немцы, башкиры, евреи, белорусы, в Астраханской губернии (Нижне-Волжский район) – татары, казахи, украинцы, евреи, калмыки, армяне, немцы, персы, поляки, туркмены.

Границы Башкирского района совпадали с Башкирской АССР, Крымского – Крымской АССР, Дагестанского – Дагестанской АССР, Казахского и Киргизского районов – соответственно Казахской и Киргизской АССР, Сибирского района – Сибирским краем, Северо-Кавказского района – Северо-Кавказским краем, Бурят-Монгольского района – Бурят-Монгольской АССР, Якутского района – Якутской АССР, Дальневосточного района – Дальневосточным краем.

ем. Последний был весьма полиэтническим. На его огромных просторах проживали русские, украинцы, корейцы, белорусы, тунгусы, чукчи, буряты, поляки, евреи, коряки, татары, гольды, камчадалы, гиляки, китайцы, молдоване, мордва, латыши, немцы, эсты, удехе, ламуты, литовцы, цыгане, румыны, ороганы, якуты, чуваша, орочи [9, с. 42–97].

Многонациональными в 1920-е гг. были города, прежде всего столичные – Москва и Ленинград. В 1930-е гг., в связи с быстрыми темпами индустриализации и урбанизации, городское население резко увеличивается, разнообразнее становится и его национальный состав [10, с. 60–67].

Учитывая основные народы, проживавшие на территориях республики, Перепись 1926 г. выделяла еще две категории – «иностранцы» и «прочие». В состав «прочих» входили, как правило, народы, проживавшие в субъектах РСФСР в небольшом количестве. Их доля составляла до 2 %.

Даже на фоне такого национального разнообразия, был регион, отличавшийся уникальным представительством народов, проживавших на одной территории, в составе одной автономной республики. Это Дагестанская АССР, образованная в 1921 г. Перепись 1926 г. выявила в республике более 30 коренных народностей и этнических групп: авары, или аварцы, агулы, андии, или андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы (богулалы), ботлихцы, годоберинцы, даргинцы, дидои, или дидойцы (встречается наименование цезы), кайтаки, или кайтагцы, каратаи, или каратины, капучины, кубачинцы, кумыки, лаки, или лакцы, лезги, или лезгины, ногойцы, рутулы, или рутульцы, таты, тиндии, или тиндалы, табасараны, или табасаранцы, удины, хварщины, или хваршинцы, чамалалы, цахуры, чинухцы, бежтины, или бештинцы, гунзебцы, акушинцы, хюркилинцы, цудахарцы, сирхинцы, муиринцы (последние пять диалектико-этнографических групп относятся к даргинцам), кюринцы, ахтынцы, кубинцы (относятся к лезгинам).

В последующие годы более мелкие народности и этнические группы включили в состав крупных народов. Например, кайтаки и кубачинцы слились с даргинцами. В категорию аварцев вошли 14 народностей, родственных им по языку и др. [11, с. 174; 14, с. 246].

В материалах Всесоюзной переписи населения 1979 г. были оставлены только 10 народов Дагестана: агулы, аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногойцы, рутульцы, табасараны, цахуры [11, с. 174].

Это говорит не только о процессах ассимиляции и этнической интеграции, но и о том, что в условиях господства коммунистической идеологии, более важным для правящего строя было обосновать искусственно формируемую общность «советский народ», чем сохранить уникальную самобытность десятков этносов с их языками, культурой, традициями, многовековой историей.

Также в Дагестанской АССР проживали русские, турки, чечены, ингуши, евреи горские, армяне, украинцы, персы, евреи, татары, немцы, туркмены [9, с. 81–82]. С учетом категории «прочие» (0,62 %) в республике в 1920-е гг. обитало более 50 народов и этнических групп.

В любом государстве жизнь в условиях этнической чужеродности не может быть простой и безоблачной. Мы хорошо это знаем и помним по событиям 1980–1990-х гг., когда республики СССР, Югославии и других стран захлестнули волны межнациональных конфликтов. В 1920-е гг. также было немало проблем и нерешенных вопросов в отношениях между народами. Но новая экономическая политика принесла оттепель не только в сферу социально-экономических, но и межэтнических отношений, культурного развития наций и народов. Этносы, даже малочисленные, имели возможность изучать свой родной язык, культуру, традиции, историю, сохранили свою веру. Работали национальные школы, дома и центры национальных культур, храмы, мечети, костелы, синагоги. Активная борьба с религией и церковью, которую вели большевики в годы революции, гражданской войны и голода, поутихла, правда, ненадолго.

Как известно, смена политического курса в конце 1920-х гг. имела негативные последствия и по отношению к нацменьшинствам, повлияла на сохранение их численности и возможность развиваться. Так, в годы «большого террора» и проведения «национальных операций» в 1937–1938 гг. были уничтожены десятки тысяч этнических немцев, поляков, греков, латышей, эстонцев, финнов и граждан других национальностей. Был нанесен непоправимый урон их культурной и конфессиональной жизни.

Подводя итоги демографическому развитию этносов России в 1920-е гг., отметим, что они существовали в относительно благоприятной политической, социально-экономической и культурной среде. Закончился период разрухи, войн, эпидемий и пандемий, кризисов и катастроф. Экзогенные факторы минимально влияли на демографическое поведение многочисленных этносов, проживавших в стране. Десятилетие демографического благополучия привели к стабильному приросту населения, снижению смертности, в том числе детской, победе над многими опасными болезнями. 150 российских этносов имели возможность изучать свой родной язык, историю, культуру, исповедовать традиционную религию. Это десятилетие можно назвать переходным от господства укоренившихся обычаев, традиций, ценностей, верований, институтов к новациям во всех сферах существования этносов, кардинально изменивших их уклад и качество жизни. К сожалению, этот «золотой период» был весьма непродолжительным, ему на смену пришел этап демографических кризисов, продолжившихся до середины XX в.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Исупов, В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки / В. А. Исупов. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. – 244 с.
2. Демографическая модернизация России 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. – Москва : Новое издательство, 2006. – 608 с.

3. Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1 / отв. ред. Ю. А. Поляков. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 463 с.
4. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / рук. авт. кол. Г. Ф. Кривошеев. – Москва : Олма-Пресс, 2001. 608 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: Т. XVII. Союз Советских социалистических республик. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – Москва : Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. – 111 с.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: Т. IX. Российская социалистическая советская республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – Москва : Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. – 228 с.
7. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. III: Население СССР. – Москва : Издание ЦСУ Союза ССР, 1927. – 63 с.
8. Круглов, В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практики, результаты / В. Н. Круглов. – Москва : Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 480 с.
9. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – Москва : Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. – 138 с.
10. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: сборник документов и материалов. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 320 с.
11. Поляков, Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население / Ю. А. Поляков. – Москва : Наука, 1986. – 272 с.
12. Жиромская, В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В. Б. Жиромская. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 280 с.
13. Араловец, Н. А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. / Н. А. Араловец. – Тула : Гриф и К, 2009. – 304 с.
14. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – Москва : Наука, 1992. – 256 с.
3. Naselenie Rossii v XX veke [The population of Russia in the XX century]. In 3 vols. Vol.1. – Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ. (ROSSPEN), 2000. – 463 p.
4. Rossiya i SSSR v voynah XX veka: Statisticheskoe issledovanie [Russia and the USSR in the wars of the XX century: A statistical study]. – Moscow: Olma – Press, 2001. – 608 p.
5. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. [The All-Union population Census of 1926]: Vol. XVII. Union of Soviet Socialist Republics. Nationality. Native language. Age. Literacy. – Moscow: Central Statistical Office of the USSR Publ., 1929. – 111 p.
6. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. [The All-Union population Census of 1926]: Vol. IX. The Russian Socialist Soviet Republic. Nationality. Native language. Age. Literacy. – Moscow: Central Statistical Office of the USSR Publ., 1929. – 228 p.
7. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g. [The All-Union population Census of December 17, 1926]: Brief summaries. Issue III: Population of the USSR. – Moscow: Central Statistical Office of the USSR Publ., 1927. – 63 p.
8. Kruglov, V. N. Organizaciya territorii Rossii v 1917–2007 gg.: idei, praktiki, rezultaty [Organization of the territory of Russia in 1917–2007: ideas, practices, results] / V. N. Kruglov. – Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2020. – 480 p.
9. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g. [The All-Union population Census of December 17, 1926]: Brief summaries. Issue IV: Nationality and native language of the population of the USSR. – Moscow: Central Statistical Office of the USSR Publ., 1928. – 138 p.
10. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda [The All-Union Population Census of 1937]: General results. Collection of documents and materials. – Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ. (ROSSPEN), 2007. – 320 p.
11. Polyakov, Yu. A. Sovetskaya strana posle okonchaniya grazhdanskoi voyny: territoriya i naselenie [The Soviet country after the end of the Civil war: territory and population] / Yu. A. Polyakov. – Moscow: Nauka, 1986. – 272 p.
12. Zhiromskaya, V. B. Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzgl'yad v neizvestnoe [Demographic history of Russia in the 1930s. View of the unknown] / V. B. Zhiromskaya. – Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ. (ROSSPEN), 2001. – 280 p.
13. Aralovets, N. A. Gorodskaya semya v Rossii, 1927–1959 [Urban family in Russia, 1927–1959] / N. A. Aralovets. – Tula: Grif & Co, 2009. – 304 p.
14. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda [The All-Union population census of 1939]: Main results. – Moscow: Nauka, 1992. – 256 p.

References

1. Isupov, V. A. Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoi polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the XX century: Historical and demographic essays] / V. A. Isupov. – Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2000. – 244 p.
2. Demograficheskaya modernizaciya Rossii 1900–2000 [Demographic modernization of Russia 1900–2000]. – Moscow: New Publishing House, 2006. – 608 p.

Информация об авторе:

Кропачев Сергей Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН; Scopus Autor ID: 38261839200, <http://orcid.org/0000-0002-2655-4779> (117036, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19; e-mail: rektor@eipk.info).

Author:

Sergei A. Kropachev - Dr. Sci. (History), Leading Researcher at the Institute of Russian History, RAS; Scopus Autor ID: 38261839200, <https://orcid.org/0000-0002-2655-4779> (19, Dm. Ulyanov st., Moscow 117036, Russian Federation; e-mail: rektor@eipk.info).

Для цитирования:

Кропачев, С. А. Административно-территориальная и этническая карта России в 1920-е годы / С. А. Кропачев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 48–54.

For citation:

Kropachev, S. A. Administrative-territorial and ethnic map of Russia in the 1920s / S. A. Kropachev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical demography". – 2024. – № 2 (68). – P. 48–54.

Дата поступления статьи: 01.04.2024

Прошла рецензирование: 08.04.2024

Принято решение о публикации: 12.04.2024

Received: 01.04.2024

Reviewed: 08.04.2024

Accepted: 12.04.2024

Альбом 1931 года «Районное планирование Великоустюгского, Котласского и Лальского районов Северного края (Котласского агропромлесокомбината)»: новые источники по истории Европейского Севера

Н. М. Игнатова

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
ignatova11@rambler.ru

Аннотация

В статье анализируется исторический источник, хранящийся в МКАУ (муниципальное казенное архивное учреждение) «Великоустюгский центральный архив», не описанный ранее в научной литературе. Документ представляет собой альбом с фотографиями картосхем, схем и диаграмм показателей планов социально-экономического развития на 1932–1937 гг. Котласского агропромлесокомбината, включающего три административных района Северного края с центрами в городах Котлас, Великий Устюг и пос. Лальск. Альбом был составлен в 1931 г. бригадой Главного геодезического управления ВСНХ СССР. Документ имеет высокую сохранность и представляет большой интерес по форме и содержанию в рамках историко-демографических и историко-географических исследований как один из документов районного планирования по росту численности населения и урбанизации, развитию промышленности, лесозаготовок и транспортной сети, освоению сельскохозяйственных земель, оценке капиталовложений, объемам потребления электроэнергии и др.

Ключевые слова:

Европейский Север, Северный край, Великий Устюг, Котлас, Лальск, исторические источники

В СССР планирование было централизованным, но не статичным, принципы планирования менялись в зависимости от народнохозяйственных задач и накопленного опыта. Годовые планы развития государства формировал Госплан СССР (Государственная плановая комиссия). Планирование было разного уровня, от государственного до районного, и на разный период – долгосрочные планы, пятилетние, годовые. В современной историографии, посвященной планированию в 1930-е гг., отмечается, что в период первой (1928–1932) и второй (1933–1937) пятилеток осуществлялось масштабное и активное проектирование

Album of 1931 "District planning of the Veliky Ustyug, Kotlas and Lalsk regions of the Northern Territory (Kotlas Agro-Industrial and Forestry Plant)": new sources on the history of the European North

N. M. Ignatova

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
ignatova11@rambler.ru

Abstract

The paper analyzes the historical source stored by the MSAI (Municipal State Archival Institution) "Veliky Ustyug Central Archive", which has not been previously described in the scientific literature. The document is an album with photographs of maps, schematics and diagrams of indicators of socio-economic development plans for 1932–1937 of the "Kotlas Agro-Industrial and Forestry Plant", which includes three administrative regions of the Northern Territory with centers in the towns of Kotlas, Veliky Ustyug and the village of Lalsk. The album was compiled in 1931 by a team of the Main Geodetic Directorate of the Supreme Economic Council of the USSR. The document is highly preserved and is of great interest in form and content within the framework of historical-demographic and historical-geographical studies as one of the regional planning documents on population growth and urbanization, development of industry, logging and transport networks, development of agricultural land, assessment of investments, electricity consumption, etc.

Keywords:

European North, Northern Territory, Veliky Ustyug, Kotlas, Lalsk, historical sources

как в промышленной, так и сельскохозяйственной сферах. Исследователи отмечают, что задачи, возникшие в связи с провозглашением индустриализации перед ВСНХ (Высший совет народного хозяйства СССР), «развертывавшим строительные программы по возведению "заводов-гигантов и поселений при них, требовали от застройщиков ускоренного, массового, поточно-конвейерного проектирования» [1]. Также осуществлялась «углубленная профессиональная работа» по планировке села и созданию агрогородов [2].

Экономическое планирование было тесно связано с планами индустриализации и освоением регионов, в первую очередь, богатых необходимыми ресурсами, для этого была нужна оценка численности населения и объема ресурсов, а также возможностей и затрат для их освоения. Следует отметить работу М. Г. Меерович, в которой исследователь подробно описывает районное планирование в первой половине 1930-х гг. как начальный этап по промышленному районированию и расселению. Автор отмечает, что районная планировка имела целью проектирование района как совокупности хозяйств и поселений, связанных в единый производственный комплекс, т. е. рационального размещения на территории всех видов производства (индустриального, агроиндустриального и обслуживающего), а также объектов энергетики и транспорта. С началом индустриализации в рамках концепции социалистического расселения ведущей урбанистической единицей районов становились города-индустриальные центры, административно подчинявшие сельскохозяйственные территории и управлявшие ими. Существенное значение для определения границ планировочного района играли численность населения, которое должно было быть закреплено в этом районе, и выбор места его концентрации. Ставилась задача планировать районы таким образом, чтобы по количеству населения они не слишком сильно отличались друг от друга, также определялось количество населения, необходимого для обеспечения производства рабочей силой [3].

В 1934 г. трест «Промстройпроект» в Москве опубликовал результат двухлетней работы в виде книги «Планировка промышленных районов». В публикации были даны характеристики отдельных экономических районов и определены общие принципы и этапы планирования районов. В преамбуле указывалось: «Перед Советским Союзом во второй пятилетке поставлены грандиозные задачи нового строительства и освоения огромных капиталовложений. Осуществление этих задач требует перехода к новым методам проектирования. Опыт первой пятилетки показал, что правильное разрешение вопросов промышленного строительства может быть найдено только в теснейшей увязке его со всем комплексом народно-хозяйственных проблем района. Поэтому строительные проектные организации уже к концу первой пятилетки от проектирования отдельных генеральных планов перешли к районному планированию, которое создавало бы необходимые предпосылки для всего строительства района». Наряду с природными условиями, снабжением, сельским хозяйством и площадками под промышленное строительство, население было отнесено к основным факторам, влияющим на планировку района. Авторы выделяют четыре стадии планирования района. На первой стадии осуществляется выявление природных и сельскохозяйственных условий, уровень развития транспорта, культурно-бытового обслуживания населения, инженерного обслуживания, «общепищевого баланса» района, газо-, тепло-, энергоснабжения, также на первом этапе планирования давался «историко-этнографический и со-

циально-экономический» очерки района. На второй стадии определялось общее зонирование территории района (разработка схем размещения и распределения промышленности, сельского хозяйства и жилья, общего количества рабочих и занятых рабочих). На третий – составлялся технико-экономический анализ территории и разрабатывалась технико-экономическая модель промышленного района, определялись показатели для всех сооружений, обслуживающих город и промышленность (административные, культурные, спортивные и лечебные учреждения, вокзалы, пристани, аэропорты). Четвертая стадия включала разработку окончательных схем организации территории района, очередности застройки, энерго-, тепло-, газоснабжения, строительных работ, организации земель сельскохозяйственного назначения, транспортных схем [4, с. 13, 63].

Принципы, аналогичные изложенным в труде «Промстройпроекта», были соблюдены в издании, выпущенном ранее, в 1929 г., посвященном социально-экономическому анализу г. Котлас. Как верно отмечает исследователь С. А. Гладких, это первая посвященная городу книга, ориентированная «не на прошлое, а на будущее, предвещавшее Котласу знаковую роль административного центра обширного Северного края» [5, с. 98]. Издание в развернутом виде называется «Город Котлас и его роль в развитии народного хозяйства Северного края: Материалы специального экономического обследования с приложением 3-х больших, 14 малых карт, 7 диаграмм и 10 фотоснимками в тексте», было подготовлено Северо-Двинской губернской плановой комиссией и полностью соответствует принципам районного планирования.

В предисловии книги указывается на «повышенный интерес к Северу Европейской части Союза ССР», поэтому Губернская плановая Комиссия Северо-Двинской губернии, «территория каковой занимает центральное положение между другими административными единицами Севера» сочла своей обязанностью составить и выпустить труд по «злободневным вопросам экономики Севера и г. Котласа в особенности». В характеристике населения указывалось, что рост населения г. Котлас можно проследить с 1911 г., когда Вологодским Земством была проведена сельскохозяйственная перепись, и в Котласе числилось 614 чел. «обоого пола», до 1926 г., когда население увеличилось в семь раз и составило 4280 чел. Авторы предполагают, поскольку Котлас является важным транспортным железнодорожным узлом, то рост населения г. Котлас увеличится, так как железнодорожное строительство будет развиваться. В книге дана характеристика населения г. Котлас по плотности и численности жителей, отображено административное устройство Северо-Двинской губернии и г. Котлас, анализ географических и экономических показателей (почва, климат, рельеф, полезные ископаемые, энергетика, промыслы, торговля, сельское хозяйство, перспективы эксплуатации лесов, гужевые и водные пути, железные дороги, грузооборот пристани). В тексте размещены 15 таблиц с экономическими показателями, а также карты, схемы, диаграммы и графики

о населении, лесах и лесничествах, транспортных путях, сельскохозяйственной деятельности и территориальном устройстве Северо-Двинской губернии и г. Котлас. Также в книге есть черно-белые фотографии с видами г. Котлас, рек, лесов, пароходов и фабрик в городах Красавино, Великий Устюг и пос. Лальск [6].

На сегодняшний день существует определенная ограниченность исторических источников по периоду начала 1930-х гг. в муниципальных архивах тех регионов, которые входили в состав Северного края, существовавшего как административный субъект с 1929 по 1936 г., так как значительная часть документов за этот период сосредоточена в архивах г. Архангельск, административного центра Северного края. Поэтому новые источники, не введенные в научный оборот, хранящиеся в муниципальных архивах, представляют большой исследовательский интерес. Полное название документа, описанию которого посвящена статья, называется: «Планы Великоустюгского, Котласского и Лальского районов Северного края: экономические границы, сырьевая лесная база, характеристика сельского хозяйства Котласского агролесопромкомбината с 1932 года по 1937 год, валовая продукция, капиталовложения, рабочая сила по отраслям промышленности с 1931 и 1937 годах, источники электроэнергии и распределение по потребителям на 1937 год, характеристика роста населения с 1926 года по 1937 год, густота движения грузов по водным и железнодорожным путям в 1937 году, удельный вес Котласского агропромлесокомбината в основных показателях Северного края к 1937 году. Составлен ударной бригадой Главного геодезического управления ВСНХ СССР» (МКАУ «Великоустюгский центральный архив». Ф.Р.-205. Оп. 15. Д. 59). В каталоге фондов интернет-портала архивной службы Вологодской области указано, что в деле 34 листа, в листе-заверителе дела имеется запись о 32 подшитых листах (каждая фотография карты или схемы считается как отдельный лист архивного дела). Документ представляет собой альбом 35 x 55 см в горизонтальной раскладке из твердых картонных листов с размещением на каждом листе по две фотографии картосхем, схем или диаграмм, составленных (нарисованных) вручную, также есть два текстовых документа.

В альбоме дана характеристика экономического района, который включал три административных района Северного края: Котласский (с присоединенным в 1928 г. Соль-Вычегодским районом), Великоустюжский и Лальский. Районы были образованы в 1924 г. в ходе административной реформы и входили в состав Северо-Двинской губернии, в 1929 г. вошли в составе Северо-Двинского округа в Северный край. С 1930 г. округа были упразднены и все три района стали районами краевого подчинения до 1936 г. С 5 декабря 1936 г. по 23 сентября 1937 г. районы входили в состав Северной области РСФСР, образованной вместо Северного края. Постановлением ЦИК СССР от 23

сентября 1937 г. Северная область была разделена на две: Архангельскую и Вологодскую, с 1937 г. Котласский район относится к Архангельской области, Великоустюжский – к Вологодской, Лальский район с 1937 по 1941 г. – к Архангельской области, с 1941 г. вошел в состав Кировской области.

На последней странице альбома размещены два машинописных документа (три листа архивного дела, Л. 30–32), из которых следует, что экономический район, состоящий из трех административных районов, определяется как «Котласский агропромлесокомбинат Северного края». В документе под названием «Основные принципы и предпосылки районного планирования Котласского агропромлесокомбината Северного края» дается обоснование такого объединения и указывается, что предпосылками для комплексного планирования и объединения трех «доселе разрозненных» административных районов (Котласского, Великоустюжского и Лальского) служат единство сырьевой базы, ресурсов, транспортного и энергетического хозяйств, единство «маневрирования местной рабочей силой», перспективы реконструкции сельского хозяйства «в целях выполнения партийных директив об изжитии противоположностей между городом и деревней». Так же отмечалось, что районная планировка городов выявила необходимость создания 18 новых промцентров и поселений городского типа в едином Котласском агропромлесокомбинате. Обозначение общего экономического района как «комбинат» отражено в картосхемах, схемах и диаграммах альбома.

В альбоме фотографии размещены по две на каждом правом листе разворота, как видно из фото 1. Далее даны в фото 2–13 (выборочно) отражающие в целом содержание архивного документа фотографии картосхем, схем и диаграмм природных, демографических и экономических показателей, существующие на 1931 г. и плановые на 1937 г.

Фото 1. Обложка альбома «Районное планирование Великоустюгского, Котласского и Лальского районов Северного края». 1931 год.

Источник: здесь и далее фотографии картосхем, схем и диаграмм даны из архивного дела МКАУ «Великоустюгский центральный архив». Ф.Р. – 205. Оп. 15. Д. 59.

Photo 1. Album cover "District planning of the Veliky Ustyug, Kotlas and Lalsk regions of the Northern Territory". 1931

Source: Here and below, photographs of maps, schematics and diagrams are given from the archives of the MSAI «Veliky Ustyug Central Archive». F.P. – 205. Op. 15. D. 59.

Фото 2. Картохема и схема «Источники электроэнергии и распределение по потребителям на 1937 г.» (вид расположения фотографий на альбомном листе).

Примечание. На картохеме указаны существующие и проектируемые электростанции и электросети. На схеме отражены проектируемые на 1937 г. объемы электропотребления потребителями.
Photo 2. Map and scheme "Sources of electricity and distribution to consumers for 1937" (View of the arrangement of photographs on an album sheet)
Note: The map shows existing and planned power plants and electrical networks. The scheme shows the projected volumes of power consumption by consumers for 1937.

Фото 3. Картохема почв.

Примечание. На картохеме отмечены глина желтая, глина огнеупорная, известняк, соль, кварцевый песок, торф, белый уголь.
Photo 3. Soil map
Note: Yellow clay, refractory clay, limestone, salt, quartz sand, peat, white coal are marked on the map chart.

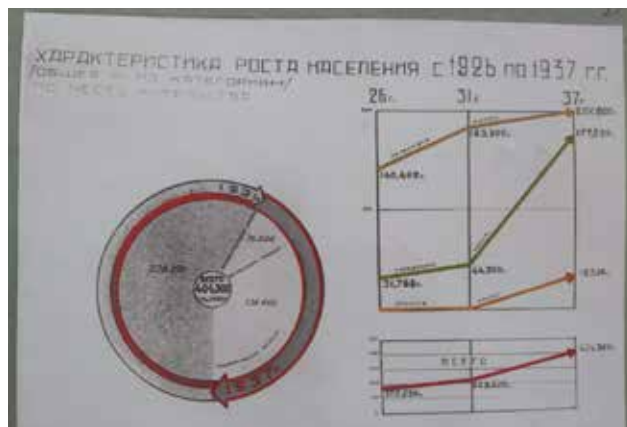

Фото 4. Схема «Характеристика роста населения с 1926 по 1937 гг. /общее и по категориям/ по месту жительства».

Примечание. В диаграмме отражен план роста населения с 228,2 тыс. чел. в 1931 г. до 404,3 тыс. чел. в 1937 г., в том числе за счет механического прироста – 139,6 тыс. чел., естественного – 36,5 тыс. чел. Нижний график показывает план общего роста населения с 1926 по 1937 г., верхний – план роста населения по категориям:

Photo 4. Scheme "Characteristics of population growth from 1926 to 1937" / general and by category/ by place of residence.

Note: The diagram reflects the plan for population growth from 228.2 thousand people in 1931 to 404.3 thousand people in 1937, including due to mechanical growth – 139.6 thousand people, natural – 36.5 thousand people. The bottom graph shows the overall population growth plan from 1926 to 1937, the top graph shows the population growth plan by category:

Население, чел.	1926 г.	1931 г.	1937 г.
Сельское	140 482	183 900	207 600
Городское	31 768	44 300	177 200
Лесное	0	0	19 500

Фото 5. Картохема роста числа населенных пунктов.

Примечание. На картохеме отображены существующие и «вновь возник.»(шие/ающие) населенные пункты, а также «городские центры, требующие планировки».

Photo 5. Map of the growth in the number of settlements.

Note: The map shows existing and "newly emerging" settlements, as well as "urban centers requiring planning".

Фото 6. Картохема транспортных путей.

Примечание. На картохеме отмечены функционирующие в 1931 г. и планируемые к 1937 г. железнодорожные пути, гужевые дороги, «дороги лесных грузов», пристани, «воздушные пути».

Photo 6. Map of transport routes.

Note: The map shows railways, horse-drawn roads, "timber roads", piers, and "airways" operating in 1931 and planned by 1937.

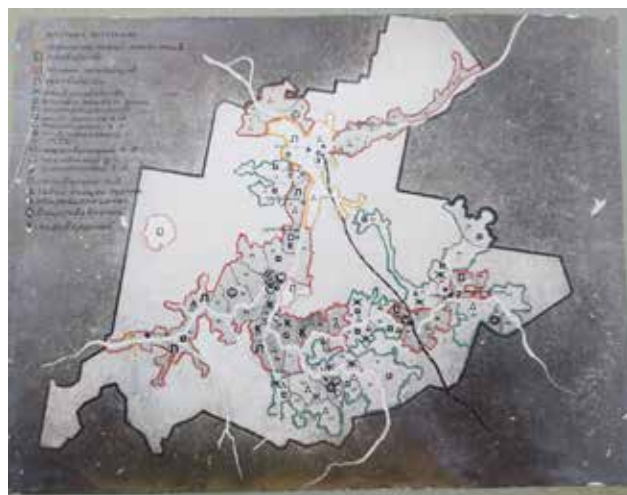

Фото 8. Народнохозяйственная деятельность.

Примечание. На картохеме буквенными и знаковыми обозначениями отмечены виды народнохозяйственной деятельности и предприятия (кустарные промыслы, животноводство, луговое хозяйство, огородничество, картофелеводство, заводы по обработке льна, заводы сгущения молока, маслобойный, спиртоводочный и пивоваренный заводы, МТС и др.).

Photo 8. National economic activity.

Note: On the map, types of national economic activities and enterprises are marked with letters and symbols (handicrafts, livestock farming, grassland farming, gardening, potato growing, flax processing plants, milk condensation plants, oil mills, distilleries and breweries, MTS, etc.).

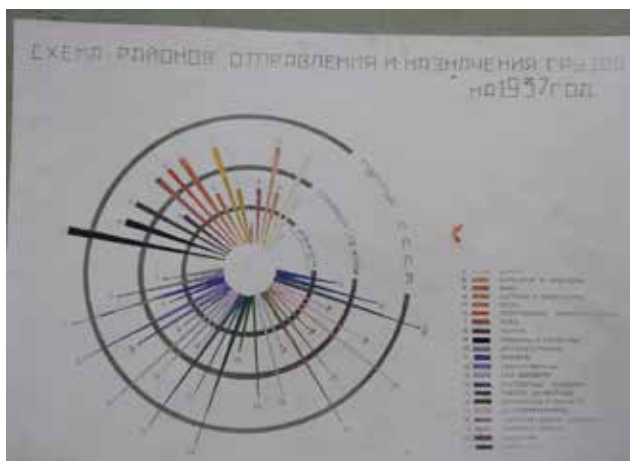

Фото 7. Схема районов отправления и назначения грузов на 1937 г.

Примечание. Диаграмма содержит данные о планируемых категориях грузов (цемент, химсырье и кислоты, рыба, щетина и волос-сырье, соль, промтовары личного потребления, хлеб, нефть, машины и металлы, баржестроение, фанера, лесоматериалы, лен-волокно, кустарные изделия, масло животное, целлюлоза и бумага, стройматериалы, льняные ткани, пушнина, канифоль) и районах их отправления (район комбината, граница Северного края, граница СССР).

Photo 7. Map of the areas of departure and destination of cargo for 1937.

Note: The diagram contains data on the planned categories of cargo (cement, chemical raw materials and acids, fish, bristles and hair raw materials, salt, manufactured goods for personal consumption, bread, oil, machinery and metals, barge construction, plywood, timber, flax fiber, handicrafts, animal oil, pulp and paper, building materials, linen fabrics, furs, rosin) and areas of their departure (mill area, border of the Northern Territory, border of the USSR).

Фото 9. Лесные ресурсы и промышленные предприятия.

Примечание. На картохеме знаковыми обозначениями отмечены леса государственного и местного значений, существующие предприятия и намеченные к строительству леспромпгородки, машинотракторные станции, мебельные фабрики, заводы: фанерные, лесопильные, соломурубельные, стеноматериалов, шпалорезный, целлюлозно-бумажный, канифольно-экстракционный, дубильных экстрактов, осахаривания древесины, сухой перегонки, спирто-порошковый, вискозы.

Photo 9. Forest resources and industrial enterprises.

Note: On the map, forests of state and local significance, existing enterprises and logging camps planned for construction, machine-tractor stations, furniture factories, factories: plywood, sawmills, straw-cutting, wall materials, sleeper-cutting, pulp-and-paper, rosin-extraction, tanning extract factories, saccharification of wood, dry distillation, powdered alcohol, viscose, are marked with symbols.

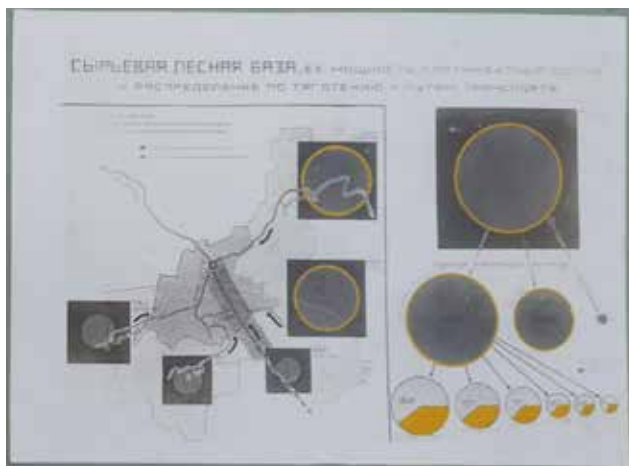

Фото 10. Сырьевая база, ее мощность, сортиментный состав и распределение по тяготению к путям транспорта.

Примечание. На диаграммах отмечены планируемые объемы сортиментного состава (деловая древесина, дрова) и пути вывоза продукции.

Photo 10. Raw material base, its capacity, assortment composition and distribution according to gravity towards transport routes

Note: The diagrams indicate the planned volumes of assortments (industrial timber, firewood) and routes for exporting products.

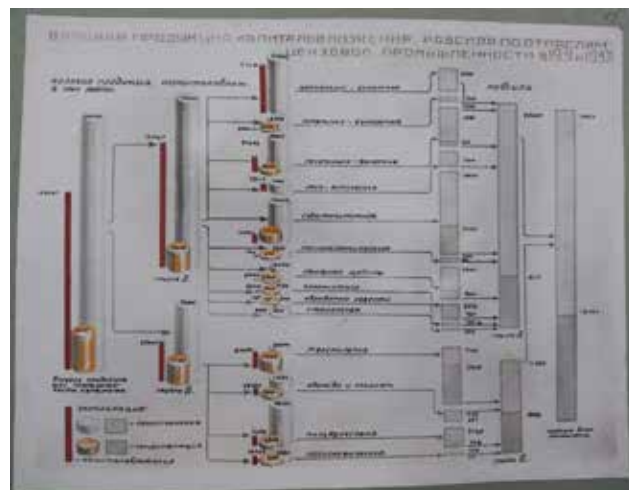

Фото 12. Валовая продукция, капиталовложения, рабочая сила по отраслям цензовой промышленности к 1937 году.

Примечание. На схеме отображены капиталовложения в тыс. руб., существующие в 1931 г. и проектируемые к 1937 г. по отраслям промышленности, а также проектируемое число рабочих по отраслям к 1937 г.

Photo 12. Gross output, capital investments, labor force by branches of licensing industry by 1937.

Note: The diagram shows investments in thousands of rubles existing in 1931 and projected by 1937 by industrial sectors, as well as the projected number of workers by industrial sectors by 1937.

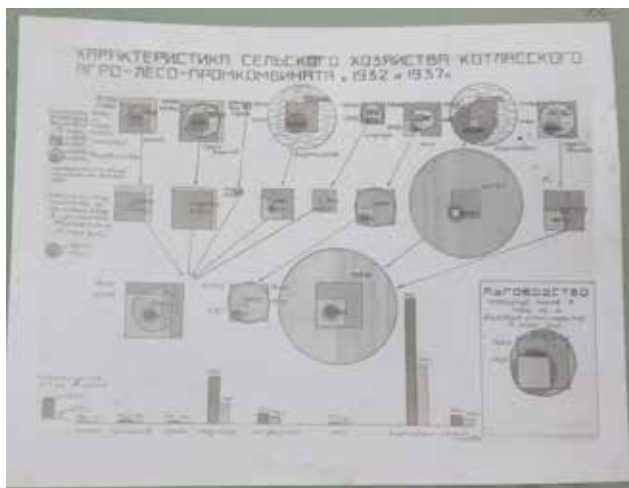

Фото 11. Характеристика сельского хозяйства Котласского комбината в 1932 и 1937 годах.

Примечание. На диаграммах указаны планируемые к 1937 г. площади для отдельных культур (зерновые, кормовые, картофель и др.) и лугов, валовый сбор и урожайность.

Photo 11. Characteristics of agriculture of the Kotel'skiy combine in 1932 and 1937

Note: The diagrams indicate the areas planned by 1937 for individual crops (cereals, fodder, potatoes, etc.) and meadows, gross harvest and yield.

Фото 13. Удельный вес Котласского агропромлесокомбината в основных показателях Северного края к 1937 году.

Примечание. В квадратной диаграмме дано соотношение территории Северного края и комбината, в круглых диаграммах – соотношение по числу населения, объемам валовой и экспортной продукции, заготовки древесины.

Photo 13. Share of the Kotel'skiy Agro-Industrial and Forestry Plant in the main indicators of the Northern Territory by 1937.

Note: The square diagram shows the relationship between the territory of the Northern Territory and the plant, and the round diagrams show the relationship in terms of population, volumes of gross and export products, and timber harvesting.

Последний документ в альбоме и второй машинописный текст под названием «Основные показатели развития народного хозяйства Котласского агропромлесокомбината во 2-ю пятилетку» содержат таблицу с плановыми на 1937 г. и имеющимися на 1931 г. показателями. Таблица объединяет общие данные, указанные в картосхемах, схемах и диаграммах альбома. Как видно из таблицы, са-

Таблица

Основные показатели развития народного хозяйства
Котласского агропромлесокомбината во вторую пятилетку

Table

Main indicators of national economic development of the
Kotlas Agro-Industrial and Forestry Plant in the 2nd five-year plan

Показатели	1931 г.	1937 г.
Территория	21,7	21,7
Население	241,4	404,3
В том числе:		
Городское	44,3	196,7
Сельское	197,1	207,6
Рабочие, кроме сезонных	14,4	67,9
Валовая продукция народного хозяйства	72,1	660,0
В том числе		
Промышленность	9,0	24,9
Сельское хозяйство	29,0	252,5
Лесное хозяйство	10,0	40,8
Прочие отрасли	2,2	3,2
Валовая продукция на душу населения, руб.	299	1632
Чистый народный доход на 1 душу населения в год, руб.	199	1088

Источник: МКАУ «Великоустюгский центральный архив». Ф.Р. – 205. Оп. 15. Д. 59. Л. 32.

Source: MSAI "Veliky Ustyug Central Archive". F.P. – 205. Op. 15. D. 59. L. 32.

мый значительный рост к 1937 г. планировался по числу населения, валовой продукции и доходу населения. При этом в данной таблице увеличение числа «лесного населения» с нулевого уровня в 1931 г. до 19,5 тыс. чел. в 1937 г., которое есть в диаграмме планируемого роста населения (см. фото 4), включено в состав городского населения. Вероятно, именно «лесное население» должно было стать основным населением запланированных новых («вновь возник») населенных пунктов (см. фото 5) и леспромгородков (см. фото 9).

В заключении следует отметить, что районное планирование Великоустюгского, Котласского и Лальского районов Северного края (Котласского агропромлесокомбината) полностью соответствовало принципам советского планирования, принятым на период составления документа, конец первой пятилетки. В документе приведены расчеты по демографическим и экономическим изменениям в регионе, рассчитанным на вторую пятилетку. Следует предположить, что демографические показатели, внесенные в план в 1931 г. учитывали, что г. Котлас в 1930–1931 гг. значительно вырос по численности населения за счет спецпереселенцев, которые в рамках массовых государственных административных переселений через г. Котлас как пересыльный пункт перемещались далее по территории Северного края. Новые лесопромышленные города и поселки, запланированные к строительству, также могли развиваться преимущественно за счет механического прироста населения, значительный рост которого был заложен в план.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Меерович, М. Г. Первые шаги на пути к индустриализации: советский опыт 1930–1940-х / М. Г. Меерович // Городские исследования и практики. – 2018. – Т. 3, № 4. – С. 37–80.
2. Косенкова, Ю. Л. «Образцовая культурная деревня»: архитектурные мечтания и реальность 1920–1930-х годов / Ю. Л. Косенкова // Архитектура и строительство. – 2018. – № 3. – С. 77–85.
3. Меерович, М. Г. Районная планировка в контексте программы индустриализации: первая половина 1930-х годов – начальный этап работ по промышленному районированию и расселению / М. Г. Меерович // Вестник Пермского университета. История. – 2014. – № 2 (25). – С. 101–122.
4. Планировка промышленных районов (Работы/НКТП СССР. Главстройпром. Промстройпроект. Сектор район. планировки; 1932–1933 гг.): сборник / сост.: инж. А. С. Вайнцвайг, арх. А. Э. Зильберт, инж. С. К. Лазаревич [и др.]; под общ. ред. инж. А. С. Вайнцвайга. – Москва: Госстройиздат. – [Главстройпром. Промстройпроект], («Интернац.» тип.), 1934. – 64 с.
5. Гладких, С. А. Котлас в трудах историков и краеведов / С. А. Гладких // Двинская земля. Вып. 12: материалы Всероссийской общественно-научной историко-краеведческой конференции «14-е Стефановские чтения», 26 марта 2021 года / редколлегия: С. А. Гладких [и др.]. – Котлас, 2021. – 267 с.
6. Город Котлас и его роль в развитии народного хозяйства Северного края: материалы спец. экон. обследований с прил. 3-х больших, 14 малых карт, 7 диаграмм и 10 фотоснимками в тексте / под общ. ред.: П. С. Пузырева, В. В. Замарева, А. Н. Бачурихин; работу выполнили: Б. Ф. Аристов, В. М. Гедда, В. В. Потулов [и др.]. Издание Северо-Двин. губ. плановой комиссии. – Ленинград: Типо-литография ЛОИСН, 1929. – 220 с.

References

1. Meyerovich, M. G. Pervyye shagi na puti k industrializatsii: sovetskiy opyt 1930–1940-kh [The first steps on the path to industrialization: Soviet experience of the 1930–1940s] / M. G. Meyerovich // Gorodskiye issledovaniya i praktiki [Urban research and practice]. – 2018. – Vol. 3. – № 4. – P. 37–80.
2. Kosenkova, Yu. L. «Obraztsovaya kul'turnaya derevnya»: arkhitekturnyye mechtaniya i real'nost' 1920–1930-kh godov [“Exemplary cultural village”: architectural dreams and reality of the 1920–1930s] / Yu. L. Kosenkova // Arkhitektura i stroitel'stvo [Architecture and construction]. – 2018. – № 3. – P. 77–85.
3. Meyerovich, M. G. Rayonnaya planirovka v kontekste programmy industrializatsii: pervaya polovina 1930-kh godov – nachal'nyy etap rabot po promyshlennomu rayonirovaniyu i rasseleniyu [Regional planning in the context of the industrialization program: the first half of the 1930s – the initial stage of work on industrial zoning and

- resettlement] / M. G. Meyerovich // Bull. of Perm Univ. History. – 2014. – № 2 (25). – P. 101–122.
4. Planirovka promyshlennykh rayonov (Raboty/ NKTP. Glavstroyprom. Promstroyproekt. Sektor rayon. planirovki; 1932–1933 gg.) [Planning of industrial areas (Works / People's Commissariat of Heavy Industry of the USSR. Main construction department of industry. Industrial construction project. Sector of regional planning; 1932–1933)] : Collection compiled by: engineer A. S. Weinzwieg, architect A. E. Zilbert, engineer S. K. Lazarevich [et al.] / General Ed. engineer: A. S. Weinzwieg. – Moscow : Gostroyizdat [State Construction Publ. House], 1934. – 64 p.
 5. Gladkikh, S. A. Kotlas v trudakh istorikov i krayevedov [Kotlas in the works of historians and local historians] / S. A. Gladkikh // Dvinskaya zemlya [Dvina land]. Issue 112. Materials of the All-Russian socio-scientific historical and local history conference «14th Stefanov Readings», March 26, 2021 / Eds. S. A. Gladkikh [et al.]. – Kotlas, 2021. – 267 p.
 6. Gorod Kotlas i yego rol' v razvitii narodnogo khozyaystva Severnogo kraya [Kotlas and its role in the development of the national economy of the Northern Territory]: Materials of special economic surveys with appendix of 3 large, 14 small maps, 7 diagrams and 10 photographs in the text / Eds. P. S. Puzyrev, V. V. Zamareyeva, A. N. Bachurikhin. Publication of the North Dvina Provincial Planning Commission. – Leningrad: Typo-lithography of LOISN, 1929. – 220 p.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России» № 122040800166-0.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic “Transformations of society, government and economy in the regions of the European North of Russia” No. 122040800166-0.

Информация об авторе:

Игнатова Надежда Максимовна – ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук, заведующий сектором историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-1075-9382 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: ignatova11@rambler.ru).

Author:

Nadezhda M. Ignatova – Cand. Sci. (History), leading researcher, Head of the Sector of Historical-Demographic and Historical-Geographical Research of the Russian North of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-1075-9382 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: ignatova11@rambler.ru).

Для цитирования:

Игнатова, Н. М. Альбом 1931 года «Районное планирование Великоустюгского, Котласского и Лальского районов Северного края (Котласского агропромлесокомбината)»: новые источники по истории Европейского Севера / Н. М. Игнатова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 55–62.

For citation:

Ignatova, N. M. Album of 1931 “District planning of the Veliky Ustyug, Kotlas and Lalsk regions of the Northern Territory (Kotlas Agro-Industrial and Forestry Plant)”: new sources on the history of the European North / N. M. Ignatova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “Historical demography”. – 2024. – № 2 (68). – P. 55–62.

Дата поступления статьи: 19.03.2024

Прошла рецензирование: 25.03.2024

Принято решение о публикации: 28.03.2024

Received: 19.03.2024

Reviewed: 25.03.2024

Accepted: 28.03.2024

Эвакуированное население в Ханты-Мансийском округе в годы Великой Отечественной войны

Л. В. Алексеева

Нижевартовский государственный университет,
г. Нижневартовск
lvalexeeva@mail.ru

Аннотация

Предмет рассмотрения – эвакуированное население в Ханты-Мансийском округе. Представлена краткая характеристика округа и его особенностей. В центре внимания – малоизученные аспекты темы, касающиеся установления численности эвакуированных, маршрутов их прибытия и размещения в округе. Впервые в региональной историографии на основе новых архивных документов установлены численность эвакуированного населения и маршрутов, их доли в составе наличного населения Югры. Сформулирован вывод, что эвакуированное население в годы войны не стало решающим фактором роста численности населения в округе, как это имело место в Сибири в целом.

Ключевые слова:

эвакуированные, население, округ, численность, Ханты-Мансийский округ, Великая Отечественная война

Создание целостной картины демографической ситуации, сложившейся в годы войны в Ханты-Мансийском национальном округе (далее – ХМНО), остается перспективной задачей для региональных исследователей. Демографическую историю Югры стали разрабатывать лишь в последние 25 лет. Этому способствовало формирование научных кафедр истории в высших учебных заведениях Ханты-Мансийского округа, открытие первых из которых произошло в 1988 (г. Нижневартовск) и 1992 гг. (г. Сургут).

В современной региональной историографии населения военного времени (1941–1945) в меньшей степени изучены процессы, связанные с прибывшими в округ эвакуированными гражданами. Затрудняет исследования не столько обширная география архивов, сколько качество доступных документов, их противоречивость и разночтение, что связано с проблемой несовершенства статистического учета населения и трактовкой понятия «эвакуированное население», а также недоступностью многих документов, остающихся под грифом «секретно» и отсутствием базы данных эвакуированных в округ.

Цель статьи – на основе исследовательской литературы и новых архивных документов показать специфику перемещения людей в регион, определить численность эвакуированных в одном из отдаленных тыловых районов Севера Западной Сибири в годы Великой Отечественной

Evacuated population in the Khanty-Mansiysk District during the Great Patriotic War

L. V. Alekseeva

Nizhnevartovsk State Univ.,
Nizhnevartovsk
lvalexeeva@mail.ru

Abstract

The subject of consideration is the evacuated population in the Khanty-Mansiysk district. A brief characteristics of the district and its peculiarities are presented. The little-studied aspects of the topic concerning the establishment of the number of evacuees, their arrival routes and accommodation in the district are in the center of attention. For the first time in regional historiography, on the basis of new archive documents, the number of evacuated population and routes, their share in the available population of Yugra have been established. The conclusion is made that the evacuated population during the war years did not become a decisive factor in population growth in the district, as was the case in Siberia as a whole.

Keywords:

evacuees, population, district, number of people, Khanty-Mansiysk district, Great Patriotic War

войны – ХМНО. Статья основана на архивных документах. Использованы три вида источников: законодательно-нормативные, статистические и делопроизводственные (Государственный архив Югры, Исторический архив Омской области, Государственный архив общественно-политической документации Тюменской области). Основу для исследования составили материалы текущего учета населения, хозяйственные книги, списки населения, статистические отчеты и справки окружного статистического управления.

Региональными историками выполнены исследования, позволившие установить некоторые особенности населения ХМНО во время Великой Отечественной войны. К ним относятся изменения численности и структуры населения, обусловленные мобилизацией в армию и развернувшимися в годы войны миграционными процессами, где преобладали этническая депортация и административная ссылка, а также производственная миграция (в связи с плановыми заданиями по увеличению рыболовства в два, а затем в три раза). Особенностью округа являлось и то, что это была сельская местность. Все наличное сельское население учитывалось по четырем категориям: «рабочие и служащие»; «колхозники»; «единоличники»; «временно проживающее и эвакуированное население».

Первая группа вопросов в ряду малоизученных аспектов темы касается установления численности эвакуированных, маршрутов их прибытия и размещения в округе. И. А. Кольц (г. Омск) отмечал слабую разработанность эвакуационных процессов применительно к Омской области в целом (с 1935 г. по август 1944 г. ХМНО входил в состав Омской области) и говорил о трудности исчисления эвакуированного населения [1, с. 28]. Что касается исследований, выполненных на материалах Тюменской области, то они ограничиваются южными районами и почти не затрагивают эвакуированное население Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов, вошедших в ее состав 8 августа 1944 г.

Территория ХМНО составляла 548 467 км². Округ имел административные границы: на севере – с Ямало-Ненецким округом, на западе – с Коми АССР и Свердловской областью; на юге – с Уватским районом Тюменской области и Омской областью, на востоке – с Красноярским краем [2, л. 2]. В составе округа числилось шесть административных районов сельского типа: Березовский, Кондинский, Ларьякский, Микояновский, Самаровский, Сургутский. Расстояние от административного центра округа – Ханты-Мансийска – до центров районов составляло: до Березова – 500 км, Нахрочей – 400, Ларьяка – 900, Кондинска – 280, Сургута – 230 км [3, л. 3]. Транспортное сообщение осуществлялось преимущественно водными путями, а в зимний период – по сезонным трактам (зимникам), протяженность которых составляла 2897 км [4, л. 85].

Численность населения ХМНО (данные на начало года) составляла: 1940 г. – 94 860 чел.; 1941 г. – 101 819; 1942 г. – 91 726; 1943 г. – 88 080; 1944 г. – 95 000; 1945 г. – 101 360; 1946 г. – 94 508 чел. [5, л. 1 об.; 6, л. 76; 7, л. 1 об.; 8, л. 10; 9, л. 3; 10, л. 28]. Огромная территория округа, в целом малонаселенная, дифференцировалась по численности населения в районном измерении. В Самаровском районе и пос. Ханты-Мансийск проживало почти 32 тыс. чел., т. е. более 1/3 всего населения округа, а самым малонаселенным являлся Ларьякский район (ныне – Нижневартовский) – менее 6 тыс. чел. [11, л. 3–3 об.].

В соответствии с постановлением бюро Омского обкома ВКП (б) о приеме, устройстве и обслуживании эвакуированного населения от 15 августа 1941 г., намечалось распределение прибывших эвакуантов по 52 населенным пунктам области, включая ХМНО [12, л. 10]. План приема эвакуированных граждан для округа (август 1941 г.) предусматривал 12 тыс. чел. [13, л. 37]. Как показывает исследование, прибыло в ХМНО 2/3 от запланированного количества людей.

Особенностью транспортной инфраструктуры округа являлось отсутствие дорожной сети. Основным видом транспорта был водный (навигация осуществлялась с середины мая по октябрь). Одновременно транспортировке на Север подлежали переселенцы для работы в рыбной промышленности и спецконтингенты (всего, по нашим исследованиям, – не менее 26 тыс. чел.). Основная работа по транспортировке разных категорий населения на Север возлагалась на Нижне-Иртышское речное пароходство

(далее – НИРП). Всего в Министерстве речного флота СССР состояло 40 пароходств. Грузопассажирские пароходы, работавшие на линии Омск – Ханты-Мансийск – Салехард: «Орджоникидзе», «Ленин», «Карл Либкнехт», «Храбрый», «Москва», «Коммунист» и др. Известно, что НИРП располагал 21 грузопассажирским судном общей вместимостью 6322 чел., исходя из количества пассажирских мест [14, л. 76]. Средняя вместимость одного парохода составляла 300 пассажиров. Анализ выполнения плана перевозок за 1941–1943 гг. НИРП показал отсутствие данных о количестве перевезенных людей.

Эвакуированное население в ХМНО прибывало в два этапа: в навигацию 1941 и 1942 гг. Прибывшие граждане, в соответствии с постановлением СНК СССР от 9 августа 1941 г. «Положение о прописке граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы», должны были регистрироваться в исполкоме совета или отделении милиции. В документах регионального уровня не имелось четкой дифференциации по категориям прибывшего населения. Списки прибывших имели разные заголовки: «список спецпереселенцев, эвакуированных из Ленинграда»; «список трудпоселенцев»; «список вольнонаемных, завербованных»; «списки по национальностям» и т. д. [15, л. 34, 49–50].

По сведениям Ханты-Мансийского окрисполкома, на 1 декабря 1941 г. в Ханты-Мансийском округе расселили 505 эвакуированных [16, л. 162]. Из них (по данным на 16 марта 1942 г.) в Микояновском районе размещено 13 чел. (жен. – 5; детей – 8); в Ханты-Мансийске (по данным на 5 июня 1942 г.) – 120 (жен. – 64; муж. – 56; детей – 28); в Ларьякском районе (по данным на 27 июля 1942 г.) – 11 чел. (жен. – 5; муж. – 2; детей – 4) [17, с. 66]. Это те, кто прибыл в навигацию 1941 г.

Основная часть эвакуированных прибыла в ХМНО в 1942 г. Это являлось особенностью округа, так как в российской историографии принято считать, что вторая волна эвакуации – лето–осень 1942 г. – по своим масштабам была меньше [18, с. 86]. Эвакуированные преимущественно прибывали организованным порядком. География эвакуированных включала многие города европейской части СССР: Ленинград, Москва, Курск, Туапсе, Воронеж, Днепропетровск, Таганрог, Одесса. Население прибывало из Московской, Харьковской, Ростовской, Гомельской, Орловской, Курской, Ворошиловской, Киевской, Мурманской областей. Больше всего было эвакуированных из Ленинграда и Ленинградской области. По национальному составу преобладали русские, евреи, финны, украинцы, немцы и др. В число эвакуированных попали и иностранные граждане [19, л. 1–3, 25, 46].

В навигацию 1942 г. пароходы курсировали с максимально возможной степенью интенсивности. В округ тысячами прибывали все новые и новые люди. По данным на 1 августа 1942 г., во всех районах округа разместили 5405 эвакуированных [20, л. 8]. В записке на имя Управляющего Омского госрыбтреста от гражданки Е. Н. Курагиной сообщалось, что ее семья прибыла на пароходе «Ленин» 19 июля 1942 г. в Самарово и передана на работу

в Самаровский лесхоз. Женщина писала, что жилье им не предоставляли, живет на улице [21, л. 16].

21 октября 1942 г. пароходами «Орджоникидзе» и «Ленин» в округ доставлены группы людей, которые в документах значились как «эвакуированные», «спецпереселенцы» и «ссылно-переселенцы». Сообщалось, что по национальному составу это были русские, немцы и финны из Ленинградской и Саратовской областей. Там же указывалось, что 50 эвакуированных (в том числе дети – 9 чел.) передали Самаровскому лесозаводу [22, л. 3, 5]. Как и в начале 1930-х гг., когда в округ сослали более 30 тыс. крестьян, так и в 1942 г. все населенные пункты были переполнены прибывшими людьми, и общее количество прибывших всех контингентов превышало 30 тыс. чел.

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке», главное, что требовалось от округа военной поры – это рыбный промысел. Рабочих рук не хватало, поэтому прибывших эвакуированных (если они не имели востребованных профессий, а именно учителя, врача и др. квалифицированных специалистов) распределяли по рыбзаводам (далее – РЗ), которые являлись основными предприятиями в структуре рыбного треста, куда в первую очередь поступала рыба. Состояли РЗ из участков, приемных и обрабатывающих пунктов. Так, например, список переданных эвакуированных из Ленинграда Погорельскому РЗ составлял 266 чел. (121 семья). Из них трудились – 142 чел. На Покурском участке Локозовского РЗ список эвакуированных насчитывал 80 чел. Баланс рабочей силы по контингентам на Локозовском РЗ на 14 декабря 1942 г. выглядел следующим образом: вольнонаемные – 35 чел.; трудпоселенцы – 144; молдаване – 7; эвакуированные – 177; завербованные – 19 (всего – 382 чел.), т. е. эвакуированные составляли 46,34 % от числа рабочей силы [23, л. 34, 36, 49–50].

Среди эвакуированных были и семьи начсостава Красной армии, причем не только с Запада, но и с Востока, это выяснилось из докладной записки политрука окружного военкомата секретарю Ханты-Мансийского окружкома ВКП (б) от 15 декабря 1941 г. Все семьи были размещены по квартирам, отмечались проблемы с одеждой и обувью, а также дровами [24, л. 110]. О количестве семей и численности данной категории эвакуированных не сообщалось. 24 октября 1941 г. на заседании Ханты-Мансийского окрисполкома (далее – ОКРИК) рассматривали вопрос «О трудовом устройстве членов семей военнослужащих и эвакуированных граждан» [25, л. 1]. Анализ принятого решения показывает, что главным при приеме и размещении эвакуированных являлись наличие жилплощади и возможность трудоустройства. Этими вопросами, по решению ОКРИК, должны были заниматься исполкомы поселкового (пос. Ханты-Мансийск) и районных советов. Исполком совета, направляя на работу, выдавал путевку. Если путевка отсутствовала, то трудоустроиться можно было при наличии вакансий [26, л. 11]. 9 декабря 1941 г. вопрос о трудовом и бытовом устройстве эвакуированных семей начальству-

ющего состава Красной армии и Военно-морского флота вновь рассматривали на заседании ОКРИК. Отмечено, что в Самаровском и Микояновском районах семьи данной категории эвакуированных находились в плохих материально-бытовых условиях. Там же сообщалось, что райкомы партии (далее – РК ВКП (б)) и райисполкомы (далее – РИК) не имеют точного учета эвакуированных семей начсостава [27, л. 1, 3].

Омский обком ВКП (б) 18 декабря 1941 г. принял постановление «О трудовом и бытовом устройстве эвакуированных семей начсостава и семей мобилизованных в Красную Армию». В письме секретарю Ханты-Мансийского ОК ВКП (б) из обкома от 17 марта 1942 г. сообщалось, что в обком поступают многочисленные жалобы от эвакуированных семей данной категории населения на материально-бытовые проблемы. Вследствие этого среди некоторой части семей начсостава проявлялись «нездоровые» настроения и недовольство. Указывалось на бездействие местных органов власти, которые только и занимались тем, что просили дополнительные фонды у области [28, л. 25–26]. В этом документе и письме группы женщин – жен военнослужащих, в Ларьякский РК ВКП (б) (4 июля 1942 г.) сообщалось, что, не получив аттестат (у прежнего срок истек, о мужьях известий нет никаких), они остались без средств к существованию, а у каждой женщины было на руках по три-четыре ребенка [29, л. 6].

Многочисленные документы свидетельствуют о тяжелом материально-бытовом положении эвакуированных, приехавших без теплой одежды, обменявших то, что захватили с собой, на продукты питания. Товарные фонды для них фактически отсутствовали. Семьи эвакуированных порой не имели самого необходимого из белья, одежды и обуви [30, л. 3].

В числе эвакуированных, прибывших в 1942 г. в ХМНО, оказались дошкольники и ученики детских домов и интернатов Ленинграда. Впервые упоминание о том, что округ должен принять ленинградских детей отражено в протоколе № 24 от 28 июля 1942 г. заседания Ханты-Мансийского ОКРИКа [31, л. 30]. Как следует из отчета Ленинградского ГОРОНО, в 1942 г. в Омскую область эвакуировали детдомовцев в количестве 3601 чел. [32, с. 85]. В Ханты-Мансийский округ планировалось отправить детей из 12 детдомов (1254 ребенка) [33, л. 112, 123 об.], т. е. треть от числа прибывших. Фактически были отправлены дети из 10 детдомов.

С 19 августа по 15 сентября 1942 г. в Омскую область прибыло железнодорожным транспортом четыре эшелона с ленинградскими детьми [34, л. 101 об.]. В ХМНО отправили детей первого и третьего эшелонов. Первые дети из блокадного города прибыли в августе. Первый эшелон доставил в Тюмень 850 детей (из них 117 детей отправили в дом ребенка). Часть детей отправили в Сургут, за исключением малышей. На основе сопоставления имеющихся данных считаем, что было отправлено не менее 300 чел. Второй эшелон (1038 детей) прибыл в Омск 22 августа 1942 г. [там же] и доставил самых маленьких детей, которых разместили в районах, прилегающих к Омску. Третий эшелон при-

был в Омск 6 сентября (650 чел.). Эти дети были отправлены из Омска в ХМНО. Ю. П. Прибыльский ошибочно считал, что округ принял 2100 детей-блокадников [35, с. 149]. По данным на 7 октября 1942 г., в детдомах, размещенных в округе, был учтен 961 ребенок, на 16 октября – 944 чел. [36, с. 68]. Новые сведения говорят, что детей доставляли из Тюмени в конце августа и начале сентября (дети первого эшелона) и детей из Омска – в сентябре (дети третьего эшелона).

Эвакуированное население разместили во всех районах округа. По данным окружного статистического управления, на 1 февраля 1943 г. их насчитывалось 4695 чел. [37, л. 25]. В Омской области численность эвакуированных на 1 января 1943 г. составила 271,9 тыс. чел. (в том числе дети – 71,2 тыс. чел.) [38]. Доля эвакуированных в ХМНО – 1,73 % от общего числа эвакуированных в Омскую область.

Летом 1943 г. в стране провели переучет всего эвакуированного населения [39, с. 23]. В справке окружного статистического управления ХМНО «Основные показатели хозяйственного и культурного развития округа 1940–1945 гг.» представлены сведения на конец года о численности эвакуированных за 1943–1945 гг. В 1943 г. – 8730 чел., в 1944 г. – 5432, в 1945 г. – 1762 чел. [40, л. 18]. На конец 1943 г. доля эвакуированных составляла 9,19 % по отношению к наличному населению ХМНО.

В конце 1943–начале 1944 г. в стране развернулись процессы реэвакуации, означавшие отток населения в западном направлении, что и прослеживается по данным снижения численности эвакуированных в округе. Общая численность эвакуированных снизилась к началу 1945 г. Сведения о численности эвакуированных представлены в таблице [41, л. 3–3 об.].

Общая численность эвакуированных в ХМНО на 1 января 1945 г., по сравнению с данными на конец 1943 г., уменьшилась на 3298 чел. Это были люди, покинувшие округ в навигацию 1944 г. На 1 января 1945 г. эвакуированные составляли 5,36 % всего населения округа. Реэвакуацию детей ленинградских интернатов из ХМНО провели в июле 1945 г. [43, л. 1]. Всего по Тюменской области наметили пять этапов отправки детей. Последнюю группу детей (пятую) отправили 23 июля, в нее и вошли детдомовцы ХМНО. Анализ списков детей, подлежащих реэвакуации в Ленинград, позволил установить количество вернувшихся детей – 448 чел. [44, л. 34, 36–38, 85, 94, 95, 96–97, 121, 123]. В навигацию 1945 г. из округа выехало 3672 чел. эвакуированных граждан. К началу 1946 г. в округе осталось 1762 чел.

В военное время в ХМНО наблюдалась неровная динамика численности населения. Если для Западной Сибири эвакуация была главной особенностью населения тылового района [45], то применительно к ХМНО она не являлась таковой, и по количеству эвакуированных в военное время уступали другим категориям прибывшего населения в соотношении 1:4. Рост численности населения Сибири обусловлен притоком эвакуированных [там же, с. 148], а увеличение численности населения ХМНО связано главным образом с прибытием спецконтингентов, что хорошо можно проследить по росту численности населения. Например, на 1 января 1941 г. (этнические депортации в связи с началом Второй мировой войны) и на 1 января 1945 г. (депортация калмыков). Прибывшее население разных категорий лишь временно компенсировало отток мобилизованных на фронт. Это показывает динамика численности населения 1942–1943 гг. За все годы войны из

Численность эвакуированного населения по районам округа на 1 января 1945 года
Table

Number of evacuated population by district areas as of January 1, 1945

Район	Всего населения	Число хозяйств	Численность		В том числе дети до 14 лет
			мужчин	женщин	
Березовский	344	67	222	122	231
Кондинский	398	342	371	527	330
Микояновский	703	456	320	383	213
Ларьякский	208	136	62	146	65
Сургутский	1349	973	671	1033	550
Самаровский	1130	568	575	555	464
пос. Ханты-Мансийск	300	294	135	165	64
Всего	5432	2846	2446	2986	1917

Приведенные сведения показывают, что из общей численности эвакуированных, 45,6 % дислоцировались в Сургутском и Самаровском районах. Общая численность эвакуированных составляла 5432 чел., из них дети до 14 лет – 1917 чел. (35,3 % детей являлись детдомовцами).

Уменьшение числа эвакуированных в связи с реэвакуацией можно проследить на примере пос. Ханты-Мансийск. Так, по данным на 7 августа 1944 г., в Ханты-Мансийске проживало 515 семей эвакуированных граждан, всего 1269 чел. [42, л. 55], а на 1 января 1945 г. – 300 чел.

Ханты-Мансийского округа было призвано в действующую армию 17 890 чел., в трудовую армию – 5174 [35, с. 149]. К 1 января 1942 г. произошло уменьшение численности населения на 10,1 тыс. чел. по сравнению с началом 1941 г. К 1 февраля 1943 г. в связи с призывом в Красную армию временно выбывших в округе уже насчитывалось 13 739 чел., расселение эвакуированных и административно сосланных, завербованных переселенцев на рыбные промыслы, прибывших в 1941–1942 гг., не компенсировало убыль населения. За 18 месяцев войны население округа сократилось на 13,5 %. Вселение в округ эвакуированных и административно высланных компенсировало сокращение наличного населения только в 1943 г. (отмечен рост численности населения на 6920 чел., или 7,6 %) и 1944 г. (на 6360 чел., или 6,7 %).

Перспективы исследования могут быть направлены на изучение процессов эвакуации и выявление состава эвакуированных, их размещения по районам и населенным пунктам; трудоустройства и материально-бытового положения; взаимодействия с органами местной власти

и местным населением; процесса реэвакуации. Это позволит приступить к решению задачи по исследованию характера влияния прибывшего населения на демографическую ситуацию в ХМНО в годы Второй мировой войны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Кольц, И. А. Проблемы исчисления количества эвакуированного в годы Великой Отечественной войны населения (на примере детских учреждений в Омской и Тюменской областях) / И. А. Кольц // Вопросы истории Сибири / отв. ред. М. К. Чуркин. – Омск : Омский гос. пед. ин-т, 2011. – Вып. 3. – С. 28–31.
2. Казенное учреждение «Государственный архив Югры» (далее – ГАЮ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 141. Л. 2.
3. ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 141. Л. 3.
4. ГАЮ. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 19. Л. 85.
5. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (далее – ГАСПИТО). Ф. П–107. Оп. 1. Д. 806. Л. 1 об.
6. ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 1006. Л. 76.
7. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (далее – ИАОО). Ф. Р–437. Оп. 21. Д. 147. Л. 1 об.
8. ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 79. Л. 10.
9. ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 97. Л. 3.
10. ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 85. Л. 28.
11. ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 97. Л. 3–3 об.
12. ИАОО. Ф. 17–П. Оп. 1. Д. 2688. Л. 10.
13. ИАОО. Ф. Р–437. Оп. 21. Д. 36а. Л. 37.
14. ГАСПИТО. Ф. П–30. Оп. 1. Д. 1801. Л. 76.
15. ГАЮ. Ф. 118. Оп. 2. Д. 23. Л. 34, 49–50.
16. ГАЮ. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 222. Л. 162.
17. Игнатенко, К. С. Организация приема и учет эвакуированного населения на территории Ханты-Мансийского национального округа в годы Великой Отечественной войны / К. С. Игнатенко // Сборник статей по материалам VII Всероссийской конференции молодых ученых «Наука и инновации XXI века». – Сургут : СурГУ, 2021. – Т. 2. – С. 65–67.
18. Чернышева, Н. В. Население Кировской области в годы Великой Отечественной войны: монография / Н. В. Чернышева. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2012. – 217 с.
19. ГАЮ. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 222. Л. 1–3, 25, 46.
20. ГАЮ. Ф. 118. Оп. 2. Д. 19. Л. 8.
21. ГАЮ. Ф. 118. Оп. 2. Д. 19. Л. 16.
22. ГАЮ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 14. Л. 3, 5.
23. ГАЮ. Ф. 118. Оп. 2. Д. 23. Л. 34, 36, 49–50.
24. ГАСПИТО. П–107. Оп. 1. Д. 602. Л. 110.
25. ГАЮ. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 199. Л. 1.
26. ГАЮ. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 199. Л. 11.
27. ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 575. Л. 1, 3.
28. ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 655. Л. 25–26.
29. ГАСПИТО. П–96. Оп. 1. Д. 126. Л. 6.
30. ГАСПИТО. Ф. П–96. Оп. 1. Д. 141. Л. 3.
31. ГАЮ. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 209. Л. 30.
32. Алексеева, Л. В. Размещение ленинградских детских домов в период эвакуации на территории Ханты-Мансийского национального округа / Л. В. Алексеева, К. Г. Букренева // Клио. – 2014. – № 7. – С. 84–87.
33. ИАОО. Ф. Р–1143. Оп. 1. Д. 222. Л. 112, 123 об.
34. ИАОО. Ф. Р–1143. Оп. 1. Д. 222. Л. 101 об.
35. Прибыльский, Ю. П. Великая Отечественная война // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа / Ю. П. Прибыльский. – Ханты-Мансийск : НИИ регион. энцикл. ТюмГУ, 2000. – Т. 1. – 399 с.
36. Букренева, К. Г. Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны: монография / К. Г. Букренева. – Нижневартовск : Изд-во Нижн. гос. ун-та, 2015. – 205 с.
37. ИАОО. Ф. Р–437. Оп. 21. Д. 147. Л. 25.
38. ГАРФ. Ф. Р–327. Оп. 2. Д. 18. Л. 152.
39. Снегирева, Л. И. Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы великой Отечественной войны (1942–1945 гг.) / Л. И. Снегирева, Т. А. Сафонова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (история, археология). – 2004. – Вып. 4 (41). – С. 22–30.
40. ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 69. Л. 18.
41. ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 97. Л. 3–3 об.
42. ГАЮ. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 222. Л. 55.
43. ГАСПИТО. Ф. П–1444. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.
44. ГАСПИТО. Ф. Л–67. Оп. 3–Л. Д. 22. Л. 34, 36–38, 85, 94–97, 121, 123.
45. Исупов, В. Население Западной Сибири в годы Второй мировой войны: 1939–1945 гг. / В. Исупов, Н. Коробейникова, М. Семенов // Демографическое обозрение. – 2016. – Т. 3, № 2. – С. 143–168.

References

1. Kolts, I. A. Problemy ischisleniya kolichestva evakuirovannogo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny naseleniya (na primere detskih uchrezhdenij v Omskoj i Tyumenskoj oblastyah) [Problems of calculating the number of evacuated population during the Great Patriotic War (case study of Children's Institutions in the Omsk and Tyumen Regions) / I. A. Kolts // Voprosy istorii Sibiri [Issues of Siberian History] / Ed. M. K. Churkin. – Omsk: Omsk State Pedagogical Inst., 2011. – Issue 3. – 143 p. – P. 28–31.
2. Kazennoe uchrezhdenie "Gosudarstvennii arhiv Yugry [State Archives of Yugra] (hereinafter referred to as SAYu). F. 6. Op. 1. D. 141. L. 2.
3. Ibid. F. 6. Op. 1. D. 141. L. 3.
4. Ibid. F. R–1. Op. 1. D. 19. L. 85.
5. Gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie Tyumenskoi oblasti "Gosudarstvennii arhiv socialno-politicheskoi istorii Tyumenskoi oblasti" [State Budgetary Institution of the Tyumen Region "State Archive of Social and Political History of the Tyumen Region"] (hereinafter referred to as SASPHTR). F. P–107. Op. 1. D. 806. L. 1 ob.
6. Ibid. F. P–107. Op. 1. D. 1006. L. 76.

7. Byudzhethnoe uchrezhdenie Omskoi oblasti "Istoricheskii arhiv Omskoi oblasti" [Budgetary Institution of the Omsk Region "Historical Archive of the Omsk Region"] (hereinafter referred to as HAOR). F. P– 437. Op. 21. D. 147. L. 1 ob.
8. SAYu. F. 6. Op. 1. D. 79. L. 10.
9. Ibid. F. 6. Op. 1. D. 97. L. 3.
10. Ibid. F. 6. Op. 1. D. 85. L. 28.
11. Ibid. F. 6. Op. 1. D. 97. L. 3–3 ob.
12. HAOR. F. 17– P. Op. 1. D. 2688. L. 10.
13. Ibid. F. R– 437. Op. 21. D. 36a. L. 37.
14. SASPHTR. F. P–30. Op. 1. D. 1801. L. 76.
15. SAYu. Ф. 118. Op. 2. D. 23. L. 34, 49–50.
16. Ibid. F. R– 1. Op. 1. D. 222. L. 162.
17. Ignatenko, K. S. Organizatsiya priema i uchet evakuirovannogo naseleniya na territorii Hanty-Mansijskogo nacional'nogo okruga v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Organisation of reception and registration of evacuated population on the territory of Khanty-Mansiysk National District during the Great Patriotic War] / K. S. Ignatenko // Sbornik statej po materialam VII Vserossijskoj konferencii molodyh uchenyh «Nauka i innovacii XXI veka» [Collection of papers on the materials of the VII All-Russian Conference of Young Scientists «Science and Innovations of the XXI century»]. – Surgut: Surgut State Univ., 2021. – Vol. 2. – P. 65–67.
18. Chernysheva, N. V. Naselenie Kirovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: monografiya [Population of Kirov Region during the Great Patriotic War]: monograph / N. V. Chernysheva. – Kirov: Vyatka State Humanitarian Univ. Publ., 2012. – 217 p.
19. SAYu. F. P– 1. Op. 1. D. 222. L. 1– 3, 25, 46.
20. Ibid. Ф. 118. Op. 2. D. 19. L. 8.
21. Ibid. Ф. 118. Op. 2. D. 19. L. 16.
22. Ibid. Ф. 118. Op. 1. D. 14. L. 3, 5.
23. Ibid. Ф. 118. Op. 2. D. 23. L. 34, 36, 49–50.
24. SASPHTR. П– 107. Op. 1. D. 602. L. 110.
25. SAYu. F. P– 1. Op. 1. D. 199. L. 1.
26. Ibid. F. P–1. Op. 1. D. 199. L. 11.
27. SASPHTR. F. П–107. Op. 1. D. 575. L. 1, 3.
28. Ibid. F. П– 96. Op. 1. D. 141. L. 3.
29. Ibid. F. П– 107. Op. 1. D. 655. L. 25–26.
30. Ibid. П– 96. Op. 1. D. 126. L. 6.
31. SAYu. F. P– 1. Op. 1. D. 209. L. 30.
32. Alekseeva, L. V. Razmeshchenie leningradskih detskih domov v period evakuacii na territorii Hanty-Mansijskogo nacional'nogo okruga [Placement of Leningrad Orphanages during evacuation on the territory of Khanty-Mansiysk National Area] / L. V. Alekseeva, K. G. Bukreneva // Klio. – 2014. – № 7. – P. 84– 87.
33. HAOR. F. P– 1143. Op. 1. D. 222. L. 112, 123 ob.
34. Ibid. F. P– 1143. Op. 1. D. 222. L. 101 ob.
35. Pribylsky, Yu. P. Velikaya Otechestvennaya vojna [The Great Patriotic War] // Yugoriya. Enciklopediya Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga [Yugoria. Encyclopaedia of the Khanty-Mansiysk Autonomous Area] / Yu. P. Pribylsky. – Khanty-Mansiysk : Research Inst. of Regional Encyclopaedia, Tyumen State Univ., 2000. – Vol. 1. – 399 p.
36. Bukreneva, K. G. Evakuirovannye leningradskie detskie doma v Hanty-Mansijskom nacional'nom okruge v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Evacuated Leningrad Orphanages in the Khanty-Mansiysk National Area during the Great Patriotic War] / K. G. Bukreneva. – Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State Univ. Publ., 2015. – 205 p.
37. HAOR. F. P– 437. Op. 21. D. 147. L. 25.
38. SARF. F. P– 327. Op. 2. D. 18. L. 152.
39. Snegireva, L. I. Reevakuaciya grazhdanskogo naseleniya iz Zapadnoj Sibiri v gody velikoj Otechestvennoj vojny (1942–1945 gg.) [Reevacuation of the civilian population from Western Siberia during the Great Patriotic War (1942– 1945)] / L. I. Snegireva, T. A. Safonova // Bull. of Tomsk State Pedagogical Univ. Series: Humanities (History, Archaeology). – 2004. – Issue 4 (41). – P. 22–30.
40. SAYu. F. 6. Op. 1. D. 69. L. 18.
41. Ibid. F. 6. Op. 1. D. 97. L. 3– 3 ob.
42. Ibid. F. P– 1. Op. 1. D. 222. L. 55.
43. SASPHTR. F. П–1444. Op. 1. D. 85. L. 1.
44. Ibid. F. Л– 67. Op. 3–Л. D. 22. L. 34, 36, 37, 38, 85, 94, 95, 96– 97, 121, 123.
45. Isupov, V. Naselenie Zapadnoj Sibiri v gody Vtoroj mirovoj vojny: 1939 – 1945 gg. [Population of Western Siberia during the Second World War: 1939 – 1945] / V. Isupov, N. Korobeinikova, M. Semenov // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. – 2016. – Vol. 3, No. 2. – P. 143–168.

Информация об авторе:

Алексеева Любовь Васильевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и документоведения Нижневартковского государственного университета; <https://orcid.org/0000-0002-1870-4052> (628600, Российская Федерация, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36; e-mail: lvalexeeva@mail.ru).

Author:

Lyubov V. Alekseeva – Dr. Sci. (History), Prof., Professor of the Department of Russian History and Documentation, Nizhnevartovsk State Univ.; <https://orcid.org/0000-0002-1870-4052> (3, Mira st., Nizhnevartovsk 628600, Russian Federation; e-mail: lvalexeeva@mail.ru)

Для цитирования:

Алексеева, Л. В. Эвакуированное население в Ханты-Мансийском округе в годы Великой Отечественной войны / Л. В. Алексеева // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 63–69.

For citation:

Alekseeva, L. V. Evacuated population of the Khanty-Mansiysk District during the Great Patriotic War / L. V. Alekseeva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2024. – No. 2(68). – P. 63–69.

Дата поступления рукописи: 01.03.2024

Прошла рецензирование: 11.03.2024

Принято решение о публикации: 15.03.2024

Received: 01.03.2024

Reviewed: 11.03.2024

Accepted: 15.03.2024

Брачность и разводимость населения Республики Коми в 1920–1980-е годы

У. В. Лыткина

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
ulytkina@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрена трансформация брачно-семейной структуры населения Республики Коми в советский период. Динамика показателей брачности и разводимости в 1920–1990 гг. проанализирована в контексте развития мер семейной и демографической политики. Основываясь на итогах шести переписей населения, выявлены различия в брачном составе населения Республики Коми по полу, возрасту и типу поселения в 1926–1989 гг. Особое внимание уделено территориальному анализу браков и разводов. Рассмотрены брачный состав, относительные показатели брачности и разводимости по городским советам и районам Коми АССР в 1959 и 1989 гг. Полученные результаты позволяют лучше понять влияние демографического перехода и промышленного освоения северных территорий на брачный состав населения.

Ключевые слова:

брачность, разводимость, семейная политика, структуры населения, территориальные различия, Республика Коми

Введение

В советский период в России произошел демографический переход от традиционного аграрного типа воспроизводства населения к современному индустриальному, что сопровождалось социальными и экономическими изменениями во всех сферах. Кардинально преобразовалась система расселения. Большая часть населения страны стала жить в городах. Октябрьская революция, две мировые войны и другие масштабные события приводили к многочисленным изменениям в демографической политике государства. Не удивительно, что в советский период трансформации происходили и в брачно-семейных отношениях. Цель статьи состоит в выявлении основных закономерностей в брачности и разводимости населения Республики Коми в 1920–1980-е гг.

Территориальные рамки исследования соответствуют границам Республики Коми, а временные – семи десятилетиям между формированием системы статистического учета естественного движения населения (1919–1920) и распадом Советского Союза. В начале статьи рассмо-

Marriage and divorce rates of the population of the Komi Republic in the 1920s–1980s

U. V. Lytkina

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
ulytkina@yandex.ru

Abstract

The paper considers the transformation of the marriage and family structure of the population of the Komi Republic in the Soviet period. The dynamics of marriage and divorce rates in 1920–1990 is analyzed in the context of the development of family and demographic policy measures. Based on the results of six population censuses, differences in the marital composition of the population of the Komi Republic by gender, age and type of settlement in 1926–1989 were identified. Special attention is paid to the territorial analysis of marriages and divorces. The marriage composition, relative indicators of marriage and divorce rates in town Soviets and regions of the Komi ASSR in 1959 and 1989 are considered. The results obtained allow us to better understand the impact of the demographic transition and industrial development of the northern territories on the marriage composition of the population.

Keywords:

marriage rate, divorce rate, family policy, population structures, territorial differences, Komi Republic

тры основные изменения в брачно-семейной политике, которые отразились на брачности и разводимости. Затем на основе анализа переписей населения изучена трансформация брачной структуры населения с 1926 по 1989 г. Наконец, выявлены пространственные особенности изучаемых явлений. Для этого в районном разрезе рассчитаны показатели интенсивностей браков и разводов.

Брачно-семейная политика в советский период

История естественного движения населения России в XX в. рассмотрена в работах А. Г. Вишневского [1], С. В. Захарова [2], Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковской [3, 4] и других ученых. Периодизацию брачности предложила Е. И. Иванова [5]. На советский период пришлось четыре этапа. В 1917–1930-е гг. (первый этап) после Октябрьской революции изменения традиционных брачно-семейных отношений были форсированы идеологическими построениями новой власти. Секуляризация брака, разрушение основ традиционной семьи и принятие

нескольких брачно-семейных кодексов привели к падению престижа брака и росту добровольного безбрачия. На это наложились сокращение доли мужчин из-за военных действий. В результате число разводов выросло в 68 раз. Реакция на сложившуюся ситуацию произошла в середине 1930–начале 1940-х гг. (второй этап). Проблема свободы выбора формы брачных отношений была снята и подмечена проблемой семейного долга. Произошло увеличение государственной помощи беременным женщинам, матерям с детьми, многодетным семьям; повышение регуляционного воздействия государства на сферу брачного и репродуктивного поведения населения. В 1936 г. для нивелирования последствий коллективизации и голода было принято постановление, запрещающее проведение искусственных абортов по желанию женщины¹ [6]. Оно также вводило уголовное наказание за уклонение от выплаты алиментов и новые меры поддержки семьи.

На 1940–1950-е гг. пришелся третий этап. Огромные потери СССР в Великой Отечественной войне вызвали необходимость срочного принятия мер к стимулированию рождаемости и укреплению института брака. Основой послевоенной пронаталистской политики стал указ 1944 г.² Исследователи отмечают, что принятые меры не были эффективными в стимулировании рождаемости [2; 7]. Но на фоне демобилизации удалось несколько увеличить уровень брачности и снизить средний возраст вступления в первый брак. В послевоенные годы ситуацию на брачном рынке усугублял дисбаланс полов. Значительно усложнилась процедура расторжения брака. К 1957 г. число разводов было в несколько раз ниже значений середины 1930-х гг., а средняя продолжительность брака при разводе неуклонно росла. В 1960–1980-е гг. (четвертый этап) было сильно влияние демографических волн и трансформаций возрастного состава населения. После принятия постановления об изменении порядка расторжения брака³ в 1965 г., значительно упростившего процедуру развода, показатели разводимости резко возросли. Второй послевоенный пик разводов отмечен в 1979–1980 гг. Средняя длительность брака при этом возросла до 10 лет и достигла наибольшего значения за 50 лет. Усиление мер демографической политики в 1981 г.⁴ на некоторое время приостановило рост разводимости, но с конца 1980-х гг. интенсивность разводов вновь начала [5].

Брачность и разводимость в Республике Коми советского периода рассматривали в своих работах В. В. Фаузер

¹ Постановление Совета народных комиссаров СССР от 27.06.1936 № 65/1134 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах».

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»».

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.12.1965 № 4238-VI «О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака».

⁴ Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 22.01.1981 № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей».

[8–10], Л. А. Попова [11] и Н. П. Безносова [12]. Ими достаточно подробно изучены браки и разводы на уровне региона, а также в разрезе город/село. Однако еще не были детально исследованы возрастные и пространственные закономерности брачности и разводимости. М. А. Зырянова предложила периодизацию мер семейной политики в Республике Коми. На первом этапе (1917–1920-е гг.) отмечается развитие семейной политики либеральной направленности в период становления советской государственности, впервые введены пособия по беременности и родам. В ходе второго этапа (1930-е–первая половина 1940-х гг.) произошло увеличение государственной помощи беременным женщинам, матерям с детьми, многодетным семьям; повышение воздействия государства на сферу брачного и репродуктивного поведения населения (запрет абортов, усложнение процедуры развода, налог на холостяков и малосемейность). Осуществлялась государственная социальная помощь населению в годы Великой Отечественной войны. На третьем этапе (вторая половина 1940-х–1960-е гг.) реализованы: государственная поддержка детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; увеличение материнских пособий, длительности отпуска по беременности и родам, расширение категорий женщин, на которых распространялись пособия; после 1950-х гг. сокращение контроля государства над репродуктивной и матримониальной сферами (отмена запрета абортов, упрощение процедуры развода; изменение законодательства о браке и семье); развитие гендерного направления семейной политики в связи с повышением участия женщин в экономической жизни общества. На четвертом этапе (1970–1991) отмечены: развитие адресного характера семейной политики, усиление государственной помощи семьям, имеющим детей; улучшение охраны материнства, младенчества и детства, создание дополнительных условий для сочетания женщиной материнских и профессиональных ролей [13, 14]. Как эти меры повлияли на итоговые показатели числа браков и разводов рассмотрим далее.

Материалы и методы

Источником сведений о численности и брачном статусе населения Республики Коми стали итоги переписей населения 1926–1989 гг. Числа браков и разводов получены в Национальном архиве Республики Коми. Для 1959–1960 и 1989–1990 гг. показатели брачности и разводимости рассмотрены также на районном уровне. Чтобы получить более адекватное представление о склонности населения различных районов к заключению и расторжению браков, рассчитаны два показателя: число браков на 1000 чел. в возрасте от 16 лет, не состоящих в браке, и число разводов на 1000 чел. в возрасте от 16 лет, состоящих в браке. Используя эти показатели, удалось исключить, во-первых, численности детей на итоговые показатели, во-вторых, исключить население, уже находящееся в браке при рассмотрении брачности. Аналогично рассчитывался показатель разводимости для населения, которое потенциально могло развестись, т. е. состояло в браке.

В целях выявления пространственных закономерностей в брачном составе населения, брачности и разводимости построены фоновые картограммы. Для удобства административно-территориальное деление республики приведено к современному. В 1989 г. города Печора и Усинск рассматриваются вместе с Печорским и Усинским районами соответственно. Для приведения деления 1959 г. к виду, близкому к современному, потребовалось больше изменений. Железнодорожный район рассмотрен в границах Княжпогостского, Сторожевский объединен с Корткеросским, Летский – с Прилузским, Помоздинский – с Усть-Куломским. Усинский и Вуктыльский районы на картах 1959 г. закрашены в цвета Печорского района, а Сосногорский – в цвета Ухтинского горсовета.

Динамика брачности и разводимости

На рис. 1 показаны годовые изменения абсолютных и относительных показателей брачности и разводимости в Республике Коми 1920–1980-х гг. В первые годы рассматриваемого периода вследствие окончания Гражданской войны показатели брачности резко выросли, затем, в результате проведенных реформ, начали снижаться. Возврат к просемейной демографической политике в конце 1930–начале 1940-х гг. начал приводить к очередному росту числа браков, но на 1942–1944 гг. пришелся пик влияния Великой Отечественной войны, из-за чего брачность сократилась еще сильнее. Реальное восстановление брачности началось в послевоенные годы. Исторически максимальное число браков (14,3 тыс.) зафиксировано в 1956 г. Затем последовал новый этап снижения показателей, вызванный влиянием демографических волн – сокращением удельного веса населения молодых возрастов. В брачный возраст вступило малочисленное поколение, родившееся во время войны. Новый рост показателей намечился в 1964 г., когда достигли совершеннолетия девушки, родившиеся в период послевоенного компенсационного роста показателей рождаемости. В результате показатели числа браков умеренно росли до 1987 г., после чего вновь стали медленно сокращаться под влиянием очередной демографической волны и постарения населения.

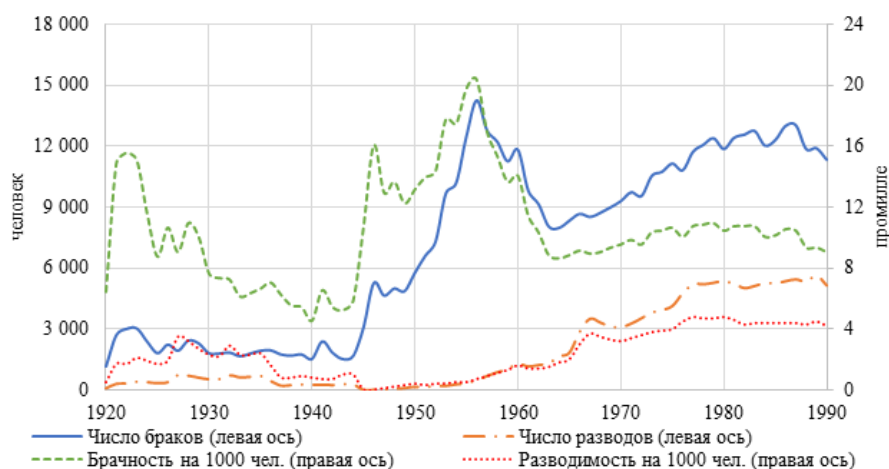

Рис. 1. Брачность и разводимость в Республике Коми, 1920–1990 годы.

Источник: [15].

Fig. 1. Marriage and divorce rates in the Komi Republic, 1920–1990.

Sources: [15].

Общий коэффициент брачности на 1000 жителей, не зависящий от численности населения, более точно отражает склонность людей к браку. Пиковые относительные значения брачности (свыше 15 ‰) достигались в 1922–1923, 1946, 1953–1958 гг. Низкие значения (менее 10 ‰) были зафиксированы в 1920, 1925, 1927, 1930–1944, 1963–1972 и 1988–1990 гг. Аналогичная динамика наблюдалась и на уровне всей России. Но даже в относительно благополучные с точки зрения статистики годы отмечалось сокращение склонности населения к браку. «С 1970 г. по 1984 г. происходило стабильное снижение коэффициента суммарной брачности, особенно заметным оно было у мужчин, у женщин отмечалась стабилизация показателя. Колебания уровня рождаемости в прошлом оказывали меньшее влияние на формирование брачных когорт, в отличие от двух предшествующих десятилетий» [5].

При рассмотрении показателей разводимости обращают на себя внимание несколько фактов. Первый пик разводимости пришелся на вторую половину 1920–первую половину 1930-х гг., что объясняется либеральной брачно-семейной политикой тех лет. Указом 1944 г. существенно усложнилась процедура разводов – разрешение на них давали суды, а в сложных случаях – прокуратура. Как по всему СССР, так и в Коми АССР количество разводов всего за год снизилось почти в 30 раз. Если в 1944 г. было 278 разводов, то в 1945 г. – всего 10 (9 из них – в городских поселениях), в 1946 г. – 13, в 1947 г. – 24, в 1948 г. – 59. Постепенно как абсолютные, так и относительные показатели разводимости вернулись к прежнему уровню и даже существенно превзошли его. После принятия постановления об изменении порядка расторжения брака в 1965 г., значительно упростившего процедуру развода, абсолютные и относительные показатели разводимости опять резко увеличились. Особенно выделяются последние три пятилетия, за которые суммарно зафиксировано почти 80 тыс. разводов, что существенно больше, чем за предыдущие 55 лет.

Социологический опрос 1989 г. показал, что лишь половина женщин смогла с уверенностью назвать свою семью крепкой. Число неполных семей в 1979–1989 гг. увеличилось на 16 % и составило 46,7 тыс. В 70 % неполных се-

мей только один ребенок. Причем разводились в основном молодые люди (до 30 лет), что во многом было связано с нерешенностью проблем материальной обеспеченности и жилищных условий в молодых семьях. У половины обследованных семей жилищная площадь была менее 9 м² на человека (среди молодых – у 80 % [16].

Продолжительность расторгнутых браков в 1980-е гг. увеличивалась (табл. 1). Если в 1980 г. на браки длительностью от 10 лет приходилось 32,5 % разводов, то в 1985 г. – 35,3 %, а в 1990 г. – 37,0 %. Рост удельного веса длитель-

Таблица 1
Продолжительность расторгнутых браков по типу поселения, 1980, 1985 и 1990 годы
Table 1
Duration of dissolved marriages by type of settlement, 1980, 1985 and 1990

Продолжительность брака	Все население			Городские поселения			Сельская местность		
	1980 г.	1985 г.	1990 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.
Всего разводов	5397	5280	5184	4622	4511	4569	775	769	615
до 1 года	139	154	189	118	136	177	21	18	12
1 год	377	327	389	316	281	353	61	46	36
2 года	516	365	435	445	310	378	71	55	57
3 года	632	477	453	528	401	389	104	76	64
4 года	420	429	406	348	360	357	72	69	49
5–9 лет	1556	1663	1392	1331	1405	1191	225	258	201
10–14 лет	811	968	847	697	832	749	114	136	98
15–19 лет	411	428	531	361	365	483	50	63	48
20 лет и выше	534	469	542	477	421	492	57	48	50
Неизвестно	1	0	0	1	0	0	0	0	0

Источники: [17, 18].
Sources: [17, 18].

ных браков наблюдался как в городских поселениях, так и в сельской местности. В то же время возрастало и число разводов до 1 года. Если в 1980 г. на них приходилось 2,6 % от общего числа разводов, то в 1990 г. – уже 3,6 %. Снижился удельный вес разводов со средней продолжительностью брака – от 5 до 9 лет.

Если еще в 1988 г. распадались в основном семьи, не имевшие детей (54,0 % от числа разводов), то в 1990 г. на них приходилось всего 35,9 % разводов (табл. 2). Вырос удельный вес разводов семей с одним ребенком (с 31,3 до 42,2 %) и двумя и более детьми (с 14,7 до 21,9 %). В сельской местности доля семей с двумя и более детьми составила в 1990 г. почти четверть (24,6 %) в общем числе разводов. Количество детей в распавшихся семьях тоже увеличилось. Наиболее наглядный показатель – число детей на 1000 распавшихся семей. Он всего за два года увеличился в республике в 1,47 раза, в том числе в городских поселениях – в 1,45 раза, в сельской местности – в 1,62. На каждые 1000 распавшихся семей в Республике Коми в 1990 г. приходилось 464 ребенка, а в сельской местности – 533.

Число разводов по числу общих детей, 1988–1990 годы

Number of divorces by number of common children, 1988–1990

Тип поселения	Год	Всего разводов	В том числе распалось семей, где			Число детей в распавшихся семьях	Детей на 1000 распавшихся семей
			не было общих детей	один ребенок	два и более детей		
Все население	1988	5376	2902	1682	792	1701	316
	1989	5667	1966	2547	1154	2462	434
	1990	5184	1863	2186	1135	2406	464
Городские поселения	1988	4665	2508	1468	689	1467	314
	1989	4963	1711	2271	981	2073	418
	1990	4569	1646	1939	984	2078	455
Сельская местность	1988	711	394	214	103	234	329
	1989	704	255	276	171	389	553
	1990	615	217	247	151	328	533

Источник: [18].
Sources: [18].

Рассмотрим соотношение между браками и разводами в разные периоды. В первые годы советской власти число разводов было примерно в 10 раз меньше, чем число браков. В первой половине 1930-х гг. число разводов уже могло достигать 400 на 1000 браков, но после 1936 г. резко сократилось – до уровня 126–192. Новое изменение связано с усложнением процедуры расторжения брака в 1944 г. Наименьшее число разводов на 1000 браков было в 1946 г. (2,5) – 13 разводов на 5271 брак. Довоенный уровень был достигнут в 1963 г., а уровень начала 1930-х гг. – в 1967 г. Максимальная величина зафиксирована в 1989 г. – 475 браков на 1000 разводов. Почти всегда соотношение браков и разводов в сельской

местности было в два-три раза лучше, чем в городской. Исключением стали только 1940-е гг.

Переписи населения фиксируют итоговые изменения в брачной структуре населения. Как показывает табл. 3, несмотря на скачкообразные изменения показателей в динамике, итоговая доля населения от 16 лет, состоящего в браке, изменялась очень незначительно – в пределах от 59,3 до 65,6 %. Наиболее высокая доля состоящих в браке была в 1989 г. и объясняется постарением населения – снижением удельного веса молодежи, еще не успевшей вступить в брак. В городском населении пик был раньше – в 1970 г. Можно сделать вывод, что к концу советского периода изменение отношения к браку в Коми АССР успело значительно отразиться на брачной структуре населения только в городской местности. Большая дифференциация брачного статуса по полу была в 1926 г. Среди городского населения она составила 13,3 п. п. в пользу мужчин, среди сельского – 11,6. Это объясняется гендерным дисбалансом, возникшим в результате войн, высокой смертности мужчин.

Возрастные различия показаны в табл. 4. В 1926 г. брачность мужчин была близка к пиковым значениям уже

в возрасте 30–34 лет (92,7 %), у женщин – в возрасте 25–29 лет (80,6 %). Постепенно брачное поведение изменялось, прежде всего у мужчин. В 1939 г. свыше 90 % мужчин были в браке уже к возрасту 35–39 лет, в 1970 г. – 45–49 лет. Позднее такой уровень брачности не достигался. Также существенно сократилась доля мужчин младших возрастных групп, состоящих в браке (16–19 лет и 20–24 года).

Сравнивая динамику брачности с динамикой рождаемости [22, 23], можно сделать вывод, что эти два процесса в Коми крае часто шли рука об руку. За

Таблица 3
Удельный вес населения Республики Коми, состоящего в браке,
по полу и типу поселения, 1926–1989 годы

Table 3
Proportion of married population of the Komi Republic, by gender and type
of settlement, 1926–1989

Структура населения	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Все население	62,8	63,5	59,3	64,9	63,4	65,6
Городское население	55,0	54,3	61,9	67,7	65,4	66,0
Мужчины	61,7	55,7	60,5	70,1	67,0	66,8
Менщины	48,4	52,9	63,6	65,5	63,8	65,1
Сельское население	63,1	64,5	55,3	60,0	58,4	64,5
Мужчины	69,7	68,9	59,7	62,3	58,3	64,0
Менщины	58,1	60,6	50,8	57,6	58,5	65,0

Источники, здесь и в табл. 4: [19–21].
Sources: [19–21].

Таблица 4
Удельный вес населения Республики Коми, состоящего
в браке по полу и возрасту, 1926–1989 годы

Table 4
Proportion of married population of the Komi Republic by gender
and age, 1926–1989

Пол и возраст	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Мужчины от 16 лет	69,4	67,4	60,2	67,1	64,4	66,1
16–19	4,4	2,9	3,3	2,9	3,0	3,2
20–24	44,4	31,0	22,9	28,9	36,1	34,7
25–29	82,6	66,9	65,7	69,6	71,0	66,9
30–34	92,7	87,3	83,4	79,4	79,2	76,2
35–39	95,0	91,9	91,4	84,2	81,8	79,6
40–44	95,1	93,2	93,8	87,9	84,7	81,7
45–49	94,4	93,1	93,7	91,9	86,0	81,5
50–54	94,3	92,2	92,3	92,8	87,4	82,5
55–59	89,6	89,2	91,3	92,6	88,9	82,5
60–64	83,0	84,6	89,1	90,4	87,7	82,1
65–69	77,6	78,6	84,1	87,7	87,0	81,4
70 и старше	56,7	62,8	66,9	72,2	72,6	71,4
Женщины от 16 лет	57,8	59,8	58,3	62,7	62,3	65,0
16–19	9,2	12,7	13,0	9,9	11,6	13,3
20–24	57,6	58,8	56,2	57,8	62,5	65,0
25–29	80,6	77,5	78,9	85,5	81,7	81,4
30–34	83,1	81,3	82,0	87,8	84,2	84,3
35–39	80,6	80,2	79,2	86,0	83,1	82,4
40–44	74,9	77,3	68,1	82,2	81	79,5
45–49	70,3	70,6	56,4	75,5	76,2	73,9
50–54	64,4	60,9	43,8	60,4	67,6	69,7
55–59	54,6	52,9	33,9	42,2	54,6	60,1
60–64	44,0	45,0	28,0	29,1	35,9	47,5
65–69	33,9	33,6	21,6	21,5	22,6	35,3
70 и старше	17,6	16,7	11,1	12,9	9,5	12,0

повышением уровня брачности часто, хотя и далеко не всегда, следовало некоторое увеличение интенсивности рождений. Для более полного понимания процессов брачности и разводимости рассмотрим их пространственные особенности.

Территориальные различия в брачности и разводимости

Пространственные различия в брачном составе по полу представлены на рис. 2. В 1959 г. доля мужчин, состоящих в браке, варьировала от 54,5 до 66,1 %, а женщин – от

38,0 до 70,5 %. Рассматривая брачность мужчин, сложно выявить территориальные закономерности изменения показателей. Значения были несколько ниже в крупных городах – Сыктывкаре и Воркуте, а также в некоторых сельских районах (Усть-Вымском и Койгородском). Намного сильнее дифференциация отмечается у женщин. В Удорском районе замужем были всего 38,0 % женщин в возрасте от 16 лет. Это отчасти объясняется низким удельным весом мужчин в районе. Также может быть связано с недостаточным качеством данных переписи. Самые высокие значения брачности женщин были в угледобывающих Воркутинском и Интинском горсоветах.

По переписи 1989 г. брачный состав населения районов известен с большей детализацией. Не состоящие в браке подразделялись на никогда не состоявших в браке, вдовых и разведенных (разошедшихся). Доля состоявших в браке мужчин составляла от 57,2 до 71,8 %, женщин – от 56,6 до 76,1 %. По доле замужних женщин лидировали вновь образованные районы – Усинский и Вуктыльский, отставали – Сыктывкарский горсовет, Ижемский и Сысольский районы, в которых была низкой доля мужчин. Вдовых мужчин было от 0,8 (Усинский район) до 3,3 % (Сысольский район), а женщин – почти на порядок больше – от 6,4 (Усинский район) до 22,4 % (Ижемский район). Высокая доля вдовых женщин (более 20 %) зафиксирована также в Прилузском и Сысольском районах. Это связано с разрывом в ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин, который сохранялся на протяжении всего советского периода: в 1989 г. – 72,9 и 63,3 года соответственно [9]. Самая высокая доля разведенных мужчин была в Княжпогостском районе (11,1 %), а женщин – в Воркутинском горсовете (11,3 %). Наименьшая доля разведенных мужчин зафиксирована в Усть-Цилемском и Койгородском (по 3,5 %) районах, женщин – в Прилузском (2,5 %) и Ижемском (2,7 %). Между 1959 и 1989 гг. уровень брачности во всех районах вырос как для мужчин, кроме Княжпогостского, так и для женщин, кроме Воркутинского и Ухтинского.

Рассмотренные показатели фиксируют накопленный поколениями результат брачных отношений. Но какова была интенсивность браков и разводов в отдельные годы? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим показатели числа браков на 1000 чел., не состоящих в браке, и числа разводов на 1000 чел., состоящих в браке (рис. 3). Наивысшие показатели брачности (свыше 62) в 1959–1960 гг. зафиксированы в индустриальных Ухтинском, Воркутинском и Интинском районах. Самое низкое значение – в Удорском районе (25,4). В 1989–1990 гг. лидировал уже Усинский район (56,0), а последнее место

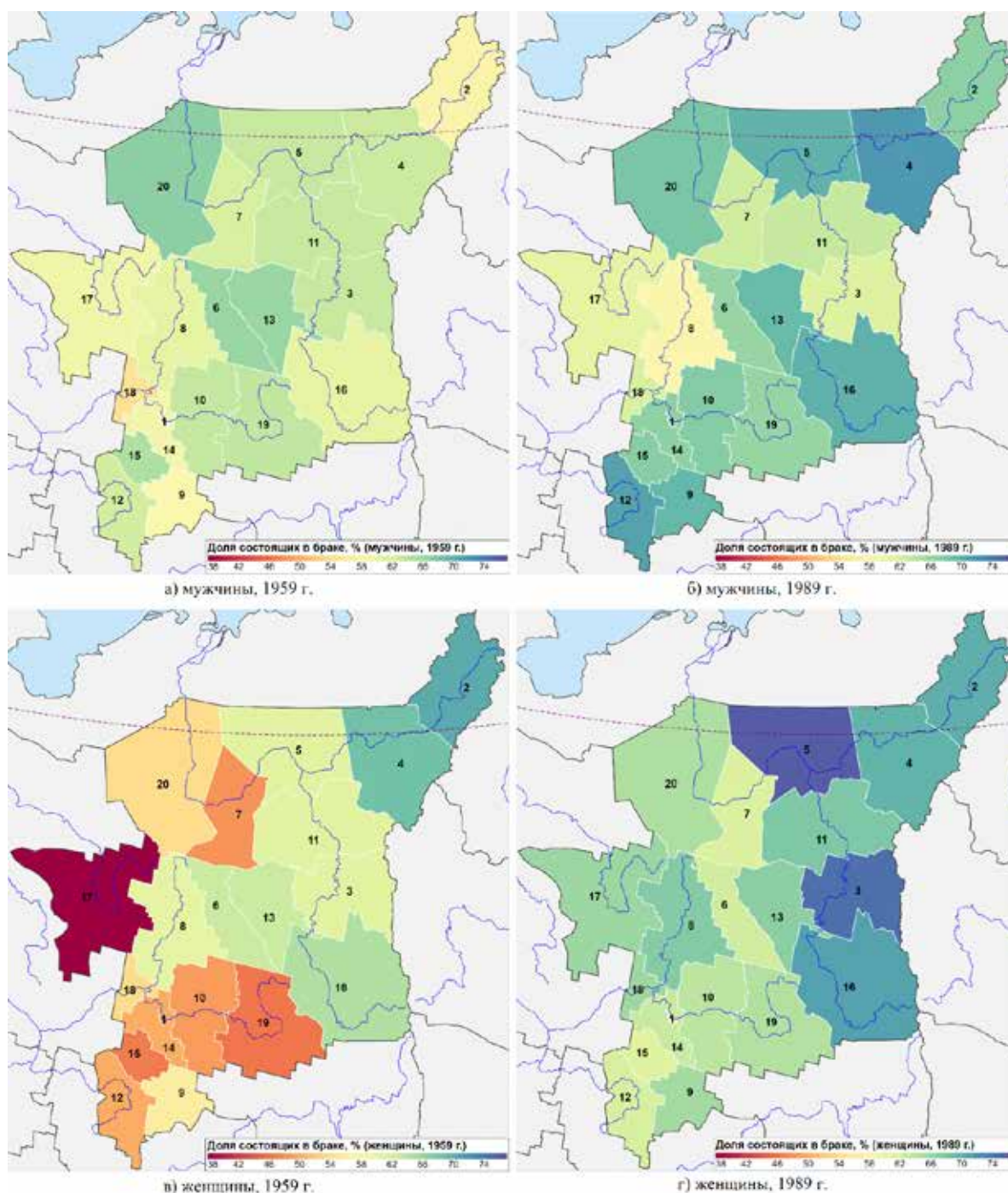

Рис. 2. Удельный вес состоящих в браке в общей численности населения по полу, районам и горсоветам, 1959 и 1989 года.

Условные обозначения, здесь и на рис. 3. Числами на картах обозначены горсоветы и районы: 1 – Сыктывкарский; 2 – Воркутинский; 3 – Вуктыльский; 4 – Интинский; 5 – Усинский; 6 – Ухтинский; 7 – Ижемский; 8 – Княжпогостский; 9 – Койгородский; 10 – Корткеросский; 11 – Печора; 12 – Прилузский; 13 – Сосногорск; 14 – Сыктывдинский; 15 – Сысольский; 16 – Троицко-Печорский; 17 – Удорский; 18 – Усть-Вымский; 19 – Усть-Куломский; 20 – Усть-Цилемский.

Источники, здесь и на рис. 3: [18, 24, 25].

Fig. 2. Share of married people in the total population by gender, regions and town Soviets, 1959 and 1989.

Symbols, here in Fig. 3. Numbers on the maps indicate town Soviets and regions: 1 – Syktyvkar, 2 – Vorkuta, 3 – Vuktyl, 4 – Inta, 5 – Usinsk, 6 – Ukhta; 7 – Izhma, 8 – Knyazhpogost, 9 – Koygorodok, 10 – Kortkeros, 11 – Pechora, 12 – Priluzye, 13 – Sosnogorsk, 14 – Syktyvdin, 15 – Sysola, 16 – Troitsk-Pechora, 17 – Udora, 18 – Ust-Vym, 19 – Ust-Kulom, 20 – Ust-Tsilma.

Sources: [18, 24, 25].

занимал Сыктывдинский район (24,6). За 30 лет почти во всех районах показатели брачности снизились, сильнее всего – в Ухтинском районе.

Разводимость в 1959–1960 гг. варьировала от 0,7 (Койгородский район) до 6,1 (Воркутинский горсовет) на

1000 чел. от 16 лет и старше, состоящих в браке. Кроме Воркуты высокая разводимость была в Интинском (4,6) и Ухтинском (4,4) горсоветах. В 1989–1990 гг. разводимость изменялась уже в пределах от 2,4 (Прилузский район) до 13,2 (Воркутинский горсовет). По-прежнему по уровню

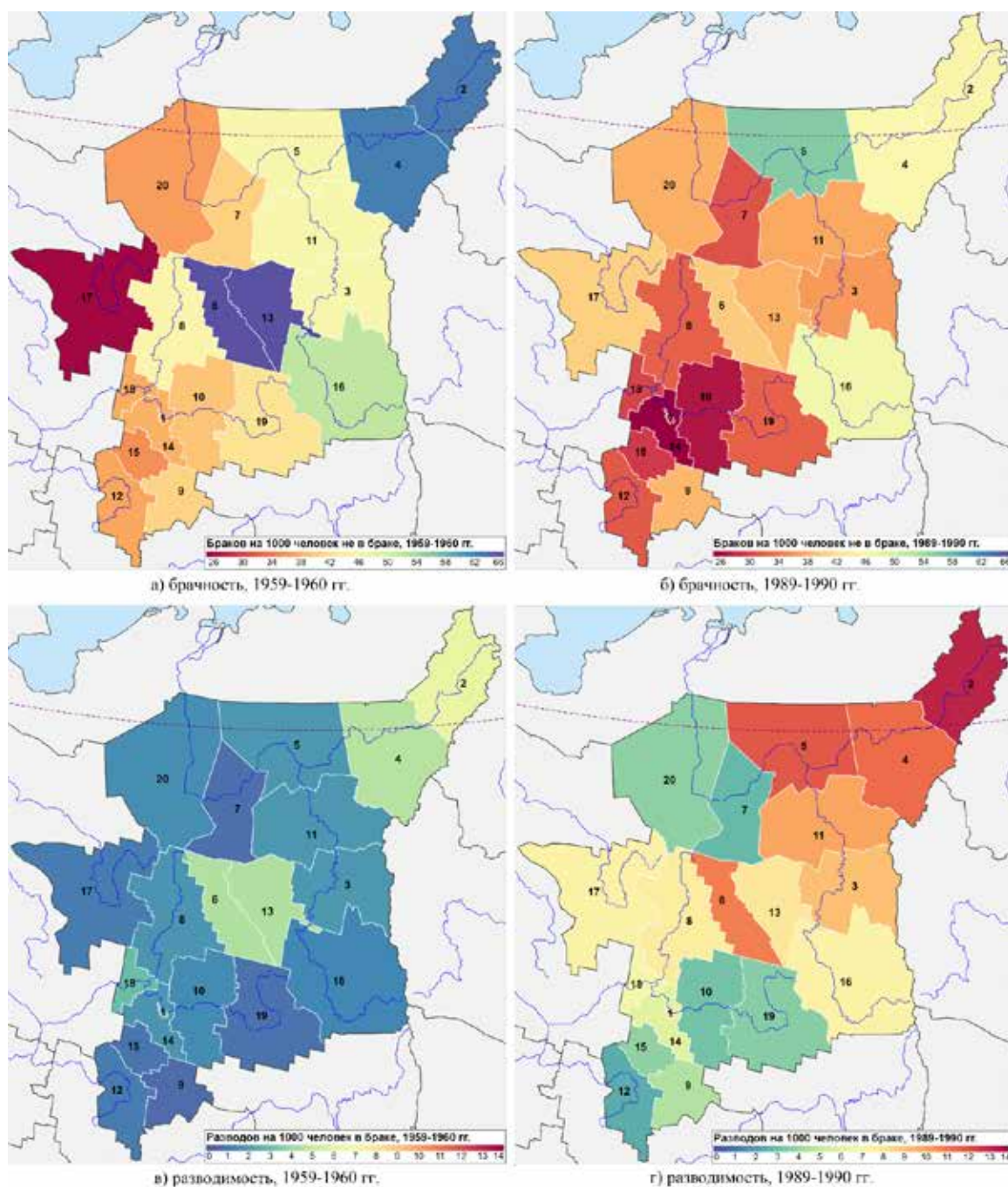

Рис. 3. Число браков на 1000 чел., не состоящих в браке (а, б), и число разводов на 1000 чел., состоящих в браке (в, г), среднегодовая величина 1959–1960 и 1989–1990 годы.

Fig. 3. Number of marriages per 1000 unmarried people (a, б) and number of divorces per 1000 married people (в, г), annual average 1959–1960 and 1989–1990.

разводимости лидировали промышленные территории: Воркута, Усинск, Инта, Ухта, Печора, Вуктыл, Сыктывкар и Сосногорск. Низкая разводимость сохранялась в сельских территориях. За три десятилетия между переписями разводимость выросла во всех территориях республики, сильнее всего – в Печорском районе.

Можно сделать вывод, что территориально показатели брачности и разводимости определялись степенью урбанизации и экономической специализацией территорий. Сельские жители из-за меньшей доли молодого населения реже заключали браки, но эти браки были более стабильными. Традиционная модель семьи на селе была

в меньшей степени разрушена в результате демографического перехода.

Заключение

В проведенном исследовании впервые детально рассмотрены возрастные закономерности брачности в Республике Коми на протяжении всего советского периода. Также впервые показатели брачности и разводимости 1959 и 1989 гг. изучены в территориальном разрезе – для всех городских советов и районов республики. Пространственные данные продемонстрировали различия между

традиционными аграрными районами и новыми индустриальными городами, специализирующимися на добыче природных ресурсов. В последних были более выражены как процессы брачности, так и разводимости. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение пространственных особенностей других компонент естественного движения населения республики – рождаемости и смертности.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. – Москва : Новое издательство, 2006. – 608 с.
2. Захаров, С. В. История рождаемости в России: от поколения к поколению / С. В. Захаров // Демографическое обозрение. – 2023. – Т. 10 (1). – С. 4–43.
3. Андреев, Е. М. Население Советского Союза: 1922–1991 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. – Москва : Наука, 1993. – 143 с.
4. Андреев, Е. М. Демографическая история России: 1927–1959 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. – Москва : «Информатика», 1998. – 187 с.
5. Иванова, Е. И. Трансформация брачности в России в XX веке: основные этапы / Е. И. Иванова // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России: тезисы докладов научной конференции. – Москва, 2002. – С. 28–31.
6. Урланис, Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР / Б. Ц. Урланис. – Москва : Госстатиздат, 1963. – 139 с.
7. Накачи, М. Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940–х–1960–х годах / М. Накачи // Демографическое обозрение. – 2022. – Т. 9 (1). – С. 34–55.
8. Фаузер, В. В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция / В. В. Фаузер, Е. Н. Рожкин, Г. В. Загайнова. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2001. – 124 с.
9. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск : ООО «Принт», 2023. – 308 с.
10. Фаузер, В. В. Трансформация брачной структуры населения Республики Коми в контексте Всероссийской переписи населения 2021 года / В. В. Фаузер // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам : сборник научных статей; редакторы: О. А. Козлова [и др.]. – Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2023. – С. 733–745.
11. Попова, Л. А. История реализации просемейной демографической политики в Республике Коми / Л. А. Попова, Н. А. Бутрим // Историческая демография. – 2017. – № 1 (19). – С. 63–67.
12. Безносова, Н. П. Воспроизводство населения Коми АССР в 1960–1970–е годы / Н. П. Безносова // Историческая демография. – 2014. – № 2 (14). – С. 20–39.
13. Зырянова, М. А. Правовое поле советской семейной политики в 1946–1990 гг. в контексте оценки демографических изменений в РСФСР и Коми АССР / М. А. Зырянова // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 4 (93). – С. 47–54.
14. Зырянова, М. А. Семейная политика в первые десятилетия развития советского общества в России и ее северных регионах (на примере Республики Коми) / М. А. Зырянова // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2022. – № 1. – С. 73–84.
15. НА РК. Ф. Р-140. Оп. 2.
16. Охрана материнства и детства. Аналитическая записка. – Сыктывкар : Коми республиканское управление статистики, 1991. – 20 с.
17. Естественное движение населения в Коми АССР. – Сыктывкар : Статистическое управление Коми АССР, 1982. – 70 с.
18. Естественное движение населения в Коми АССР. – Сыктывкар : Коми республиканское управление статистики, 1991. – 113 с.
19. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (дата обращения: 01.02.2024).
20. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 641–643, 4014–4101.
21. Основные итоги переписи населения 1979 года по Коми АССР. Статистический сборник. – Сыктывкар : Статистическое управление Коми АССР, 1980. – С. 26–28.
22. Игнатова, Н. М. Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX–XX в.: историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера / Н. М. Игнатова, Д. В. Вишнякова, А. П. Обедков, В. И. Силин. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 276 с.
23. Лыткина, У. В. Естественное движение населения Коми АССР в 1946–1959 годах / У. В. Лыткина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 69–79.
24. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по Коми АССР. – Табл. 2.5.
25. Социально-демографическая характеристика населения Коми АССР. – Сыктывкар : Коми республиканское управление статистики, 1990. – С. 55–56.

References

1. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]. Ed. A. G. Vishnevsky. – Moscow: Novoe izdatelstvo [New Publishing House], 2006. – 608 p.
2. Zakharov, S. V. Istoriya rozhdaemosti v Rossii: ot pokoleniya k pokoleniyu [Birth rate history in Russia: from generation to generation] / S. V. Zakharov // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. – 2023. – Vol. 10 (1). – P. 4–43.
3. Andreev, E. M. Naselenie Sovetskogo Soyuza: 1922–1991 [Population of the Soviet Union: 1922–1991] / E. M. Andreev, L. E. Darsky, T. L. Kharkova. – Moscow: Nauka, 1993. – 143 p.

4. Andreev, E. M. Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959 [Demographic history of Russia: 1927–1959] / E. M. Andreev, L. E. Darsky, T. L. Kharkova. – Moscow: "Informatics" Publ., 1998. – 187 p.
5. Ivanova, E. I. Transformatsiya brachnosti v Rossii v XX veke: osnovnye etapy [Transformation of marriage in Russia in the XX century: main stages] / E. I. Ivanova // Demograficheskaya modernizatsiya, chastnaya zhizn' i identichnost' v Rossii [Demographic modernization, private life and identity in Russia]. Abstracts of scientific conference. – Moscow, 2002. – P. 28–31.
6. Ulanis, B. Ts. Rozhdaemost i prodolzhitel'nost zhizni v SSSR [Fertility and life expectancy in the USSR] / B. Ts. Ulanis. – Moscow: Gosstatizdat, 1963. – 139 p.
7. Nakachi, M. Analiz pronatalistskoi semeinoi politiki v SSSR v 1940–kh – 1960–kh godakh [Analysis of pronatalist family policy in the USSR in the 1940s–1960s] / M. Nakachi // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. – 2022. – Vol. 9 (1). – P. 34–55.
8. Fauzer, V. V. Respublika Komi v XX veke: demografiya, rasselenie, migratsiya [The Komi Republic in the XX century: demography, settlement system, migrations] / V. V. Fauzer, E. N. Rozhkin, G. V. Zagainova. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2001. – 124 p.
9. Fauzer, V. V. Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migratsiya, rasselenie [The Komi Republic at the turn of the century: demography, migration, settlement] / V. V. Fauzer. – Izhevsk: Print LLC, 2023. – 308 p.
10. Fauzer, V. V. Transformatsiya brachnoi struktury naseleniya Respubliki Komi v kontekste Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2021 goda [Transformation of the marriage structure of the population of the Komi Republic in the context of the All-Russian Population Census 2021] / V. V. Fauzer // Demograficheskie faktory adaptatsii naseleniya k globalnym sotsialno-ekonomicheskim vyzovam [Demographic factors of adaptation of the population to global socio-economic challenges] / Ed. O. A. Kozlova et al. – Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch, RAS, 2023. – P. 733–745.
11. Popova, L. A. Istoriya realizatsii prosemeinoi demograficheskoi politiki v Respublike Komi [The history of the implementation of pro-family demographic policy in the Komi Republic] / L. A. Popova, N. A. Butrim // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2017. – No. 1 (19). – P. 63–67.
12. Beznosova, N. P. Vosproizvodstvo naseleniya Komi ASSR v 1960–1970–e gody [Reproduction of the population of the Komi ASSR in the 1960–1970s] / N. P. Beznosova // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2014. – No. 2 (14). – P. 20–39.
13. Zyryanova, M. A. Pravovoe pole sovetskoi semeinoi politiki v 1946–1990 gg. v kontekste otsenki demograficheskikh izmenenii v RSFSR i Komi ASSR [Legal field of Soviet family policy in 1946–1990 in the context of assessment of demographic changes in the RSFSR and the Komi ASSR] / M. A. Zyryanova // Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki [Sci. notes of Orel State Univ. Series: Humanities and Social Sciences]. – 2021. – № 4 (93). – P. 47–54.
14. Zyryanova, M. A. Semeinaya politika v pervye desyatiletia razvitiya sovetskogo obshchestva v Rossii i ee severnykh regionakh (na primere Respubliki Komi) [Family policy in the first decades of Soviet society in Russia and its northern regions (case study of the Komi Republic)] / M. A. Zyryanova // Vestnik PNIPU. Sotsialno-ekonomicheskie nauki [Bull. of Perm National Res. Polytechnic Univ. Socio-economic sciences]. – 2022. – № 1. – P. 73–84.
15. NARK [National Archives of the Komi Republic]. F. P-140. Op. 2.
16. Okhrana materinstva i detstva. Analiticheskaya zapiska [Protection of motherhood and childhood. Analytic note]. – Syktyvkar: Komi Republican Department of Statistics, 1991. – 20 p.
17. Estestvennoe dvizhenie naseleniya v Komi ASSR [Natural movement of the population in the Komi ASSR]. – Syktyvkar: Statistical Department of the Komi ASSR, 1982. – 70 p.
18. Estestvennoe dvizhenie naseleniya v Komi ASSR [Natural population movement in the Komi ASSR]. – Syktyvkar: Komi Republican Department of Statistics, 1991. – 113 p.
19. Perepisi naseleniya Rossiiskoi Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv [Censuses of the Russian Empire, USSR, 15 new independent states] // Demoscope Weekly. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (accessed: 01.02.2024).
20. RSAE (Russian State Archive of Economics). F. 1562. Op. 336. D. 641–643, 4014–4101.
21. Osnovnye itogi perepisi naseleniya 1979 goda po Komi ASSR. Statisticheskii sbornik [Main results of the 1979 population census for the Komi ASSR. Statistical collection]. – Syktyvkar: Statistical Department of the Komi ASSR, 1980. – P. 26–28.
22. Ignatova, N. M. Chislennost i vosproizvodstvo naseleniya Respubliki Komi vo vtoroi polovine XIX – XX v.: istoriko-demograficheskie i istoriko-geograficheskie issledovaniya Rossiiskogo Severa [Population number and reproduction in the Komi Republic in the second half of the XIX – XX centuries: historical-demographic and historical-geographical studies of the Russian North] / N. M. Ignatova, D. V. Vishnyakova, A. P. Obedkov, V. I. Silin. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2022. – 276 p.
23. Lytkina, U. V. Estestvennoe dvizhenie naseleniya Komi ASSR v 1946–1959 godakh [Natural movement of the population of the Komi ASSR in 1944–1959] / U. V. Lytkina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series "Historical demography". – 2023. – No. 8 (66). – P. 69–79.
24. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda. Raspreделение vsego naseleniya i sostoyashchikh v brake po polu i vozrastu po Komi ASSR [All-Union Population Census of 1959. Distribution of the entire population and married people by gender and age in the Komi ASSR]. – Table. 2.5.
25. Sotsialno-demograficheskaya kharakteristika naseleniya Komi ASSR [Socio-demographic characteristics of the population of the Komi ASSR]. – Syktyvkar: Komi Republican Department of Statistics, 1990. – P. 55–56.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России» № 122040800166-0.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic "Transformations of society, government and economy in the regions of the European North of Russia" No. 122040800166-0.

Информация об авторе:

Лыткина Ульяна Владимировна – младший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-4875-6929 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: ulytkina@yandex.ru).

Author:

Ulyana V. Lytkina – Junior Researcher at the Department of Historical-Demographic and Historical-Geographical Studies of the Russian North at the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: ulytkina@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4875-6929).

Для цитирования:

Лыткина, У. В. Брачность и разводимость населения Республики Коми в 1920–1980-е годы / У. В. Лыткина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 70–79.

For citation:

Lytkina U. V. Marriage and divorce rates of the population of the Komi Republic in the 1920s–1980s / U. V. Lytkina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical demography". – 2024. – № 2 (68). – P. 70–79.

Дата поступления рукописи: 05.03.2024

Прошла рецензирование: 11.03.2024

Принято решение о публикации: 15.03.2024

Received: 05.03.2024

Reviewed: 11.03.2024

Accepted: 15.03.2024

Смертность населения Республики Коми: исторический подход

В. В. Фаузер

ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
fauzer.viktor@yandex.ru

Аннотация

Автор рассматривает отношение общества и гражданских институтов к смерти; отмечает, что на протяжении веков отношение населения к смерти менялось – от принятия ее как «вещи» неизбежной, до понимания утраты близкого человека, ресурса труда общества. По мере развития социума, прогресса в медицине и фармацевтике происходила трансформация причин смерти – причины природно-исторического характера уступили место «причинам цивилизации», что нашло отражение в половозрастной смертности. До середины XX в. больший урон смерти наносили женскому населению и детям, зато современный период характеризуется повышенной смертностью мужского населения и в первую очередь в трудоспособных возрастах. Прогресс в медицине и здравоохранении, улучшение отношения населения к своему здоровью и развитие спорта позволили сместить смертность в старшие возраста.

Ключевые слова:

Республика Коми, коэффициенты смертности, причины смерти, ожидаемая продолжительность жизни

Введение

К смерти, как социально-экономическому явлению, как факту неизбежному, биологически определенному, общество и отдельно взятый человек относились на протяжении истории по-разному, по-разному она воспринималась каждым народом, в силу своего понимания окружающего мира и что такое жизнь, и что человека ждет в конце жизненного пути, смерть/небытие или смена формы своего бытия и жизнь в другом мире. На эту тему есть достаточное количество литературы, об этом можно долго и много рассуждать.

Изучая динамику смертности населения Республики Коми, необходимо учитывать ее специфические особенности, характерные для северных регионов России. К их числу можно отнести: образ жизни, отраслевую структуру производства, этнический состав и расселение населения, ряд других факторов [1].

Смертность до XX в. достаточно подробно рассмотрена в работах ученых-историков. Они выделили такие факторы смертности, как хроническое голодание, анти-

Mortality of the population of the Komi Republic: a historical approach

V. V. Fauzer

Inst. of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
fauzer.viktor@yandex.ru

Abstract

The attitude of society and civil institutions to death is considered; it is noted that over the centuries the attitude of the population to death has changed – from accepting it as a «thing» inevitable, to understanding the loss of a loved one, a resource of society's labor. With the development of society, progress in medicine and pharmaceuticals, the causes of death were transformed – causes of natural-historical nature gave way to «causes of civilization», which was reflected in age and gender mortality rate. Until the mid-XX century, deaths caused greater damage to female population and children, but the modern period is characterized by increased mortality of the male population, primarily in the working age. Progress in medicine and healthcare, improving the attitude of the population to their health and the development of sports have made it possible to shift mortality rate to older ages.

Keywords:

Komi Republic, mortality rates, causes of death, life expectancy

санитарное состояние жилищ, тяжелые материальные условия, отсутствие правильных санитарно-гигиенических представлений [2, с. 75-79; 3]. Рассмотрено влияние природного и климатического факторов на урожаи, поскольку неизбежным следствием периодических неурожаев было голодание [4].

По смертности населения Республики Коми в XX в. написано достаточное количество монографических работ, их полный перечень до 2018 г. нашел отражение в опубликованных статьях [5-7]. Отдельные аспекты смертности и продолжительности жизни рассмотрены в работах [8-14].

Отношение к смерти в разные исторические периоды. Смерть, как и жизнь, – естественное явление, и в этом смысле человек ничем не отличается от животного. Человек не бессмертен. Он рождается с определенным запасом прочности, но в конечном счете его смерть неизбежна, биологически запрограммирована. Эндогенные (внутренние) процессы, ведущие к «естественной» смерти орга-

низма, находятся под контролем генетической программы, обусловленные ими витальные исходы упорядочены. Возраст, к которому жизнеспособность различных людей исчерпывается даже в самых благоприятных условиях, колеблется вокруг некоторой величины – биологической, или видовой, продолжительности жизни. «Некоторое количество эндогенно детерминированных смертей, обусловленных не старением, а какими-либо другими причинами (наследственными болезнями, врожденными пороками и т. п.), наступает в молодых, часто в ранних детских возрастах. Тем не менее вероятность смерти нарастает с возрастом и зависит от него очень сильно» [15, с. 58, 65].

Обычно смерть ассоциируется со старостью и желанием человека дожить до 70–100 лет. Разнообразие суждений о старости впечатляет: от мрачного откровения отца протестантизма Мартина Лютера: «Старость – это живая могила», – до своеобразной иронии французского писателя нашего времени Андре Моруа: «Старость – дурная привычка, для которой у активных людей нет времени» [16, с. 3].

«Все умирать будем», – написал крылатую фразу французский историк Филипп Арьес. В своем фундаментальном труде «Человек перед лицом смерти» он отмечал, что идея бессмертной души – обители индивидуальности, уже долгое время культивировавшаяся в церковной среде, распространяется с XI по XVII в. все шире, овладевая в конечном счете почти всеми умами и сердцами. Эта новая эсхатология привела к тому, что слова «смерть», «умер» заменяются другими: «отдал Богу душу», «Бог его душу взял». В XVII–XVIII вв. были люди, которые верили и знали о скорой смерти и готовились к ней, но стали появляться и те, кто не хотел знать о своей смерти и держались за свою жизнь. Если верить Лафонтену, особенно много их было среди стариков: «Больше всех похожий на мертвеца больше всех не хочет умирать». Общество XVII в. было к этим старикам (50-летним!) безжалостно и жестоко насмехалось над их привязанностью к жизни, столь понятной нам: «Смерть была права. Идем, старик, не возражай» [17, с. 37, 41, 499–500].

Когда прусский государственный деятель Отто фон Бисмарк внедрил первый национальный план социального обеспечения пожилых людей, он хотел «приручить» рабочий класс, предложив ему нечто, к чему можно стремиться. Бисмарк ввел одно из величайших новшеств конца XIX в., которое наряду с телефоном, двигателем внутреннего сгорания и искусственным волокном кардинально изменило современность. Пенсионные программы наряду с системой всеобщего образования – еще одним нововведением XIX в. – привели к разделению жизни человека на три четких периода: **учеба, работа и заслуженный отдых**. В этой парадигме не оставалось места для личного выбора: правительство указывало, чем человек должен заниматься в зависимости от возраста, а социальные нормы закрепляли строгий распорядок жизни.

В то же время важно отметить, что на заре человечества, примерно 300 тыс. лет назад, отношение к старикам было более гуманным. Неандертальцы могли годами ухаживать за больными стариками, хотя они были явной

обузой. А дело заключалось в том, что «пожилые люди были бесценными хранителями жизненного опыта. Когда большинство людей доживали лишь до 30–35 лет, редкие носители житейской мудрости были на вес золота. Завоюта о беспомощных родственниках – такая человеческая черта!». Наконец, «люди стали по-особенному относиться к умершим родственникам. До этих пор они просто оставляли тело усопшего на том месте, где его настигла смерть. Но люди испанской Атапуэрки начали поступать иначе. Когда кто-то умирал, его останки несли за полкилометра и бросали в естественный колодец Сима до лос Уэсос» [18, с. 38, 75].

Во все времена ученые-мыслители рассуждали о продолжительности человеческой жизни. Согласно суждениям древних китайских мудрецов, царя Соломона, греческого историка Геродота, древнеиндийских создателей системы Упанишад, представителям человеческого рода отводилось 70–80 лет. В Средневековье и эпоху Возрождения представления о длительности человеческой жизни были весьма пессимистичны. Считалось, что старость у женщин наступает к 30 годам, у мужчин – к 50, а 60 лет – предел человеческой жизни.

Суждения ученых конца XIX–начала XX в. были более оптимистичными. Они определяли этот срок в 100–120 лет (И. Р. Тарханов, Ю.-Р. Майер). Советский физиолог А. А. Богомолец пошел еще дальше, утверждая, что нормальное долголетие – 125–150 лет, но и это еще не предел.

Сроки наступления смерти для членов сообщества зависят от множества условий, и в первую очередь – от уровня развития цивилизации. Так, в первобытном обществе человек жил в среднем 20 лет, и основная часть его членов умирала в младенчестве, в крестьянском обществе средняя продолжительность жизни составила 30–35 лет, а до возраста совершеннолетия доживала только половина рожденных детей. В эпоху промышленного развития средние сроки жизни продлились до 60–70 лет при резком снижении доли смертей в молодых трудоспособных возрастах. Таким образом, снижение смертности достигалось, главным образом, путем преодоления преждевременной младенческой, детской и ранней смертности.

И сегодня проблема долголетия волнует ученых. На страницах «Московского комсомольца» биологи Денис Ребриков, Алексей Москалёв и футуролог Евгений Кузнецов обсудили, каким будет человек к 2065 г. Дискуссия состоялась на форуме биотехнологий в наукограде Кольцово. Темы, заданные модератором встречи Ольгой Ерёминой, касались рождения, среды обитания, питания людей будущего, а также продолжительности жизни, ментального состояния и смерти. Ученые пришли к выводу, что человек будет жить 120 лет и более, основными болезнями станут психические заболевания и онкология.

Еще одну интересную проблему затронули участники форума – как будут умирать люди будущего. Д. Ребриков считает, «что жить мы будем долго, может быть, вечно, за исключением тех, кто не захочет продолжать это дело по прошествии многих сотен лет. Такие люди смогут прибегнуть к эвтаназии». Е. Кузнецов отметил, что «это очень сложный вопрос. Вероятней всего умирать люди будут

естественным образом, только не от болезней, а из-за изрядного износа организма. Эвтаназия, конечно, должна быть декриминализована, но я против принудительного освобождения места для молодых, против возврата к архаичным практикам, когда стариков отводили умирать на скалы. Сейчас, к сожалению, многое к этому идет, но это негативный тренд. Человек должен жить до полного исчерпания своего потенциала, а потом переходить к созданию управляемого цифрового следа и уходить с ощущением, что успел сделать в этой жизни все». А. Москалёв отметил, «хотелось бы, чтобы в будущем за счет регулярного "техобслуживания" и замены органов человек мог жить максимально долго и уходить из жизни только по собственному желанию, прекратив то самое плановое "техобслуживание"» [19, с. 13].

Материалы и методы

Если падение рождаемости объяснить может практически каждый образованный человек, поскольку «процесс зачатия детей всем отлично известен, прост и исключительно популярен» [20, с. 29], то со смертностью все намного сложнее. Все люди смертны, но смерть может быть естественной, когда отведенный человеку ресурс истрачен, преждевременной, вызванной рядом внешних факторов (эпидемии, войны, убийства и самоубийства и т. д.). Точное установление причины смерти – важная задача не только для медиков, и нужна она не столько им, сколько органам статистики и чиновникам, принимающим решение о снижении смертности в разных ее проявлениях и как развивать здравоохранение, чему отдавать приоритеты.

Согласно «Руководству по кодированию причин смерти», основополагающими принципами, удостоверяющими причины смерти, являются статистическая разработка причин смерти по одной причине. И этой «единственной причиной является первоначальная причина смерти. Она определена как а) "болезнь или травма, вызвавшая цепь болезненных процессов, непосредственно приведших к смерти", или б) "обстоятельства несчастного случая или акта насилия, которые вызвали смертельную травму". В нашей стране принято определение первоначальной причины смерти, рекомендованное ВОЗ, вместе с тем, при травмах и отравлениях мы определяем две причины: по характеру и по внешней причине» [21, с. 70].

С точки зрения демографического анализа смертности, главным или основным является деление факторов (причин), ее обуславливающих, на две группы:

1) эндогенные – это факторы, порождаемые внутренним развитием человеческого организма. Сюда относятся болезни системы кровообращения, врожденные пороки, наследственные болезни и старость, о которой писали выше.

2) экзогенные – это факторы, порожденные влиянием внешней среды (от греч. *exo* – вне, снаружи, и *genes* – рождающий, рожденный) – экономической, социальной, семейной, экологической обстановкой, уровнем развития гигиены и здравоохранения, личным образом жизни, вызывающие преждевременную смертность. К экзогенным

причинам смерти относят несчастные случаи, травмы и отравления, инфекционные и паразитарные болезни, острые заболевания органов дыхания и пищеварения и некоторые др. Эти факторы не зависят от возраста населения, поэтому они не упорядочены и не прогнозируемы [22, с. 150].

Динамика смертности: общие и специальные показатели. Ввиду ограниченности объема статьи рассмотрим наиболее общие показатели, характеризующие смертность населения. *Абсолютные числа умерших* дают общее представление о смертности. Многие исследователи, противники этого показателя, утверждают, что с ростом численности населения растет и абсолютное число умерших, что между этими двумя показателями тесная связь и поэтому их использование не совсем информативно. Однако это не всегда так, бывают периоды увеличения числа смертей, вызванных эпидемиями, войнами, репрессиями, социально-экономическими катаклизмами и т. д. Кроме того, абсолютные данные позволяют оценить масштабы человеческих потерь, возрастную структуру смертей и ряд других относительных показателей, построенных на их основе.

Анализируя абсолютные числа умерших в республике за XX-XXI вв., обращают на себя внимание ряд годов, когда абсолютное число смертей резко увеличивалось и выбивалось из монотонного протекания процесса смертности. Первый всплеск числа смертей был отмечен в 1933 г. как реакция населения на голод 1932-1933 гг. – 10 523 смерти, из них, по данным Коми облисполкома, спецпереселенцы составили – 3095 чел. (29,4 %). По разным оценкам, из-за голода страна имела избыточную смертность более 2,5 млн чел. В республике она составила примерно 4,2 тыс. чел.

Второй период повышенной смертности в республике был отмечен с 1940 по 1944 г., а пик смертей пришелся на 1942 г., когда умерло 16 211 чел. Объяснить данное явление можно рядом факторов. Во-первых, с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. велась война между СССР и Финляндией; во-вторых, с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 г. прошла ВОВ; в-третьих, с 1940 г. стали регистрировать и учитывать в статистике умерших заключенных ГУЛАГа. А для республики это существенный фактор, здесь следует пояснить, что доля спецконтингента, включая заключенных в структуре населения, колебалась от 35 до 48 % [23, с. 159], что не могло не отразиться на числе умерших. Повышенной смертностью также выделяются 1927 г. – 7215 смертей, 1936 г. – 8959 и 1947 г. – 8539 смертей. В целом можно отметить, что концентрация числа смертей в отдельные годы / периоды связана с индустриализацией, коллективизацией, политическими репрессиями и т. д.

С 1947 по 1958 г. шло постоянное снижение числа умерших: с 8539 до 4982 чел. В последующие годы началось его «монотонное» повышение, в 1970 г. был превышен шеститысячный рубеж – 6276 чел., в 1975 г. – семитысячный – 7284, в 1977 г. – восьмитысячный – 8129, а в 1980 г. – девятитысячный – 9169 чел. Как видим, время между увеличением на 1000 числа смертей постоянно сокращалось.

Новый рост смертности, свыше 10 тыс. чел. в год, можно связать с тем, что 26 декабря 1991 г. Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию о прекращении существования СССР, что послужило шоком для населения страны. С 1992 по 2016 г. ежегодное число смертей превышало 10 тыс. чел. Новый пик смертей был отмечен в 1994 г. – 16 074, что всего на 137 чел. меньше, чем было в военном 1942 г. С 2017 по 2019 г. началось плавное снижение смертности, однако свои коррективы внес COVID-19, число умерших в 2020 г. увеличилось до 11 066 чел., в 2021 г. стало еще больше – 13 081. В 2022 г. пандемия пошла на убыль, и число умерших снизилось до 10 426 чел. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика числа умерших в Республике Коми,
1920–2022 годы, чел.

Table 1

Dynamics of the number of deaths in the Komi Republic,
1920–2022, people

Год	Число умерших			Год	Число умерших		
	Все население	Городское население	Сельское население		Все население	Городское население	Сельское население
1920	4353	...	...	1972	6548	3491	3057
1921	4768	...	...	1973	6761	3594	3167
1922	6054	...	...	1974	6805	3687	3118
1923	7185	...	...	1975	7284	4009	3275
1924	5592	...	...	1976	7896	4539	3357
1925	6496	149	6347	1977	8129	4775	3354
1926	4383	156	4227	1978	8423	4985	3438
1927	7215	193	7022	1979	8985	5398	3587
1928	4640	182	4458	1980	9169	5503	3666
1929	5261	235	5026	1981	9103	5553	3550
1930	6574	179	6395	1982	8758	5374	3384
1931	8000	296	7704	1983	9250	5611	3639
1932	6249	385	5864	1984	9486	5863	3623
1933	10 523	832	9691	1985	9334	5795	3539
1934	6349	483	5866	1986	8112	5241	2871
1935	6254	364	5890	1987	8544	5501	3043
1936	8959	495	8464	1988	8930	5942	2988
1937	7929	523	7406	1989	8857	5945	2912
1938	8933	666	8267	1990	9321	6463	2858
1939	7730	862	6868	1991	9665	6634	3031
1940	12 134	1301	10 833	1992	11 426	7844	3582
1941	11 872	2123	9749	1993	14 642	10 140	4502
1942	16 211	3868	12 343	1994	16 074	11 241	4833
1943	11 024	3686	7338	1995	15 057	10 674	4383
1944	9284	2562	6722	1996	13 674	9285	4389
1945	6185	1725	4460	1997	12 244	8254	3990
1946	5636	1762	3874	1998	11 545	7813	3732
1947	8539	2628	5911	1999	12 253	8346	3907
1948	6336	2050	4286	2000	13 594	9503	4091
1949	5644	2078	3566	2001	13 968	9578	4390
1950	6002	2382	3620	2002	15 265	10 300	4965
1951	6474	2521	3953	2003	15 810	10 694	5116
1952	6185	2411	3774	2004	15 210	10 299	4911
1953	5944	2372	3572	2005	15 074	10 220	4854
1954	6029	2310	3719	2006	13 519	9169	4350

1955	5617	2120	3497	2007	12 304	8446	3858
1956	5252	2074	3178	2008	12 270	8248	4022
1957	5660	2172	3488	2009	12 182	8260	3922
1958	4982	2203	2779	2010	11 819	7980	3839
1959	5209	2276	2933	2011	11 065	7549	3516
1960	5010	2314	2696	2012	10 830	7492	3338
1961	5076	2348	2728	2013	10 484	7346	3138
1962	5164	2354	2810	2014	10 621	7374	3247
1963	5231	2449	2782	2015	10 644	7511	3133
1964	5264	2529	2735	2016	10 565	7426	3139
1965	5241	2608	2633	2017	9947	6957	2990
1966	5533	2785	2748	2018	9923	6978	2945
1967	5431	2782	2649	2019	9891	7013	2878
1968	5617	2867	2750	2020	11 066	7995	3071
1969	5873	3100	2773	2021	13 081	9559	3522
1970	6276	3171	3105	2022	10 426	7467	2959
1971	6299	3269	3030				

Примечание. ... – явление было, но сведения отсутствуют.

Источник: [22, с. 153–154; 24, с. 24–25].

Note. ... – there was a phenomenon, but there is no information.

Source: [22, p. 153–154; 24, p. 24–25].

Важное значение в анализе смертности имеет оценка различий уровня смертности по полу. Это различие характеризует коэффициент мужской сверхсмертности (отношение возрастного коэффициента смертности мужчин к возрастному коэффициенту смертности женщин). Считается, что он наиболее точно отражает половые диспропорции в уровне смертности, рассчитывается по пятилетним возрастным группам. Изучение мужской сверхсмертности помимо научного интереса имеет большое народнохозяйственное значение и важный социальный аспект. Здесь уместно привести цитату основоположника российской демографии XX в. Б. Ц. Урланиса: «Женщины, берегите мужчин, ведь они не менее прекрасная половина рода человеческого <...> Давайте добьемся, чтобы у нас встречались не только прабабушки, но и прадедушки, являющиеся в настоящее время большой редкостью» [25].

Представленные данные с 1980 г. показывают, что во всех возрастах и за все рассмотренные годы, кратные нулю и пяти, наблюдался перевес мужской смертности над женской. Можно выделить ряд особенностей в динамике коэффициентов мужской сверхсмертности. Во-первых, он практически все годы имел тенденцию к росту после 0–4 лет, исключение составили 2015, 2020 и 2022 гг., когда он стал расти с возраста 10–14 лет. Во-вторых, в отдельные годы наблюдались два–три пика мужской сверхсмертности, например, в 1980 г. он отмечен в возрасте 10–14 и 25–29 лет, в 1990 г. – в возрастах 5–9, 15–19 и 35–39 лет. В-третьих, выделяется 2020 г., когда сверхсмертность мальчиков в возрасте 1–4 лет увеличилась вдвое по отношению к возрасту до года. В-четвертых, можно выделить годы и возрастные группы, когда перевес мужской смертности над женской имел максимальное значение: в 1990 г. в возрасте 5–9 лет в шесть раз; в 1980 и 1995 гг. в возрасте 25–29 лет – в 5,1 и 5,0 раз соответственно; в 2020 г. в возрасте 15–19 лет – в 4,5 раза; 2022 г. в возрасте 30–34 – 3,9

Динамика показателя мужской сверхсмертности населения Республики Коми, 1980–2022 годы

Table 2

Dynamics of the indicator of male supermortality of the population of the Komi Republic, 1980–2022

Возраст, лет	Год									
	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015*	2020*	2022
Умершие – все возраста	1,28	1,18	1,22	1,54	1,43	1,57	1,44	1,36	1,29	1,30
Из них в возрасте до 1 года	...	...	1,36	...	0,72	1,66	1,20	2,14	1,47	1,10
1 – 4	1,14 ¹⁾	1,37 ¹⁾	1,14	1,81 ¹⁾	1,14	0,71	1,25	0,80	3,00	0,50
5 – 9	1,75	3,00	6,00	1,20	2,00	1,00	2,00	0,50	1,00	0,00
10 – 14	3,50	2,50	3,00	2,00	3,00	2,00	1,50	...	4,00	0,80
15 – 19	2,50	3,25	4,00	3,13	2,88	1,56	2,00	2,00	4,50	1,29
20 – 24	4,00	4,33	3,71	4,17	3,83	3,62	4,71	3,57	3,00	2,50
25 – 29	5,10	3,50	3,30	5,00	3,61	3,38	4,17	4,89	3,13	3,22
30 – 34	3,39	3,50	4,18	3,75	3,62	3,27	3,38	3,29	2,59	3,93
35 – 39	3,77	2,89	4,50	3,88	3,13	3,14	2,64	3,04	2,96	2,59
40 – 44	3,23	3,00	4,00	3,37	4,00	3,29	2,85	3,47	2,56	2,41
45 – 49	2,51	2,88	3,36	2,96	3,46	3,27	3,13	2,72	2,85	3,21
50 – 54	2,48	2,69	2,73	2,79	2,95	2,80	3,32	3,00	3,29	2,61
55 – 59	2,36	2,54	3,10	2,95	2,84	2,93	2,99	3,08	2,64	2,74
60 – 64	2,37	2,20	2,44	2,69	2,74	2,67	3,08	3,13	2,63	3,19
65 – 69	2,05	0,94	1,99	2,36	2,33	2,40	2,50	2,63	2,52	2,57
70 и более	1,40	1,39	1,29	1,37	1,33	1,56	1,44	1,44	1,56	1,35

Примечание. * без учета пересчета от итогов переписи 2021 г.

... – явление было, но сведения отсутствуют.

¹⁾ 0–4 года.

Источник: [22, с. 160].

Note. * excluding recalculation from the results of the 2021 census.

... – the phenomenon occurred, but there is no information

¹⁾ 0–4 years

Source: [22, p. 160].

раза. В-пятых, наибольшая разница между мужской и женской смертностью в основном наблюдается в возрастах 20–24 и 25–29 лет, от трех раз – каждая в 10 рассматриваемых годах (табл. 2).

Как видим из представленных данных, за редким исключением, по всем годам и возрастным группам имеет место двукратное превышение мужской смертности над женской, т. е. ситуация не улучшается. Вновь процитируем Б. Ц. Урланиса, который еще в 1960-х гг. отмечал, что перевес мужской смертности над женской означает сотни тысяч «осколочных» семей, сотни тысяч женщин, теряющих все блага нормальной семейной жизни. Муж, жена, дети – вот каков должен быть состав семьи. Если же в семье остается мать с детьми, то этим уже резко нарушается нормальное существование всех членов семьи. Только в оперетте вдова может быть веселой. Обычно у вдов нет особых причин веселиться. И уже не так много шансов выйти замуж второй раз и ввести в дом хотя бы отчима... Эта «нехватка» мужчин весьма пагубно отражается на многих областях нашей жизни [25].

Следующим этапом в изучении смертности является *распределение смертей по трем возрастным группам*. Сделать это можно по всему населению с 1930 г., по-городскому и сельскому населению – с 1980 г. Обращают на себя внимание данные с 1930 по 1950 г., когда более половины смертей приходились на возрастную когорту 0–14 лет. Бесспорно, виден прогресс между 1930 г. и 1950 г., когда произошло смещение смертей в старшие возрастные группы. Еще заметнее он отличается в последующие 30 лет, когда примерно 40 % населения умирало в возрасте старше 60 лет, сказались результаты «первой» и «второй» эпидемиологических революций, правда с заметным опозданием от европейских стран.

С 1980 г. имеются полные данные распределения умерших по возрастам в разрезе городского и сельского населения. Как и следовало ожидать, видны «закономерности популяционной смертности, зависимой от возраста». В когорте 0–14 лет она проявилась и у мужчин, и у женщин в городском и сельском населении. Небольшое отклонение произошло в период с 2000 по 2005 г., когда смертность из группы 60 лет и старше сместилась в группу 15–59 лет. Сравнивая распределение умерших у мужчин и женщин, можно отметить следующее: доля мужчин, умирающих в трудоспособном возрасте, примерно в два раза больше, чем у женщин; доля женщин, умирающих за пределами 60 лет, с 2020 г. превысила 80 % как у городского, так и у сельского населения; структура умерших у женского и городского населения более «прогрессивна» по отношению к мужчинам и сельскому населению (табл. 3).

Заключение

Анализ абсолютного числа умерших показал, что с начала 2000-х гг. шло плавное снижение их числа, однако пандемия COVID-19 вновь спровоцировала рост числа смертей. По-прежнему сохраняется сверхсмертность мужчин, и чем старше возрастные группы, тем большим становится этот разрыв. К числу положительных явлений можно отнести то, что смертность из трудоспособных возрастов переместилась в старшие возраста, причем по всем группам. Можно предположить, что реализация национальных проектов (демография, здоровье, социальные услуги, экология и др.) позволит снизить уровень смертности, повысить число смертей «от старости» и даст новый виток роста ожидаемой продолжительности жизни.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Подоплелов, В. В. Население Коми АССР / В. В. Подоплелов, В. В. Фаузер, Г. В. Загайнова. – Сыктывкар, 1990. – 20 с. (Сер. препринтов «Науч. докл.»; Вып. 231).
2. Вишнякова, Д. В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX–начале XX в. / Д. В. Вишнякова; отв. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2012. – 162 с.

Распределение умерших в Республике Коми по полу, возрасту и расселению, 1930–2022 годы, %

Distribution of the deceased in the Komi Republic by gender, age and settlement, 1930–2022, %

Таблица 3

Table 3

Год	Возраст, лет								
	Все население			Городское население			Сельское население		
	0–14	15–59	60 и старше	0–14	15–59	60 и старше	0–14	15–59	60 и старше
Оба пола									
1930	72,3	13,3	14,4	...	...	...	...	...	...
1950	57,3	25,2	17,5	...	...	...	...	...	...
1980	7,7	52,4	39,9	8,4	56,5	35,1	6,6	46,3	47,1
1990	4,7	42,2	53,1	5,0	44,4	50,6	4,0	37,2	58,8
2000	1,7	42,3	56,0	1,8	45,5	52,7	1,7	34,7	63,6
2005	1,2	49,6	49,2	1,1	50,6	48,3	1,3	47,7	51,0
2010	0,9	43,2	55,9	0,9	42,2	56,9	0,9	45,3	53,8
2015	0,8	37,1	62,1	0,8	36,5	62,7	0,9	38,7	60,4
2020	0,4	28,6	71,0	0,4	27,6	72,0	0,4	31,1	68,5
2022	0,5	28,4	71,1	0,5	27,8	71,7	0,6	29,9	69,5
Мужчины									
1930	74,2	12,9	12,9	...	...	...	...	...	...
1950	57,7	29,2	13,1	...	...	...	...	...	...
1980	7,6	68,2	24,2	8,2	69,4	22,4	6,6	66,2	27,2
1990	5,3	59,0	35,7	5,7	59,8	34,5	4,4	57,0	38,6
2000	1,6	55,9	42,5	1,7	59,2	39,1	1,6	47,6	50,8
2005	1,2	62,4	36,4	1,2	63,0	35,8	1,2	61,2	37,6
2010	0,9	56,4	42,7	1,0	54,9	44,1	0,9	59,4	39,7
2015	1,0	49,7	49,3	0,9	48,8	50,3	0,9	52,0	47,1
2020	0,5	38,6	60,9	0,5	37,6	61,9	0,4	41,3	58,3
2022	0,5	38,2	61,3	0,5	37,8	61,7	0,6	38,9	60,5
Женщины									
1930	70,3	13,8	15,9	...	...	...	...	...	...
1950	56,9	20,5	22,6	...	...	...	...	...	...
1980	7,8	31,9	60,3	8,7	37,2	54,1	6,5	25,4	68,1
1990	4,0	21,4	74,6	4,1	24,2	71,7	3,7	15,7	80,6
2000	1,9	24,2	73,9	1,9	26,6	71,5	1,8	19,1	79,1
2005	1,1	32,0	66,9	1,0	33,4	65,6	1,3	29,3	69,4
2010	0,8	26,3	72,9	0,8	26,6	72,6	0,9	25,6	73,5
2015	0,7	21,8	77,5	0,7	21,7	77,6	0,8	22,2	77,0
2020	0,3	17,0	82,7	0,3	16,4	83,3	0,4	18,7	80,9
2022	0,6	17,3	82,1	0,6	16,9	82,5	0,6	18,6	80,8

Примечание. ... – явление было, но сведения отсутствуют.

Источник: [22, с. 162].

Note. ... – there was a phenomenon, but there is no information.

Source: [22, p. 162].

- Игнатова, Н. М. Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX–XX в.: Историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера. Вып. 1. / Н. М. Игнатова, Д. В. Вишнякова, А. П. Обедков, В. И. Си-лин. – Сыктывкар : ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 276 с.
- Жеребцов, И. Л. Основные этапы этнодемографического развития народа коми / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1995. – 20 с.
- Жеребцов, И. Л. Историография работ по демографии, экономике труда и социологии, выполненных на мате-

- риалах Республики Коми и Севера России / И. Л. Жеребцов // Историческая демография. – 2017. – № 1. – С. 87–98.
- Фаузер, В. В. Население Российского Севера: проблемы воспроизводства / В. В. Фаузер // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2017. – № 3 (54). – С. 121–133.
- Фаузер, В. В. История развития демографических и социологических исследований в Республике Коми / В. В. Фаузер // Историческая демография. – 2019. – № 1. – С. 52–60.
- Фаузер, В. В. Динамика и уровень смертности населения Республики Коми / В. В. Фаузер // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. – 2010. – № 1. – С. 21–27.
- Фаузер, В. В. Продолжительность жизни и факторы убыли населения Республики Коми / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер, И. А. Матлах // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). – 2015. – № 3. – С. 134–150.
- Фаузер, В. В. История развития демографической науки: от теории к практике / В. В. Фаузер // Историческая демография. – 2017. – № 1. – С. 68–75.
- Фаузер, В. В. Динамика смертности и продолжительности жизни населения Республики Коми / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер, И. А. Панарина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2018. – № 1. – С. 64–70.
- Попова, Л. А. Младенческая смертность: история, современные тенденции, региональная специфика / Л. А. Попова. – Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2010. – 32 с.
- Попова, Л. А. Динамика смертности российского населения от основных классов болезней экзогенной этиологии / Л. А. Попова // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2021. – № 2 (48). – С. 39–51.
- Лыткина, У. В. Естественное движение населения Коми АССР в 1946–1959 годах / У. В. Лыткина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 69–79.
- Вишневский, А. Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций / А. Г. Вишневский. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 368 с.
- Фаузер, В. В. Смертность населения городских поселений Дальнего и Среднего Севера Республики Коми / В. В. Фаузер. – Сыктывкар, 2007. – 36 с. (Серия пре-принтов «Научные доклады по исторической демографии и исторической географии»; Вып. 5).

17. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес; пер. с фр. В. К. Ронина; общ. ред. С. В. Оболенской; предисл. А. Я. Гуревича. – Москва : «Прогресс-Академия», 1992. – 528 с.
18. Дробышевский, С. В. Байки из грота: 50 историй из жизни древних людей / С. В. Дробышевский. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2021. – 455 с.
19. До 120 и старше // Московский комсомолец. – 15 ноября 2023. – С. 13. – URL: https://pressa.ru/files/issue/private/mk-moskovskij-komsomolets/2023/213-2023/raw_issue/mk-moskovskij-komsomolets-2023-213-2023.pdf (дата обращения: 05.02.2024).
20. Гильен, М. 2030: Как современные тренды влияют друг на друга и на наше будущее / М. Гильен. – Москва : Альпина Паблишер, 2022. – 394 с.
21. Руководство по кодированию причин смерти / Э. И. Погорелова, Е. М. Секриеру, Д. Ш. Вайсан, В. В. Антонюк. – Москва : ЦНИИОИЗ, 2008. – 74 с.
22. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение // В. В. Фаузер. – Ижевск : ООО «Принт», 2023. – 308 с. (Б-ка демографа; Вып. 22).
23. Фаузер, В. В. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. – 2015. – № 3. – С. 151-168.
24. Демографический ежегодник Республики Коми. 2023: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2023. – 156 с.
25. Урланис, Б. Ц. История одного поколения: (Социально-демогр. очерк) / Б. Ц. Урланис. – Москва : Мысль, 1968. – 269 с.
- mographic development of the Komi people] / I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1995. – 20 p.
5. Zherebtsov, I. L. Istoriografiya rabot po demografii, ekonomike truda i sotsiologii, vypolnennykh na materialakh Respubliki Komi i Severa Rossii [Historiography of works on demography, labor economics and sociology, carried out on materials of the Komi Republic and the North of Russia] / I. L. Zherebtsov // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2017. – № 1. – P. 87-98.
6. Fauzer, V. V. Naselenie rossiiskogo Severa: problemy vosproizvodstva [Population of the Russian North: problems of reproduction] / V. V. Fauzer // Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka [The North and the market: formation of an economic order]. – 2017. – № 3 (54). – P. 121-133.
7. Fauzer, V. V. Istoriya razvitiya demograficheskikh i sotsiologicheskikh issledovaniy v Respublike Komi [History of the development of demographic and sociological research in the Komi Republic] / V. V. Fauzer // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2019. – № 1. – P. 52-60.
8. Fauzer, V. V. Dinamika i uroven smernosti naseleniya Respubliki Komi [Dynamics and mortality rate of the population of the Komi Republic] / V. V. Fauzer // Zdorove, demografiya, ekologiya finno-ugorskikh narodov [Health, demography, ecology of the Finno-Ugric peoples]. – 2010. – № 1. – P. 21-27.
9. Fauzer, V. V. Prodolzhitel'nost zhizni i faktory ubyli naseleniya Respubliki Komi [Life expectancy and population decline factors in the Komi Republic] / V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, G. N. Fauzer, I. A. Matlakh // Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa [Corporate governance and innovative development of the economy of the North]: Bull. of the Sci. Research Center Corporate governance and innovative development of the economy of the North of Syktyvkar State Univ. – 2015. – № 3. – P. 134-150.
10. Fauzer, V. V. Istoriya razvitiya demograficheskoi nauki: ot teorii k praktike [History of the development of demographic science: from theory to practice] / V. V. Fauzer // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2017. – № 1. – P. 68-75.
11. Fauzer, V. V. Dinamika smernosti i prodolzhitel'nosti zhizni naseleniya Respubliki Komi [Dynamics of mortality and life expectancy of the population of the Komi Republic] / V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, G. N. Fauzer, I. A. Panarina // Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. – 2018. – № 1. – P. 64-70.
12. Popova, L. A. Mladencheskaya smernost: istoriya, sovremennye tendentsii, regionalnaya spetsifika [Infant mortality: history, current trends, regional specifics] / L. A. Popova. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2010. – 32 p.
13. Popova, L. A. Dinamika smernosti rossiiskogo naseleniya ot osnovnykh klassov boleznei ekzogennoi etiologii [Dy-

References

1. Podoplelov, V. V. Naselenie Komi ASSR [Population of the Komi ASSR] / V. V. Podoplelov, V. V. Fauzer, G. V. Zagainova. – Syktyvkar, 1990. – 20 p. (Series of preprints "Scientific reports"; Issue 231).
2. Vishnyakova, D. V. Etnodemograficheskie protsessy v Komi krae v XIX – nachale XX v. [Ethnodemographic processes in the Komi region in the XIX – early XX centuries] / D. V. Vishnyakova; Ed. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar, 2012. – 162 p.
3. Ignatova, N. M. Chislennost i vosproizvodstvo naseleniya Respubliki Komi vo vtoroi polovine XIX-XX v.: Istoriko-demograficheskie i istoriko-geograficheskie issledovaniya rossiiskogo Severa [Number and reproduction of the population of the Komi Republic in the second half of the XIX-XX centuries: Historical-demographic and historical-geographical studies of the Russian North]. Vol. 1. / N. M. Ignatova, D. V. Vishnyakova, A. P. Obedkov, V. I. Silin. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2022. – 276 p.
4. Zherebtsov, I. L. Osnovnye etapy etnodemograficheskogo razvitiya naroda komi [The main stages of the ethnodemographic development of the Komi people] / I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1995. – 20 p.
5. Zherebtsov, I. L. Istoriografiya rabot po demografii, ekonomike truda i sotsiologii, vypolnennykh na materialakh Respubliki Komi i Severa Rossii [Historiography of works on demography, labor economics and sociology, carried out on materials of the Komi Republic and the North of Russia] / I. L. Zherebtsov // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2017. – № 1. – P. 87-98.
6. Fauzer, V. V. Naselenie rossiiskogo Severa: problemy vosproizvodstva [Population of the Russian North: problems of reproduction] / V. V. Fauzer // Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka [The North and the market: formation of an economic order]. – 2017. – № 3 (54). – P. 121-133.
7. Fauzer, V. V. Istoriya razvitiya demograficheskikh i sotsiologicheskikh issledovaniy v Respublike Komi [History of the development of demographic and sociological research in the Komi Republic] / V. V. Fauzer // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2019. – № 1. – P. 52-60.
8. Fauzer, V. V. Dinamika i uroven smernosti naseleniya Respubliki Komi [Dynamics and mortality rate of the population of the Komi Republic] / V. V. Fauzer // Zdorove, demografiya, ekologiya finno-ugorskikh narodov [Health, demography, ecology of the Finno-Ugric peoples]. – 2010. – № 1. – P. 21-27.
9. Fauzer, V. V. Prodolzhitel'nost zhizni i faktory ubyli naseleniya Respubliki Komi [Life expectancy and population decline factors in the Komi Republic] / V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, G. N. Fauzer, I. A. Matlakh // Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa [Corporate governance and innovative development of the economy of the North]: Bull. of the Sci. Research Center Corporate governance and innovative development of the economy of the North of Syktyvkar State Univ. – 2015. – № 3. – P. 134-150.
10. Fauzer, V. V. Istoriya razvitiya demograficheskoi nauki: ot teorii k praktike [History of the development of demographic science: from theory to practice] / V. V. Fauzer // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2017. – № 1. – P. 68-75.
11. Fauzer, V. V. Dinamika smernosti i prodolzhitel'nosti zhizni naseleniya Respubliki Komi [Dynamics of mortality and life expectancy of the population of the Komi Republic] / V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, G. N. Fauzer, I. A. Panarina // Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. – 2018. – № 1. – P. 64-70.
12. Popova, L. A. Mladencheskaya smernost: istoriya, sovremennye tendentsii, regionalnaya spetsifika [Infant mortality: history, current trends, regional specifics] / L. A. Popova. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2010. – 32 p.
13. Popova, L. A. Dinamika smernosti rossiiskogo naseleniya ot osnovnykh klassov boleznei ekzogennoi etiologii [Dy-

- namics of mortality of the Russian population from the main classes of diseases of exogenous etiology] / L. A. Popova // Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. – 2021. – № 2 (48). – P. 39–51.
14. Lytkina, U. V. Estestvennoe dvizhenie naseleniya Komi ASSR v 1946–1959 godakh [Natural movement of the population of the Komi ASSR in 1946–1959] / U. V. Lytkina // Proc. of the Komi Science Centre. Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “Historical Demography”. – 2023. – № 8 (66). – P. 69–79.
 15. Vishnevsky, A. G. Demograficheskaya istoriya i demograficheskaya teoriya: kurs lektzii [Demographic history and demographic theory: a course of lectures] / A. G. Vishnevsky. – Moscow : [Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki] House of the Higher School of Economics Publ., 2019. – 368 p.
 16. Fauzer, V. V. Smertnost naseleniya gorodskikh poselenii Dalnego i Srednego Severa Respubliki Komi [Mortality of the population of urban settlements of the Far and Middle North of the Komi Republic] / V. V. Fauzer. – Syktyvkar, 2007. – 36 p. (Series of preprints “Scientific reports on historical demography and historical geography”; Issue 5).
 17. Aries, E. Chelovek pered litsom smerti [Man in the face of death] / E. Aries; Ed. S. V. Obolenskaya; Preface A. Ya. Gurevich. – Moscow: Progress-Akademiya, 1992. – 528 p.
 18. Drobyshevsky, S. V. Baiki iz grota: 50 istorii iz zhizni drevnikh lyudei [Tales from the grotto: 50 stories from the life of ancient people] / S. V. Drobyshevsky. – Moscow: Alpina non-fiction, 2021. – 455 p.
 19. Do 120 i starshe [Up to 120 and older] // Moskovsky Komsomolets. – November 15, 2023. – P. 13 – URL: https://pressa.ru/files/issue/private/mk-moskovskij-komsomolets/2023/213-2023/raw_issue/mk-moskovskij-komsomolets-2023-213-2023.pdf (accessed: 05.02.2024).
 20. Guillen, M. 2030: Kak sovremennye trendy vliyayut drug na druga i na nashe budushchee [How modern trends influence each other and our future] / M. Guillen. – Moscow: Alpina Publisher, 2022. – 394 p.
 21. Rukovodstvo po kodirovaniyu prichin smerti [Guidelines for coding causes of death] / E. I. Pogorelova, E. M. Sekrieru, D. Sh. Vaisan, V. V. Antonyuk. – Moscow: Central Research Institute of Organization and Informatization of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2008. – 74 p.
 22. Fauzer, V. V. Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migratsiya, rasselenie [The Komi Republic at the turn of the century: demography, migration, settlement] // V. V. Fauzer. – Izhevsk: Print LLC, 2023. – 308 p. (Demographer's library; Issue 22).
 23. Fauzer, V. V. Gosudarstvennoe upravlenie migratsiei naseleniya: ot prinuzhdeniya k pooshchreniyu [State management of population migration: from coercion to encouragement] / V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, G. N. Fauzer // Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa [Corporate governance and innovative development of the economy of the North]: Bull. of the Sci. Research Center Corporate governance and innovative development of the economy of the North of Syktyvkar State Univ. – 2015. – № 3. – P. 151–168.
 24. Demograficheskii ezhegodnik Respubliki Komi [Demographic yearbook of the Komi Republic]. 2023: statistical compilation / Komistat. – Syktyvkar, 2023. – 156 p.
 25. Uralnis, B. Ts. Istoriya odnogo pokoleniya: (Sotsialno-demogr. ocherk) [History of one generation: (Social-demographic essay)] / B. Ts. Uralnis. – Moscow: Mysl' [Thought], 1968. – 269 p.

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (номер государственной регистрации 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Acknowledgements (state task)

The paper was prepared within the framework of the research project “Human resources of the northern regions of Russia: development potential or limitation of economic growth” (No. GR 122012700169-9, 2022–2024).

Информация об авторе:

Фаузер Виктор Вильгельмович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; заслуженный деятель науки Российской Федерации; <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817> (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, <https://vvfauzer.ru/>).

Author:

Viktor V. Fauzer – Dr. Sci. (Economy), Prof., Chief Researcher, Head of the Laboratory of Demography and Social Management, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; Scopus Author ID: 57190415976, <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817> (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 1676982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, <https://vvfauzer.ru/>).

Для цитирования:

Фаузер, В. В. Смертность населения Республики Коми: исторический подход / В. В. Фаузер // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 80–88.

For citation:

Fauzer, V. V. Mortality of the population of the Komi Republic: a historical approach / V. V. Fauzer // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2024. – No. 2 (68). – P. 80–88.

Дата поступления рукописи: 26.02.2024

Прошла рецензирование: 12.05.2024

Принято решение о публикации: 15.05.2024

Received: 26.02.2024

Reviewed: 12.05.2024

Accepted: 15.05.2024

Исследование захоронений некрополя как источник этнодемографической информации (на примере Центрального кладбища города Сыктывкара)

А. П. Обедков

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
ObedkovAP@gmail.com

Аннотация

В статье представлен опыт этнодемографического исследования современного некрополя на примере Центрального городского кладбища г. Сыктывкар. Дана оценка общей численности и этноконфессионального состава похороненных. Раскрыты число, возрастная и половая структуры долгожителей.

Ключевые слова:

некрополистика, городское кладбище, захоронение, умершие, генеалогия, ономастика, возрастной и половой составы населения, этноконфессиональный состав, долгожители, г. Сыктывкар

В постсоветской России наблюдается возрождение интереса к некрополистике и ее объектам. Эта вспомогательная историческая дисциплина оформилась еще в дореволюционной России. Со временем сложились ее тесные связи с рядом смежных дисциплин, с которыми некрополистика взаимодействует на междисциплинарной основе. В их числе – танатология и антропология, историческая демография и историческая география, этнография и культурология, история и краеведение, генеалогия и биографика, мемуаристика и журналистика, архитектура и искусство, ставрография и эпиграфика, геральдика и фалеристика.

Основным объектом некрополистики является кладбище (некрополь) – специально отведенная и формируемая людьми территория для погребения умерших, представляющая собой совокупность захоронений и мемориальных памятников. При этом термины «кладбище» и «некрополь» следует рассматривать как частичные синонимы. Первый термин означает конкретное кладбище, а второй – имеет более широкий смысл и зачастую не привязан к конкретному кладбищу. Кладбища – неизменные спутники населенных пунктов и обязательный элемент их инфраструктуры. Некрополь является полифункциональным местом, которое рассматривается не только как неотъемлемая

Research of necropolis burials as a source of ethnodemographic information (case study of the central city cemetery of Syktyvkar)

A. P. Obedkov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
ObedkovAP@gmail.com

Abstract

The paper presents the experience of ethnodemographic research of the modern necropolis using the example of the Central City Cemetery of Syktyvkar. An estimate of the total number and ethno-confessional composition of the buried is given. The number, age and gender structure of centenarians are revealed.

Keywords:

necropolistics, city cemetery, burial, deceased, genealogy, onomastics, age and gender composition of the population, ethno-confessional composition, centenarians, Syktyvkar

часть истории семей и поколений людей, но и как средоточие духовной и материальной культуры отдельных народов и регионов. Это делает изучение и сохранение конкретных кладбищ актуальной проблемой научного и общественного интереса.

Главная цель некрополистики состоит в сохранении культурно-исторической и социальной памяти поколений людей. Ведущее направление некрополистики связано с изучением кладбищ с целью поиска и систематизации знаний о захороненных и захоронениях. Составление биографий умерших, опирающееся на генеалогические, историко-семейные и биографические исследования, имеет важное значение для понимания историко-культурных, историко-демографических и историко-этнографических особенностей города и региона, поскольку позволяет дать своеобразный срез определенных периодов истории со своими именами, событиями и свершениями. В свою очередь, изучение кладбища как важнейшей части истории и культуры города способствует возрождению интереса к истории региона и национальной культуры в целом.

К настоящему времени сложились научный, философский и религиозный аспекты исследования и функционирования кладбища, являющиеся предметом изучения в историко-антропологических, историко-генеалогиче-

ских, историко-культурологических и краеведческих, философских и религиозных работах. Между тем практически отсутствуют научные труды, в которых рассматриваются историко-демографические и историко-этнографические аспекты исследования конкретного городского кладбища. Данная статья, представляющая собой опыт этнодемографического исследования захоронений Центрального кладбища г. Сыктывкар, призвана восполнить этот пробел.

Центральное кладбище Сыктывкара является старейшим из сохранившихся и действующих кладбищ столицы Республики Коми. В марте 2022 г. исполнилось 90 лет со времени его основания. Необходимость появления этого кладбища возникла в связи с закрытием прежнего городского Кирульского кладбища, которое, согласно утвержденному в 1784 г. плану г. Усть-Сысольск, было образовано за пределами тогдашних границ города. За 150 лет своего функционирования в качестве городского кладбища Усть-Сысольска оно было полностью заполнено захоронениями и не имело возможности дальнейшего расширения. За прошедшие десятилетия это кладбище превратилось в главный некрополь не только Сыктывкара, но и Республики Коми, поскольку не имеет равных по числу и составу похороненных здесь руководителей республики, городов и районов, министров и депутатов регионального, российского и союзного уровней, организаторов и передовиков производства, известных деятелей науки и образования, культуры и искусства, здравоохранения и спорта [1].

Первые захоронения на новом городском кладбище появились в марте 1932 г. на возвышенном участке лесного массива в местечке Половина, где в середине 1930 г. началось строительство комплекса зданий городской больницы, получившего название Больничного городка. Благодаря родственникам, сохранилось одно из первых захоронений – могила Елизаветы Алексеевны Прокопьевой (1900–1932), скончавшейся 24 марта 1932 г. в возрасте 31 года. Среди умерших в 1932 г. сохранились также могилы 14-летней девочки Зои Александровны Маланьиной (1918–1932), 19-летнего Леонида Михайловича Кудинова (1913–1932), 28-летней женщины Веры Степановны Ключковой (1903–1932), 30-летней женщины Текусы Михайловны Первушиной, 54-летней женщины Марии Дмитриевны Кызродевой (1878–1932) и 64-летнего мужчины Алексея Алексеевича Корелина (1868–1932). Сохранилось также несколько захоронений 1933 г., в числе которых могила исторической личности регионального значения – первого директора Коми государственного педагогического института 39-летнего Александра Филимоновича Богданова (1894–1933), закончившего жизнь самоубийством. В том же году умерла Феоктиста Степановна Цивилёва (1850–1933), которая является самой старой по году рождения из всех похороненных на этом кладбище.

Большинство захоронений 1930–1940-х гг. и отчасти 1950–1960-х гг. к настоящему времени не сохранилось, а сами могилы либо полностью стерты с лица земли, либо заброшены и обезличены. На месте этих захоронений со временем появились новые могилы. При этом воссоздать даже примерную картину старых захоронений

в настоящее время не представляется возможным, поскольку до 1950 г. на кладбище отсутствовал налаженный учет захороненных, среди которых было много одиноких ссыльных, репрессированных и эвакуированных людей, оказавшихся в Сыктывкаре не по своей воле. Проблемы с организацией учета были и в отдельные годы постсоветского периода, когда управление кладбищем неоднократно менялось.

Центральное городское кладбище было официально закрыто в 1987 г. Между тем на сегодня оно является полузакрытым. Здесь по-прежнему осуществляются погребения в виде подзахоронений умерших и урн с прахом покойных в пределах установленных родственных оград при наличии достаточного места. В последнее десятилетие ежегодный прирост числа захороненных на Центральном кладбище Сыктывкара варьировал в пределах 250–300 чел. с постепенным нарастанием в пределах 5–7 % за год. Исключение составили годы пандемии коронавируса, когда показатели среднегодового прироста захоронений увеличились примерно в три раза. При этом в последние годы непрерывно увеличивается число захоронений в родственные ограды за счет урн с прахом покойных, которые привозят главным образом из Москвы и Санкт-Петербурга, где сложились чрезвычайно высокие затраты на захоронение в землю. По данным Управления жилищно-коммунального хозяйства администрации МО ГО «Сыктывкар», на конец февраля 2024 г. общее число похороненных на Центральном городском кладбище Сыктывкара составило около 33,2 тыс. чел. Ввиду отсутствия непрерывного учета захоронений на протяжении предыдущих лет (91 год) функционирования некрополя реальное число захороненных на Центральном кладбище Сыктывкара должно быть выше официальной оценки.

Центральное кладбище Сыктывкара возникло в советское время и две трети времени своего существования функционировало в советский период. Это сделало его не только главным некрополем советской элиты республики и передовиков социалистического производства, но и своеобразным памятником многочисленным жертвам советского режима, которые подверглись часто необоснованным репрессиям по политическому, сословному и национальному основаниям как индивидуально, так и в составе целых семей. По нашим оценкам, удельный вес подвергнувшихся репрессиям составляет не менее трети от общего числа захороненных. Среди похороненных на главном некрополе Сыктывкара встречаются представители всех сословий царского времени и слоев советского общества, профессий и видов деятельности.

Время создания и функционирования Центрального кладбища Сыктывкара наложило отпечаток на возрастно-половой, этноконфессиональный, сословный и профессиональный состав похороненных, среди которых встречаются представители всех сословий царского времени и слоев советского общества, профессий и видов деятельности, большинства национальностей и основных конфессий бывшего СССР. Половая и возрастная структура похороненных отличается значительной деформацией,

которая явилась результатом нескольких демографических кризисов, обусловленных последствиями коллективизации, голода и репрессий 1930–1940-х гг., и прежде всего Великой Отечественной войны. Вследствие этих причин половой состав населения характеризуется значительным женским перевесом в целом и особенно в старших возрастных группах, где женщины значительно преобладают над мужчинами. В большинстве больших семейных захоронений кладбища преобладают женщины и во многих из них мужчины полностью отсутствуют. Возрастные характеристики похороненных соответствуют показателям средней продолжительности жизни в определенные временные отрезки довоенного, военного и послевоенного времени. В тройку основных причин смерти похороненных на этом кладбище входят заболевания системы кровообращения, злокачественные новообразования и несчастные случаи. Среди неестественных причин смерти преобладают алкогольные отравления, убийства и самоубийства. По числу умерших в результате самоубийства, которых насчитывается несколько десятков, Центральное кладбище Сыктывкара является своеобразным лидером среди остальных городских кладбищ.

Решающую роль в формировании демографического потенциала Сыктывкара в советский период сыграли интенсивные миграционные процессы, вызвавшие кардинальные изменения в численности и структуре его населения. Вследствие этого одной из характерных особенностей состава похороненных на Центральном кладбище Сыктывкара является высокая доля родившихся за его пределами. В 1930–1950-е гг. Сыктывкар стал местом притяжения значительных миграционных потоков, в составе которых первоначально преобладали репрессированные и насильственно переселенные, а в 1960–1980-е гг. – приехавшие сюда на работу добровольно или по целевому распределению. В общем потоке принудительно переселенных в города и сельские районы Коми АССР, а затем переехавших в Сыктывкар и оставшихся в нем до самой кончины выделяются трудпоселенцы («кулацкая ссылка»), состоявшие в основном из раскулаченного крестьянства центральных и южных регионов страны, и спецпоселенцы, в числе которых были обвиненные в сотрудничестве с немецкими оккупантами «власовцы», оуновцы, «лесные братья» и «полицаи», а также подвергшиеся репрессиям и депортации представители ряда народов СССР, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии, Польши, Прибалтики и других территорий, вошедших в состав СССР в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа и по итогам решений Ялтинской и Потсдамской конференций. Среди пострадавших от репрессий государства по национальному признаку самыми многочисленными стали немцы, насильственно переселенные в регион в качестве так называемых трудармейцев в результате ликвидации Немцев-Поволжья АССР и мест компактного проживания в южных районах Украинской ССР и Крымской области РСФСР.

В годы войны в Сыктывкар были эвакуированы ученые Кольской и Северной баз АН СССР, Института мерзлото-

ведения АН СССР, геологи Северного государственного геологического управления и ряда городов европейской части страны, а также преподаватели и студенты старших курсов Карело-Финского государственного университета. Часть из них после эвакуации осталась жить и работать в Сыктывкаре. В 1943 г. в Сыктывкар прибыли десятки взрослых и детей из блокадного Ленинграда. Многие из них погибли от голода и истощения и были похоронены на сыктывкарском кладбище. К настоящему времени подавляющее большинство захоронений 1940-х гг., особенно военного времени, не сохранилось, а имена похороненных навсегда утеряны.

После смерти И. В. Сталина в Сыктывкар стали массово перебираться из других городов и районов республики освобожденные из мест заключения и направленные отбывать ссылку, которым были закрыты пути для отъезда в Москву и другие большие города страны. В эти годы Сыктывкар стал последним прибежищем для репрессированных врачей, ученых, преподавателей, артистов, художников и архитекторов. Для многих вынужденных переселенцев, испытавших на себе репрессии со стороны государства, провинциальный Сыктывкар показался тихой гаванью, где большинство из них со временем встретили свою смерть. На главном сыктывкарском погосте нашли свой последний приют уроженцы практически всех регионов Российской империи и бывшего СССР, а также родившиеся в Австро-Венгрии и Османской империи, Болгарии, Венгрии, Германии, Польше, Румынии, Сербии, Турции, Финляндии, Франции и Чехии, а также в Иране, Китае, Корее, Монголии и Японии. Многие из них оказались в Сыктывкаре после поражения в правах как члены семей раскулаченных и репрессированных.

В послевоенный период жителями Сыктывкара стали строители, рабочие и специалисты Сыктывкарского ЛПК и других предприятий и организаций города, которые испытывали дефицит в подготовленных кадрах. Сыктывкар стал второй родиной для многочисленных высококвалифицированных специалистов, которые получили сюда направление по распределению и остались здесь навсегда. При этом в Сыктывкар часто переезжали получившие повышение по работе местные советские и партийные деятели, а также вышедшие на заслуженный отдых жители северных городов и районов республики.

Одним из результатов миграционного притока населения в Сыктывкар в 1930–1980-е гг. явилась коренная трансформация этнического состава населения, выразившаяся в ее превращении из практически моноэтнической АО Коми (Зырян) с преобладанием титульной национальности в многонациональную Республику Коми, с доминированием русских на фоне снижения доли титульной национальности региона. Вследствие интенсивной миграции в послевоенный период советского времени в национальном составе похороненных на Центральном кладбище города представлены десятки национальностей России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Подавляющее большинство из них относится к индоевропейской семье, в составе которой преобладают народы восточнославянской группы

(русские, украинцы и белорусы). В небольшом количестве представлены славяне дальнего зарубежья западнославянской (поляки, сербы, словаки, чехи) и южнославянской (болгары) подгрупп. Среди представителей других языковых групп и подгрупп индоевропейской семьи выделяются народы западно-германской подгруппы (немцы, европейские евреи) германской группы, балтийской группы (латыши, литовцы), армянской группы (армяне), северо-восточной подгруппы (осетины) иранской группы, восточно-романской (молдаване, румыны) и западно-романской (французы) подгрупп романской группы. Второй по распространенности среди языковых семей является уральская семья. В ее составе выделяются представители пермской (коми, коми-пермяки, удмурты) и волжско-финской (марийцы, мордва), прибалтийско-финской (эстонцы) и угорской (венгры) подгрупп финно-угорской группы. На третьем месте находятся народы алтайской языковой семьи, представленные карлукской (узбеки), кыпчакской (башкиры, татары), огузской (азербайджанцы, караимы) и булгарской (чуваши) подгруппами тюркской группы, монгольской (буряты, калмыки, халха-монголы) и корейской (корейцы) групп. Самыми малочисленными национальностями среди похороненных на Центральном кладбище Сыктывкара являются азербайджанцы, армяне, ассирийцы, грузины, грузинские евреи, молдаване, узбеки, а также калмыки, китайцы, корейцы, крымчаки, сербы, французы и чехи, представленные в количестве от одного до пяти человек.

Этническая структура похороненных во многом соответствует этнической структуре населения г. Сыктывкар последних десятилетий советского и постсоветского периодов. По нашим оценкам, примерно две трети похороненных являются русскими и около четверти – коми, за ними следуют украинцы, немцы, белорусы и татары, на долю которых в совокупности приходится около 5 %, как и на представителей всех остальных национальностей.

Центральное кладбище Сыктывкара является межконфессиональным некрополем, на котором соседствуют захоронения приверженцев практически всех мировых и местных религий. На подавляющем большинстве могил установлены православные кресты или надгробные памятники с изображением символов православия, указывающие на внешние признаки принадлежности к ведущей конфессии населения России. В меньшей степени представлены религиозные символы других христианских конфессий и течений: старообрядчества, католицизма и протестантизма. Сравнительно небольшое количество захоронений отмечено религиозными символами ислама и иудаизма.

Среди похороненных на Центральном кладбище Сыктывкара встречаются носители подавляющего большинство фамилий, которые имеют граждане нашей страны и ближнего зарубежья. Если первоначально фамилия как наследственное родовое имя отражала образ жизни, профессию и этническую принадлежность человека, то в настоящее время она во многом потеряла свое идентифицирующее значение. Гораздо больше информации

о современном человеке дает имя, по которому зачастую можно догадаться о предполагаемой национальности его носителя.

Среди похороненных на главном городском некрополе представлено большое разнообразие мужских и женских имен, многие из которых давно вышли из употребления и стали важными характеристиками своего времени. Наибольшее разнообразие мужских и женских имен встречается среди родившихся в дореволюционный период, когда многие православные получали свои имена в соответствии с именами святых по датам церковных календарей. Наряду с этим в качестве имен широко использовались мифологические персонажи, божества и существа. Среди похороненных на Центральном кладбище можно встретить людей с именами Аврора, Аида, Аполлон, Ариадна, Венера, Гелий, Гелиос, Гера, Дионис, Дия, Леда, Лира, Марс, Прометей, Саломея, Суламифь, Фея, Эрика, Эрос.

Советское время подарило моду на новые имена. Среди родившихся в советский период на Центральном кладбище можно встретить нареченных именами советского происхождения. Данью советскому времени стали такие мужские имена, как Владилен, Владлент, Ким, Ленгвард, Май, Марксист, Рем, Северьян, и женские – Агита, Владлена, Гертруда (Героиня труда), Донара, Заря, Ленина, Люция, Майя, Мая, Мира, Нинель, Октябрина, Советия, Социалина, Сталина. Некоторые носители широко распространенных коми фамилий стали широко использовать иностранные имена, чтобы как-то отличаться от своих многочисленных однофамильцев. Самыми популярными иностранными именами среди коми мужчин стали Альберт, Артур, Вальтер, Генрих, Жан, Жорж, Леон, Леонард, Отто, Роберт, Рольф, Рудольф, Томас, Феликс, среди коми женщин – Аида, Анжелика, Диана, Ева, Ида, Илона, Луиза, Элеонора, Элида, Эльвира, Эльмира, Эмма. Некоторые амбициозные родители наделяли своих чад именами и фамилиями известных людей, пытаясь приобщиться к чужой славе. На кладбище встречаются люди с громкими именами Горащий, Наполеон, Спартак, Цезарь и Эдиссон. При этом некоторые со своего рождения назначались Гениями.

Мода на имена постоянно меняется. Самыми популярными именами у родившихся в последние десятилетия XIX в. и первые десятилетия XX в. женщин были Мария, Анна, Екатерина и Александра, а у мужчин – Иван, Николай, Александр и Михаил. В первые десятилетия Советской власти были наиболее распространены женские имена – Валентина, Нина, Галина, и мужские – Владимир, Виктор и Юрий. В 1950-е гг. стали популярны Елены, Татьяны, Натальи, Александры, Серге и Владимиров, в 1960–1970-е гг. – Елены, Натальи, Ольги и Александры, Серге и Алексеи, в 1980–1990-е гг. – Анастасии, Марии, Анны, Александры, Максими, Иваны и Никиты, в первые десятилетия XXI в. – Марии, Софьи, Дарьи, Анастасии, Александры, Артемы и Максими. Определенную моду на имена вводили известные политические деятели и герои. Так, в честь В. И. Ленина детей называли Владилен (Владлен), Ленина и Нинель, в честь И. В. Сталина – Сталина, в честь Карла Маркса – Маркс и Марксист, в честь

Фридриха Энгельса – Энгельс, в честь легендарного советского летчика Чкалова – Валериями, в честь первого в мире космонавта Гагарина – Юриями, в честь первой женщины-космонавта Терешковой – Валентинами.

Ниже приведены мужские и женские имена, которые хотя бы один раз встречаются среди захороненных на Центральном кладбище Сыктывкара.

Мужские имена

Абдула, Абдульвап, Абрам, Абузер, Август, Авдий, Авенир, Аверьян, Авив, Аврам, Агапит, Агей, Агиляр, Агу, Адальберт, Адик, Адольф, Азарит, Айзик, Аким, Акиндин, Акоп, Александр, Алексей, Ализисус, Алик, Алимпий, Алмаз, Алфей, Альберт, Альбертас, Альбин, Альфонс (Альфонц), Альфред, Амбросий, Амерхан, Амурий, Ананий, Анастас, Анатолий, Андрей, Андриан, Андриян, Андроник, Аникей, Анисим, Антип, Антон, Антоний, Антонин, Ануфрий, Аполлон, Арвид, Ардалион (Ардальон), Арий, Аристарх, Аркадий, Арон, Арсений, Арсентий, Артемий, Артур, Архип, Асаф, Афанасий, Африкан, Ахмед, Бахтиержан, Бенгард, Бернард, Билал, Благой, Богдан, Болеслав, Борис, Бронис, Бронислав, Будибор, Будимир, Вадим, Валентин, Валериан, Валерий, Вальтер, Варлам, Варсанофий, Варфоломей, Василий, Вафа, Вацлав, Веберт, Венделин, Венедикт, Вениамин, Видарс, Викентий, Виктор, Викторин, Вильгельм, Вильям, Винокентий, Виссарион, Виталий, Владас, Владес, Владилен, Владлен, Владлент, Владимир, Владислав, Вовик, Вокан, Вольдемар, Всеволод, Вячеслав, Габдулла, Гаврил, Гаврила, Гавриил, Гай, Гариф, Гарифулла, Гарри, Гейза, Гелий, Гелимхан, Гелиос, Геллер, Гельмут, Гений, Геннадий, Генрих, Георгий, Геральд, Герасим, Герберт, Герман, Гермоген, Глеб, Гораций, Готфрит, Григорий, Гуго, Гурий, Густав, Давид (Давыд), Давлет, Данатус, Данил, Джабар, Джабир, Джавашхан, Дженнарро, Демид, Демьян, Денис, Диограв, Диомид, Дмитрий, Донат, Евгений, Евграф, Евлампий, Евлогий, Евстахий, Евтихий, Егор (Егорий), Емельян, Еремей, Ефим, Ехиель, Ехин, Жан, Жорж, Зайнула, Замуэль, Зеликас, Зигмунд, Зиновий, Зинов, Зосим (Зосима), Иван, Игнат, Игорь, Изосим, Израиль, Илгиз, Илларион, Ильфат, Илья, Имран, Иннокентий, Иов, Иоган, Ион (Иона), Иосаф, Иосиф (Иосип), Ипполит, Иринарх, Ириней, Исаак, Исидор, Иустин, Ишан, Йовчо, Казимир, Каллистрат, Каныш, Карл, Касьян, Керим, Ким, Киндей, Кирик, Кирилл, Клавдий, Кладимир, Клеоник, Клим, Конон, Кондратий, Константин, Корнил, Кристиан, Ксенофонт, Кузьма, Лавр, Лаврентий, Лазарь, Лев, Леон, Леонард, Леонид, Леонтий, Леопольд, Леофим, Лиандр, Ливерий, Лонгин, Лознгрин, Лука, Лукоян, Любомир, Людвиг, Май, Макей, Максим, Марат, Маркс, Марксист, Марс, Мартын, Марьян, Матвей, Мефодий, Микола, Миколас, Мингали, Миргабизян, Мирон, Мирослав, Мисаил, Михаил, Михей, Модест, Моисей, Мотель, Мубариз, Мустафа, Мушег, Назар, Наполеон, Нариман, Наум, Нестер, Никандр, Никита, Никифор, Николай, Никон, Никонор, Норбертас, Норий, Нугзар, Озия, Озя, Ойген, Олег, Осип, Оскар, Отто, Павел, Паисий, Пантелеймон, Параф, Порфирий, Петрас, Питирим, Пиус, Пётр, Полиевкт, Порфирий, Пранас, Прокопий, Прометей, Радик, Радислав, Рафаил, Рафаиль, Рафаэль, Рафкат, Ревир, Реджиональд,

Рейнгольд (Райнгольд), Рем, Ремодий, Ренальд, Реомид, Рим, Ринальд, Ринат, Рихард, Роальд, Роберт, Рольф, Роман, Ромен, Ромуальд, Ростислав, Рубен, Рубин, Рудислав, Рудольф, Руслан, Рустам, Рустик, Руфим, Рышард, Рюрик, Савва, Савватий, Савелий, Саид, Салих, Самсон, Сафон, Севастьян, Северьян, Селиверст, Семён, Серапион, Серафим, Сергей, Сивирян, Сигизмунд, Созон, Созонт, Соломон, Софрон, Спартак, Спиридон, Станислав, Степан, Стефан, Стоян, Сурен, Тадеуш, Тадий, Теодор, Терентий, Тимерхан, Тимофей, Тит, Тихон, Товий, Том, Томас, Трофим, Устин, Фадей, Фазик, Фалалей, Фантин, Фарель, Федот, Феликс, Феодосий, Феоктист, Феофан, Фердинанд, Фёдор, Филимон, Филипп, Флют, Фома, Фотей, Франц, Фрид, Фридрих, Хайдар, Хаким, Харис, Харитон, Харлампий, Христиан, Христо, Христофор, Чжо, Шевель, Шарифулла, Шарли, Цветан, Цезарь, Эвальд, Эгон, Эдвардас, Эдвин, Эдгар, Эдгарт, Эдикс, Эдиссон, Эдмунд, Эдуард, Эмиль, Эмир, Энгельс, Энсио, Эраст, Эрвин, Эргарт, Эрдни, Эрнест (Эрнст), Эрос, Юлиан, Юлий, Юлиус, Юрий, Юсиф, Юстин, Юстинас, Юхим, Якоб, Яков, Якуб, Ямлик, Ян, Янис, Ярослав.

Женские имена

Ава, Августа, Августина, Аврора, Агапия, Агата, Агафья, Агита, Аглаида, Агнесса, Агнетта, Агния, Аграфена, Агриппина, Адя, Аделаида, Аделина, Адольфина, Адэлия, Аза, Аида, Аксиния, Акилина, Аксиния, Акулина, Алевтина, Александра, Алёна, Алигейда, Алида, Алина, Алиса, Алия, Алла, Альбина, Альвина, Альмира, Альфия, Амалия, Амина, Анастасия, Анганах, Ангелина, Анжелика, Анделина, Ани-маиса, Анна, Антонида, Антонина, Анфиса, Анфисия, Анфия, Аполина, Апполинурия, Ариадна, Арифидида, Асия, Ася, Астра, Аунэ, Афанасия, Афания, Афимья, Барбета, Беата, Бейла, Белла, Берта, Богдана, Богдания, Болеслава, Бронислава, Валентина, Валерия, Вальбурга, Ванда, Варвара, Василина, Василиса, Васса, Вацлава, Велия, Венера, Вера, Вероника, Византия, Виктория, Владилена, Владислава, Влина, Воля, Гаина, Галина, Галиндуха, Гамас, Ганна, Гаяния, Генриэтта, Гера, Герта, Гертальия, Гертония, Гертруда, Гета, Гильда, Гимма, Глафира, Гликерия, Градислава, Гражина, Гремма, Дарья, Джоанна, Джульетта, Диана, Дильруба, Дина, Дия, Долорес, Доменика, Домна, Домникия, Донара, Дора, Дрия, Ева, Евалия, Евгения, Евдокия, Евлалия, Евлампия, Евникия, Евпраксия, Евстолия, Екатерина, Елена, Елизавета, Еликонида, Ефимия, Ефросинья, Жанна, Жаннета, Зайтуна, Зайтура, Зарема, Заря, Зелида, Земфира, Зинаида, Злата, Золя, Зоя, Зюльма, Ида, Изабелла, Изольда, Илларию, Илона, Ильвина, Илона, Инга, Инель, Инесса, Инна, Иосифина, Июлия, Ира, Ираида, Ирина, Ирма, Ирья, Итта, Июльа, Ия, Калерия, Калиса, Калисфения, Капитолина, Каплисфения, Каролина, Кето, Киония, Кира, Клавдия, Клара, Клеопатра, Корделия, Крестина, Кристина, Ксения, Лариса, Леа, Леда, Лена, Ленина, Леокадия, Леонида, Леонора, Леонтина, Лидия, Лилия, Лина, Лира, Лия, Лора, Лори, Луиза, Лукерья, Лукия, Любовь, Любомира, Людмила, Леонора, Лоретта, Люция, Мавра, Магдалена, Магдалина, Маина, Маиса, Майя, Мая, Маланья (Меланья), Манепа, Манефа, Маргарет, Маргарита, Марзия, Мариам, Марианна, Маримьяна, Марина, Марионелла, Ма-

рионила, Мариэтта, Мария, Марпида, Марта, Марфа, Марфида, Марьяна, Масгуда, Матридия, Матзия, Матильда, Матрёна, Махуб, Милентина, Мелина, Мила, Милина, Милитина, Милица, Мильгельмина, Мильда, Миля, Минниса, Мира, Миропия, Мирослава, Миссура, Моиса, Муза, Надежда, Найма, Наталия, Нелли, Нэлла, Ненила, Неонила, Нина, Нинель, Нионила, Нирса, Ния, Нонна, Нэлла (Нэлли), Оксана, Октябрина, Олимпиада, Ольга, Ореста, Оски, Оттилия, Павла, Павлина, Палера, Пальмира, Параска, Паулина, Пелагея, Петруня, Пияна, Платонида, Полина, Парасковья, Прасковья, Разия, Раиля, Раиса, Расима, Расма, Реввека, Регина, Ригина, Рена, Рея, Рида, Римма, Рита, Роза, Розалия, Розина, Росма, Руфима, Руфина (Руфинна), Сагида, Сания, Сарбизиган, Сарбинур, Сарра, Светлана, Секлетия, Сельма, Серафима, Сильва, Сима, Сирина, Советия, Соломея, Соломонида, Соломония, Софья, Социалина, Сталина, Стела (Стелла), Степанида, Стефания, Суламифь, Сусанна, Тазкира, Таисия, Тамара, Татьяна, Текуса, Тойни, Трафина, Трофима, Уления, Улита, Ульяна, Ульяния, Устинья, Фаина, Фаниса, Фатъма, Федора, Федосья, Феклиста, Фелиса, Фелицата (Филицата), Федосия, Феодосия (Феодосья), Фектиста, Феофания, Фея, Фёкла, Филомена, Фира, Фотина, Франциска, Фрида, Халимия, Ханна (Хана), Хариеса, Харитина, Харифина, Хая, Хелен, Хельми, Христина, Цемира, Шафра, Шаривзядя, Шарлотта, Эвелина, Эдит, Эдита, Элеонора, Элида, Элидия, Элизабета, Эльвина, Эльвира, Эльза, Эльзбета, Эльмира, Эльфрида, Эмилия, Эмма, Энельгина, Энзас, Эрика, Эрна, Эрта, Эстер, Эфа, Юзефа, Юлина, Юлитта, Юлия, Юстина, Ядвига, Яна, Янина, Ярослава.

Помимо широко распространенных традиционных русских имен на кладбище представлены носители типичных татарских и башкирских (Амерхан, Асия, Билал, Габдулла, Гарифулла, Гелимхан, Давлет, Зайнула, Зайтуна, Илгиз, Ильфат, Каныш, Марзия, Марат, Масгуда, Махуб, Миргабизян, Параф, Ринат, Салих, Сания, Сарбизиган, Тимерхан, Фаниса, Фатъма, Флют, Хайдар, Хаким, Халимия, Харис, Шарифулла, Энзас), украинских (Богдан, Богдания, Василь, Ганна, Микола, Оксана, Параска, Тарас, Юхим), еврейских (Абрам, Арон, Бейла, Белла, Берта, Бронислава, Давид, Дора, Ехиль, Замуэль, Зеликас, Зусман, Израиль, Исаак, Лазарь, Моисей, Мотель, Озя, Пая, Рафаил, Реввека, Розалия, Самуил, Сарра, Сима, Соломон, Соломита, Фира, Хана, Хая, Шафра, Шевель, Эмиль, Эстер), немецких (Агнесса, Агнетта, Адальберт, Адольф, Альфред, Амалия, Барбета, Беата, Вильгельм, Гельмут, Генрих, Герберт, Гильда, Готлиб, Гуго, Густав, Ева, Иоган, Карл, Людвиг, Магдалена, Ойген, Оскар, Отто, Паулина, Райнгольд, Рихард, Фердинанд, Франц, Фридрих, Христиан, Шарлотта, Эвальд, Эдгарт, Эдита, Эльза, Эмма, Эрих, Эрнст, Якуб), болгарских (Благой, Йовчо, Стоян, Христо, Цветан), литовских (Альбертас, Бронис, Владас, Гражина, Данатус, Миколас, Норбертас, Петрас, Пранас, Эдвардас, Юстинас), польских (Болеслав, Вацлав, Казимир, Рышард, Сигизмунд, Станислав, Тадеуш, Ядвига), армянских (Ашот, Мушег, Оски, Рубен, Сурен), калмыцких (Эрдни), караимских (Ангана), грузинских (Кето, Нугзар), азербайджанских (Акиф, Алик,

Джабар, Джабир, Имран, Мамед, Мубариз, Юсиф), а также характерных мусульманских (Али, Алия, Альфия, Амина, Ахмед, Гасан, Гульнара, Джаваххан, Зарема, Ислам, Керим, Мамед, Мустафа, Нариман, Раиля, Рустам, Саид, Раиля, Таскира, Эмир) имен.

В ходе поисковых и исследовательских работ на Центральном кладбище Сыктывкара особое внимание было уделено выявлению долгожителей. Официальная статистика относит к числу долгожителей людей в возрасте 90 лет и старше. Исследование феномена долгожительства позволяет выявить причины и факторы, оказывающие влияние на увеличение показателя средней продолжительности жизни с учетом влияния на нее условий жизни [2].

Наличие в северном городе, каким является Сыктывкар, в довольно большом количестве долгожителей по-своему удивительно в связи с тем, что северяне, независимо от национальности, стареют быстрее и живут меньше, чем жители комфортных для проживания центральных, северо-западных и южных регионов страны с более мягким климатом. К этому еще нужно добавить, что долгожители зачастую прожили тяжелую жизнь, испытывая на себе последствия революций, Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, и восстановительных периодов, индустриализации и коллективизации, репрессий и ссылок.

По нашим оценкам, по состоянию на 1 марта 2024 г. на Центральном кладбище Сыктывкара насчитывалось 866 долгожителей в возрасте старше 90 лет, что составило 2,6 % от официальной численности захороненных на этом кладбище. Однако было бы несправедливым не учесть тех, кто умер на 90-м году жизни, немного не дотянув до условного рубежа долгожительства. Таковых оказалось 190 чел. С их учетом общее число условных долгожителей составило 1056 чел., из них 883 женщины и 173 мужчины. С годами число долгожителей закономерно уменьшается. Умерших на 90-м году жизни в 13,6 раз больше тех, кто скончался на 100-м году жизни. Подавляющее большинство среди долгожителей составляют женщины, на долю которых приходится 83,6 % от общего числа долгожителей, включая умерших на 90-м году жизни. Женский перевес среди умерших на 90-м году жизни составил 77,4 %, а среди умерших в возрасте от 90 до 99 лет – 84,6 % (табл. 1).

Особое место среди долгожителей занимают преобладавшие вековой рубеж. Эту возрастную планку превысил 21 чел., из которых шесть человек (28,6 %) умерли в возрасте 100 лет, пятеро (23,8) – 101-го года, четверо (19,0) – 102-х лет, пятеро (23,8) – 103-х лет и один человек (4,8 %) – в возрасте 104-х лет. Единственный долгожитель, умерший на 105-м году жизни – Анна Александровна Павлова (03.12.1889–18.08.1994). В половой структуре долгожителей в возрасте старше 100 лет подавляющее большинство составляют женщины, на долю которых приходится 90,5 % от общего числа долгожителей этой группы, иными словами, на одного мужчину старше 100 лет приходится девять женщин соответствующего возраста. При этом

мужчины отсутствуют среди преодолевших вековой рубеж в возрасте 100, 101 и 104 лет, а в возрасте 102 и 103 лет представлены только по одному мужчине.

Среди выявленных долгожителей 73,1 % составляют родившиеся в первой трети XX в., в то время как появившиеся на свет во второй половине XIX в. – 26,9 %. В разрезе десятилетий преобладают родившиеся в 1921–1930 гг., на долю которых приходится 33,6 % от общего числа долгожителей, а вместе с родившимися в 1910–е гг. (18,7 %) их доля составляет 52,3 %. В разрезе пятилетий наибольший удельный вес в структуре долгожителей имеют родившиеся в первой половине 1920–х гг. (17,3 %), за которыми следуют родившиеся во второй половине 1920–гг. (16,3 %). Несколько иную картину с временным сдвигом на 10 лет дает распределение по годам рождения долгожителей старше 100 лет. Почти три четверти (73,1 %) из их числа появилось на свет в первой трети XX в. В разрезе десятилетий здесь преобладают родившиеся в 1910–е гг. (47,6 %), а в разрезе пятилетий в равной доле (по 23,8 %) представлены родившиеся в 1911–1915 гг. и в 1916–1920 гг. (табл. 2).

Интересным представляется распределение долгожителей по полугодиям, временам года и месяцам, когда они появились на свет и ушли из жизни. Большинство долгожителей родилось во второй половине года (54,7 %) и осенью (28,6 %). Примерно равные показатели по удельному весу в общей численности родившихся долгожителей имеют появившиеся на свет в августе (10,5 %), сентябре (10,1) и октябре (9,9 %). В свою очередь, меньше всего долгожителей выявлено среди родившихся в первом полугодии (45,3 %), летом (21) и весной (23,3), в июне (4,5), июле (6) и апреле (6,4 %). Практически равное число умерших долгожителей приходится на первое (50,4 %) и второе (49,6 %) полугодия. При этом большинство долгожителей ушло из жизни зимой (27,2 %), а лидером по числу и удельному весу умерших долгожителей в месячном разрезе является январь (11,1 %) (табл. 3).

Две трети (66,6 %) долгожителей старше 100 лет появилось на свет в первом полугодии с равной долей родившихся осенью (33,3) и зимой (33,3), в октябре (19) и декабре (19 %). При этом среди переступивших вековой рубеж меньше всего родившихся весной (14,3 %) и отсутствуют родившиеся в мае.

Таблица 1
Число и возрастно-половая структура долгожителей, похороненных на Центральном кладбище Сыктывкара

Table 1
The number and age-gender structure of centenarians buried in the Central Cemetery of Syktyvkar

Возраст умерших, число полных лет	Всего умерших	Из них		Удельный вес, %	
		мужчины	женщины	мужчины	женщины
89 лет	190	43	147	22,6	77,4
90 лет	167	27	140	16,2	83,8
91 год	156	20	136	12,8	87,2
92 года	163	30	133	18,4	81,6
93 года	98	15	83	15,3	84,7
94 года	88	17	71	19,3	80,7
95 лет	63	7	56	11,1	88,9
96 лет	50	8	42	16,3	84
97 лет	29	2	27	6,9	93,1
98 лет	17	1	16	5,9	94,1
99 лет	14	1	13	7,1	92,9
100 лет	6	0	6	0	100
101 год	5	0	5	0	100
102 года	4	1	3	25	75
103 года	5	1	4	20	80
104 года	1	0	1	0	100
Итого	1056	173	883	16,4	83,6

Таблица 2
Распределение долгожителей, похороненных на Центральном кладбище Сыктывкара, по годам рождения

Table 2
Distribution of centenarians buried in the Central Cemetery of Syktyvkar, by year of birth

Годы	Число долгожителей	Удельный вес в общем количестве, %	Годы	Число долгожителей	Удельный вес в общем количестве, %
до 1865	2	0,2	1866–1870	7	0,7
1871–1875	10	0,9	1876–1880	21	2,0
1881–1885	32	3	1886–1890	61	5,8
1891–1895	79	7,5	1896–1900	72	6,8
1901–1905	80	7,6	1906–1910	88	8,3
1911–1915	102	9,7	1916–1920	95	9
1921–1925	183	17,3	1926–1930	172	16,3
1931–1935	52	4,9	Итого	1056	100

Таблица 3
Распределение долгожителей, похороненных на Центральном кладбище Сыктывкара, по месяцам рождения и смерти

Table 3
Distribution of centenarians buried in the Central Cemetery of Syktyvkar, by month of birth and death

Месяцы, времена года	Число родившихся в данном месяце	Удельный вес, %	Число умерших в данном месяце	Удельный вес, %
Зима	285	27	287	27,2
Декабрь	101	9,6	94	8,9
Январь	90	8,5	117	11,1
Февраль	94	8,9	76	7,2
Весна	246	23,3	249	23,6
Март	95	9	91	8,6
Апрель	68	6,4	75	7,1
Май	83	7,9	83	7,9

Лето	222	21	269	25,4
1	2	3	4	5
Июнь	48	4,5	81	7,7
Июль	63	6	85	8
Август	111	10,5	103	9,7
Осень	303	28,7	251	23,8
Сентябрь	107	10,1	75	7,1
Октябрь	104	9,9	95	9
Ноябрь	92	8,7	81	7,7
Итого	1056	100	1056	100

Таблица 4

Распределение долгожителей старше 100 лет по месяцам рождения и смерти

Table 4

Distribution of centenarians over 100 years old by month of birth and death

Месяц	Число родившихся в данном месяце	Удельный вес, %	Число умерших в данном месяце	Удельный вес, %
Зима	6	33,3	7	33,4
Декабрь	4	19	1	4,8
Январь	1	4,8	2	9,5
Февраль	2	9,5	4	19,1
Весна	3	14,3	4	19
Март	2	9,5	-	-
Апрель	1	4,8	2	9,5
Май	-	-	2	9,5
Лето	4	19,1	5	23,8
Июнь	1	4,8	1	4,8
Июль	2	9,5	2	9,5
Август	1	4,8	2	9,5
Осень	7	33,3	5	23,8
Сентябрь	1	4,8	1	4,8
Октябрь	4	19	2	9,5
Ноябрь	2	9,5	2	9,5
Итого	21	100	21	100

Большинство долгожителей старше 100 лет скончалось в первом полугодии (52,4 %), зимой (33,4) и в феврале (19,1 %). Меньше всего умерших среди долгожителей старше 100 лет весной (19 %) и ни одного – в марте (табл. 4).

В подавляющем большинстве родственников захороненных долгожители представлены в единственном числе, что во многом развенчивает устоявшееся мнение о передаче гена долголетия по родственной линии, наличие которого не является гарантией долгой жизни. Примеров кровных родственников, унаследовавших ген долголетия, на Центральном кладбище г. Сыктывкар оказалось крайне мало. В качестве таковых можно назвать сестер С. И. Малафееву (103 года) и Н. И. Туркову (95 лет), мать А. С. Туисову (100 лет) и сына И. И. Туисова (95 лет), мать А. П. Стенину (93 года) и дочь Т. А. Стенину (96 лет), мать А. В. Таранову-Белозёрову (92) и дочь Н. Б. Таранову (91), сестер В. А. Витязеву (91) и А. А. Протопопову (90), сестер А. В. и М. В. Ивановых (90 лет) и (92 года). В то же время встречаются довольно много супружеских пар, которые прожили друг с другом в мире и согласии по 60–70 лет и вместе преодолели 90-летний возрастной рубеж. Своёобразными рекордсменами в этом отношении были су-

пруги Анна (102 года) и Василий (103 года) Ухнали. Среди других семейных пар долгожителей – Людмила Бордзиловская (99 лет) и Алексей Арифметиков (94 года), Вера (98) и Борис (90) Пономарёвы, Нина (97) и Герасим (91) Амосовы, Мария (96) и Пётр (97) Хилько, Мария (96) и Гавриил (92) Гагиевы, Халимья (96) и Гелимхан (91) Саитовы, Нина Таранова (91) и Вячеслав Ширшов (96), Пелагея (91) и Андрей (94) Камендровские, Татьяна (92) и Джабар (91) Амировы, Виктория (91) и Станислав (90) Белевичи, Дина (90 лет) и Виктор (90 лет) Шерстнёвы.

Подавляющее большинство долгожителей были что называется простыми людьми, которые прожили долгую и во многом незаметную жизнь. Среди известных сыктывкарцев своим долгожительством отличились врачи (А. М. Волкова, В. К. Давыдченко, Т. П. Ефимова, Л. А. Кляузова, Д. Г. Крушинский, Э. А. Паркова, Н. Г. Покровская, Е. А. Сигарье, З. В. Суранова, Э. П. Тютюнник), педагоги (И. В. Гамзина, Ф. И. Забоева, Г. Д. Карманова, К. А. Попова, В. А. Протопопова, Э. А. Родева, С. С. Худяева, З. П. Чупрова, Т. С. Шергина), руководители вузов (В. Т. Ветошкин, В. А. Витязе-

ва, А. И. Щанов), преподаватели высшей школы (Т. В. Бахирева, Т. И. Беленкина, М. Е. Иловойская, Т. П. Кобелева, С. Н. Коновалов, М. И. Монозон, Е. В. Мороз, Л. П. Старцева, М. А. Ташлыков, Д. А. Шерстнёва), ученые (Е. С. Болотова, Г. И. Гагиев, Т. А. Стенина, Л. И. Сурина, И. С. Хантимер, А. Н. Цыпанова), деятели театрального искусства (Н. С. Алиева, А. М. Арифметиков, Л. А. Бордзиловская, В. М. Ищенко, Г. П. Сидорова), работники телевидения (О. М. Разманова, В. Н. Шерстнёв), архитектор (В. П. Ширшов), художник В. В. (Кокачёв), государственные, советские и партийные деятели (И. Г. Кокушев, Г. А. Медведев, Д. В. Пеньевский, А. И. Пыстин, Л. С. Шабалин, Г. С. Ярасов), юристы (К. И. Левич, Н. Я. Нечаев, Е. К. Степаненко, Т. И. Чепурнова).

Общение с родственниками долгожителей позволило сделать определенные выводы по поводу причин и факторов долгожительства. Среди основных причин и факторов, обеспечивающих качество жизни и сохранение трудоспособности на долгие годы, были названы физическая активность и физические нагрузки, здоровое питание и снижение потребления сладкого, отсутствие лишнего веса, жизнь по определенному распорядку дня

и качественный сон, отказ от вредных привычек, постоянное развитие и стремление передавать окружающим свои знания и жизненный опыт, забота о родных и близких и поддержка с ними добрых отношений, самообеспечение, желание быть востребованным для окружающих и поддержка позитивных социальных связей, умение быстро выходить из стресса и адаптироваться к реалиям быстро меняющегося мира. В реальной жизни выполнять все эти очевидные факторы обеспечения долгожительства затруднительно, тем более что имеются немало примеров, когда люди, целенаправленно ведущие здоровый образ жизни, умирают гораздо раньше тех, кто не следит за своим здоровьем и злоупотребляют вредными привычками. Отсюда можно сделать вывод, что долгожительство – это во многом необъяснимый феномен и своего рода судьба, на которую оказывают влияние не только соблюдение правил здорового образа жизни, но и в немалой степени стечение разнообразных и порою непредвиденных обстоятельств. При этом для подавляющего большинства долгожителей длинная дорога жизни постепенно превращается в тупик. Как правило, дожившие до глубокой старости подходят к преклонному возрасту с огромным набором болезней и серьезных патологий, слабослышащими и слабовидящими, дряхлыми и обессиленными, не способными к самообслуживанию и полностью зависящими от других. К тому же со временем любого долгожителя ожидает так называемая «социальная смерть». При этом те немногие из числа долгожителей, кто сумел сохранить до глубокой старости ясный ум, хорошую память и физическую активность, начинают испытывать постоянный психологический дискомфорт в связи с потерей смысла жизни и привычного круга общения, смертью большинства родственников и даже своих детей, ровесников и знакомых.

Проведенное исследование захоронений Центрального кладбища г. Сыктывкар показало возможность их использования в качестве важного источника, аккумули-

рующего значительные пласты историко-культурной и этнодемографической информации о городе и республике. Анализ этой информации позволил раскрыть особенности формирования демографического потенциала и этноконфессионального состава населения г. Сыктывкар в советский и постсоветский периоды. Собиравшийся на протяжении нескольких лет и впервые представленный в данной статье обширный материал об именах захороненных был использован для характеристики национального состава похороненных на центральном кладбище г. Сыктывкара и Республики Коми. При этом особый научный интерес представляет комплексное исследование проблемы долгожительства, позволившее выявить причины и факторы долгожительства, общее число и распределение долгожителей по годам рождения и смерти, а также динамику изменения их возрастной и половой структуры.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Обедков, А. П. Главный некрополь Сыктывкара и Республики Коми: люди и судьбы / А. П. Обедков. – Сыктывкар : ООО «Центр оперативной полиграфии», 2021. – 239 с.
2. Народнонаселение. Энциклопедический словарь / главный редактор Г. Г. Меликьян. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1994. – С. 131.

Referenses

1. Obedkov, A. P. Glavnyi necropol Syktyvkara i Respubliki Komi: lyudi i sudby [The main necropolis of Syktyvkar and the Komi Republic: people and destinies] / A. P. Obedkov. – Syktyvkar: LLC «The center of operational printing», 2021. – 239 p.
2. Narodonaselenie. Encyclopeditscheskii slovar [Population. Encyclopedic Dictionary] / Ch. Ed. G. G. Melikyan]. – Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1994. – P. 131.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России» № 122040800166-0.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic « Transformations of society, government and economy in the regions of the European North of Russia» № 122040800166-0.

Информация об авторе:

Обедков Анатолий Павлович – кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0001-8785-0881 (167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail, ObedkovAP@gmail.com).

Author:

Anatoly P. Obedkov – Cand. Sci. (Geography), docent, Senior Researcher of the Department of Historical-Demographic and Historical-Geographical Studies of the Russian North, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; ORCID: 0000-0001-8785-0881 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation).

Для цитирования:

Обедков, А. П. Исследование захоронений некрополя как источник этнодемографической информации (на примере Центрального городского кладбища Сыктывкара) / А. П. Обедков // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 89–98.

For citation:

Obedkov, A. P. Research of necropolis burials as a source of ethnodemographic information (case study of the central cemetery of Syktyvkar) / A. P. Obedkov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2024. – No. 2(68). – P. 89–98.

Дата поступления рукописи: 04.03.2024

Прошла рецензирование: 07.03.2024

Принято решение о публикации: 14.03.2024

Received: 04.03.2024

Reviewed: 07.03.2024

Accepted: 14.03.2024

Русское население Абхазии: геодемографические процессы постсоветского периода

С. Я. Суший

Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону
ss7707@mail.ru

Аннотация

В статье автор исследует основные тенденции количественной, пространственной, расселенческой динамики русского населения Абхазии в 1990-е–2020-х гг. Сделан вывод, что период резкой геодемографической трансформации местной русской общины пришелся на время вооруженного грузино-абхазского конфликта (1992–1993), в течение которого русское население республики сократилось в несколько раз. Послевоенные годы (середина–вторая половина 1990-х гг.) были связаны с частичным восстановлением численности и географии русских в пределах Абхазии. С начала XXI в. в количественной и пространственной динамике местной русской общины начинается период, который можно условно обозначить как геодемографическое «плато» – численность русских стабилизируется на уровне 21–23 тыс. чел. Устойчивой с этого времени остается и система их расселения, тяготеющая к приморской зоне республики. Демографическими эпицентрами этой системы являются Сухуми и Гагрский район, на которые приходится порядка 70 % русского населения Абхазии. Его геодемографическая устойчивость объясняется системной русоцентричностью абхазского общества, облегченным характером перемещения населения между двумя странами, определенной социально-экономической стабильностью Абхазии. Самостоятельное значение имел туристско-рекреационный фактор – круглогодичное присутствие в республике большого числа российских туристов, а также россиян – собственников жилья и трудовых мигрантов. В сумме эти группы количественно превосходили местное население (во многих поселениях – многократно), в заметной степени определяя особенности социальной жизни всего республиканского общества и непрерывно демографически «подпитывая» местную русскую общину. Это позволило последней за 2000–2023 гг. увеличить свою долю в структуре русского населения всего Южного Кавказа с 9,4 до 15–16 %. К середине XXI в. данный показатель может подняться до 27–33 %.

Ключевые слова:

русская община Абхазии, демографическая динамика, система расселения, естественное воспроизводство, миграционные процессы, туристический поток

Russian population of Abkhazia: geodemographic processes of the post-Soviet period

S. Ya. Sushchy

Federal Research Centre Southern Science Centre, RAS,
Rostov-on-Don
ss7707@mail.ru

Abstract

The author considers the main trends in the quantitative, spatial, settlement dynamics of the Russian population of Abkhazia in the 1990s and early 2020s. It is concluded that the period of sharp geodemographic transformation of the local Russian community occurred during the armed Georgian-Abkhazian conflict (1992–1993), during which the Russian population of the republic decreased several times. The post-war years (mid-second half of the 1990s) were associated with a partial restoration of the number and geography of the Russians within Abkhazia. Since the beginning of the XXI century, in the quantitative and spatial dynamics of the local Russian community, a period begins that can be conditionally designated as a geodemographic “plateau” – the number of the Russians stabilizes at the level of 21–23 thousand people. Since that time, the system of their settlement which tends to the coastal zone of the republic, has remained stable. The demographic epicenters of this system are Sukhumi and Gagra region, which account for about 70% of the Russian population of Abkhazia. Its geodemographic stability is explained by the systemic Russia-centricity of the Abkhazian society, the facilitated nature of population movement between the two countries, and the certain socio-economic stability of Abkhazia. The tourist and recreational factor was of independent importance – the year-round presence in the republic of a large number of Russian tourists, as well as Russian homeowners and labor migrants. In total, these groups outnumbered the local population (many times in many settlements), significantly determining the peculiarities of the social life of the republican society and continuously demographically “feeding” the local Russian community. This allowed the latter to increase its share in the structure of the Russian population of the entire South Caucasus from 9.4% to 15–16% in 2000–2023. By the mid-XXI century, this indicator can rise to 27–33%.

Keywords:

Russian community of Abkhazia, demographic dynamics, settlement system, natural reproduction, migration processes, tourist flow

Постсоветский период был связан со значительными изменениями системы расселения русских в пределах бывших союзных республик СССР, оформившихся в качестве ближнего зарубежья Российской Федерации. При этом, динамика русского населения в каждом из постсоветских государств при наличии ряда общих тенденций отличалась своей серьезной спецификой, обусловленной суммой политических, этнокультурных и социально-экономических факторов.

Этнодемографическая динамика населения постсоветской Абхазии привлекала внимание специалистов многих отраслей общественнознания (социологов, демографов, этноконфликтологов, социальных географов) с середины 1990-х гг. Данный интерес в значительной степени объяснялся желанием зафиксировать векторы и масштабы трансформации национальной структуры местного населения, обусловленные вооруженным конфликтом, вспыхнувшим на территории республики в начале 1990-х гг. Выделим академическое издание, посвященное истории и современности абхазского народа, в том числе и этнодемографическим процессам в пределах системы его расселения [1], работы Н. В. Багапша [2, 3], Н. А. Дубовой и А. Н. Ямскова [4–6], И. В. Мукомеля [7], Л. Соловьевой [8], С. Я. Сущего [9, 10], А. Ш. Хашбы [11].

Однако в аналитическом фокусе большинства указанных работ находилась динамика титульного и грузинского населения как двух основных национальных сообществ Абхазии. Геодемографические и миграционные процессы, связанные с местной русской общиной, оставались на периферии исследовательской повестки. Между тем изучение количественной, пространственной, расселенческой динамики русского населения Абхазии представляет не только самостоятельный научный интерес, но в сочетании со сравнительным анализом русской общины постсоветской Грузии позволяет оценить влияние суммы политических и социально-экономических факторов на демографические и миграционные процессы, протекавшие в различных территориальных группах русских современного Южного Кавказа.

В качестве информационной базы геодемографического анализа русской общины Абхазии могут быть использованы результаты последней советской переписи 1989 г., двух постсоветских переписей населения республики (2003 и 2011 гг.) [12, 13], а также текущего демографического учета, отраженного в республиканских статистических сборниках [14]. При этом должны быть учтены замечания, сделанные специалистами, оценивавшими возможные погрешности постсоветских переписей Абхазии, обусловленные разными факторами, в том числе этнополитической «целесообразностью» [4; 10].

Результаты и их обсуждение

Русские являются одной из старожильческих групп местного населения, первые стадии формирования которой пришлось на середину XIX в. В конце XIX в. в территориальных пределах современной Абхазии проживало 5,1 тыс. русских. Заметно ускорился демографический

рост русской общины в первые десятилетия советского периода – за 1926–1939 гг. она выросла почти в пять раз (с 12,6 до 60,2 тыс. чел.). Максимального размера община достигла на рубеже 1970-х гг. (по переписи 1970 г. в республике проживало 92,9 тыс. русских, составлявших 19,1 % ее населения).

Последние советские десятилетия были уже связаны с новым, «нисходящим» трендом демографической динамики русского населения Абхазии, на тот момент автономной республики в составе Грузинской ССР. К 1979 г. его численность сократилась до 79,7 тыс. чел. Учитывая существовавший в русской общине среднегодовой естественный прирост (5–6 ‰), Абхазию в данное десятилетие покинуло порядка 19–20 % русских, интенсивный миграционный отток которых из автономии, таким образом, начался задолго до обострения межнациональных отношений в конце 1980-х гг.

Как и все русское население Грузинской ССР, его абхазскую территориальную группу отличал значительный половой дисбаланс, но в еще более выраженной форме. В 1950–1960-е гг. на 100 русских женщин в автономии приходилось только 68–70 мужчин. К концу 1970-х гг. этот показатель сократился до 63,4 (в остальной Грузии он в это время составлял 66,3) (рассчитано по: [15]). Если в первые послевоенные десятилетия центральную роль в столь существенной деформации играли последствия Великой Отечественной войны, то с течением времени на первый план выступила «брачная» миграция – приезд в Абхазию русских женщин, вышедших замуж за представителя одной из кавказских национальностей, прежде всего грузин и абхазов. В последние десятилетия советского периода это позволяло компенсировать часть общего миграционного оттока русских, но при этом еще больше увеличивало половой дисбаланс (показательно, что в 1970–1979 гг. численность русских мужчин в Абхазии сократилась на 19,4 %, а женщин – только на 10,5 %).

Демографическое отступление русских из Абхазии продолжилось в 1980-е гг., хотя темпы убыли вплоть до 1988–1989 гг. оставались более низкими, чем в предыдущем десятилетии (отток с учетом естественного прироста составил порядка 11–12 % от общего размера русской общины). При этом, динамика отдельных территориальных групп отличалась существенной спецификой. В Гагрском и Очамчирском районах численность русских возросла на 6–7 %, в Сухуми и большинстве других районов – сократилась на 10–15 %, а в самом южном, Гальском, районе убыль составила 32,8 %¹. Впрочем, эта разнонаправленная динамика почти не отразилась на общей географии русского населения – основными эпицентрами его системы расселения оставались Гагрский район и Сухуми, на ко-

¹ Заметим, что этот самый южный район Грузии, обладавший почти мононациональной структурой населения (грузины составляли в его структуре 89–93 %), отличался максимальными темпами сокращения русских и в 1970-е гг. В общей сложности за два последних советских десятилетия численность русских в районе сократилась более чем в два раза. Однако предположение о том, что столь интенсивный отток русского населения являлся индикатором латентно нараставшей межнациональной напряженности требует дополнительной проверки. Поскольку размеры ряда других значительных национальных меньшинств района (в том числе армян и украинцев) в данный период не сократились.

торые в это время в сумме приходилось 55-58 % русских республики (табл. 1).

Геодемографическая динамика русского населения в 1990–2000-е гг. Катастрофические последствия для русской общины Абхазии имел продолжавшийся более года грузино-абхазский вооруженный конфликт (август 1992–сентябрь 1993 гг.). В течение ряда месяцев территорию республики покинула основная масса русского населения, как и всех остальных национальных меньшинств республики [2, с. 66]. Отсутствие демографического учета, значительное число беженцев и многократно менявшая свое направление интенсивная миграционная циркуляция населения не позволяют установить детальную динамику русской общины в период активного вооруженного противостояния и в последующие годы. Но есть основания полагать, что в это время численность русских находилась на минимальном уровне.

Прекращение боевых действий, соглашение о прекращении огня (май 1994 г.) и определенная социально-экономическая стабилизация республики в середине-второй половине 1990-х гг. способствовали постепенному возвращению в нее части беженцев и общей количественной стабилизации русской общины. Но уже на значительно более низком количественном уровне – первая постсоветская перепись населения Абхазии (2003) зафиксировала в республике 23,4 тыс. русских (в 3,2 раза меньше, чем в 1989 г.). Однако масштабы убыли существенно различались по отдельным районам и городам республики. Максимальные потери понесли группы русского населения южных районов, прилегающих к Грузии и являвшихся в 1992–1993 гг. территорией наиболее ожесточенных боевых действий (рис. 1).

В Ткварчельском и Очамчирском районах численность русских уменьшилась соответственно в 7,3 и 4,7 раз, а Гальский район они покинули фактически полностью (за 1989–2003 гг. местное русское население сократилось с 2,48 тыс. чел. до 158 чел.)². Группы русских в остальных районах Абхазии и республиканской столице сократились в 2,5–3,7 раз (табл. 2).

При общей 3-кратной демографической убыли русского населения в 1990-е гг. еще отчетливее обозначились два эпицентра его системы расселения – столица и Гагрский район. В начале 2000-х гг. на них приходилось уже почти 70 % русских Абхазии, которые таким образом, оставив значительную часть поселенческой сети республики, в нарастающей степени концентрировались в Сухуми (единственном крупном городе

² Некоторая часть данных потерь носила статистический характер, поскольку три села (Ачгуара, Шашалат, Гудава), в советский период входившие в состав Гальского района, в 1995 г. перешли в Очамчирский административный район. Но и с учетом данного обстоятельства численность русских сократилась почти в 15 раз.

Таблица 1
Доля отдельных территорий и центров в общей численности русского населения Абхазии, 1979–2023 годы, %
Table 1
The share of individual territories and centers in the total Russian population of Abkhazia, 1979–2023, %

Центры и районы	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2003 г.	2011 г.	2023 г.
г. Сухуми	33,6	35,8	34,4	38,0	42,1	43,3
г. Ткварчели	8,9	7,7	7,1	3,1	2,4	2,5
Гагрский район	22,1	22,0	24,9	31,5	28,7	27,4
Гальский район	5,5	4,6	3,3	0,7	0,9	0,8
Гудаутский район	12,0	10,8	10,3	8,9	8,3	8,7
Гульрипшский район	8,8	9,7	10,3	10,2	9,3	8,9
Очамчирский район	5,5	5,2	5,9	4,0	4,4	4,6
Сухумский район	3,6	4,2	3,8	3,7	3,9	3,8

Рассчитано по: здесь и в табл. 2 и рис. 1 [14, 16].
Calculated according to: [14, 16].

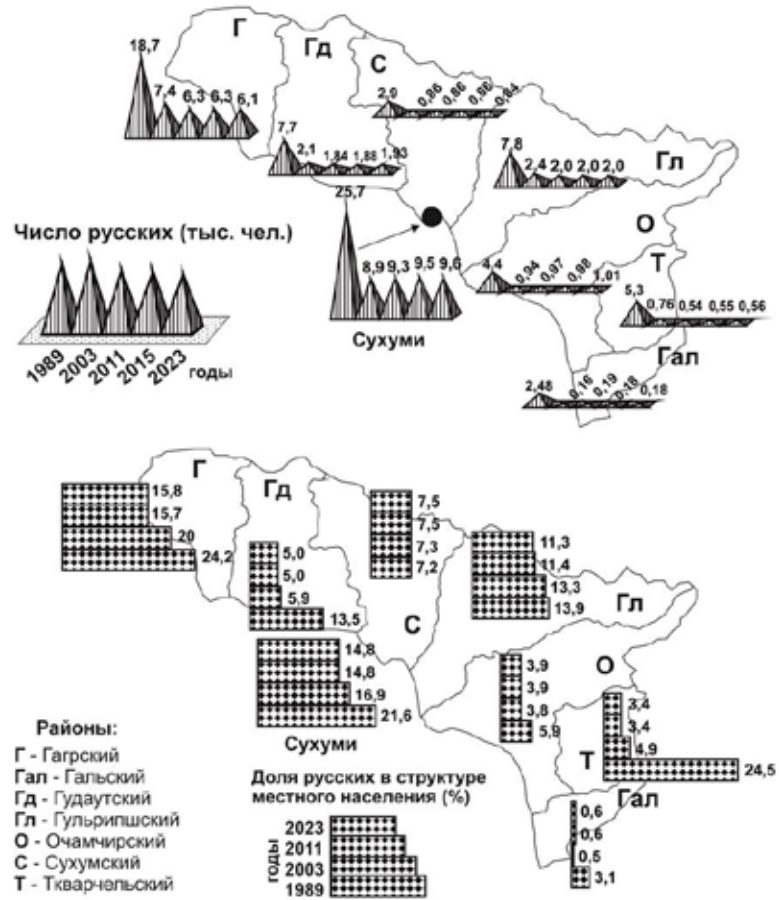

Рис. 1. Динамика русского населения Абхазии, 1989–2023 годы (тыс. чел., %).
Fig. 1. Dynamics of the Russian population of Abkhazia, 1989–2023 (thousand people, %)

республики) и на территориях, прилегающих к Российской Федерации.

Центральным событием в общественно-политической жизни Абхазии в «нулевые» стало признание независимости республики Российской Федерацией, последовавшее после завершения вооруженного конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г. Данное событие имело существенное значение для дальнейшей демографической динамики местной русской общины, создав предпосылки, если не для ее расширения, то сохранения на существующем уровне.

Динамика русского населения по основным городам
и районам Абхазии, 1970–2023 годы, %

Таблица 2

Table 2

Dynamics of the Russian population in the main towns and regions
of Abkhazia, 1970–2023 (%)

Центры и районы	1970–1979 гг.	1979–1989 гг.	1989–2003 гг.	2003–2011 гг.	2011–2023 гг.
г. Сухуми	–8,5	–9,9	–65,4	4,3	3,7
г. Ткварчели	–25,5	–13,7	–86,4	–26,0	3,9
Гагрский район	–14,8	6,7	–60,5	–14,2	–3,6
Гальский район	–28,4	–32,3	–93,6	18,2	–3,2
Гудаутский район	–22,7	–10,1	–73,2	–11,3	5,2
Гульрипшский район	–5,2	0,2	–69,3	–14,0	–2,8
Очамчирский район	–18,5	7,5	–78,8	2,9	4,9
Сухумский район	–0,1	–14,8	–69,9	0,5	–2,3
Вся Абхазия	–14,2	–6,0	–68,7	–5,8	0,9

Это подтвердила вторая постсоветская перепись населения республики (2011), зафиксировавшая в республике 22,1 тыс. русских жителей. Убыль за межпереписной период составила 5,6 %, что фактически соответствовало уровню естественных потерь русского населения в этот период. Таким образом, сальдо миграционной динамики русских в 2000–е гг. было близким к нулевой отметке.

Достоверность этнодемографической статистики двух постсоветских переписей населения республики вызывала сомнение у некоторых специалистов [6, 9]. Что вполне обосновано, учитывая, в частности, существенные расхождения между результатами переписи 2011 г. и данными самой республиканской статистики. Согласно текущему демографическому учету на 1 января 2009 г., в Абхазии проживало 96,3 тыс. абхазов, тогда как проведенная двумя годами позже перепись зафиксировала уже 122,3 тыс. чел. Однако демографический анализ естественной и миграционной динамики титульного национального сообщества в 2000–е гг. не обнаруживает реальных причин для столь существенной количественной нестыковки [9, с. 101–102].

При этом, в результатах переписи 2011 г. мог быть серьезный недоучет грузинского населения республики. Его зафиксированная численность составила 46,5 тыс. чел., а, по расчетам специалистов, на рубеже 2010–х гг. она могла составлять порядка 60–80 тыс. [6, 17]. Таким образом, удельное соотношение двух крупнейших народов республики существенно сдвигалось в пользу титульного национального сообщества – согласно результатам переписи, абхазы и грузины составляли соответственно 50,8 и 19,2 % населения Абхазии (по расчетам специалистов, порядка 39–40 и 25–30 %) [6; 9, с. 103]. Очевидна и этнополитическая подоплека этой весьма вероятной серьезной статистической погрешности переписи 2011 г.

Но для нашего исследования значимо то, что в республике отсутствовали причины для серьезного искажения демографической статистики по местной русской общине. И есть основания полагать, что зафиксированные переписью ее размеры с большой вероятностью соответствовали

действительности, что позволяет сравнить демографическую динамику русского населения Абхазии и Грузии в 1990–2000–е гг. Если в первое постсоветское десятилетие темпы демографической убыли русских в данных двух социумах были сближенными (соответственно сокращение в 2,9 и 3,9 раз), то уже в 2000–е гг. они различались кардинально. Превращение России в центральный гарант политической независимости и социально-экономической устойчивости Абхазии способствовало количественной стабилизации русской общины. Но данное же обстоятельство стало фактором дальнейшего ускоренного сокращения численности русских в Грузии. За 2002–2014 гг. их численность в стране сократилась в 2,5 раза (с 67,5 до 26,5 тыс. чел.). В первой половине 2010–х гг. русские общины двух стран были уже сопоставимы по размерам, притом, что в конце 1980–х гг. демографический потенциал русских Грузии был больше в 3,3 раза.

Несмотря на общую стабилизацию русского этнического присутствия в Абхазии, динамика отдельных территориальных групп в 2000–е гг. оставалась разнонаправленной. Если в республиканской столице и ряде районов численность русских несколько выросла, то в других административно-территориальных образованиях продолжала сокращаться. Причем в числе последних был и Гагрский район, одно из двух основных средоточий русского расселения республики. Тем не менее на него вместе с Сухуми по-прежнему приходилось более 70 % русских Абхазии. Еще более отчетливо обозначился столичный (и в целом городской) характер расселения русской общины – в начале 2010–х гг. уровень ее урбанизации вырос до 79,3 %.

При этом в системе расселения наблюдалась определенная корреляция между удельной концентрацией русских в населенных пунктах и абсолютным размером последних. В Сухуми и других городских центрах (за исключением южного Гала) доля русских на рубеже 2010–х гг. составляла 9–30 %. Доля русских в селах в целом была заметно ниже, также в известной мере коррелируя с размерами поселений. Однако у данной закономерности могли быть и другие причинные основания. С учетом того, что большинство городов, крупных и средних сел располагались на побережье или в непосредственной близости от моря, а приморская поселенческая сеть исторически формировалась как зона полиэтнического расселения. Села, отодвинутые от берега в предгорья или горную местность, отличались полным преобладанием титульного или грузинского (мингрельского) населения [2, 4]. Таким образом, концентрируясь в приморской зоне, русское население тем самым тяготело к крупным поселениям (рис. 2 А, Б).

Исследование геодемографической динамики русского населения Абхазии в 2010–начале 2020–х гг. по необходимости должно опираться на данные текущего демографического учета, поскольку после 2011 г. переписей населения не проводилось. В ежегодных статистических ежегодниках присутствует этнодемографическая информация, позволяющая зафиксировать национальную

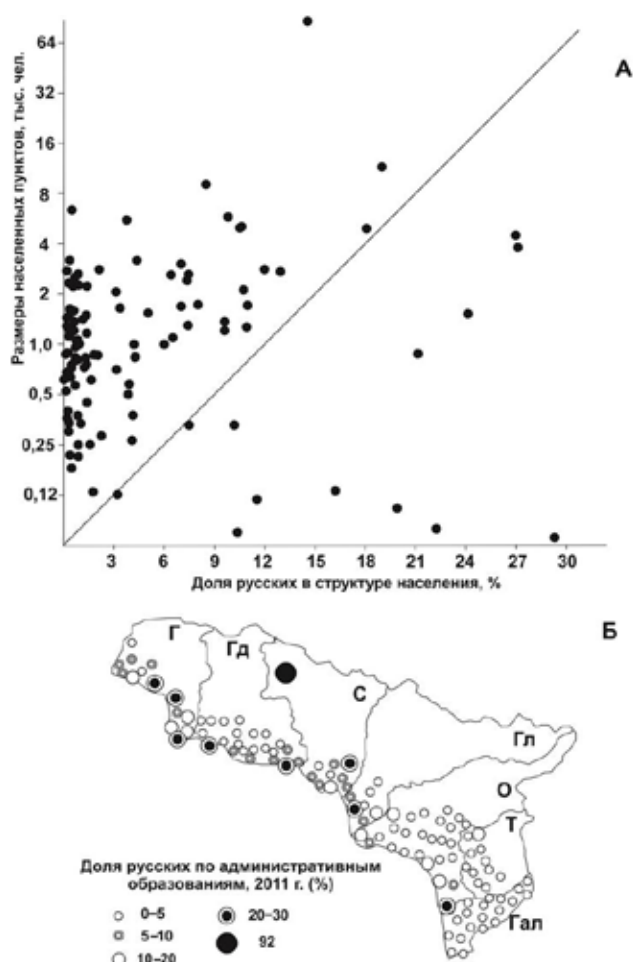

Рис. 2. Система расселения и удельная концентрация русского населения Абхазии, 2011 год.

Рассчитано по: [16].

Fig. 2. The settlement system and the specific concentration of the Russian population of Abkhazia, 2011.

Calculated according to: [16].

структуру населения в разрезе всей республики и ее административных районов. Однако знакомство с данной статистикой за 2011–2023 гг. обнаруживает ее «статичный» характер, почти полное отсутствие динамики по всем основным национальностям как в пределах всей Абхазии, так и в разрезе ее отдельных территориальных сообществ [13, 14].

Трудно представить, что за 12 лет размеры основных 13 национальных групп населения сохранялись в узком количественном диапазоне – 0,5–1,5 %. В качестве возможного объяснения можно предположить, что данная этнодемографическая статистика, опираясь на результаты текущего учета естественного воспроизводства национальных групп населения Абхазии, не учитывала их миграционной динамики. Что, по крайней мере, могло бы отчасти объяснить минимальную количественную подвижность их размеров. Но в этом случае возникает вопрос о размерах погрешности, которая, заметим, могла существенно различаться для отдельных национальностей. Что предполагает самостоятельную оценку возможной демографической динамики в 2010–е гг. каждого из них.

Геодемографическая динамика русского населения в 2010–начале 2020-х гг. Поскольку объектом нашего

изучения является русская община Абхазии, ограничимся анализом особенностей ее естественной динамики, миграционной динамики, векторов и масштабов ассимиляционных процессов. Госкомстат Абхазии не публикует данные о естественном движении населения в национальном разрезе. Отсутствует информация и об их половозрастной структуре, в значительной степени «задающей» уровень рождаемости и смертности. Таким образом, оценка естественного коэффициента воспроизводства русского населения в 2010–е–начале 2020-х гг. может быть выполнена только в самом первом приближении, с учетом имеющейся фрагментарной информации и общего сравнения с показателями естественного воспроизводства русских Российской Федерации.

Русское население России в первой половине 2010-х гг. характеризовалось естественной убылью в размере 3–4 % в год (минимальный показатель за весь постсоветский период) с быстрым ростом естественных потерь во второй половине этого десятилетия, обусловленных в том числе мировой пандемией COVID-19. Но на высоком уровне (7–8 %) коэффициент естественной убыли продолжал сохраняться и в 2022–2023 гг. после завершения эпидемии. В целом, за период 2011–2022 гг. естественная убыль русских России в первом приближении может быть оценена в 6,5–7,5 %. Есть основания полагать, что в Абхазии этот показатель был выше, в силу деформации полового соотношения и смещения структуры населения в сторону старших возрастных когорт [2, с. 80]. Для этнических групп с подобной возрастной структурой характерна значительная убыль. Особенно с учетом ассимиляционного фактора, обусловленного значительной долей межэтнических браков и высокой долей биэтнофоров (людей смешанного происхождения). Однако в силу ряда причин процесс старения русской общины Абхазии протекал замедленно. В середине 2010-х гг. в ее составе дети и подростки школьного возраста составляли 9,5 % – лишь на 1 % ниже, чем у русских России. При этом, хотя в межэтнические браки вступало 49,8 % русских мужчин и 63,2 % русских женщин [11], влияние данного фактора на демографическую динамику русских республики было сложным, потому что в браках, заключаемых с представителями русскоязычных общин (украинцами, белорусами, татарами), значительная часть смешанного потомства выбирала русскую идентичность; в сочетаниях с рядом других национальных групп (в том числе армянами, греками, осетинами), самоидентичность детей могла распределяться равномерно по национальным сообществам родителей. Только в семьях, образуемых русскими с абхазами и грузинами, предпочтение отдавалось данным кавказским идентичностям, тем более, что в подавляющем большинстве случаев они представляли национальность отца. В целом в таком ассимиляционном взаимодействии с другими национальными сообществами республики русская община скорее могла терять население, но эти потери были невелики и едва ли могли превышать несколько процентов за десятилетие.

В общей сложности в сумме естественной убыли они могли составить за 2011–2022 гг. порядка 10–15 %. В этом

случае без учета миграционной динамики численность русских в республике должна была к началу 2023 г. сократиться до 19–20 тыс. чел. Согласно данным Госкомстата Абхазии, численность русских в это время составляла 22,6 тыс. чел. [14, с. 26]. Таким образом, чистый миграционный приток русских за данный период мог составлять порядка 2,5–3,5 тыс. чел. В отсутствии данных об этнической структуре миграционной динамики населения нет возможности проверить точность этой количественной оценки. Но экспертный анализ указывает на ее общую реалистичность. В условиях политической и социально-экономической стабильности отток русских из Абхазии был маловероятен. Выраженная курортно-рекреационная специализация республики давала местному русскому населению широкие возможности для трудоустройств в различных сегментах сервисной экономики.

Но масштабный поток отдыхающих (с середины 2010-х гг. он колебался в диапазоне 3,5–5,5 млн в год) (рис. 3), представленный, прежде всего, русскими в силу национальной структуры населения России, оказывал на демографическую динамику русской общины Абхазии и прямое разнообразное воздействие. Несмотря на значительные колебания масштабов турпотока по сезонам, даже в зимний период в республике одновременно находилось порядка 70–100 тыс. отдыхающих из России, а в высокий курортный сезон (с середины июня по начало октября) – 200–250 тыс. чел., в том числе 160–200 тыс. русских (при условии, что их доля в турпотоке соответствовала доле в населении страны).

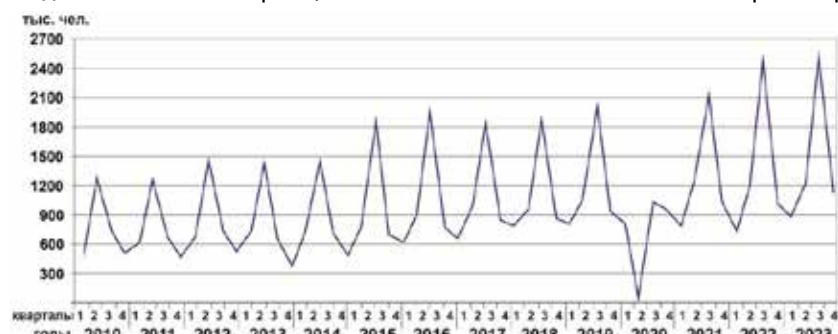

Рис. 3. Динамика российского турпотока в Абхазию по годам и кварталам, 2010–2023 годы, тыс. чел. Составлено по: [18].

Fig. 3. Dynamics of the Russian tourist flow to Abkhazia by year and quarter, 2010–2023 (thousand people).

Compiled according to: [18].

Таким образом, русские рекреанты многократно превышали не только численность местной русской общины, но и ощутимо превосходили количественно все постоянное население приморской зоны северных и центральных районов республики. А в силу достаточно широкого распространения горного туризма география данного турпотока охватывала самую значительную часть территории Абхазии.

Это фактически круглогодичное масштабное присутствие отдыхающих в значительной степени определяло формы социальной жизнедеятельности и структуры повседневности всего абхазского общества, при этом обеспечивая постоянную разнообразную демографическую подпитку местной русской общины, не фиксируемую и не

учитываемую официальной статистикой. Очевидно, что существует достаточно объемная группа русского населения, не относящегося к местной общине, но при этом длительное время проживающего в Абхазии, либо циркулирующего между ней и Россией на постоянной основе, поскольку проницаемость границы между Абхазией и Российской Федерацией существенно облегчает пространственную циркуляцию между странами. Таким образом, демографическая динамика русской общины Абхазии в первую очередь определяется миграцией, масштабы которой регулируются властями республики в соответствии с интересами титульного народа.

Прежде всего, здесь можно отметить россиян – собственников недвижимости. Наличие прямого железнодорожного и автомобильного сообщений, безвизовый режим и возможность въезда в республику по внутреннему паспорту лежит в основе психологического восприятия Абхазии как очень близкого государственного образования, фактически еще одного российского региона с определенной кавказской спецификой³. Данное обстоятельство уже с начала XXI в. способствовало росту интереса к приобретению абхазской недвижимости.

После признания Россией в 2008 г. государственной независимости Абхазии и окончательного ее включения в контур безопасности, обеспечиваемый российскими вооруженными силами, исчез последний внешний фактор, сдерживавший россиян в приобретении жилья на территории республики. Создавались условия для массового роста группы российских собственников недвижимости. Потенциальные масштабы и темпы данного процесса могут быть в самом первом приближении оценены по интенсивности миграционного притока в причерноморские центры Кубани (в 2010-е гг. положительное сальдо миграции в данной приморской зоне составляло порядка 10–15 тыс. чел. в год).

Нет сомнения в том, что абхазские власти могли без труда обеспечить такой же, если не больший, приток в республику российского (т. е. в своей массе русского) населения. В течение 15–25 лет такой приток могкратно увеличить общий демографический и трудовой потенциал Абхазии, заметно поднять платежеспособность и общий уровень жизни местного населения. Учитывая, что именно ощутимый дефицит трудовых ресурсов остается центральным фактором депрессивности национальной экономики со второй половины 1990-х гг., такой приток мог стать значимым драйвером социально-экономического роста.

Но, учитывая ограниченные размеры титульного сообщества, обратной стороной масштабного миграционного пополнения стала бы ускоренная трансформация национальной структуры населения, превращение русских

³ В этом отношении показательно, что релоканты, покинувшие Россию в 2022–2023 гг., практически никогда не рассматривали Абхазию в качестве места переезда именно потому, что она воспринималась ими как фактически российская территория.

уже в среднечисловой перспективе в крупнейший народ Абхазии. Очевидно, что политическая элита страны и все титульное сообщество, приложившее столько усилий для ликвидации грузинской этнодемографической доминанты, ни при каких обстоятельствах не хотели бы снова оказаться в положении национального меньшинства.

Данное обстоятельство, очевидно, стало основной причиной разработки властями Абхазии комплекса мер, максимально осложнившего процесс приобретения иностранцами (т. е. прежде всего россиянами) недвижимости в республике. Показательно, однако, что даже этот «заградительный» комплекс не мог остановить поток желающих приобрести «домик у моря». Точное количество россиян – собственников жилья в Абхазии – неизвестно. Но учитывая, что только число судебных разбирательств, связанных с ее приобретением, в середине-второй половине 2010-х гг. достигало нескольких тысяч, речь может идти о десятках тысяч человек. Нет сомнения, что это число может быть сопоставимо с общим размером постоянного русского населения Абхазии.

Не менее количественно значимой группой русских в республике в последние 10–20 лет могут быть трудовые мигранты, численность которых в высокий курортный сезон также может измеряться в десятках тысяч человек [2, с. 84–92]. Таким образом, даже без учета туристов, в структуре наличного русского населения современной Абхазии могут с большим перевесом доминировать жители России.

Выводы

Исследование показало, что период резкой геодемографической трансформации русской общины Абхазии пришелся на время вооруженного грузино-абхазского конфликта (1992–1993), в течение которого русское население республики сократилось в несколько раз. Послевоенные годы (середина-вторая половина 1990-х гг.) были связаны с частичным восстановлением численности и географии русских в пределах Абхазии. С рубежа XX–XXI вв. начинается период, который можно условно обозначить как геодемографическое «плато» – размеры общины стабилизируются на уровне 21–23 тыс. чел. Устойчивой на протяжении 25 лет остается и система расселения русских по территории республики.

Однако община является только одной из форм русского этнического присутствия в Абхазии, которое с учетом россиян – туристов, собственников жилья и трудовых мигрантов – в настоящее время кратно выше уровня, фиксируемого официальной статистикой. В пределах всего современного постсоветского Южного Кавказа нет другого социума со столь высокой концентрацией русского населения, которое к тому же на большей части территории фактически являлось бы количественно доминирующей группой наличного населения.

Но даже если сосредоточить внимание исключительно на местной русской общине, обнаруживаются ее особенности, отличающие от всех остальных территориальных групп русских на Южном Кавказе. Прежде всего, это долговременная количественная и пространственная устой-

чивость, результатом которой является поступательный рост удельного веса абхазской общины в общей структуре русского населения всего данного постсоветского макрорегиона. Если в 2000 г. на долю Абхазии приходилось 9,4 % русских Южного Кавказа, то в 2010 г. – 11,7, а в начале 2020-х гг. – уже 15–16 % [10].

Данный геодемографический тренд, очевидно, является долговременной тенденцией. Расчеты показывают, что практически все оставшиеся в пределах этого макрорегиона средоточия русского населения продолжают сокращаться, за исключением абхазской общины, размеры которой могут сохраниться на существующем уровне в самой долгосрочной перспективе. При таком сценарии из 70–90 тыс. русских, которые в середине XXI в. могут быть расселены в пределах Южного Кавказа, уже 27–33 % будет приходиться на Абхазию (без учета группы собственников жилья, трудовых мигрантов и отдыхающих). Сопоставимой по численности в макрорегионе в это время может быть только русская община Баку.

Значительную устойчивость, очевидно, будет демонстрировать и география расселения русских республики, преимущественно включающая приморскую поселенческую сеть с двумя эпицентрами (Сухуми и Гагрский район). С конца 1980-х гг. на них приходилось порядка 70 % всего русского населения Абхазии. При этом с начала XXI в. наблюдалась определенная демографическая «переконцентрация» – если в 2003 г. численность русских Сухуми превосходила русское население Гагрского района на 20 %, то в 2023 г.: уже на 58 %. В любом случае, именно республиканская столица и территории Абхазии, прилегающие к Российской Федерации, будут сохранять свою центральную роль в системе расселения русских республики.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Абхазы / отв. ред.: В. А. Тишков, С. В. Чешко. – Москва : Наука, 2007. – 547 с.
2. Багапш, Н. В. Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX–начало XXI вв.) / Н. В. Багапш. – Сухум : Абики, 2017. – 280 с.
3. Багапш, Н. В. Этнодемографические процессы в Гудауте (конец XIX–начало XXI вв.) / Н. В. Багапш. – Сухум : Абики, 2019. – 384 с.
4. Дубова, Н. А. Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях / Н. А. Дубова, А. Н. Ямсков. – Москва : ИЭА РАН, 2006. – 18 с.
5. Ямсков, А. Н. Население Абхазии: постсоветские изменения в свете этнодемографии и этногеографии / А. Н. Ямсков // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия. – Москва : Старый сад, 2009. – С. 232–233.
6. Ямсков, А. Н. Проблемы определения численности абхазов и грузин в Абхазии в середине 2000-х годов / А. Н. Ямсков // Вестник МГИМО. – 2010. – № 3. – С. 18–26.

7. Мукомель, В. И. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в НГ / В. И. Мукомель // Социологические исследования. – 1999. – № 6. – С. 66–71.
8. Соловьева, Л. Абхазо-грузинский конфликт: прошлое и настоящее этнокультурных взаимосвязей / Л. Соловьева // Кавказ и глобализация. – 2012. – Т. 6, Выпуск 1. – С. 128–126.
9. Суций, С. Я. «Войны за родину» на постсоветском пространстве: этнодемографические последствия (на материалах Абхазии и Донбасса) / С. Я. Суций // Новое прошлое. – 2020. – № 4. – С. 96–112.
10. Суций, С. Я. Русские на Южном Кавказе: факторы динамики в постсоветский период и геодемографические перспективы / С. Я. Суций // Социологические исследования. – 2021. – № 9. – С. 26–41.
11. Хашба, А. Ш. Этнодемографические процессы в современной Абхазии: автореф. дис... канд. ист. наук / А. Ш. Хашба. – Сухум, 2015. – URL: https://otherreferats.allbest.ru/moscow/00992760_0.html (дата обращения: 05.02.2024).
12. Всесоюзная перепись населения 1989 года: Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп-Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (дата обращения: 05.02.2024).
13. Population statistics of Eastern Europe & former USSR. – URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 05.02.2024).
14. Абхазский статистический ежегодник – 2022. Государственный Комитет Республики Абхазия по статистике. – Сухум : ИП «Лагвилава А», 2023. – 168 с.
15. Всесоюзная перепись населения 1979 года: Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп-Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php (дата обращения: 07.02.2024).
16. Этнокавказ. – URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnazerbaijan.html> (дата обращения: 05.02.2024).
17. Mainville, M. Georgia warns of Abkhazia unrest after UN mission ends / M. Mainville // Agence France-Presse (AFP), June 16, 2009. – URL: <http://news.yahoo.com/s/afp/20090616/wlafx/georgiarussiaunabkhaziaconflictdiplomacy20090616141732> (дата обращения: 30.08.2023).
18. Статистика поквартального выезда российских граждан за рубеж в 2010–2023 гг. // Росстат. Индикаторы. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38480> (дата обращения: 05.02.2024).
- (konec XIX – nachalo XXI vv.) [Ethnodemographic processes in Gudauta (late XIX – early XXI centuries)] / N. V. Bagapsh. – Sukhum: Abigi, 2019. – 384 p.
4. Dubova, N. A. Demograficheskaya situatsiya v abkhazskikh dolgozhitel'skikh seleniyah [Demographic situation in Abkhazian villages of centenarians] / N. A. Dubova, A. N. Yamskov – Moscow: Inst. of Ethnology and Anthropology, RAS, 2006. – 18 p.
5. Yamskov, A. N. Naselenie Abkhazii: postsoverskie izmeneniya v svete etnodemografii i etnogeografii [The population of Abkhazia: post-Soviet changes in the light of ethnodemography and ethnogeography] / A. N. Yamskov // Kursom razvivayushchiesya Moldovy. T. 8. Edinstvo i mnogoobrazie v sisteme kul'turnogo naslediya [By the course of developing Moldova. Vol. 8. Unity and diversity in the system of cultural heritage]. – Moscow: Stary Sad, 2009. – P. 232–233.
6. Yamskov, A. N. Problemy opredeleniya chislennosti abkhazov i gruzin v Abkhazii v seredine 2000-h godov [Problems of definition the number of Abkhazians and Georgians in Abkhazia in the mid-2000s] / A. N. Yamskov // Bull. of Moscow State Inst. of International Relations. – 2010. – No. 3. – P. 18–26.
7. Mukomel, V. I. Demograficheskie posledstviya etnicheskikh i regional'nykh konfliktov v nezavisimyykh gosudarstvakh [Demographic consequences of ethnic and regional conflicts in Independent States] / V. I. Mukomel // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. – 1999. – No. 6. – P. 66–71.
8. Solovyova, L. Abhazo-gruzinskij konflikt: proshloe i nastoyashchee etnokul'turnyy vzaimosvyazey [The Abkhazian-Georgian conflict: past and present of ethnocultural interrelations] / L. Solovyova // Kavkaz i globalizatsiya [Caucasus and Globalization]. – 2012. – Vol. 6. – Issue 1. – P. 128–126.
9. Sushchy, S. Ya. "Vojny za rodinu" na postsoverskom prostanstve: etnodemograficheskie posledstviya (na materialah Abkhazii i Donbassa) ["Wars for the motherland" in the post-Soviet space: ethnodemographic consequences (based on the materials of Abkhazia and Donbass)] / S. Ya. Sushchy // Novoe proshloe [New Past]. 2020. – No. 4. – P. 96–112.
10. Sushchy, S. Ya. Russkie na YUzhnom Kavkaze: faktory dinamiki v postsoverskij period i geodemograficheskie perspektivy [The Russians in the South Caucasus: dynamics factors in the post-Soviet period and geodemographic prospects] / S. Ya. Sushchy // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. – 2021. – No. 9. – P. 26–41.
11. Khashba, A. Sh. Etnodemograficheskie processy v sovremennoj Abkhazii [Ethnodemographic processes in modern Abkhazia]: abstract of diss...Cand. Sci. (History) / A. Sh. Khashba – Sukhum, 2015. – URL: https://otherreferats.allbest.ru/moscow/00992760_0.html (accessed: 05.02.2024).
12. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda: Raspre-delenie gorod-skogo i sel'skogo naseleniya oblastej respublik SSSR po polu i nacional'nosti [All-Union population Census of 1989: Distribution of urban and rural population

References

1. Abhazy [The Abkhazians] / Eds. V. A. Tishkov, S. V. Cheshko. – Moscow: Nauka, 2007. – 547 p.
2. Bagapsh, N. V. Etnodemograficheskie processy v Suhume (konec XIX – nachalo XXI vv.) [Ethnodemographic processes in Sukhum (late XIX – early XXI centuries)] / N. V. Bagapsh. – Sukhum: Abigi, 2017. – 280 p.
3. Bagapsh, N. V. Etnodemograficheskie processy v Gudaute

- of the regions of the republics of the USSR by gender and nationality] // Demoscope-Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (accessed: 05.02.2024)
13. Population statistics of Eastern Europe & former USSR. – URL: <http://pop-stat.mashke.org> (accessed 05.02.2024)
 14. Abkhazskij statisticheskij ezhegodnik – 2022. [Abkhazian Statistical Yearbook – 2022]. State Committee of the Republic of Abkhazia on Statistics. – Sukhum: IP “Lagvilava A”, 2023. – 168 p.
 15. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1979 goda: Raspredelenie gorod-skogo i sel'skogo naseleniya oblastej respublik SSSR po polu i nacional'nosti [All-Union Population Census of 1979: Distribution of urban and rural population of the regions of the republics of the USSR by gender and nationality] // Demoscope-Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php (accessed: 07.02.2024).
 16. Etnokavkaz [Ethnocaucasia]. – URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnazerbaijan.html> (accessed 05.02.2024)
 17. Mainville, M. Georgia warns of Abkhazia unrest after UN mission ends / M. Mainville // Agence France-Presse (AFP), June 16, 2009. URL: <http://news.yahoo.com/s/afp/20090616/wlafp/georgiarussiaunabkhaziaconflict diplomacy20090616141732> (accessed 05.02.2024).
 18. Statistika pokvartal'nogo vyezda rossijskih grazhdan za rubezh v 2010–2023 gg. [Statistics of quarterly departure of Russian citizens abroad in 2010–2023]. // Rosstat [Russian Statistics Committee]. Indicators. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38480> (accessed: 05.02.2024)

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00974, <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>.

Acknowledgements

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00974, <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>

Информация об авторе:

Суший Сергей Яковлевич – доктор философских наук, заведующий лабораторией социологии, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988> (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Чехова, д. 41; e-mail: SS7707@mail.ru).

Author:

Sergei Ya. Sushchy – Dr. Sci. (Philosophy), Head of the Sociology Laboratory, Chief Researcher, Federal Research Centre Southern Science Centre, RAS <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988> (41, Chekhov st., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation; e-mail: SS7707@mail.ru)

Для цитирования:

Суший, С. Я. Русское население Абхазии: геодемографические процессы постсоветского периода / С. Я. Суший // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 99–107.

For citation:

Sushchy, S. Ya. Russian population of Abkhazia: geodemographic processes of the post-Soviet period / S. Ya. Sushchy // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2024. – No. 2 (68). – P. 99–107.

Дата поступления рукописи: 29.02.2024

Прошла рецензирование: 04.03.2024

Принято решение о публикации: 11.03.2024

Received: 29.02.2024

Reviewed: 04.03.2024

Accepted: 11.03.2024

Саамы: современные этнические процессы

В. П. Кривоногов

Гуманитарный институт Сибирского федерального университета,
г. Красноярск
victor950@yandex.ru

Аннотация

В августе 2023 г. проведено исследование среди саамов Кольского полуострова, ставящее целью выявление характера современных этнических процессов. Основная этническая территория саамов – села Ловозерского района Мурманской области. Однако в результате миграций здесь сосредоточена только половина этноса. В ходе исследования проведен массовый опрос 25 % саамов основной этнической территории по специальному опросному листу. На взрослых опросные листы составлялись при непосредственной беседе, на детей – со слов родителей. Всего – 200 опросных листов. Выяснилось, что саамы перешли от кочевого оленеводства к оседлости, живут в смешанных селах, причем составляют в них относительное меньшинство. Саамы почти забыли свой язык, дети им не владеют вообще. Наблюдается отход от традиционной культуры. Произошел прорыв эндогамии – две трети семей саамов – смешанные по национальному составу, чаще всего с коми-ижемцами и русскими. Доля лиц смешанного происхождения среди саамов составляет большинство, а среди детей и молодежи – все метисы. Тем не менее этническое самосознание отличается устойчивостью.

Ключевые слова:

саамы, этнические процессы, этнодемография, языковые процессы, национально-смешанные браки

Саамы на Кольском полуострове проживали в разных его частях: и на западе, и на севере, и на востоке, однако в связи с притоком пришлого населения, в основном в XX в., место компактного проживания сконцентрировалось в центральной и восточной частях полуострова, административно это совпадает с границами Ловозерского района. Сельское население этого района сосредоточено в основном в районном центре – с. Ловозеро, значительно меньше – в с. Краснощелье, и совсем немного жителей осталось в селах Каневка и Сосновка (исключение из списка – рабочий поселок Ревда, где в силу его промышленного профиля преобладает пришлое население, саамов там немного). Подавляющее большинство саамов этой территории (свыше 4/5) к настоящему времени сосредоточилось в райцентре (где, впрочем, численно преобладают русские), совсем немного их в Краснощелье (здесь преобладают коми-ижемцы). Так что и на основной своей этнической территории саамы составляют меньшинство, лишь около 1/4 населения. Кроме того, около половины всех саамов страны проживают за пределами данной территории, встречаются и в других районах полуострова, где проживают дисперсно, нигде не составляя компактных групп, в том числе 1/4 (25,1 %) – стали горожанами [1]. Чаще всего на вопрос о месте проживания уехавших родственников наши респонденты называли Мурманск и Санкт-Петербург. Сохранились и саамы – коренные жители западной части полуострова, но там они также проживают дисперсно, не составляя в селах и поселках существенного процента. Мы оцениваем численность саамов, проживающих на основной этнической территории

The Saami: modern ethnic processes

V. P. Krivonogov

Humanitarian Institute of the Siberian Federal University,
Krasnoyarsk
victor950@yandex.ru

Abstract

A study conducted among the Saami of the Kola Peninsula during an ethnographic expedition in August 2023 aimed to identify the nature of modern ethnic processes. The main ethnic territory of the Saami are the villages of the Lovozero District of the Murmansk Region. However, as a result of migrations, only half of the ethnos is concentrated here. During the study, a mass survey of 25% of the Saami of the main ethnic territory was conducted using a special questionnaire. For adults, the questionnaire was compiled during a direct conversation; questionnaires for children were compiled from the words of their parents. A total of 200 questionnaires were compiled. It turned out that the Saami have moved from nomadic reindeer herding to sedentary life, live in mixed villages, and are a relative minority in them. The Saami have almost forgotten their language, children do not speak it at all. There is a shift away from their traditional culture. There was a breakthrough in endogamy – two thirds of Saami families are mixed in ethnic composition, most often with the Komi-Izhma and the Russians. The proportion of people of mixed origin among the Saami is in the majority, and among children and young people, all are Mestizos. Nevertheless, ethnic identity is characterized by stability.

Keywords:

the Saami, ethnic processes, ethnodemography, language processes, mixed marriages

(Ловозерский район, кроме пос. Ревда) ко времени нашей экспедиции, примерно в 800 чел.

В августе 2023 г. состоялась этнографическая экспедиция, которая ставила задачу – изучение современных этнических процессов у саамов на основной этнической территории. Использовано несколько методов исследования, среди них центральное место занимает массовый опрос. По специальной выборке опросом охвачено 25 % проживающих здесь саамов. Всего получено 200 опросных листов. Выборка соответствует генеральной совокупности по месту проживания, полу, возрасту, социальным группам и т. д. Опросный лист включает в себя 26 вопросов, ставящих целью выяснение характера современных этнических процессов в сфере демографии, языка, материальной и духовной культуры, межнационального взаимодействия и т. д. На взрослых опросный лист составлялся при непосредственной беседе, на детей (в сокращенном варианте) – со слов родителей. Половозрастная структура опрошенных саамов показана в табл. 1 (рис. 1).

Таблица 1
Половозрастной состав саамов (по данным опроса, %)
Table 1
Age and gender composition of the Saami (according to the survey, %)

Возраст, лет	Мужчины	Женщины
70 и старше	0,5	6,0
60–69	2,5	7,5
50–59	3,0	9,0
40–49	4,5	6,0
30–39	5,5	10,5
20–29	5,5	5,0
10–19	9,5	8,0
до 10	8,5	8,5

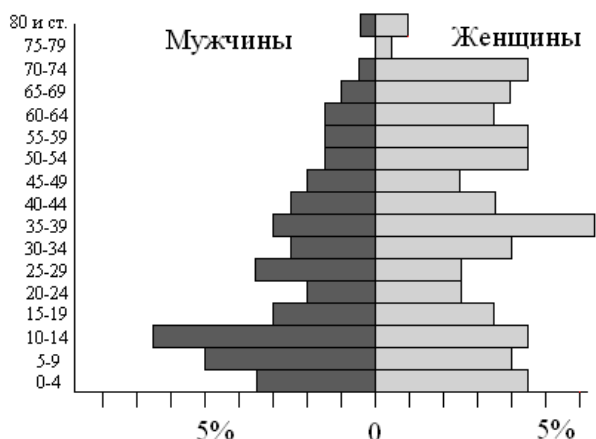

Рис. 1. Половозрастная структура саамов.
Fig. 1. The gender and age structure of the Saami.

Анализ половозрастной пирамиды говорит о том, что довольно высокая доля детей достаточна хотя бы для простого воспроизводства. Но при этом обращает на себя внимание низкая доля девушек 20–29 лет. Это связано с миграцией молодежи в города и ставит под угрозу даже простое воспроизводство коренного населения в будущем. Уже сейчас наблюдается снижение рождаемости из-за сокращения числа молодых семей. Это наглядно

видно при сравнении численности трех самых младших 5-летних возрастных групп, т. е. в возрасте, для которого еще не характерны миграции. Доля группы 10–14 лет в общей численности этноса (в нашей выборке) составила 11,0 %, доля 5–9-летних – 9,0, до 5 лет – 8,0 %. Сокращение рождаемости налицо. При такой тенденции в скором времени естественный прирост упадет до нуля, а в дальнейшем приобретет отрицательные показатели. Правда, доля саамов на основной этнической территории вряд ли уменьшится, так как две другие этнические группы на этой территории также имеют тенденцию к сокращению. И коми-ижемцы, и русские не менее интенсивно мигрируют отсюда в города, их численность также сокращается, а естественное движение уже выражается отрицательными показателями.

В результате миграций абсолютная численность саамов в населении сельской части района в последние десятилетия сокращается. К началу XXI в. она составляла, по нашей оценке, около 0,9 тыс. чел.

Среди саамов в последние десятилетия возросла доля одиночек, а также небольших по размеру семей, самая многочисленная категория – семьи из двух человек (табл. 2).

Таблица 2
Численный состав семей саамов (по данным опроса, %)
Table 2
The size of Saami families (according to the survey, %)

Количество человек в семье	1	2	3	4	5	6
Количество семей	24,5	31,4	22,5	12,8	7,8	1,0

Средний размер семьи – 3,0 чел. – говорит о завершении перехода к малодетным семьям. Судя по данным опроса, миграции в города в ближайшие годы продолжатся. Все-го при опросе взрослых выразили желание покинуть свои поселки 9,1 % мужчин и 14,0 % женщин. Казалось бы, это не так много, однако если обратиться к младшей группе – 18–29 лет, то показатели существенно выше: 16,7 % юношей и молодых мужчин и 40,0 % девушек. Главное направление миграций – города, прежде всего Мурманск и Санкт-Петербург, реже – другие городские поселения области.

Уровень образования саамов достиг неплохих показателей (табл. 3). Доля лиц с высшим и средним специальным образованием довольно высока, у мужчин достигла 54,6 %, а у женщин – 63,7 %, и это притом, что покидают сельскую местность чаще всего лица с наиболее высоким уровнем образования (часто молодые саамы, окончившие вузы в городах, не возвращаются назад). Доля имеющих только начальное образование невелика, это в основном старики, и число их сокращается.

Последние десятилетия саамы все больше отходят от издавна присущих им занятий, и осваивают нетрадиционные для них профессии. Это относится к 9/10 мужчин и практически ко всем женщинам (табл. 4).

В прошлом хозяйство саамов характеризовалось сочетанием оленеводства, охоты и рыболовства. На берегу моря охотились на морского зверя, в частности нерпу, а в глубине тундры – на дикого оленя, лисицу, песца,

Уровень образования саамов (по данным опроса, взрослые, %)

The level of education of the Saami (according to the survey, adults, %)

Категория	Уровень образования					
	Начальное	Неполное среднее	Среднее общее	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее
Мужчины	4,5	20,5	20,4	43,2	-	11,4
Женщины	1,1	12,5	22,7	38,7	1,1	23,9

Социально-профессиональный состав саамов (по данным опроса, %)

Socio-professional composition of the Saami (according to the survey, %)

Категория	Социально-профессиональные группы							
	Традиционные занятия	Неквалифицированные рабочие	Квалифицированные рабочие	Специалисты	Руководители	Домохозяйки	Предприниматели	Безработные
Мужчины	8,3	27,8	27,8	16,7	-	-	-	19,4
Женщины	-	41,5	3,8	37,7	3,8	7,5	1,9	3,8

куницу, бобра. Однако к концу XIX в., в связи с истощением запасов промыслового зверя, значение охоты стало снижаться. Основной отраслью становится оленеводство, вспомогательной – рыболовство. Образ жизни у саамов был полукочевой. Существовали зимние и летние поселения, а также весенние и осенние стоянки [2, с. 310; 3, с. 52–59].

Как показало наше исследование, только очень немногие мужчины, менее 1/10, на официальной работе заняты оленеводством (в комплексе с охотой и рыболовством), больше оказалось тех, кто освоил рабочие профессии. Среди мужчин немало и безработных – каждый пятый. Среди женщин весьма высока доля специалистов, что согласуется с их высоким уровнем образования. Если учесть занятие оленеводством, охотой и рыболовством в нерабочее время, на досуге, то показатель у мужчин оказался 81,8 % от числа опрошенных мужчин от 18 лет и старше, а 69,0 % женщин не утратили навыков традиционной женской работы. Эти показатели меняются по возрастным группам в сторону уменьшения к молодым возрастным группам, особенно по занятию оленеводством у мужчин (табл. 5). Многие говорят об оленеводстве в прошедшем времени – занимались им раньше, в молодости, а сейчас, хотя навыки еще не растеряли, но фактически оленей не имеют. А вот охота и рыболовство практикуются и сейчас. Молодые женщины в основном навыки получили не столько от старшего поколения, в семье, как раньше, а через

Заняты в традиционной сфере деятельности в разных возрастных группах (включая нерабочее время) (по данным опроса, %)

Employed in a traditional field of activity in different age groups (including non-working hours) (according to the survey, %)

Возраст, лет	Мужчины			Женщины
	Оленеводство	Охота	Рыболовство	Традиц. работа
30 и старше	42,9	52,4	90,5	71,9
До 30	26,1	43,5	73,9	63,3

Таблица 3

Table 3

уроки труда и домоводства в школе (вышивка бисером, сувенирные изделия и т. п.).

Одежда саамов была связана с их хозяйственной деятельностью. Основным материалом для одежды служили олени шкуры и дубленые кожи, а также покупные сукно, холст и ситец. В качестве отделки использовали лисьи, заячьи и бобровые шкурки. Из овечьей шерсти вязали носки, рукавицы, пояса. Основной вид саамской одежды как мужчин, так и женщин – печок – одежда из оленьих шкур мехом наружу, глухого покроя, длиной ниже колен, немного расширяющаяся к подолу. Печок мужчины подпоясывали кожаным поясом с подвешенным к нему ножом в кожаных ножнах, женщины – по-

ясами, плетеными из шерсти. Зимняя шапка из меха или сукна имеет много вариантов кроя. Летом женщины носили сарафан, ситцевую кофту, передник, платок. Обувь шили из оленьих шкур или дубленых кож. Особенность саамской обуви – острый, загнутый вверх носок. После миграции оленеводов коми на Кольский полуостров многие саамы перешли на их тип одежды, который, в свою очередь, в прошлом был заимствован коми-ижемцами у кочевых ненцев (малица с капюшоном, пимы и т. д.) [2, с. 311; 4].

Наш опрос показал, что национальную одежду имеют 31,6 % мужчин (все возрастные группы, включая детей) и 35,6 % женщин. Однако в это число входят участники художественной самодеятельности, у которых эта одежда хранится не дома, а в школе или Доме культуры. Эту сценическую одежду лишь условно можно назвать национальной, она пошита в ателье и нередко стилизована.

У саамов по-прежнему широко используются блюда национальной кухни. Основа питания саамов – блюда из оленьего мяса и рыбы. Зимой больше ели мяса, летом – рыбу. Мясо употребляли в вареном, вяленом или замороженном виде. Деликатесами считались мозги, язык, желудок, грудинка, свежая кровь. Рыбу употребляли в вареном, жареном и вяленом виде. В большом количестве собирали ягоды (морознику, бруснику и т. д.). От соседних народов получали муку, готовили рыбу в тесте, пекли вместо хлеба ржаные лепешки, добавляя в тесто сосновую кору [2, с. 311; 4; 5, с. 39–43].

В настоящее время блюда традиционной кухни употребляют, согласно нашему опросу, 88,6 % мужчин, немного меньше женщин – 83,7 %, при этом регулярно – соответственно 72,7 и 60,5 %.

Различные предметы традиционной материальной культуры саамов (кроме одежды), согласно опросу, имеются в 68,6 % семей. Чаще всего это вещи, связанные с промыслами, а также разного рода декоративные и сувенирные изделия с национальной символикой.

Таблица 5

Table 5

К настоящему времени быстро завершается процесс языковой ассимиляции, переход на русский язык. Признали саамский язык родным всего 7,5 % опрошенных, 13,5 % признали родным сразу два языка – саамский и русский. Остальные 79,0 % считают родным исключительно русский язык. Распределение показателей родного языка по возрастным группам показывает табл. 6. С уменьшением возраста называют саамский язык родным все меньше респондентов.

Таблица 6
Родной язык саамов (по данным опроса, %)
Table 6
The native language of the Saami (according to the survey, %)

Возраст, лет	Родной язык		
	Саамский	Саамский и русский	Русский
70 и старше	69,2	23,1	7,7
60–69	20,0	35,0	45,0
50–59	4,2	50,0	45,8
40–49	4,7	4,8	90,5
30–39	-	6,3	93,7
20–29	-	4,8	95,2
10–19	-	-	100
До 10	-	2,9	97,1

Показатели по основному разговорному языку (т. е. который чаще используется в повседневной жизни) оказались еще ниже: лишь 0,5 % назвали саамский язык, 4,5 – два языка, саамский и русский, остальные 95,0 % – исключительно русский. Назвали основным разговорным саамский язык лишь пожилые люди. Среди тех, кто старше 70 лет, назвали его основным разговорным (наряду с русским) 53,9 %, остальные 46,1 % – русский. В средних и младших возрастных группах основной разговорный язык – только русский.

По показателю степени владения саамским языком ответы респондентов распределяются следующим образом: 9,5 % владеют этим языком свободно; 3,5 – с некоторыми затруднениями; 13,5 – со значительными затруднениями, 27,0 – только понимают, а говорить не могут; остальные

Таблица 7
Степень владения языком своей национальности саамами в разных возрастных группах (по данным опроса, %)
Table 7
The degree of proficiency in the language of their nationality in different age groups of the Saami (according to the survey, %)

Возраст, лет	Степень владения языком				
	Владеют свободно	С некоторыми затруднениями	Со значительными затруднениями	Понимают, но не говорят	Не владеют
70 и старше	76,9	-	15,4	7,7	-
60–69	25,0	15,0	25,0	30,0	5,0
50–59	8,3	4,2	54,1	29,2	4,2
40–49	9,5	4,7	4,8	52,4	28,6
30–39	-	6,3	15,6	46,9	31,2
20–29	-	-	4,8	28,6	66,6
10–19	-	-	-	17,1	82,9
До 10	-	-	-	5,6	94,4

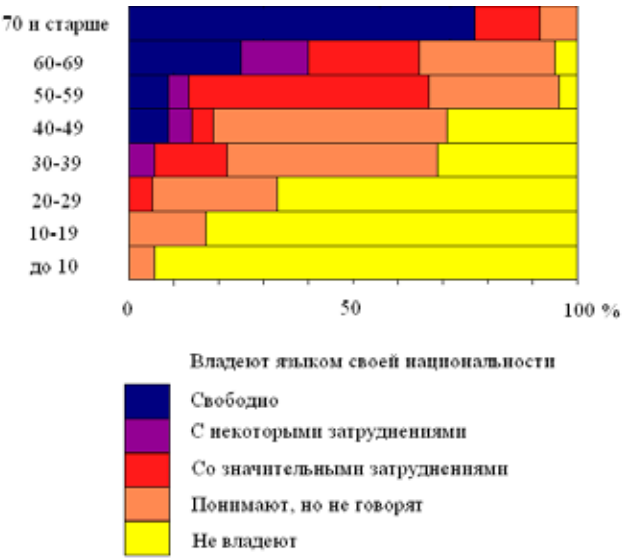

Рис. 2. Степень владения языком своей национальности саамами разных возрастных групп.
Pic. 2. The degree of proficiency in the language of their nationality by the Saami of different age groups.

46,5 % саамским языком не владеют вообще. Распределение данных показателей по возрастным группам показано в табл. 7 (рис. 2).

Среди детей лишь небольшое количество немного понимает саамский язык, но разговаривать на нем практически не могут. Часть из них освоили азы языка не от родителей, которые в большинстве своем не владеют им свободно, а в результате изучения языка в школе. Однако свободно владеющих этим языком среди детей не встретилось.

В разных сферах общения преобладает русский язык, саамский язык используется немногими (табл. 8).

Использование в жизни и быту саамского или двух языков указывали только пожилые люди, и часто – в прошлом времени: «В детстве я разговаривала немного со старшими родственниками на этом языке, но с тех пор, как они умерли, я больше на нем не разговариваю – не с кем». Даже среди пожилых людей большинство использовали когда-то в детстве этот язык наряду с русским: «...бабушка обращалась ко мне на саамском языке, я понимала, но отвечала по-русски».

В местных школах организовано изучение саамского языка. Результаты опроса по взрос-

Таблица 8
Использование саамского и русского языков в разных ситуациях (по данным опроса, %)
Table 8
The use of the Saami and Russian languages in different situations (according to the survey, %)

Используют при общении	Языки		
	Саамский	Саамский и русский	Русский
С родителями	8,0	38,0	54,0
С братьями и сестрами	6,3	8,4	85,3
С друзьями	1,0	11,9	87,1
С супругами	3,7	5,6	90,7
С детьми	-	5,8	94,2
На производстве	-	7,8	92,2

лым и детям школьного возраста оказались такими: 8,3 % заявили, что научились читать и писать, еще 25,0 % освоили чтение, но писать не могут, остальные 66,7 % с саамской письменностью не знакомы или не смогли освоить даже после изучения его в школе.

Фольклор саамов представлен песнями-импровизациями, мифами, сказками, историческими рассказами, загадками, пословицами [2, с. 311; 3, с. 60–64]. В настоящее время, согласно нашему опросу, подавляющее большинство саамов поют только на русском языке – 76,2 %, еще 23,2 % ответили, что поют на двух языках, и лишь 0,6 % преимущественно на саамском. Лишь 29,2 % опрошенных ответили, что помнят слова саамских песен, но из них только 10,7 % помнят их больше трех.

С таким видом фольклора, как саамские сказки, знакомы 46,4 % опрошенных (взрослые и дети школьного возраста), но на память их помнят только 15,5 %. Среди пожилых людей эти показатели выше, поскольку среди них больше тех, кто вообще понимает саамский язык. Среди тех, кому 60 лет и более, знакомы с народными сказками 75,8 %, а помнят их и могут рассказать 39,4 %.

Лишь понаслышке часть опрошенных саамов знают о некоторых национальных обрядах, в частности о свадебном обряде. Вопрос о браке раньше обычно решался родителями, но мнение молодых также учитывалось. Некоторое время (иногда до года) молодой муж отработывал у тестя. Свадьбы устраивались обычно зимой, когда было больше свободного времени. В брак вступали обычно по достижению 20 лет, причем нередко невеста была старше своего избранника [2, с. 311].

В ходе нашего опроса 40,8 % взрослых отметили, что слышали об отдельных элементах сватовства и свадебного обряда. В настоящее время этот обряд в быту не соблюдается, но некоторые видели его реконструкцию на сцене учреждений культуры – 7,8 %.

Своеобразием отличался похоронный обряд саамов [6, с. 51–67]. Наш опрос показал, что слышали и имеют представление о нем (хотя бы об его элементах) 21,4 % взрослых, но в быту его уже никто не наблюдал, даже старики.

Наш опрос позволяет судить о религиозных воззрениях современных саамов. Несмотря на давние попытки христианизации саамов (с XIV в.), до настоящего времени сохранялось и традиционное мировоззрение, которое включало веру в духов, населяющих природу, в загробную жизнь, поклонение солнцу и луне, в божеств – покровителей промыслов. В прошлом было распространено поклонение священным сейдам (камни антропоморфного вида, или горки из небольших камней). Им приносили жертвы – мазали камни кровью животных, рыбьим жиром. В мировоззрении саамов христианство и традиционная религия переплетались между собой [2, с. 312].

При опросе 11,4 % взрослых выразили свою приверженность традиционному культу, еще 6,1 % ответили, что

Таблица 9
Религиозная принадлежность саамов (по данным опроса, %)
Table 9
Religious affiliation of the Saami (according to the survey, %)

Категория	Атеисты	Традиционная культура	Православные	Традиционная культура и православ.	Протестанты	Другое
Мужчины	41,9	16,3	27,9	4,6	9,3	-
Женщины	20,5	9,1	59,1	6,8	1,1	3,4

Таблица 10
Религиозная принадлежность саамов разных возрастных групп (по данным опроса, %)

Table 10
Religious affiliation of Saami people of different age groups (according to the survey, %)

Возраст, лет	Атеисты	Традиционная культура	Православные	Традиционная культура и православ.	Протестанты	Другое
60 и старше	15,2	12,1	63,6	9,1	-	-
40–59	15,9	13,6	52,3	4,6	6,8	6,8
18–39	44,4	9,3	37,0	5,6	3,7	-

наряду с традиционным культом признают и православие, 48,9 % посчитали себя православными, 3,8 % – приверженцы западных течений, еще 2,3 % признают наличие «высшей силы», но ни к какой религии себя не относят, остальные 27,5 % выразили равнодушие к любой религии или назвали себя атеистами. Существуют различия по религиозным воззрениям между мужчинами и женщинами, а также между разными возрастными группами (табл. 9, 10).

Среди мужчин явно больше неверующих, чем среди женщин (в два раза), относительно больше приверженцев традиционного культа. Среди женщин намного больше относящих себя к православным, чем среди мужчин (в два раза). От старших поколений к младшим возрастает число атеистов, и уменьшается доля православных.

Смешение с другими этносами через браки обычно оказывает заметное влияние на этнические процессы. Отмечено, что рост числа и доли таких браков среди саамов был особенно заметен с 1970-х гг. [5, с. 74].

Однонациональных семей у саамов в выборке оказалось 25 (не считая одиночек), национально-смешанных – 52, или 67,5 %, что указывает на прорыв эндогамии. Большинство браков саамы заключают с коми-ижемцами и русскими (табл. 11, рис. 3).

Таблица 11
Национальный состав семей саамов (по данным опроса)
Table 11
The national composition of Saami families (according to the survey)

Национальный состав семей	Количество семей
Саамы	25
Саамы-русские	25
Саамы-коми	23
Саамы-мордва	1
Саамы-татары	1
Саамы-карелы	1
Саамы-белорусы-русские	1

Рис. 3. Национально-смешанные семьи: мужчина – русский; женщина – саамка.

Pic. 3. Nationally mixed families. Man – Russian, woman – Saami.

Национальный состав супружеских пар показан в табл. 12.

Высокий процент национально-смешанных семей привел к появлению большого количества лиц смешанного происхождения, тем более что в этих семьях подавляющее большинство детей определяются родителями как саамы – 89,5 %. Этот показатель постоянно растет, в 1969 г. в смешанных семьях относили к саамам детей по национальному признаку 60 % детей, в 1975 г. – 74, в 1985 г. – 86 % [5, с. 75]. Сейчас уже 72,0 % саамов являются смешанными по происхождению (табл. 13), а среди детей все являются метисами (табл. 14, рис. 4). Это означает, что при естественной смене поколений почти все саамы станут смешанной в этническом и антропологическом планах популяцией.

Саамы относятся к лапоноидному антропологическому типу [6, с. 52], в котором сочетаются как европеоидные, так и монголоидные признаки. Причем, европеоидные

Таблица 12
Национальный состав супружеских пар саамов
(по данным опроса, чел.)

Table 12
Nationality of the Saami spouses (according to the survey, people)

Национальность супругов	Мужчины	Женщины
Саамы	9	9
Русские	6	18
Коми	8	13
Мордва	-	1
Татары	-	1
Карелы	-	1
% смешанных браков	60,9	79,1

Таблица 13
Этнорасовый состав саамов (по данным опроса, %)

Table 13
Ethnic and racial composition of the Saami
(according to the survey, %)

Национальность ближайших предков		
Саамы	Саамы, монголоидные и европеоидные народы	Саамы и европеоидные народы
28,0	9,5	62,5

Таблица 14
Этнорасовый состав саамов разных возрастных групп
(по данным опроса, %)

Table 14
Ethnic and racial composition of Saami people of different age groups (according to the survey, %)

Возраст, лет	Национальность ближайших предков		
	Саамы	Саамы, монголоидные и европеоидные народы	Саамы и европеоидные народы
70 и старше	84,6	-	15,4
60-69	60,0	-	40,0
50-59	79,2	-	20,8
40-49	9,5	9,5	81,0
30-39	21,9	3,1	75,0
20-29	23,8	14,3	61,9
10-19	-	20,0	80,0
0-9	-	17,6	82,4

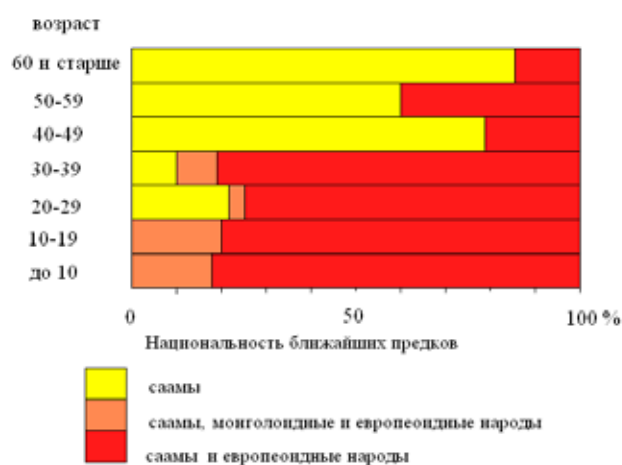

Рис. 4. Этнорасовый состав саамов разных возрастных групп.

Pic. 4. The ethno-racial composition of the Saami people of different age groups.

черты у них визуально явно преобладают. Смешение же происходит в основном с представителями европеоидной расы, к которой относятся коми и русские. Монголоидный компонент попал в Кольскую тундру через ненцев-оленьеводов, которые в небольшом количестве перекочевали сюда в конце XIX в. вместе с коми-ижемцами. Ненцы тоже относятся к смешанному расовому типу, но у них монголоидные черты явно более заметны, чем у саамов. В родословную саамов этот компонент попал не столько через браки с ненцами, сколько опосредованно, через браки с ижемцами, которые уже имели ненецкий компонент в своей родословной. Поэтому доля ненецкого компонента у саамов невелика. Они имеют ненцев не среди родителей, а среди бабушек, дедушек или более отдаленных предков. Половину монголоидного компонента имеют в своей родословной лишь 0,5 % опрошенных саамов, а менее половины (1/4 или 1/8) – 9,0 %. Так что к заметному усилению монголоидных черт эти браки не ведут. А вот нарастание европеоидных черт и размывание лапоноидного облика через браки идет стремительно. Лишь 28,0 % не имеют в своей родословной представителей европеоидных народов (русских, коми, украинцев и т. д.), 7,5 % имеют менее 1/2 этого компонента (1/4, 1/8 и т. д.), 42,5 % – половину,

а 22,0 % – более половины. Даже у чистокровных саамов монголоидный компонент в чертах лица проявляется весьма слабо. Те, кто замечает какие-либо особенности, чаще всего указывают не на черты лица, а на маленький рост многих саамов. А вот смешанное саамско-русское и саамско-ижемское население отличить от русских вообще затруднительно.

Со сменой поколений европеоидность саамов все больше нарастает, что наглядно видно при сравнении разных возрастных групп (табл. 15, рис. 5, 6).

Таблица 15
Доля европеоидного компонента в разных
возрастных группах саамов (по данным опроса, %)

Table 15
The share of the Caucasian component in different age groups of
the Saami (according to the survey, %)

Возраст, лет	Доля европеоидного компонента			
	Нет	Менее 1/2	1/2	Более 1/2
70 и старше	84,6	-	15,4	-
60-69	60,0	5,0	35,0	-
50-59	79,2	4,2	16,6	-
40-49	9,5	4,8	76,2	9,5
30-39	21,9	18,7	53,1	6,3
20-29	23,8	4,8	52,4	19,0
10-19	-	8,6	42,8	48,6
До 10	-	2,9	41,2	55,9

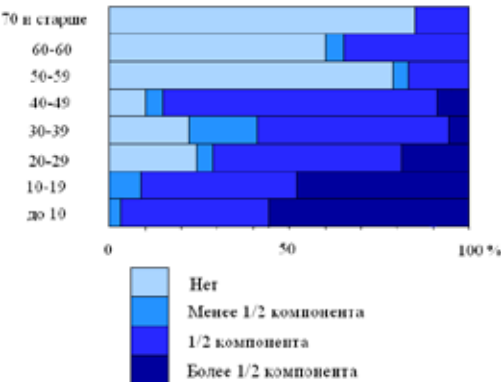

Рис. 5. Доля метисов с европеоидным компонентом в разных возрастных группах саамов.
Pic. 5. The proportion of mestizos with a Caucasian component in different age groups of the Saami.

У детей европеоидность достигла такого уровня, что отличить их визуально от детей русских и ижемцев стало практически невозможно.

Из числа метисов, определивших себя как саамы, 86,4 % уверены в своем выборе, остальные 13,6 % «колеблются» между двумя национальностями родителей.

В родословной саамов в нашей выборке встретилось 21 сочетание разных национальностей (табл. 16).

Чаще всего в родословных саамов встречались русские – у 47,0 % опрошенных, коми-ижемцы – у 34,0 %, ненцы – у 8,5 %, остальные национальности отмечаются реже.

В целом можно констатировать, что саамы быстро превращаются в группу русскоязычных метисов, но с сохранением этнического самосознания. При этом остается приверженность мужчин традиционным промыслам (охоте

Рис. 6. Саамы-метисы: А – украинка-саамка; Б – русская-саамка; В, Г – коми-саамка.
Pic. 6. The Saami - Mestizos. А – Ukrainian - Saami woman; Б – Russian - Saami; В, Г – Komi - Saami.

Таблица 16
Национальность ближайших предков саамов (по данным опроса)
Table 16
Nationality of the Saami's closest ancestors (according to the survey)

Национальность	Количество, чел.	Национальность	Количество, чел.	Национальность	Количество, чел.
Саамы (с)	56	С-к-рус	17	С-к-рус-евреи	2
С-коми (к)	21	С-к-укр	2	С-к-белорусы-ненцы	3
С- русские (рус)	64	С-к-ненцы	9	С-к-мордва-ненцы	2
С-украинцы (укр)	2	С-к-цыгане	2	С-к-р-ненцы-таджики	3
С-белорусы	4	С-рус-евреи	2	С-к-рус-карелы-вепсы	2
С-мордва	2	С-к-карелы	1		
С-немцы	1	С-к-рус-белорусы	1		
С-цыгане	1	С-к-рус-мордва	3		

и рыболовству), которые поставляют продукцию для традиционной кухни. Усугубляет ассимиляционные процессы то, что около половины саамов оказалось за пределами основной этнической территории, а также то, что на своей этнической территории они составляют меньшинство, все это не способствует сохранению национальной культуры и языка.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.html (дата обращения: 12.01.2024).

2. Народы России. Энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1994. – 479 с.
3. Черняков, З. Е. Очерки этнографии саамов / З. Е. Черняков. – Рованиemi : Университет Лапландии, 1998. – 110 с.
4. Лукьянченко, Т. В. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX–XX в. / Т. В. Лукьянченко. – Москва : Наука, 1971. – 167 с.
5. Козлов, А. И. Кольские саамы в меняющемся мире / А. И. Козлов. – Москва : Институт Наследия, 2008. – 101 с.
6. Гохман, И. И. О погребальном обряде и краниологии лопарей / И. И. Гохман, Т. В. Лукьянченко, В. И. Хартанович // Полевые исследования Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 1976. – С. 51–67.
- doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.html (accessed: 12.01.2024).
2. Narody Rossii. Enciklopedija [Peoples of Russia. Encyclopedia]. – Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1994. – 479 p.
3. Chernyakov, Z. E. Ocherki etnografii Saamov [Essays on the Ethnography of the Saami] / Z. E. Chernyakov. – Rovaniemi: University of Lapland, 1998. – 110 p.
4. Lukyanchenko, T. V. Material'naja kul'tura saamov Kol'skogo poluostrova konca XIX–XX v. [Material Culture of the Saami of the Kola Peninsula at the end of XIX - XX centuries] / T. V. Lukyanchenko. – Moscow: Nauka, 1971. – 167 p.
5. Kozlov, A. I. [et al.] Kol'skie saamy v menjajushemsja mire [The Kola Saami in a changing world] / A. I. Kozlov. – Moscow: Heritage Institute, 2008. – 101 p.
6. Gokhman, I. I. O pogrebal'nom obrjade i kranilogii Loparej [On burial rites and craniology of the Laplanders] / I. I. Gokhman, T. V. Lukyanchenko, V. I. Khartanovich // Polevye issledovanija Instituta jetnografii im. N.N. Mikluho-Maklaja [Field Studies of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnography]. – Moscow: Nauka, 1976. – P. 51–67.

References

1. Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 [All-Russian population census 2010]. – URL: http://www.gks.ru/free_

Информация об авторе:

Кривонов Виктор Павлович – доктор исторических наук, доцент, профессор Гуманитарного института Сибирского федерального университета; ORCID: 0000-0003-1255-2366 (660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр-кт Свободный, д. 79; e-mail: victor950@yandex.ru).

Author:

Viktor P. Krivonogov – Dr. Sci. (History), Associate Professor of the Humanitarian institute of Siberian Federal University (79, Svobodny ave., Krasnoyarsk 660041, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-1255-2366. e-mail: victor950@yandex.ru

Для цитирования:

Кривонов, В. П. Саамы: современные этнические процессы / В. П. Кривонов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 108–115.

For citation:

Krivonogov, V. P. The Saami: modern ethnic processes / V. P. Krivonogov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2024. – No. 2(68). – P. 108–115.

Дата поступления статьи: 25.03.2024

Прошла рецензирование: 29.03.2024

Принято решение о публикации: 05.04.2024

Received: 25.03.2024

Reviewed: 29.03.2024

Accepted: 05.04.2024

А. М. Мартюшёв – политик, краевед, исследователь исторической демографии Коми (к 150-летию со дня рождения)

И. Л. Жеребцов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

Статья посвящена первому в Коми исследователю историко-демографического развития региона, известному краеведу, видному политическому и общественному деятелю Коми края А. М. Мартюшёву. Освещен вклад исследователя в изучение демографического развития Коми с середины XVII в. до 1926 г., приведен обзор его публикаций, посвященных истории и культуре коми народа, отмечена роль в развитии краеведения в Коми автономной области. Дан очерк жизни А. М. Мартюшёва, уточнены некоторые биографические данные, приведены некоторые биографические сведения. Статья приурочена к 150-летию со дня рождения политика и краеведа.

Ключевые слова:

история Коми, историческая демография, национальная культура, историография, земство, установление советской власти

В марте 2024 г. исполнилось 150 лет со дня рождения видного политического и общественного деятеля Коми края, известного краеведа и одного из первых в Коми исследователя историко-демографического развития региона А. М. Мартюшёва. Несмотря на наличие серии публикаций, в которых в различной степени затрагиваются различные аспекты жизни и деятельности А. М. Мартюшёва [1–9 и др.], далеко не все его работы 1920-х гг. удостоены внимания исследователей, а ряд аспектов его биографии (включая даты рождения и смерти) требует коррекции. В настоящей работе приведены уточненные биографические данные А. М. Мартюшёва, а также общий обзор его трудов.

Алексей Макарович Мартюшёв родился в с. Щугор (сейчас д. Усть-Щугер) на Печоре. Датой его рождения в посвященных ему публикациях указывалось 26 марта (по нов. ст.) 1874 г. [10–12 и др.] – в полном соответствии с автобиографией, собственноручно написанной им 14 декабря 1926 г. [13, л. 3; 14, с. 91]. Однако А. М. Мартюшёв... ошибся! Согласно двум сохранившимся в домашнем архиве В. М. Каслина (внука А. М. Мартюшёва) дооктябрьским

A. M. Martyushev – politician, local historian, researcher of the historical demography of Komi (on the 150th birth anniversary)

I. L. Zherebtsov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktvykar
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The paper is devoted to the first researcher of the historical and demographic development of the Komi region, a well-known local historian, a prominent political and public figure of the Komi Territory A. M. Martyushev. The contribution of the researcher to the study of the demographic development of Komi since the mid-XVII century to 1926 is highlighted, an overview of his publications on the history and culture of the Komi people is given, and his role in the development of local lore in the Komi Autonomous Region is noted. An outline of the life of A. M. Martyushev is given, some biographical data are clarified. Some biographical information is provided. The paper is dedicated to the 150th birth anniversary of the politician and local historian.

Keywords:

Komi history, historical demography, national culture, historiography, Zemstvo, the establishment of Soviet power

документам – выданному в Усть-Сысольске ополченческому билету (фото 1) и полученному в 10-й петроградской гимназии свидетельству о сдаче экзаменов для вольноопределяющихся (фото 2), – датой его рождения по старому стилю является 13 марта (копии документов В. М. Каслин любезно предоставил автору данной статьи).

В советский период (с января 1918 г.) в официальных документах даты следовало указывать уже по новому стилю. Это и вызвало путаницу с датой рождения. К соотношению дат по старому и новому стилям в различные периоды времени представители старших поколений в середине 1920-х гг. еще не привыкли. Пересчитывая дату своего рождения со старого на новый стиль, А. М. Мартюшёв прибавил к 13 марта еще 13 дней и получил 26 марта. Но так следовало делать только с датами начала XX в. А. М. Мартюшёв появился на свет в XIX в., и для перевода даты его рождения со старого стиля на новый нужно было прибавить к 13 марта не 13, а 12 дней. Так что по новому стилю А. М. Мартюшёв родился не 26 марта, как писал он в автобиографии, а 25 марта.

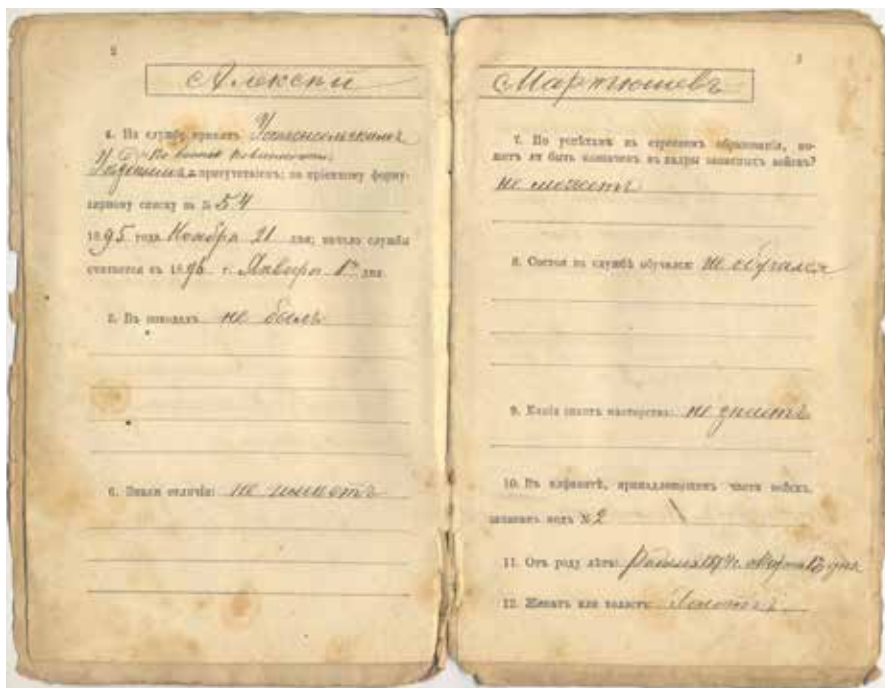

Фото 1. Ополченческий билет А. М. Мартюшёва.
Photo 1. Militia card of A. M. Martyushev.

Фото 2. Свидетельство о сдаче экзаменов А. М. Мартюшёва.
Photo 2. Certificate of passing the exams by A. M. Martyushev.

В «личном листке ответственного работника» Коми областной плановой комиссии А. М. Мартюшёва 15 декабря 1925 г. записано, что его «социальное происхождение – крестьянин» [13, л. 1].

Алексей Мартюшёв получил неплохое домашнее образование (помогли отец и брат Александр), благодаря чему в 1886–1895 гг. работал помощником волостного писаря, затем писарем в Усть-Кожве, Мохче и Щугоре [13, л. 1 об., 3 об.]. 21 ноября 1895 г. усть-сысольское уездное присутствие приняло его на военную службу по воинской повинности. Согласно ополченческому билету, срок военной службы начал отсчитываться с 1 января 1896 г. (обе даты по старому стилю – далее «ст. ст.»). А. М. Мартюшёв служил сначала в Усть-Сысольске, затем в Тбилиси, и там, и там тоже занимался писарским делом [13, л. 1 об., 3 об.; 14, с. 92] – являлся, как сказано в упоминавшемся выше ополченческом билете, «писарем старшего разряда высшего оклада Окружного инженерного управления Кавказского

военного округа». Позднее (в 1925 г.) А. М. Мартюшёв даже сообщал, что его «основная профессия – письмоводство, с 1886 года по настоящее время» [13, л. 1]. Какие-либо его служебные достижения в ополченческом билете не отмечены: в походах не был, знаков отличия не получил, «по успехам в строевом образовании <...> в кадры запасных войск» назначен быть не может, на службе чему-либо не обучался, какие-либо «мастерства» не знает (см. фото 1). Впрочем, сам А. М. Мартюшёв ни к чему такому, очевидно, не стремился, указав в автобиографии, что «на военной службе имел много свободного времени и за это время очень много читал, преимущественно беллетристику» [14, с. 92].

2 декабря (ст. ст.) 1899 г. А. М. Мартюшёв был уволен в запас, на следующий день получил документ о том, что отпускается в с. Щугор и отбыл на родину (в автобиографии 1926 г. он написал, что уволен в запас в начале 1900 г. [13, л. 3 об.]). Согласно ополченческому билету, прибытие А. М. Мартюшёва в Усть-Сысольск было отмечено в «алфавите запасных нижних чинов Усть-сысольского полицейского управления» 23 декабря (ст. ст.) 1899 г. Из Усть-Сысольска он отправился в Щугор: в том же документе указано, что 3 января (ст. ст.) 1900 г. «писарь Мартюшёв записан в алфавит запасных нижних чинов в Щугорском волостном правлении», «проживает в с. Щугор». Однако в родном селе А. М. Мартюшёв пробыл недолго и переехал в с. Печорское (совр. Троицко-Печорск), где работал в местной конторе шведской лесопромышленной фирмы «Альфред Линдбек и К°». Он познакомился с «девицей с. Печерского» Анастасией Ефимовной Бажуковой, и 27 августа (ст. ст.) 1900 г. священник Николай Попов обвенчал их в Печорской Троицкой церкви.

В том же 1900 г. началась общественная деятельность А. М. Мартюшёва. Важную роль в организации уездной общественной жизни играли земства. Осенью 1900 г. А. М. Мартюшёв был на три года (1901–1903) избран земским гласным, членом Усть-Сысольской уездной земской управы и «заступающим место» председателя управы [13, л. 1 об., 4]. В упоминавшемся выше «личном листке» А. М. Мартюшёв указал, что являлся членом земской управы до 1907 г. [13, л. 1 об.]. Следовательно, он избирался земским гласным и членом управы еще раз в конце 1903 г. (на 1904–1906 гг.).

Земства занимались развитием местного хозяйства, просвещения и здравоохранения, многое сделали для открытия учебных заведений, библиотек-читален, медицинских учреждений, улучшения организации крестьянского труда и др. [15]. А. М. Мартюшёв на земской службе много внимания уделял просвещению сельского населения, добился выделения стипендий для деревенских детей, желавших учиться в городском училище [13, л. 4; 14, с. 92]. Основным занятием А. М. Мартюшёва было изучение кустарных промыслов, существовавших в Усть-Сысольском уезде. Как земский кустарный агент он объездил весь уезд, от Печоры до Летки. Результатом его деятельности стала изданная в 1904 г. книга «Краткий очерк кустарных промыслов населения Усть-Сысольского уезда» [16] – первая публикация А. М. Мартюшёва. В ней содержатся разнообразные сведения о занятиях жителей Коми края: о смолокурении, выделке лодок, глиняной и деревянной посуде, сапожничестве, изготовлении гармоник, столярном, кузнечном и других промыслах. Подробнее всего освещена деятельность брусного промысла на Печоре, включая его историю, организацию работы, условия жизни работников. Этнографы высоко оценивают содержащиеся в книге материалы, являющиеся ценным источником для изучения традиционных хозяйственных занятий коми крестьянства [17].

Для изучения возможностей сбыта продукции крестьянских промыслов А. М. Мартюшёв в начале 1905 г. ездил в г. Ирбит Пермской губернии (уехал из Усть-Сысольска 21 января ст. ст., прибыл туда 6 февраля ст. ст., уехал в Щугор 11 февраля ст. ст.), где проводились ярмарки. В 1905 и 1906 гг. А. М. Мартюшёв сделал на уездных земских собраниях доклады о крестьянских промыслах. В своем выступлении в 1905 г. он отметил, что «отхожие... промыслы мало облегчают незавидное экономическое положение крестьянина, ибо самый факт отхода является уже показателем низкого уровня благосостояния уходящих». «С прекращением в уезде упомянутых промыслов население неизбежно станет лицом к лицу с острой нуждой и, не находя заработка на месте, в поисках такового вынуждено будет идти на фабрики и заводы, чем и порвать всякую связь со своей деревней и земледелием», – подчеркнул А. М. Мартюшёв [18].

События Первой русской революции 1905–1907 гг. затронули Усть-Сысольский уезд, заметно оживив местную политическую жизнь. В среде уездной интеллигенции популярностью пользовалась созданная в октябре 1905 г.

Российская конституционно-демократическая партия (кадеты), выступавшая за конституционную монархию, равенство всех граждан перед законом, свободу совести и вероисповедания, митингов и демонстраций, слова и печати, объединения в союзы и общества, неприкосновенность личности и жилища, свободу экономической деятельности и т. д. В конце 1905 г. по инициативе учителя Визингской начальной школы А. Н. Вешнякова была образована усть-сысольская группа кадетов, состоявшая из учителей, земских служащих и др. [19]. Ее активным участником был земский статистик В. Ф. Попов, с которым довольно тесно общался А. М. Мартюшёв. Кадетских воззрений придерживался и председатель уездной земской управы В. И. Беляев [13, л. 4 об.].

А. М. Мартюшёв примкнул к кадетской группе, на выборах в I Государственную Думу в начале 1906 г. голосовал за кадетов. После роспуска I Государственной Думы усть-сысольская группа кадетов в конце июля – начале августа 1906 г. растиражировала «Выборгское воззвание» депутатов Думы («Народу от народных представителей») на гектографе, причем сделала и его перевод на коми язык; это был первый в истории политический документ на коми языке. Кадеты разбрасывали листовки с воззванием в Усть-Сысольске, рассылали его в конвертах по уезду. А. М. Мартюшёв принял в этом активнейшее участие: «Очень усердно законвертовывал это воззвание и рассылал <...> по уезду» [13, л. 4 об.; 14, с. 93; 19].

Осенью 1906 г. усть-сысольские кадеты подготовили и напечатали протест-обращение к гласным усть-сысольской земской управы в связи с увеличением количества конных и пеших стражников и урядников в городе. Вполне вероятно, что его должен был распространить среди земцев член управы А. М. Мартюшёв, но до этого не дошло – тираж конфисковала полиция. На квартирах А. М. Мартюшёва и других кадетских деятелей неоднократно производились обыски. Вскоре после этого земская работа А. М. Мартюшёва закончилась. «Крамольных», по выражению А. М. Мартюшёва, земцев к участию в новом составе земских органов (сформированных в октябре 1906 г.) не допустили. В анкете А. М. Мартюшёв указал последним годом своей работы в управе 1907 г. [13, л. 1 об.], хотя фактически его земская карьера завершилась на исходе 1906 г., поскольку в начале 1907 г. к исполнению своих обязанностей приступили уже вновь избранные земцы.

По записи в ополченческом билете можно судить, что А. М. Мартюшёв вернулся в Щугор 17 марта (ст. ст.) 1907 г. Он вернулся к знакомому «письмоводству» – стал работать волостным писарем [13, л. 1 об.] (в автобиографии он написал, что это произошло в 1908 г. [13, л. 4 об.]). В автобиографии А. М. Мартюшёв написал, что однажды (когда именно, не сообщается) на волостном крестьянском сходе сказал «несколько слов <...> о бесчинствах и произволе полиции», по распоряжению вологодского губернатора был арестован на три месяца, посажен в усть-сысольскую тюрьму, но через две недели выпущен на свободу [там же].

Далее данные «личного листка» и автобиографии снова противоречат друг другу. В автобиографии А. М. Мартю-

шёв писал, что его отстранили от службы как политически неблагонадежного, и он занимался крестьянским хозяйством в Щугоре, а в 1913 г. переселился в Троицко-Печорск [там же]. В «личном листке» А. М. Мартюшёва сказано, что он работал волостным писарем в 1907–1914 гг. [13, л. 1 об.]. Возможно, что упомянутый инцидент с арестом произошел незадолго до переезда из Щугора в Троицко-Печорск, и А. М. Мартюшёв короткое время оставался без места писаря, а в 1913 г. перебрался в Троицко-Печорск, на родину супруги, где и нашел какую-то писарскую работу, связанную с организацией работ по постройке запланированной Камско-Печорской железной дороги (из Прикамья в Троицко-Печорск). В ополченческом билете отмечено, что он принят на учет в с. Печорское (Троицко-Печорске) 14 июля (ст. ст.) 1913 г. Там А. М. Мартюшёв прожил до середины 1914 г. По информации, которую любезно предоставила автору ученый секретарь Национального музея Республики Коми В. А. Сова, в 1902 г. у Мартюшёвых родилась дочь Нина, но в том же году умерла. Других детей у Мартюшёвых не было.

31 декабря 1913 г. А. М. Мартюшёв был снят с военного учета запасных нижних чинов, но мирное течение жизни нарушилось летом 1914 г. Началась Первая мировая война. 18 (31) июля Россия объявила всеобщую мобилизацию. А. М. Мартюшёва мобилизовали. 9 августа (ст. ст.) в его ополченческом билете появился штамп усть-сысольского воинского начальника «Здоров». Вначале он служил в Петроградском округе в ополченческой дружине унтер-офицером. В октябре 1914 г. часть войск Петроградского округа отправили на Северо-Западный фронт в Польшу. На фронте А. М. Мартюшёв стал фельдфебелем роты [13, л. 1, 5].

А. М. Мартюшёву довелось принять участие в первой крупномасштабной оборонительной операции русских войск – «Битве на четырех реках» (Бзуре, Равке, Пилице и Ниде), одной из крупнейших операций Первой мировой войны, проходившей в конце ноября 1914 – начале января 1915 гг. А. М. Мартюшёв писал в автобиографии, что «всю зиму 1914/15 г. провел в памятном сидении на Бзуре и Равке, под постоянным артиллерийским обстрелом противника, нередко ураганным. Раз был контужен, несколько раз приходилось с окопов отбивать атаку немцев» [13, л. 5; 14, с. 93]. Именно на нижней Бзуре (левый приток Вислы) и нижней Равке (впадавшей в Бзуру) развернулись самые ожесточенные бои, сопровождавшиеся массированными артиллерийскими обстрелами. Русские остановили вражеский натиск и закрепились на оборонительном рубеже на левобережье Вислы. Началась позиционная война.

Не помогло противнику и использование химических снарядов. 18 (31) января 1915 г. по позициям русских войск на р. Равка немцы выпустили 18 тыс. снарядов со слезоточивым газом. Это было первое массированное применение химических боеприпасов во время военных действий на восточноевропейском театре военных действий. Из-за низкой температуры воздуха концентрация паров слезоточивого газа оказалась недостаточной для достижения боевого эффекта. Немецкое командование сочло приме-

нение газа неудачным. Но многие русские солдаты, надышавшись газа, на несколько часов потеряли сознание и не подавали признаков жизни. А. М. Мартюшёв в своей автобиографии о газовой атаке не упоминал [12; 14]. Впрочем, об использовании газов в военных целях и результатах их воздействия солдаты не имели тогда представления.

В мае 1915 г. немецкие войска из Восточной Пруссии предприняли наступление в направлении Риги, заняли часть Курляндской губернии. Для защиты Риги в июне 1915 г. с Северо-Западного фронта было направлено некоторое количество войск, в том числе воинскую часть, в которой служил А. М. Мартюшёв [13, л. 5]. Наступление немцев было остановлено, но в июле 1915 г. возобновилось. 4 (17) августа 1915 г. для ведения боевых действий в Прибалтике русское командование создало Северный фронт. В частях произошла ротация. Солдат старших возрастов заменили более молодыми и отправили в тыл на караульную службу. А. М. Мартюшёв попал в Петроград, служил фельдфебелем в 90-й пешей Вологодской дружине.

28–30 марта (ст. ст.) 1916 г. он сдал при 10-й Петроградской гимназии экзамены (Закон Божий, русский язык, арифметика, геометрия, история, география) по программе, установленной для лиц, желающих поступить на службу вольноопределяющимся, набрал 20 баллов. 5 апреля 1916 г. А. М. Мартюшёв получил свидетельство, давшее ему право на получение офицерского чина, и был направлен для обучения в Школу прапорщиков Северного фронта (бывшую Школу прапорщиков Государственного ополчения VI армии), находившуюся в Гатчине. В юнкерах этой школы он пробыл недолго, поскольку не смог из-за возраста пройти необходимую строевую подготовку и был отправлен обратно в свою ополченческую роту.

Во время Февральской революции достаточно начитанный А. М. Мартюшёв оказался среди ополченцев, по его словам, «центральной фигурой», поскольку «горячо мог клеймить полицейский монархический строй, говорить о бесцельности продолжения войны» [13, л. 5 об.]. Ополченцы выдвинули его в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, и 2 марта А. М. Мартюшёв уже заседал там. В дальнейшем он включился в работу юридической секции Петросовета и трудился во временном суде Спасского района представителем от солдат. А. М. Мартюшёв стал одним из организаторов проведения собрания коми солдат Петроградского гарнизона 8 апреля 1917 г., участники которого сформулировали свое отношение к политической ситуации в стране и Коми крае. Принятая на собрании резолюция, как представляется, вполне отражает политические взгляды А. М. Мартюшёва в тот исторический момент. Полагаю, что именно он являлся ее основным автором. Коми солдаты признавали необходимым «поддерживать временное правительство, поскольку оно будет выполнять принятые им на себя перед страной обязательства и действовать в согласии с Советом рабочих и солдатских депутатов, признаваемым нами истинным представительством всех трудящихся классов России, которому выражаем полное доверие и будем поддерживать во всех выступлениях его... Иметь неустанную

заботу о поддержании завоеванной нами свободы и нового государственного строя и быть в каждую минуту готовым мощной силой уничтожить всякую попытку восстанавить старый строй, так долго угнетавший народ...» [12].

Как член Петроградского Совета А. М. Мартюшев обратился к «гражданам зырянам» с призывом: «Идет организация страны до созыва Учредительного собрания, которое должно дать нам землю и волю, установить порядок управления страной <...> Призываю вас, граждане зыряне, к участию в строительстве новой России. Организуйтесь! Создавайте местные организации для устройства своей жизни на новых началах свободы, равенства и братства» [20]. Вскоре у него появилась возможность реализовать свой призыв на практике. В конце апреля 1917 г. солдаты старших возрастов были демобилизованы и А. М. Мартюшев отправился на родину.

События Февральской революции оказали немалое воздействие на жизнь Коми края. Население политизировалось, возникло несколько общественных организаций. 30 апреля 1917 г. в Усть-Сысольске по инициативе В. Ф. Попова, А. Н. Вешнякова и А. М. Мартюшева была организована «Партия обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда», преобразованная 4 мая 1917 г. в «Общество обновления...». (Подробнее о деятельности «Общества обновления...» см.: [1; 19; 20]). Общество выступило инициатором создания волостных Советов и созыва уездного съезда крестьянских депутатов [21]. А. М. Мартюшев являлся товарищем (заместителем) председателя первого Усть-Сысольского уездного съезда крестьянских депутатов (август 1917 г.), членом уездного земельного комитета, инструктором по организации волостных земств. В сентябре 1917 г. А. М. Мартюшев был избран гласным уездного земского собрания и участвовал в земском собрании в октябре 1917 г. [13, л. 6]. «Общество обновления...» официально прекратило существование 15 октября 1917 г. по подписанному А. М. Мартюшевым решению комитета общества.

О том, как А. М. Мартюшев отнесся к Октябрьской революции, точно не известно. Сам он в автобиографии позднее писал об этом весьма осторожно: сообщения о событиях в Петрограде, мол, были противоречивы и подтасованы врагами революции, поэтому определенное мнение о произошедшем составить было трудно. Можно предположить, что А. М. Мартюшев к Октябрьскому перевороту отнесся без энтузиазма. У местных политических лидеров сохранялись надежды на то, что в России большевистское владычество не установится. Но эти надежды быстро растаяли. В губернских центрах установилась Советская власть. В уездные центры поступали телеграммы из Петрограда с требованиями действовать на местах в соответствии с указаниями большевистских лидеров. Возвращавшиеся с фронта солдаты были в значительной мере настроены пробольшевистски. Появились и специально направленные солдаты-агитаторы, которые должны были оказать помощь в сплочении местных сторонников нового российского большевистско-левоэсеровского правительства. Эти агитаторы и находившиеся под большевистским влия-

нием демобилизованные солдаты предприняли попытки захвата власти. Никто из «старых» и «новых» претендентов на власть не мог справиться с управлением в одиночку. Требовалось соглашение, компромисс между различными политическими силами [22; 23].

Такой компромисс достигли на учредительном съезде в январе 1918 г., где был создан Усть-Сысольский уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ставший верховной властью в уезде. Председателем Совета и его исполнительного комитета стал А. М. Мартюшев (подробнее об этом см.: [7; 12; 20]). Новое руководство уезда занялось реформой местных органов власти, решением неотложных проблем хозяйственного развития. Одной из важных проблем, обсуждавшихся в первые месяцы 1918 г., являлось формирование автономии для коми народа. Раздавались голоса и за как можно более полную и широкую автономию, и против нее. Позиция А. М. Мартюшева была весьма взвешенной и реалистичной. «Я <...> не принадлежу к автономистам <...>, – говорил он на съезде. – Полная автономия может заstopить жизнь зырян на 100 лет <...> Полная автономия зырянам непосильна. Мы не сможем содержать сами милицию, дороги, народное просвещение, медицину и проч. <...> Наша автономия будет только на бумаге» (подробнее см.: [12; 24; 25]).

Большевики и сочувствовавшие им требовали от исполкомов более решительных действий, т. е. более последовательного осуществления насильственных мер, выходящих за рамки основных законов и связанных с изъятием «излишков», перераспределением земли. Если руководители Усть-Сысольского и других уездов с нежеланием шли на применение насильственных мер и считали их вынужденными и кратковременными, то их оппонентам виделась иная перспектива: насилие должно было сделаться постоянным структурным элементом системы власти в ущерб более-менее мирному сосуществованию, связанному с постепенным, более медленным вытеснением «эксплуататоров» с помощью экономических методов. Экономическая разруха, угроза голода отнюдь не способствовали остужению страстей. Часть населения требовала немедленных решительных действий, улучшения положения любым путем, в ущерб законности, правам человека, невзирая на возможные катастрофические последствия. Выразителем интересов этой части населения стали большевики [22; 23].

Прийти к власти большевики, не пользовавшиеся достаточным авторитетом в уездах, могли только путем переворота, причем перевороту должны были содействовать внешние силы. В Усть-Сысольске такой силой стал красноармейский отряд С. Н. Ларионова, прибывший сюда по пути из Архангельска на Печору 13 июня 1918 г. В это время в Усть-Сысольске стремительно развивался острый конфликт, связанный с именем торговцев Кузьбожевых в местечке Човью (подробнее см.: [2; 9; 20; 22]).

15 июня состоялось заседание, в котором участвовали члены городского Совета, некоторые члены уездного исполкома, представители волостей, городского гарнизона, руководители красноармейцев. На нем действия

А. М. Мартюшёва и других руководителей уездного исполкома подверглись резкой критике. С. Н. Ларионов настоял на удалении из уездисполкома А. М. Мартюшёва и еще трех человек. А. М. Мартюшёв заявил собравшимся, что не может работать под дулом направленных на него револьверов. «Я ухожу под давлением силы и насилия, – сказал он. – Теперь, когда говорят, что никаких законов не нужно, и что всякая кучка никем не уполномоченных людей может явочным порядком в любое время удалить со службы представителя своего уезда, – я уже вижу, что в стране наступает анархия со всеми разрушительными последствиями» [2; 22].

Несколько дней спустя газета «Зырянская жизнь» сообщила: «Вынужденный оставить службу в Усть-Сысольске председатель совдепа А. М. Мартюшёв уехал в Пермь. В связи с перечислением Печорского края в Пермскую губернию он, как представитель этого края, предполагает выступить в Перми с большим докладом и развить широкие планы по экономическому и культурному развитию Печорского края» [26]. В Перми А. М. Мартюшёв поступил в Продовольственную экспедицию, направленную на Печору. Осенью там начался «красный террор» (подробнее см. [27; 28]), и он уехал с Печоры в Вологду, в октябре 1918 г. поступил на работу в губернский продовольственный комитет, весной 1919 г. перешел в кустарный отдел Северосоюза и занялся хорошо знакомыми ему кустарными промыслами.

В июле 1919 г. А. М. Мартюшёва командировали в Усть-Сысольск на уездный съезд кооператоров. Там он узнал, что белые расстреляли на Печоре его брата Александра и двух его старших сыновей. А. М. Мартюшёв решил остаться в Усть-Сысольске. В июле 1919 г. на съезде кооператоров он был избран председателем Усть-Сысольского союза кооператоров. Жена его осталась в Троицко-Печорске, брак их распался. 23 сентября 1919 г. в Усть-Сысольске А. М. Мартюшёв заключил брак с Александрой Георгиевной Старцевой. У нее это тоже был второй брак; от первого у нее осталось шестеро детей.

В июне 1920 г. А. М. Мартюшёв перешел на работу в уездный совет народного хозяйства, являлся заместителем председателя, а в начале осени 1920 г. его избрали председателем профсоюза сотворгслужащих [13, л. 2]. В том же году А. М. Мартюшёв был также включен в состав коллегии правозащитников (адвокатов). В июне 1921 г. революционный комитет (временный высший исполнительный орган) создававшейся тогда Коми автономной области включил его в состав Организационного бюро областного Союза кооперативов. После создания последнего А. М. Мартюшёв стал членом правления союза. В 1922 г. он работал в зырянском торговом товариществе.

В 1923 г. власти закрыли Стефановский собор в Усть-Сысольске. 16 членов церковного совета, выступившие против закрытия храма, оказались под судом. 11 из них были оправданы, пятеро приговорены к различным срокам заключения. А. М. Мартюшёв выступал правозащитником, опротестовал приговор в Верховном суде РСФСР, и дело вернули на повторное разбирательство. Осужденных выпустили, воспользовавшись амнисти-

ей, Стефановский собор в 1924 г. возвратили верующим. По его предположению, именно из-за этого облысполком в 1924 г. дал ему отвод из коллегии защитников, что лишило его права быть адвокатом. Жил А. М. Мартюшёв на ул. Советской, д. 55 (В. М. Каслин полагал, что это дом А. Г. Старцевой). В 1925 г. он сообщал, что старшая дочь (Валентина) учится в Пермском университете, остальные пятеро детей (Николай, Мария, Пантелеймон, Серафима, Александра) и теща живут в Усть-Сысольске (имелись в виду дети его второй жены и её мать) [29, л. 3].

С марта 1924 г. А. М. Мартюшёв работал в областном финансовом отделе, в феврале 1925 г. перешел в областную плановую комиссию. 28 июля 1925 г. переведен с должности секретаря облпланкомиссии на должность заведующего бюджетно-финансовой секцией облплана [29, л. 11]. В этот период он начал активно публиковать в новом журнале «Коми му» статьи по экономическим вопросам. В 1924 г. вышла его статья «К вопросу о земледелии и землеустройстве в Коми области» [30], в 1925 г. – «К вопросу о восстановлении разработок точильных изделий на Печоре» [31] (в значительной мере повторявшая некоторые материалы его книги 1904 г.) и «Коми область в районировании Севера» [32], в 1926 г. – «Исполнение местного бюджета Коми области за 1924–25 год и бюджет на 1925–26 год» [33] и др. В 1926 г. в Усть-Сысольске вышла книга «Коми область. Экономический обзор». А. М. Мартюшёв написал для нее три раздела [34–36]. В экономических статьях Мартюшёва появлялся и краеведческий материал – в частности, о выдвигавшихся в XVIII–XIX в. проектах путей сообщения, которые должны были соединить Печорский край с Камой и Обью.

А. М. Мартюшёв посвятил специальную работу возможностям создания крупного морского порта на р. Индиге, впадающей в Чешскую губу (западнее р. Печора); идею о создании такого порта впервые выдвинул в 1921 г. Батиев. А. М. Мартюшёв полагал, что, имея такой порт, да еще соединенный железной дорогой с другими регионами – Приуральем, Сибирью и даже Дальним Востоком (предполагалось, например, провести железную дорогу Индиге – Петропавловск), – можно было бы легко вести торговлю природными богатствами области и иными товарами с другими странами. Впрочем, автор заметил при этом: «Могут ли быть такие предположения названы нереальной фантазией – определить пока затруднительно» [37]. Интерес А. М. Мартюшёва и ряда других коми краеведов и общественных деятелей к порту был связан еще и с тем, что в Индиге они видели противовес Архангельскому порту, через который до сих пор осуществлялся вывоз товаров с Севера. А. М. Мартюшёв и другие хотели торговать через Индигу, поскольку отсутствие собственного порта, по их мнению, ставило Коми область в зависимое от Архангельска положение.

В середине 1920-х гг. обсуждался вопрос о создании из Коми АО, Вологодской и Архангельской губерний Северо-Восточной области с центром в Архангельске. Коми областное руководство и местные хозяйственники выступали против этого, опасаясь (и не без оснований), что

Коми АО окажется сырьевым придатком соседей по региону. А. М. Мартюшев также выступал против и в ряде своих публикаций [38; 39] весьма резко критиковал работы архангельских плановиков и экономистов, посвященные культуре и быту коми народа, проектам экономического развития Европейского Северо-Востока, чем те были весьма недовольны [40]. А. М. Мартюшев, в частности, указывал на то, что у Коми области нет экономических связей с Архангельском: «Некоторая однородность хозяйства, возможно, есть, но от этого далеко еще до экономической общности. Если у них и у нас нет своего хлеба, то в этом плохая общность; <...> если они и мы ходим в лаптях, то такую общность надо возможно быстрее изжить» [38].

В 1926 г. А. М. Мартюшев писал: «Критика, как известно, вещь колючая и мало кому нравится. Так было раньше, так есть и теперь. Особенно критика негодна по служебной линии, если критикуемый занимает положение выше тебя» [14, с. 97]. Вероятно, Архангельск потребовал от руководителей Коми облплана (и, возможно, областного руководства) принять меры, дабы критика прекратилась. И, возможно, с этим связано прекращение публикаций экономических статей А. М. Мартюшева и то, что 20 мая 1927 г. А. М. Мартюшев подал заявление об отставке с должности заведующего бюджетно-финансовой секцией облплана или о переводе на другую должность [29, л. 20]. В 1928 г. он сотрудничал в областном союзе кооперативов.

В 1927 г. на смену экономическим статьям А. М. Мартюшева приходят его историко-краеведческие публикации. Вероятно, именно в это время он стал тесно сотрудничать с Обществом изучения Коми края, созданным в 1922 г. (А. М. Мартюшева не было среди основателей общества. Нет его фамилии и в списке членов общества, составленном в конце 1923–начале 1924 г. [4]). А. М. Мартюшева всецело увлекла история коми народа. Он стал, пожалуй, ведущим специалистом ОИКК в этой области. А. М. Мартюшев работал в исторической секции ОИКК, в 1928 г. стал, вероятно (точных данных нет), ее руководителем, выступал на заседаниях с докладами. Так, 20 мая 1928 г. он сделал доклад о «Коми народе как объекте московской завоевательной политики в XIV–XV в.» (затем доклад был опубликован [41]). 25 марта 1928 г. правление ОИКК постановило создать издательскую комиссию для публикации имеющихся в обществе научных материалов. От исторической секции в эту комиссию были выдвинуты А. М. Мартюшев и Д. А. Батиев. В 1928 г. А. М. Мартюшев стал членом редколлегии «Записок» ОИКК – нового издания общества. Во второй половине 1928–1929 гг. А. М. Мартюшева избрали в правление ОИКК, он стал ответственным секретарем, а вскоре и фактическим руководителем общества.

1928–1930 гг. стали для А. М. Мартюшева пиком его краеведческой деятельности. В «Коми му» и «Записках» ОИКК одна за другой появлялись его работы (некоторые под псевдонимами «Икс» и «Коми морт»): «Коми народ в первый период исторической его известности» [42] (в ней проанализированы сообщения русских летописей XI–XII в. о Коми крае), «Коми народ как объект московской завоевательной политики в XIV–XV вв.», «Епифаниева по-

весть как исторический документ о коми народе» [43] (эти статьи посвящены критике исторической достоверности сведений о Коми крае, содержащихся в «Житии Стефана Пермского» и публикациях краеведа XIX в. М. Михайлова), публикации по истории заселения Печоры и Ижмы.

Не все они равноценны. Наиболее значимыми с исследовательской точки зрения являются публикации о численности населения Коми края, о заселении Печорского края, содержащие богатый фактический материал и интересные (хотя и не всегда верные) выводы. Интерес к демографическим проблемам был вызван в первую очередь образованием в 1921 г. Коми автономной области. Созданию области предшествовал сбор данных о численности и национальном составе населения ряда уездов северо-востока России, в состав которых входили заселенные народом коми земли. Учет данных о численности и движении жителей области требовался и в дальнейшем [44]. К собственно историко-демографическим работам можно отнести лишь две статьи А. М. Мартюшева, в которых исследовалась численность населения Коми края в XVII–начале XX в. Проведение переписи 1926 г. – первой всеобщей переписи со времени образования Коми АО – еще более стимулировало интерес к исследованию истории развития народонаселения Коми края (не случайно историко-демографические работы А. М. Мартюшева появились непосредственно после переписи 1926 г.). Этим занимались главным образом местные краеведы, объединившиеся в 1922 г. в Общество изучения Коми края [45]. А. М. Мартюшев особенно подчеркивал необходимость изучать движение населения, взаимные контакты между народами как вопросы, имеющие важнейшее значение для истории Коми края [46]. Отсутствие специальных научных публикаций по историко-демографической проблематике негативно сказывалось на методической стороне работ местных исследователей [47].

А. М. Мартюшев наиболее активно занимался изучением численности и миграций населения Коми края. Он одним из первых местных исследователей стал использовать данные о фамилиях жителей для изучения заселения разных районов края. На основе платежной книги Пустозерской волости 1574/75 г. и антропонимических данных он проанализировал процесс заселения Печорского края, достаточно аргументировано показал приход в этот район переселенцев из других частей Коми края и из-за его пределов, но не раскрыл причины миграций [48; 49]. А. М. Мартюшев опубликовал важные данные о численности населения Коми края, содержащиеся в переписной книге Яренского уезда 1646 г. (аналогичные материалы привел ранее М. М. Богословский [50]), «Экономических примечаний к Генеральному межеванию» 1786 г., списке населенных мест 1890 г. и переписи 1926 г., попытался проследить динамику изменений количества коми населения в XVII–начале XX в., темпы прироста населения [51; 52], но, не владея научной методикой работы, не смог удовлетворительно решить эту проблему и допустил ряд существенных ошибок и неточностей. Так, на основе произведенных им расчетов прироста населения в XVII–XIX вв.

А. М. Мартюшев предположил, что в 1300 г. в Коми крае насчитывалось всего лишь 50 чел. коми. Это явно ошибочное утверждение и некоторые другие ошибки, допущенные им, подвергались критике со стороны А. С. Забоева – краеведа и литературного критика [53].

Если А. М. Мартюшев явно приуменьшил численность населения Коми края в XIII–XIV вв., то коми-пермяцкий писатель и краевед И. Н. Мошегов (см. о нем: [54; 55]) обратился в другую крайность. В серии статей и заметок в «Коми му» 1926–1928 гг. он стремился преувеличить степень экономического и культурного развития Коми края «дорусского периода», выдвинув, в частности, идею о том, что Коми край до присоединения к русскому государству был гораздо более населенным, а в период «московского владычества» численность коми резко сократилась в результате войн и репрессий [56]. Его точка зрения подверглась справедливой критике со стороны А. М. Мартюшева и других краеведов (И. Н. Мошегов в ответ возражал: «Мартюшев и Теплоухов шлют на мою голову громы и молнии за мои статьи, касающиеся прошлого народа Коми. Мартюшев обвиняет меня в смелых и ошибочных выводах, высказанных мной, относительно причин, действовавших к исчезновению населения Коми с верховьев р. Камы, Обвы и т. д. <...> Однако сам Мартюшев на основании одного исторического документа, касающегося только части населения Коми, строит прошлое всего народа Коми, абсолютно не принимая во внимание целый ряд исторических документов и фактов, диаметрально противоречащих его выводам. Он не замечает, что такой способ действий есть самый смелый и самый опрометчивый, ведущий к самым грубым ошибкам» [57]).

Со многими замечаниями А. М. Мартюшева по адресу «Жития Стефана Пермского», работ М. Михайлова и некоторых других авторов трудно согласиться, поскольку его заявления зачастую не подкреплены доказательствами. Впрочем, довольно резкие оценки, данные А. М. Мартюшевым «Житию Стефана Пермского», а также его критические высказывания об авторах, использовавших его как исторический источник, на фоне общей антирелигиозной политики тех лет выглядели, несомненно, весьма умеренно и касались, главным образом, именно исторического, а не религиозного содержания.

В 1929 г. на страницах журнала «Коми му» А. М. Мартюшев подверг острой критике еще одну работу, связанную с религиозными верованиями, на сей раз дохристианскими – книгу коми ученого А. С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми» [58]. По оценке этнографов, работа А. С. Сидорова является одним из лучших исследований традиционной духовной культуры коми и не теряет своей ценности и в настоящее время [59]. А. М. Мартюшев придерживался иного мнения, считая, что А. С. Сидоров недостаточно критично оценивал собранные им и другими исследователями рассказы о колдунах и иные материалы: «Книга эта переносит нас в обстановку Лысой горы с ее колдунами, знахарями, еретниками, кликушами, тунами, ортами и прочими "нечистых дел мастерами..." Нам несколько непонятно,

почему А. С. Сидорову нужно было сконцентрировать в явно преувеличенном количестве всю эту чертовщину только в Коми области» [60]. В свою очередь, А. С. Сидоров опубликовал ответ на «безответственные утверждения весьма ответственного лица» и пояснил, как и для чего создавалась его книга. Он отметил, в частности, что «колдуны являются хранителями мифологических представлений и соответствующих приемов, которые были свойственны всем и каждому на определенной ступени культурного развития, но только владеют они ими в большей степени, чем обыватели» [61].

А. М. Мартюшев, хорошо владевший пером, выбирал порой неожиданные способы изложения исторических фактов и своих предположений о тех или иных событиях, происходивших в прошлом. Работу о способах охоты у коми он изложил в виде разговора со своим знакомым коми охотником [62], а рассказ о походе С. Курбского на Печору в 1499 г. построил в форме беседы с призраком Курбского [63]. 23 сентября 1930 г. на торжественном заседании правления ОИКК, посвященном 150-летию присвоения Усть-Сысольску статуса города, А. М. Мартюшев выступил с обстоятельным сообщением, адресованным учащейся молодежи. Он говорил о необходимости участия учащихся в краеведческой работе, о той неоценимой пользе, которую может принести краеведению энтузиазм молодых исследователей. А. М. Мартюшев рассказал также о тех документах, которые содержат сведения об истории города, о его населении. Примечательно, что в своем выступлении Мартюшев процитировал высказывание видного историка С. Ф. Платонова («народ, знакомый со своей историей, живет сознательно, чуток к окружающей действительности и умеет понимать ее»). А в это время С. Ф. Платонов был уже арестован по сфабрикованному «делу историков» и объявлен «главой заговора против Советской власти». 19 октября 1930 г. заседала историческая секция ОИКК, обсуждалась работа А. М. Мартюшева – упоминавшийся уже «Поход Курбского на Печору...». Краеведы решили, что «для популяризации исторических знаний среди широких масс коми населения, избранный автором метод изложения научной работы <...> признан желательным» [4]. Это была последняя публикация А. М. Мартюшева.

К сожалению, 1930 год оказался фактически последним годом активной творческой работы А. М. Мартюшева. Развитие событий привело к тому, что в мае 1931 г. Общество изучения Коми края прекратило свое существование. Среди тех, кто принимал это нелегкое и, как «выяснилось» впоследствии, «вредительское» решение, был и А. М. Мартюшев. Перестала издаваться краеведческая литература. А. М. Мартюшеву оставалось разве что работать «в стол». Может быть, он так и делал, но, увы, никаких сведений о его жизни в 1930–е гг. мы не имеем.

Кампания по обличению «контрреволюционеров» и «буржуазных националистов» в начале 1930–х гг. набирала обороты. Началось все еще в конце 1920–х гг. – не случайно в марте 1928 г. А. М. Мартюшев написал письмо в «Югид туй» (очевидно, вынужденный к этому обстоятельствами), разясняя, что хотя он и был в 1917 г. по

взглядам близок к социалистам-революционерам, но эсером не являлся, а с образованной в Усть-Сысольске ячейкой партии эсеров «ничего общего <...> не имел» и «впредь когда-либо возвращаться к мысли о жизненности эсеровщины также не намерен». «В данное время я убедился, что единственным защитником пролетариата и трудового крестьянства является ВКП(б), и только она может привести пролетариат к социализму» [12].

Но такие заявления не могли избавить Мартюшёва от репрессий. Он стал одной из главных мишеней для критики (а точнее – нападок, клеветнических измышлений). В книге Н. И. Ульянова (1932) ему уделено немало места: «эсер», «первый председатель кулацкого уисполкома в 1918 г.», один из «прежних земских деятелей», которые были «в эпоху гражданской войны главарями буржуазно-националистического движения»... По словам Н. И. Ульянова, А. М. Мартюшёв являлся одним из людей, «определявших физиономию <...> журнала "Коми му", который якобы пропагандировал "кулацкие" и "националистические" идеи». А. М. Мартюшёв, оказывается, был «идейным отцом» (так можно понять Н. И. Ульянова) всех «антипартийных» выступлений в Коми области, на него будто бы опирались и «батиевцы», и «зараженный кондратьевщиной» Коми облплан, и руководство области, выступившее в 1929 г. против вхождения в Северный край («Мартюшёв развил тонкую пропаганду, запугивал массы <...> Он дал <...> основные пункты, по которым развернулась в дальнейшем аргументация против вхождения коми в Северный край»... [64]).

После таких обвинений оставалось лишь ждать репрессивных мер. В середине 1930-х гг. А. М. Мартюшёв уехал в Москву. Вероятно, это спасло его от репрессий, поскольку почти все его коллеги были осуждены к различным мерам наказания, вплоть до высшей меры. Г. А. Старцев, работавший в середине 1930-х гг. в Коми пединституте, делая набросок программы по истории коми народа, не преминул упомянуть «эсера» и «национал-народника» Мартюшёва и отразившийся в его трудах «местный национализм», «идеализм» и «искажение фактов в партийных целях». Тот же Старцев в докладе, посвященном 15-летию Коми областной организации ВКП(б), отметил (цитирую по черновику), что «большевики строят автономную область Коми» «в борьбе с прямыми буржуазными крепостниками и остатками эсеровщины (Батиев, Чеусов, Мартюшёв, Грен и др.)» [12]. Д. А. Батиев был расстрелян [65], А. А. Чеусов умер в тюрьме [66]. А. Н. Грена спасло то, что он давно уехал из Коми [67]. А сам Г. А. Старцев позднее тоже был репрессирован [68].

В Москве А. М. Мартюшёв с женой и ее детьми и провел последнее десятилетие своей жизни. По словам В. М. Каслина, они жили на 1-й Новотихвинской улице (совр. ул. Двинцев вблизи Савёловского вокзала, перпендикулярная Сушевскому валу и идущая вдоль Миусского кладбища) в небольшом двухэтажном доме барачного типа № 16 на 7 или 8 квартир (теперь уже не существующем). В Москве А. М. Мартюшёв, вероятно, нигде не работал (по крайней мере, В. М. Каслин пишет, что ни разу ни от кого

не слышал об этом). Он посвятил себя (вместе с женой) семейному уюту, уходу за детьми и внуками (В. М. Каслин писал: «Мне рассказывали, что он часто нянчился со мной, носил на руках»), внедряя, по словам В. М. Каслина, «в мозги своих внуков стремления к глубоким знаниям, хорошему образованию», и небезуспешно: все внуки окончили московские вузы, стали хорошими (а некоторые – без преувеличения, выдающимися) специалистами.

При этом А. М. Мартюшёв не перестал интересоваться общественной жизнью, продолжал углублять свои знания во многих областях (в частности – истории человечества), что показывают его заметки (написанные, между прочим, красивым «писарским» почерком), посвященные началу Великой Отечественной войны. А. М. Мартюшёв, в частности, писал: «Переживаем мы время тяжелое, и для того, чтобы свои грустные мысли несколько систематизировать, решили восстановить в своей памяти те предпосылки, которые способствовали возникновению настоящей кровопролитной мировой войны. Как современники войны, мы, казалось бы, должны быть лучше посвящены в тайны возникновения войны, но к стыду нашему, усугубляющемуся тем, что называем себя гражданами самого демократического в мире государства, наоборот меньше всех знаем причины войны, в жертву которой бросаем миллионы своих сыновей.

Отсутствие свободы печати в стране с одной стороны и односторонняя правительственная информация – с другой, совершенно не могут удовлетворить запросы честного свободолюбивого гражданина уяснить предшествующий войне ход событий. Потому, в поисках причин войны, приходится часто допускать совершенно вольные суждения, неподкрепленные какой либо официальной версией. Думается, что подобные вольные суждения вполне извинительны, если они иногда и отходят от истины.

Точно также и мы не можем заверить никого, что наши наброски о войне всегда будут совпадать со стопроцентной истиной, так как во многих случаях свои выводы приходится строить только на догадках. Однако смело утверждаем, что наши «блуждающие мысли», как правильнее будет назвать наши наброски, будут искренни, как исходящие от простого обывателя, а не от политика и дипломата, погрязшего обычно в подлостях и обманах. Наши наброски будут еще тем хороши, что они, в силу сложившихся в стране политических обстоятельств, не предназначаются для печати и, как излившиеся без учета цензурных рогаток, представляют из себя совершенно свободный продукт не фальсифицированной мысли».

Копии заметок прислал автору настоящей статьи В. М. Каслин, отметивший: «Если бы я не знал, что упомянутые статьи написаны моим дедом в 1942 году, я бы подумал, что это современный публицист»; «меня удивила грамотность, чёткость изложения мысли», причем «это же не анализ, сделанный спустя годы, а мысли современника событий»; «и очень актуальный анализ». По заметкам видно, что А. М. Мартюшёв, как человек очень активный (творчески и общественно), не мог полностью отойти от дел и если не мог публиковаться, то работал «в стол»,

для себя (заметки А. М. Мартюшёва будут опубликованы в сборнике его работ, подготовленном к изданию Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН). В. М. Каслин также писал автору данной статьи: «Ещё у меня энное количество небольших художественных рассказов (тоже на листочках в рукописи) и каких-то адвокатских записок» А. М. Мартюшёва. К сожалению, В. М. Каслин ушел из жизни в начале 2024 г. и не успел сделать с них копии и прислать их для издания.

Скончался А. М. Мартюшев в доме на 1-й Новотихвинской улице 10 января 1943 г. Похоронили его 12 января на Пятницком кладбище. Работы А. М. Мартюшёва были надолго преданы забвению. Негативные оценки деятельности А. М. Мартюшёва как политика, утвердившиеся почти на столетия, долгое время определяли отрицательную оценку его краеведческих работ. Возвращение имени А. М. Мартюшёва в историю состоялось на рубеже 1980 и 1990-х гг.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Чупров, В. И. Коми край в трех русских революциях / В. И. Чупров. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1985.
2. Жеребцов, И. Л. А. М. Мартюшев и события в Усть-Сысольске летом 1918 г. / И. Л. Жеребцов // Это нашей истории строки: материалы I городской конференции по историческому краеведению. – Сыктывкар, 1990. – С. 27–34.
3. Жеребцов, И. Л. А. М. Мартюшев – исследователь Коми края / И. Л. Жеребцов // Научные экспедиции и исследования Коми края: тезисы докладов V научной краеведческой конференции. – Сыктывкар, 1993. – Т. 1. – С. 43–46.
4. Жеребцов, И. Л. Человек Февраля / И. Л. Жеребцов // Они любили край родной. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1993. – С. 183–204.
5. Жеребцов, И. Л. Остался навсегда беспартийным / И. Л. Жеребцов // Покаяние. Мартиролог. – Сыктывкар : Фонд «Покаяние», 1999. – Т. 2. – С. 944–947.
6. Рощевский, М. П. Градоначальники Сыктывкара / М. П. Рощевский, Л. П. Рощевская. – Сыктывкар, 2003.
7. Таскаев, М. В. Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901– первая половина 1930-х гг.) / М. В. Таскаев. – Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – 610 с.
8. Таскаев, М. В. Европейский Северо-Восток Российской империи в начале XX столетия. Очерки политической истории / М. В. Таскаев. – Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2012. – 120 с.
9. Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки) / науч. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2020. – 664 с.
10. Жеребцов, И. Л. Мартюшев Алексей Макарович / И. Л. Жеребцов // Республика Коми. Энциклопедия. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1999. – Т. 2. – С. 255.
11. Жеребцов, И. Л. Остался навсегда беспартийным / И. Л. Жеребцов // Связь времен. – Сыктывкар : Фонд «Покаяние», 2000. – С. 251.
12. Жеребцов, И. Л. «Стойкий защитник интересов крестьянства» (Алексей Макарович Мартюшев) / И. Л. Жеребцов // Первые коми политики. – Сыктывкар : Кола, 2007.
13. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 3. Оп. 2. Д. 475.
14. «Остался навсегда беспартийным» (автобиография Алексея Мартюшева) / публ. И. Л. Жеребцова // Родники пармы-93. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1993. – С. 90–98.
15. Вайровская, С. В. Земство Коми края (1869–1918 гг.) / С. В. Вайровская. – Сыктывкар : Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2001. – 127 с.
16. Мартюшев, А. М. Краткий очерк кустарных промыслов населения Усть-Сысольского уезда / А. М. Мартюшев. – Вятка, 1904. – 68 с.
17. Жеребцов, И. Л. Историография этнографии народа коми (обзор источников досоветского периода) / И. Л. Жеребцов // Проблемы историографии европейского Северо-Востока СССР. – Сыктывкар, 1987. – С. 20–30.
18. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания, XXXVI очередной сессии 1905 года и доклады Управы. – Вологда : Тип. Н. Знаменского и П. Цветова, 1906. – 561 с.
19. Таскаев, М. В. Кадет, обновленец, эсер (А. Н. Вешняков) / М. В. Таскаев // Первые коми политики. – Сыктывкар : Кола, 2007.
20. Жеребцов, И. Л. Черные годы. Революция и гражданская война в Коми крае. 1917–1921 / И. Л. Жеребцов, М. В. Таскаев. – Сыктывкар, 2001. – 320 с.
21. Таскаев, М. В. Февральская революция и смена власти в Коми крае / М. В. Таскаев, И. Л. Жеребцов // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. – Сыктывкар, 1996. – С. 33–41.
22. Жеребцов, И. Л. Борьба за власть в 1917–середине 1918 года // И. Л. Жеребцов, А. Ф. Сметанин. Коми край: очерки о десяти веках истории. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2003. – С. 210–254.
23. Таскаев, М. В. Основные этапы борьбы за власть в Коми крае в 1917–1921 гг. / М. В. Таскаев, И. Л. Жеребцов // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 24–26 апреля 2001 г. – Ижевск : Удмуртский университет, 2001. – С. 229 – 237.
24. Жеребцов, И. Л. Организаторы Коми (зырянской) автономии (к 100-летию Республики Коми) / И. Л. Жеребцов, М. В. Таскаев // Северный регион в условиях социальных и экономических трансформаций российского общества (Республика Коми. История и современность). – Сыктывкар, 2022. – С. 81–87.

25. Жеребцов, И. Л. «Остался навсегда беспартийным...» / И. Л. Жеребцов // Коми автономия – Республика Коми: от Батиева до Спиридонова. – Сыктывкар, 1997. – С. 3–7.
26. Зырянская жизнь. – 1918. – 22 июня.
27. Таскаев, М. В. Репрессии белых и красных на Печоре в годы Гражданской войны / М. В. Таскаев, И. Л. Жеребцов // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа мемориальная деятельность. – Сыктывкар, 2011. – Ч. 1. – С. 89–95.
28. Таскаев, М. В. Красный террор в Печорском уезде (1918–1919 гг.) / М. В. Таскаев, И. Л. Жеребцов // Политические репрессии в России. XX век. – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. – С. 17–23.
29. НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 474.
30. Мартюшев, А. М. К вопросу о земледелии и землеустройстве в Коми области (в дискуссионном порядке) / А. М. Мартюшев // Коми му. – 1924. – № 3. – С. 5–13.
31. Мартюшев, А. М. К вопросу о восстановлении разбитых точильных изделий на Печоре / А. М. Мартюшев // Коми му. – 1925. – № 8. – С. 11–16.
32. Мартюшев, А. М. Коми область в районировании Севера / А. М. Мартюшев // Коми му. – 1925. – № 9. – С. 3–13.
33. Мартюшев, А. М. Исполнение местного бюджета Коми области за 1924–25 год и бюджет на 1925–26 год / А. М. Мартюшев // Коми му. – 1926. – № 1–2. – С. 19–24.
34. Мартюшев, А. М. Физико-географический обзор / А. М. Мартюшев // Коми область. Экономический обзор. – Усть-Сысольск, 1926. – С. 18–26.
35. Мартюшев, А. М. Рыболовство / А. М. Мартюшев // Коми область. Экономический обзор. – Усть-Сысольск, 1926. – С. 128–133.
36. Мартюшев, А. М. Отхожие промыслы и кустарная промышленность / А. М. Мартюшев // Коми область. Экономический обзор. – Усть-Сысольск, 1926. – С. 192–200.
37. Мартюшев, А. М. Порт Индиго / А. М. Мартюшев // Коми му. – 1926. – № 8. – С. 24–29.
38. Мартюшев, А. М. Несколько слов о методах работы Северо-Восточного Облплана по вопросу о районировании СВО / А. М. Мартюшев // Коми му. – 1926. – № 1–2. – С. 34–41.
39. Мартюшев, А. М. Наиболее характерные разногласия в вопросе железнодорожного строительства на севере / А. М. Мартюшев // Коми му. – 1926. – № 7. – С. 3–9.
40. Мартюшев, А. М. Небольшой ответ «обиженным» / А. М. Мартюшев // Коми му. – 1926. – № 7. – С. 12–15.
41. Мартюшев, А. М. Коми народ как объект московской завоевательной политики в XIV–XV веках / А. М. Мартюшев // Записки Общества изучения Коми края. – Усть-Сысольск, 1928. – Вып. 1. – С. 54–79.
42. Мартюшев, А. М. Коми народ в первый период исторической его известности / А. М. Мартюшев // Коми му. – 1928. – № 2. – С. 34–41; 1928. – № 3. – С. 33–39.
43. Мартюшев, А. М. «Епифаниева» повесть как исторический документ о Коми народе (Материалы к истории Коми народа) / А. М. Мартюшев // Записки Общества изучения Коми края. – Усть-Сысольск, 1929. – Вып. 2. – С. 12–34.
44. Жеребцов, И. Л. Проблемы движения населения Коми края феодального и капиталистического периодов в дореволюционной и советской историографии / И. Л. Жеребцов // Крестьянство Коми края (досоветский период). – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1986. – С. 119–135.
45. Жеребцов, И. Л. Общество изучения Коми края и становление историко-демографических исследований на территории Коми АССР / И. Л. Жеребцов // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. – Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1987. – С. 67–72.
46. Икс (Мартюшев А. М.). Очень близкая задача // Записки Общества изучения Коми края. – Усть-Сысольск, 1928. – Вып. 1. – С. 101–104.
47. Жеребцов, И. Л. Историческая демография в Коми АССР: от краеведения к науке / И. Л. Жеребцов // Социально-экономическое развитие Европейского Севера СССР. – Сыктывкар, 1987. – С. 20.
48. Мартюшев, А. М. К истории заселения Ижмы / А. М. Мартюшев // Коми му. – 1928. – № 12. – С. 46–48.
49. Мартюшев, А. М. К истории заселения Печорского края / А. М. Мартюшев // Записки Общества изучения Коми края. – Усть-Сысольск, 1929. – Вып. 3. – С. 44–66.
50. Богословский, М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке / М. М. Богословский. – Москва, 1909. – Т. 1.
51. Мартюшев, А. М. Население Коми области 300 лет тому назад / А. М. Мартюшев // Коми му. – 1927. – № 1–2. – С. 41–82.
52. Мартюшев, А. М. Движение населения Коми области за 300 лет / А. М. Мартюшев // Коми му. – 1927. – № 10–11. – С. 41–55; 1928. – № 1. – С. 26–31.
53. Сан-Антус (Забоев А. С.). Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей коми / Сан-Антус // Коми му. – 1927. – № 10–11; 1928. – № 1.
54. Жеребцов, И. Л. История Перми Великой и Перми Вычегодской в работах коми-пермяцкого писателя И. Н. Мошогова / И. Л. Жеребцов // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь, 1997. – С. 33–34.
55. Сурво, А. А. Последний плен Игнатия Мошогова / А. А. Сурво, И. Л. Жеребцов // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). – Ижевск, 2009. – С. 452–458.
56. Мосшер (Мошогов И. Н.). Коми народ как участник в мировой торговле в прошлом // Коми му. – 1926. – № 4.
57. Мёсшер (Мошогов И. Н.). Ответ на критические статьи Мартюшева и Теплоухова // Коми му. – 1928. – № 4. – С. 38–40.
58. Сидоров, А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми / А. С. Сидоров. – Ленинград, 1928.
59. Жеребцов, И. Л. Этнографическое изучение народа коми / И. Л. Жеребцов // Вопросы этнографии народа коми. – Сыктывкар, 1985. – С. 5–21.
60. Мартюшев, А. М. Кое-что о колдунах и о книге А. С. Сидорова / А. М. Мартюшев // Коми му. – 1929. – № 2. – С. 37–41.

61. Сидоров, А. С. Кое-что о критике вообще и о А.Мартюшеве как критике / А. С. Сидоров // Коми му. – 1929. – № 7. – С. 63–66.
62. Коми-морт (Мартюшев А. М.). Очерки зырянской охоты // Записки Общества изучения Коми края. – Усть-Сысольск, 1928. – Вып. 1. – С. 80–100.
63. Мартюшев, А. М. Поход Курбского на Печору и за Урал в 1499 году / А. М. Мартюшев // Записки Общества изучения Коми края. – Усть-Сысольск, 1930. – Вып. 5. – С. 66–84.
64. Ульянов, Н. И. Очерки истории народа коми-зырян / Н. И. Ульянов. – Москва–Ленинград : Партиздат, 1932. – 180 с.
65. Таскаев, М. В. Дмитрий Батиев – создатель Коми автономии / М. В. Таскаев, И. Л. Жеребцов, В. М. Полешиков. – Сыктывкар, 2019. – 223 с.
66. Кузнецова, Т. Л. Чеусов Алексей Александрович / Т. Л. Кузнецова, И. Л. Жеребцов // Писатели Коми. Биобиблиографический словарь. – Сыктывкар, 2022. – С. 686–691.
67. Жеребцов, И. Л. Алексей Николаевич Грен: вехи биографии кавказоведа / И. Л. Жеребцов, В. А. Семенов, М. В. Таскаев // Народы Кавказа в XVIII–XX вв.: история, политика, культура. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. – Ч. 1. – С. 84–92.
68. Рогачев, М. Б. Становление профессиональной этнографии в Коми (А. С. Сидоров, Г. А. Старцев) / М. Б. Рогачев, И. Л. Жеребцов // Очерки по истории изучения этнографии коми. – Сыктывкар, 2007. – С. 49–63.
- 1930–h gg.) [Socio-political processes in the European northeast of Russia (1901 – first half of the 1930s)] / M. V. Taskaev. – Ekaterinburg: Ural Branch, RAS, 2011. – 610 p.
8. Taskaev, M. V. Evropeiskii Severo-Vostok Rossiiskoi imperii v nachale XX stoletiya. Ocherki politicheskoi istorii [The European northeast of the Russian Empire at the beginning of the XX century. Essays on political history] / M. V. Taskaev. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. – 120 p.
9. Syktyvkar v proshlom i nastoyaschem (istoricheskie ocherki) [Syktyvkar in the past and present (historical essays)] / Sci. Ed. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar, 2020. – 664 p.
10. Zherebtsov, I. L. Martyushev Alexei Makarovich / I. L. Zherebtsov // Republic of Komi. Encyclopedia. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1999. – Vol. 2. – P.255.
11. Zherebtsov, I. L. Ostalsya navsegda bespartiinym [He remained forever a non-party member] / I. L. Zherebtsov // The connection of the times. – Syktyvkar: «Repentance» Foundation, 2000. – P. 251
12. Zherebtsov, I. L. "Stoikii zaschitnik interesov krestyanstva" (Alexei Makarovich Martyushev) ["Persistent protector of the interests of the peasantry" (Alexei Makarovich Martyushev)] / I. L. Zherebtsov // The first Komi politicians. – Syktyvkar: Kola Publ., 2007.
13. Nacionalnii arhiv Respubliki Komi [National Archive of the Republic of Komi] (NARK). F. 3. Op. 2. D. 475.
14. Ostalsya navsegda bespartiinym (avtobiografiya Alexeya Martyusheva) ["He remained forever a non-party member" (autobiography of Alexei Martyushev)] / Publ. of I. L. Zherebtsov // Springs of Parma-93. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1993. – P. 90–98.
15. Vairovskaya, S. V. Zemstvo Komi kraya (1869–1918 gg.) [Zemstvo of the Komi Territory (1869–1918)] / S. V. Vairovskaya. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS Publ., 2001. – 127 p.
16. Martyushev, A. M. Kratkii ocherk kustarnih promyslov naseleniya Ust-Sysolskogo uезда [A brief outline of the handicrafts of the population of Ust-Sysolsk Uyezd] / A. M. Martyushev. – Vyatka, 1904. – 68 p.
17. Zherebtsov, I. L. Istoriografiya etnografii naroda komi (obzor istochnikov dosovetskogo perioda) [Historiography of the ethnography of the Komi people (review of the sources of the pre-Soviet period)] / I. L. Zherebtsov // Problems of historiography of the European northeast of the USSR. – Syktyvkar, 1987. – P. 20–30
18. Zhurnaly Ust-Sysolskogo uездnogo sobraniya, XXXVI ocherednoi sessii 1905 goda i doklady Upravy [Magazines of the Ust-Sysolsk Uyezd Zemstvo Assembly, XXXVI regular session of 1905 and reports of the Board]. – Vologda: N. Znamensky and P. Tsvetov Printing House, 1906. – 561 p.
19. Taskaev, M. V. Kadet, obnovenets, eser (A. N. Veshnyakov) [Cadet, renovationist, Socialist-Revolutionary (A. N. Veshnyakov)] / M. V. Taskaev // The first Komi politicians. – Syktyvkar: Kola Publ., 2007.
20. Zherebtsov, I. L. Chernie gody. Revolyuciya i grazhdanskaya voyna v Komi kraye. 1917–1921 [Black years. Revolutionary

References

1. Chuprov, V. I. Komi krai v treh russkikh revolyuciayah [Komi Territory in three Russian revolutions] / V. I. Chuprov. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1985.
2. Zherebtsov, I. L. A. M. Martyushev i sobitiya v Ust-Sysolske letom 1918 g. [A.M. Martyushev and events in Ust-Sysolsk in the summer of 1918] / I. L. Zherebtsov // These are the lines of our history: materials of the I town conference on historical local history. – Syktyvkar, 1990. – P. 27–34.
3. Zherebtsov, I. L. A.M. Martyushev – issledovatel' Komi kraya [A.M. Martyushev – researcher of the Komi Territory] / I. L. Zherebtsov // Scientific expeditions and research of the Komi Territory: abstracts of the V scientific local history conference. – Syktyvkar, 1993. – Vol. 1. – P. 43–46.
4. Zherebtsov, I. L. Chelovek Fevralya [The man of February] / I. L. Zherebtsov // They loved their native land. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1993. – P. 183–204.
5. Zherebtsov, I. L. Ostalsya navsegda bespartiinym [He remained forever a non-party member] / I. L. Zherebtsov // Repentance. Martyrology. – Syktyvkar: «Repentance» Foundation, 1999. – Vol. 2. – P. 944–947.
6. Roshchevsky, M. P. Gradonachalniki Syktyvkara [The mayors of Syktyvkar] / M. P. Roshchevsky, L. P. Roshchevskaya. – Syktyvkar, 2003.
7. Taskaev, M. V. Socialno-politicheskie processy na Evropeiskom Severo-Vostoke Rossii (1901–pervaya polovina

- lution and the Civil War in the Komi Territory. 1917–1921] / I. L. Zherebtsov, M. V. Taskaev. – Syktyvkar, 2001. – 320 p.
21. Taskaev, M. V. Fevral'skaya revolyuciya i smena vlasti v Komi kraje [The February Revolution and the change of power in the Komi Territory] / M. V. Taskaev, I. L. Zherebtsov // Issues of the socio-political and socio-economic history of the Republic of Komi of the XX century. – Syktyvkar, 1996. – P. 33–41.
 22. Zherebtsov, I. L. Bor'ba za vlast' v 1917–seredine 1918 goda [The struggle for power in 1917–mid-1918] // I. L. Zherebtsov, A. F. Smetanin. Komi Territory. Essays on the ten centuries of history. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 2003. – P. 210–254.
 23. Taskaev, M. V. Osnovnye etapy bor'by za vlast' v Komi kraje v 1917–1921 gg. [The main stages of the struggle for power in the Komi Territory in 1917–1921] / M. V. Taskaev, I. L. Zherebtsov // Russian statehood: levels of power. Historical dynamics: materials of the All-Russian Sci.-Practical Conf. Izhevsk, April 24–26, 2001. – Izhevsk: Udmurt University, 2001. – P. 229–237.
 24. Zherebtsov I. L. Organizatory Komi (zyryanskoi) avtonomii (k 100-letiyu Respubliki Komi) [The organizers of the Komi (Zyryan) autonomy (on the 100th anniversary of the Komi Republic)] / I. L. Zherebtsov, M. V. Taskaev // Northern Region in the context of the social and economic transformations of Russian society (Komi Republic. History and modernity). – Syktyvkar, 2022. – P. 81–87.
 25. Zherebtsov, I. L. "Ostalsya navsegda bespartijnym".. ["He remained forever a non-party member..."] / I. L. Zherebtsov // Komi Autonomy – the Komi Republic: from Batiev to Spiridonov. – Syktyvkar, 1997. – P. 3–7
 26. Zyryanskaya zhizn' [Zyryan life]. – 1918. June 22.
 27. Taskaev, M. V. Repressii belyh i krasnyh na Pechore v gody Grazhdanskoi voyny [Repressions of the White and Reds on Pechora during the Civil War] / M. V. Taskaev, I. L. Zherebtsov // History and prospects for the development of the northern regions of Russia: the role of the GULAG Memorial activity. – Syktyvkar, 2011. – Part 1. – P. 89–95.
 28. Taskaev, M. V. Krasnii terror v Pechoirskom uezde (1918–1919 gg.) [Red terror in the Pechora Uyezd (1918–1919)] / M. V. Taskaev, I. L. Zherebtsov // Political repressions in Russia. XX century. – Syktyvkar: «Repentance» Foundation, 2001. – P. 17–23.
 29. NARK. F. 3. Op. 2. D. 474.
 30. Martyushev, A. M. K voprosu o zemledelii i zemleustroistve v Komi oblasti (v diskussionnom poryadke) [To the problem of agriculture and land management in the Komi region (in a discussion manner)] / A. M. Martyushev // Komi Mu. – 1924. – No. 3. – P. 5–13.
 31. Martyushev, A. M. K voprosu o vosstanovlenii razrabotok tochilnyh izdelii na Pechore [To the problem of restoring the development of sharpening products on Pechora] / A. M. Martyushev // Komi Mu. – 1925. – No. 8. – P. 11–16.
 32. Martyushev, A. M. Komi oblast' v raionirovanii Severa [Komi region in the zoning of the North] / A. M. Martyushev // Komi Mu. – 1925. – No. 9. – P. 3–13.
 33. Martyushev, A. M. Ispolnenie mestnogo byudgeta Komi oblasti za 1924–25 god i byudget na 1925–26 god [The execution of the local budget of the Komi region for 1924–1925 and the budget for 1925–1926] / A. M. Martyushev // Komi Mu. – 1926. – No. 1–2. – P. 19–24.
 34. Martyushev, A. M. Fiziko-geograficheskii obzor [Physico-geographical review] / A. M. Martyushev // Komi region. Economic review. – Ust-Sysolsk, 1926. – P. 18–26.
 35. Martyushev, A. M. Rybolovstvo [Fishing] / A. M. Martyushev // Komi region. Economic review. – Ust-Sysolsk, 1926. – P. 128–133.
 36. Martyushev, A. M. Othozhie promysly i kustarnaya promyshlennost' [Waste trades and handicraft industry] / A. M. Martyushev // Komi region. Economic review. – Ust-Sysolsk, 1926. – P. 192–200.
 37. Martyushev, A. M. Port Indigo [Indigo port] / A. M. Martyushev // Komi Mu. – 1926. – No. 8. – P. 24–29.
 38. Martyushev, A. M. Neskolko slov o methodsah raboty Severo-Vostochnogo Oblplana po voprosu o raionirovanii SVO [A few words about the methods of work of the north-eastern Regional Planning Committee on the issue of zoning of the northeastern regions] / A. M. Martyushev // Komi Mu. – 1926. – No. 1–2. – P. 34–41.
 39. Martyushev, A. M. Naibolee harakternye raznoglasiya v voprose zheleznodorozhnogo stroitelstva na severe [The most characteristic disagreements in the issue of railway construction in the North] / A. M. Martyushev // Komi Mu. – 1926. – No. 7. – P. 3–9.
 40. Martyushev, A. M. Nebolshoi otvet "obizhennym" [Some answer to the "offended"] / A. M. Martyushev // Komi Mu. – 1926. – No. 7. – P. 12–15.
 41. Martyushev, A. M. Komi narod kak obyekt moskovskoi zavoevatelnoi politiki v X0IV–XV vekah [Komi people as an object of Moscow Conquest Policy in the XIV–XV centuries] / A. M. Martyushev // Notes of the Society for the Study of the Komi Territory. – Ust-Sysolsk, 1928. – Issue. 1. – P. 54–79.
 42. Martyushev, A. M. Komi narod v pervii period istoricheskoi ego izvestnosti [Komi people in the first period of their historical fame] / A. M. Martyushev // Komi Mu. – 1928. No. 2. – P. 34–41; – 1928. – No. 3. – P. 33–39.
 43. Martyushev, A. M. "Epifanieva" povest' kak istoricheskii dokument o Komi narode (Materialy k istpii Komi naroda) ["Epifaniev" Tale as a historical document on the Komi people (materials for the history of the Komi people)] / A. M. Martyushev // Notes of the Society for the Study of the Komi Territory. – Ust-Sysolsk, 1929. – Issue. 2. – P. 12–34.
 44. Zherebtsov, I. L. Problemy dvizheniya naseleniya Komi kraja feodalnogo i kapitalisticheskogo periodov v dorevolucionnoi i sovetskoi istoriografii [Problems of the movement of the population of the Komi region of the feudal and capitalist periods in the pre-revolutionary and Soviet historiography] / I. L. Zherebtsov // Peasantry of the Komi Territory (pre-Soviet period). – Syktyvkar: Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, 1986. – P. 119–135.

45. Zherebtsov, I. L. Obschestvo izucheniya Komi kraya i stanovlenie istoriko-demograficheskikh issledovaniy na territorii Komi ASSR [The Society for the Study of the Komi Territory and the formation of historical and demographic research on the territory of the Komi ASSR] / I. L. Zherebtsov // Problems of historiography of the European North-East of the USSR. – Syktyvkar: Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, 1987. – P. 67–72.
46. Iks (Martyushev A. M.). Ochen' blizkaya zadacha [Iks (Martyushev A. M.). A very close task] // Notes of the Society for the Study of the Komi Territory. – Ust-Sysolsk, 1928. – Issue. 1. – P. 101–104.
47. Zherebtsov, I. L. Istorficheskaya demografiya v Komi ASSR: ot kraevedeniya k nauke [Historical demography in the Komi ASSR: from local history to science] / I. L. Zherebtsov // Socio-economic development of the European North of the USSR. – Syktyvkar, 1987. – P. 20.
48. Martyushev, A. M. K istorii zaseleniya Izhmy [To the history of settling of Izhma] / A. M. Martyushev // Komi Mu. – 1928. – No. 12. – P. 46–48.
49. Martyushev, A. M. K istorii zaseleniya Pechorskogo kraya [To the history of settling of the Pechora Territory] / A. M. Martyushev // Notes of the Society for the Study of the Komi Territory. – Ust-Sysolsk, 1929. – Issue. 3. – P. 44–66.
50. Bogoslovsky, M. M. Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII veke [Zemstvo self-government in the Russian North in the XVII century] / M. M. Bogoslovsky. – Moscow, 1909. – Vol. 1.
51. Martyushev, A. M. Naselenie Komi oblasti 300 let tomu nazad [The population of the Komi region 300 years ago] / A. M. Martyushev // Komi Mu. – 1927. – No. 1–2. – P. 41–82.
52. Martyushev, A. M. Dvizhenie naseleniya Komi oblasti za 300 let [The movement of the population of the Komi region for 300 years] / A. M. Martyushev // Komi Mu. – 1927. – No. 10–11. – P. 41–55; 1928. – No. 1. – P. 26–31.
53. San Antus (Zaboev A. S.). Zametki o narodonaselenii Koi oblasti v svyazi s istoriei komi [Notes on the population of the Komi region in connection with the history of Komi] // Komi Mu. – 1927. – No. 10–11; 1928. – No. 1.
54. Zherebtsov, I. L. Istoriya Permi Velikoi i Permi Vyche-godskoi v rabotah komi-permyatskogo pisatelya I. N. Moshegova [The history of Perm the Great and Vyche-gda Perm in the works of the Komi-Permian writer I. N. Moshegov] / I. L. Zherebtsov // Perm Territory: the past and present. – Perm, 1997. – P. 33–34.
55. Survo, A. A. Poslednii plen Ignatiya Moshegova [The last captivity of Ignaty Moshegov] / A. A. Survo, I. L. Zherebtsov // Finno-Ugrians-Slavs-Turks: the experience of interaction (traditions and innovations). – Izhevsk, 2009. – P. 452–458.
56. Mossheg (Moshegov I. N.). Komi narod kak uchastnik v mirovoi torgovle v proshlom [Komi people as a participant in world trade in the past] // Komi Mu. – 1926. – No. 4.
57. Mössheg (Moshegov, I.N.). Otvet na kriticheskie statyi Martyusheva i Teploukhova [The answer to the critical articles of Martyushev and Teploukhov] // Komi Mu. – 1928. – No. 4. – P. 38–40.
58. Sidorov, A. S. Znaharstvo, koldovstvo i porcha u naroda komi [Sorcery, witchcraft and damage among the Komi people] / A. S. Sidorov. – Leningrad, 1928.
59. Zherebtsov, I. L. Etnograficheskoe izuchenie naroda komi [Ethnographic study of the Komi people] / I. L. Zherebtsov // Issues of ethnography of the Komi people. – Syktyvkar, 1985. – P. 5–21.
60. Martyushev, A. M. Koe-chno o koldunah i o knige A. S. Sidorova [Something about the sorcerers and the book of A. S. Sidorov] / A. M. Martyushev // Komi Mu. – 1929. – No. 2. – P. 37–41.
61. Sidorov, A. S. Koe-chno o kritike voobsche i o A. Martyusheve kak kritike [Something about criticism in general and about A. Martyushev as a critic] / A. S. Sidorov // Komi Mu. – 1929. – No. 7. – P. 63–66.
62. Komi-Mort (Martyushev, A. M.). Ocherki zyryanskoi ohoty [Essays on the Zyryan hunting] // Notes of the Society for the Study of the Komi Territory. – Ust-Sysolsk, 1928. – Issue. 1. – P. 80–100.
63. Martyushev, A. M. Pohod Kurbskogo na Pechoru i za Ural v 1499 godu [Kurb's campaign to Pechora and beyond the Urals in 1499] / A. M. Martyushev // Notes of the Society for the Study of the Komi Territory. – Ust-Sysolsk, 1930. – Issue 5. – P. 66–84.
64. Ulyanov, N. I. Ocherki istorii naroda komi-zyryan [Essays on the history of the Komi-Zyryan people] / N. I. Ulyanov. – Moscow-Leningrad: Partizdat, 1932. – 180 p.
65. Taskaev, M. V. Dmitry Batiev – sozdatel' Komi avtonomii [Dmitry Batiev – creator of the Komi Autonomy] / M. V. Taskaev, I. L. Zherebtsov, V. M. Poleshchikov. – Syktyvkar, 2019. – 223 p.
66. Kuznetsova, T. L. Cheusov Alexei Aleksandrovich / T. L. Kuznetsova, I. L. Zherebtsov // Komi writers. Bio-bibliographic dictionary. – Syktyvkar, 2022. – P. 686–691.
67. Zherebtsov, I. L. Alexei Nikolaevich Gren: vehi biografii kavkazoveda [Alexei Nikolaevich Gren: milestones of the biography of the Caucasian scholar] / I. L. Zherebtsov, V. A. Semenov, M. V. Taskaev // The peoples of the Caucasus in the XVIII – XX centuries: history, politics, culture. – Rostov-on-Don: Southern Sci. Centre, RAS Publ., 2021. – Part 1. – P. 84–92.
68. Rogachev, M. B. Stanovlenie professionalnoi etnografii v Komi (A. S. Sidorov, G. A. Startsev) [The formation of professional ethnography in Komi (A. S. Sidorov, G. A. Startsev)] / M. B. Rogachev, I. L. Zherebtsov // Essays on the history of the study of the Komi ethnography. – Syktyvkar, 2007. – P. 49–63.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России» № 122040800166-0.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, on the topic "Transformations of society, government and economy in the regions of the European North of Russia" No. 122040800166-0.

Информация об авторе:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Author:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Жеребцов, И. Л. А. М. Мартюшёв – политик, краевед, исследователь исторической демографии Коми (к 150-летию со дня рождения) / И. Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2(68). – С. 116–130.

For citation:

Zherebtsov, I. L. A. M. Martyushev – politician, local historian, researcher of the historical demography of Komi (on the 150th birth anniversary) / I. L. Zherebtsov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2024. – No. 2(68). – P. 116–130.

Дата поступления статьи: 01.04.2024

Прошла рецензирование: 05.04.2024

Принято решение о публикации: 12.04.2024

Received: 01.04.2024

Reviewed: 05.04.2024

Accepted: 12.04.2024

Колегов Б. Р. Коми край в конце XVIII века. Экономические примечания к генеральному межеванию по Усть-Сысольскому уезду. Серия «Новые источники по истории Европейского Севера России». Вып. 6. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024. – 104 с.

Kolegov B. R. Komi region at the end of the XVIII century. Economic notes to the general survey for the Ust-Sysolsk Uyezd. Series "New sources on the history of the European North of Russia". Issue 6. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2024. – 104 p.

Одним из важнейших результатов исследовательской деятельности ученого-историка, его своеобразной презентацией в научном сообществе является публикация исторических источников.

Цель подобной научной деятельности – ввод в научный оборот новых сведений.

При этом нельзя забывать и о том, что публикация текста есть итог тщательного и порой трудоемкого источниковедческого исследования источника. Необходимыми атрибутами издания являются и иные составляющие, такие как вступительная статья, предваряющая результаты источниковедческого исследования публикуемого источника, археографический заголовок, легенда и научно-справочный аппарат (комментарии, примечания, вспомогательные указатели и т. д.).

Почему издание исторических источников столь важно? Дело в том, что они в немалой степени способствуют не только выявлению фактов, имевших место в прошлом, но и помогают понять сопровождавшие их эволюционные процессы.

Помимо этого и сам процесс должной подготовки исторических источников к публикации предполагает решение многих важных проблем, таких как учет опыта работы предшественников, совершенствование методов изучения документального наследия.

В этой связи выход нового выпуска серии «Новые источники по истории Европейского Севера России», которая издается Институтом языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН с 2014 г., весьма знаменателен. В рецензируемом издании на материалах экономических примечаний к Генеральному межеванию по Усть-Сысольскому уезду 1797 г. рассматриваются такие важные для демографического состояния территории вопросы, как численность городского населения, его половозрастной состав, дворность и земельные владения в населенных пунктах. Публикация подготовлена к изданию в лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра УрО РАН.

Следует напомнить, что изучение истории поземельных отношений в России всегда было и по-прежнему является одной из главных задач отечественной исторической науки. Тем более что в современном российском обществе наблюдается все большее разнообразие форм собственности на землю, поэтому особое значение приоб-

ретают отношения, связанные с усилением государственного регулирования и контроля использования и оборота земель. А значит и меры государственного межевания и землеустройства. Что усилило потребность в знаниях, связанных с перераспределением земель, установлением и изменением границ земельных владений.

Последнее заметно обострило интерес к изучению переходных периодов, когда шли перемены в социальной структуре общества, сопровождавшиеся перераспределением земельной собственности и изменением земельных прав. Именно таким периодом и было время правления Екатерины Великой, когда при переходе к индустриальному обществу, основой которого являются товарно-денежные отношения, земля должна была подлежать учету и иметь собственника. Ибо она постепенно все больше становилась товаром и подчинялась законам рынка.

Однако при переходе к рынку, сколь медленным бы он ни был, государство столкнулось с целым рядом проблем, касающихся землепользования. Прежде всего, участки земли не имели четких границ. Что затрудняло использование земли как для земледелия, так и иных целей, ибо неизбежно приводило к спорам между соседями. Помимо этого, отсутствовал четкий юридический статус землевладельцев, так как единственной доступной формой владения землей был феодальный договор. Нельзя забывать и об имевшихся значительных налоговых задолженностях за землю. А четкое обозначение владельцев земли должно было упростить процесс сбора налогов.

Именно эти обстоятельства и определили проведение общеимперского мероприятия по учету, измерению и регистрации земельного фонда, более известное в исторической науке как генеральное межевание.

В рамках Генерального межевания земель были проведены полевые работы, в ходе которых отмечены границы земельных участков. Созданы официальные документы, включающие геодезические карты и записи о владельцах земли. Генеральное межевание выполнялось местными властями и землевладельцами с помощью специальных комиссий.

Работа, инициированная Манифестом Екатерины II, продолжалась почти 100 лет. К середине XIX столетия она прошла практически на всей территории Европейской России. Всего в ходе генерального межевания было обмежевано свыше 300 млн га земли.

В итоге был завершен процесс перевода земель из общего пользования общества в частную собственность. Что создавало устойчивую систему собственности и облегчило использование земли в коммерческих целях. Кроме того, благодаря установлению четких границ земельных участков и их владельцев предотвращались конфликты между соседями, и был серьезно упрощен процесс сбора налогов. В Российской империи фактически была создана система земельной собственности.

Однако, несмотря на историческое значение и научно-теоретическую важность этого явления, данное мероприятие до сих пор не получило должного внимания историков. Ему посвящены только две серьезные работы [1, 2], что представляется явно недостаточным. Поэтому задача его исследования продолжает оставаться актуальной.

Естественно, не обошло Генеральное межевание и окраины империи. Не было исключением в этом плане и Коми край. И так же, как и в целом в отечественной историографии, этот процесс не получил должного освещения и в коми исторической науке.

Это обстоятельство придает дополнительную ценность рецензируемой публикации – экономическим примечаниям к Генеральному межеванию по Усть-Сысольскому уезду.

Составитель публикуемых материалов справедливо заостряет внимание на том, что документ создан на основании Указа Межевой комиссии 1782 г. и Наставления к Атласам Генеральных планов 1797 г. Эти акты расширили и систематизировали круг вопросов к межевым конторам и землемерным партиям при сборе и обработке первичного материала.

Структурно публикуемый документ состоит из двух блоков: а) Усть-Сысольский уезд с алфавитными указателями владельцев дач и самих дач и б) Земли бывшего Лальского уезда, перешедшие в Усть-Сысольский уезд. Надо отметить, что подлинность Экономических примечаний и алфавитов в конце каждого из блоков подтверждали комиссии из трех человек.

В итоге намечившихся в ходе Генерального межевания изменений Примечания стали представлять из себя подробное социально-экономическое описание территории, составленное по табличному принципу и содержащее два вида сведений по каждой волости (даче): а) статистические сведения о количестве дворов, численности населения в поселении, количестве земельных владений и б) сведения о природно-географических положениях, флоре и фауне, торговле, местной промышленности, традиционных занятиях крестьян, их налогах и промыслах женщин.

Автор верно утверждает, что такой подход позволяет исследователям при использовании материалов Примечаний по Усть-Сысольскому уезду более подробно изучить социально-экономическое положение региона.

По мнению составителя, это обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, при изучении текста документа исследователь имеет более полное представле-

ние о социально-экономическом облике уездного города конца XVIII в. на Европейском Севере, его границах, количестве в нем каменных зданий, церквей, присутственных мест, училищ, аптек, больниц, богаделен, гостинного двора, бакалейных и галантерейных магазинов и винных лавок (с перечнем товаров, продаваемых в них), заводов (с указанием имеющегося оборудования и наличия наемных работников, объема и качества производимого товара и мест его сбыта) и ремесленных мастерских (с их специализацией), торгах и ежегодных городских ярмарках (с перечнем товаров и продуктов питания, продаваемых на них с указанием откуда, как и кем они поставляются и по какой цене продаются и какие и кем товары покупаются и куда отправляются).

Далее появляется возможность более глубоко и серьезно изучить социально-экономическое положение в отдельной волости. В частности, получить информацию о качестве земли (вид и плодородие почв), видах пригодного для посева зерна и других растений и их урожайности, о качестве сенокосов, об имеющихся на территории волости реках, ручьях, заливах и озерах и о качестве питьевой воды в них, их глубине, времени судового хода по ним, о числе мельниц и поставов на них (с именами владельцев, объемом их производства и размером приносимого ими дохода), о качестве и количестве леса и видах зверей, птиц и рыб, обитающих в лесах и реках, наличии на территории волости казенных земель (с указанием имени владельца, кем и для чего используется и какой доход с этого имеет казна), о железоделательных заводах (с указанием имени владельцев, основных строениях на них, количестве доменных печей и молотов, количестве и качестве выпускаемого чугуна и железа (объем и цена его производства и продажи, места продаж и способы доставки товара к ним), наличие амбаров, складов, речных пристаней, корабельных верфей, лесных угодий, сенокосов и рудных мест), о количестве частных земельных владений (с указанием имени владельца, кем и для чего они используются), о традиционных занятиях крестьян (хлебопашество, отхожие промыслы на заводы, охота, рыбные промыслы и т. д.), а также о занятиях женщин в свободное от полевой работы время.

Вывод, сделанный автором, вполне логичен: собранный в Экономических примечаниях по Усть-Сысольскому уезду уникальный статистический и социально-экономический материал позволяет более глубоко и полно исследовать развитие Коми края в конце XVIII в.

Конечно, мы понимаем, что в таком большом деле нельзя обойтись без определенных недостатков.

Не будем касаться досадных опечаток и неточностей, которые прокрались в текст. Если же говорить о серьезных просчетах, то, прежде всего, хотелось бы обратить внимание составителей на необходимость более серьезного отношения к научной атрибутике публикации. Прежде всего, это касается вступительной статьи (на наш взгляд, ее следует расширить), предваряющей результаты источниковедческого исследования публикуемого

источника, и научно-справочный аппарат (комментарии, примечания, вспомогательные указатели и т. д.).

Однако, несмотря на определенные недоработки и сложности в осуществлении данного проекта, хотелось бы отметить большую работу, проделанную составителем по подбору и сохранению материалов и документов. Публикуемый материал, вне всякого сомнения, в значительной степени поможет коми историкам-аграрникам в изучении столь важного и интересного процесса, как Генеральное межевание на территории Коми края.

Литература

1. Герман, И. Е. История русского межевания / И. Е. Герман. – Москва : Тип.-лит. Рихтера, 1914. – 291 с.
2. Милов, Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию / Л. В. Милов. – Москва : Изд-во Московского университета, 1965. – 312 с.

*О. В. Золотарёв,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и методики обучения
общественно-правовым дисциплинам
Института истории и права
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина»*

Научный журнал

ИЗВЕСТИЯ

Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

Серия «Историческая демография»
№ 2 (68)

Номер подготовили:

Ответственный редактор серии – д.и.н. И. Л. Жеребцов
Ответственный секретарь серии – к.и.н. Д. В. Вишнякова
Выпускающий редактор – И. В. Курляк
Редактор – О. А. Гросу
Переводчик – Т. А. Искакова
Оригинал-макет – Е. Н. Старцева
Дизайн обложки – Я. С. Куликова

Лицензия № 0047 от 10.01.1999.

Подписано в печать 31.05.2024. Дата выхода в свет 07.06.2024.

Уч.-изд.л. 16.75. Усл.-печ.л. 15.6. Тираж 300. Заказ № 22.

Формат 60x84¹/₈. Свободная цена.

Подготовлено к изданию и отпечатано в редакционно-издательском центре ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.

Адрес учредителя, издателя: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр УрО РАН».
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.